

ISSN 2308-6947

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 25

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2019

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензент

М. Д. Карпачёв — д-р ист. наук, проф.,
Воронежский государственный университет

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *Т. М. Китанина*, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенкова*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет); *Е. Н. Швейковская*, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина Т. Н. Яблонской «Хлеб» (1949).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. — Вып. 25. — 298 с.

Сборник содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Затронуты вопросы экономического и социального развития российской деревни на разных этапах ее существования.

Адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, кому не безразлична история Отечества.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черкасова М. С.</i> Крестьянские платежи и повинности по ямской гоньбе в XIV—XVII веках	5
<i>Иванов В. И.</i> Крестьяне-порядчики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря XVI века	21
<i>Дубман Э. Л.</i> Строительство городов на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI века	41
<i>Комиссаренко А. И.</i> Крестьяне и десятинная пашня духовных владений в России 20—60-х годов XVIII века	53
<i>Тимошенкова З. А.</i> Помещики Островского уезда Псковской губернии в конце XVIII века	60
<i>Степанова Л. Г.</i> Проекты и правила Генерального межевания Таврической губернии в конце XVIII — первой половине XIX века	72
<i>Козлов С. А.</i> «Гражданин в полном смысле полезный»: Николай Николаевич Муравьев (1768—1840)	83
<i>Роднов М. И.</i> Дворяне-помещики на финансовом рынке второй половины XIX века	101
<i>Жданович Л. Н.</i> О введении в действие Положения о земских участковых начальниках в северо-западных губерниях России	107
<i>Александров Н. М.</i> Влияние путей сообщения на социально-экономическое развитие российской деревни в конце XIX — начале XX века (на материалах Великовской волости Костромской губернии)	121
<i>Никулин В. Н.</i> Земледелие и промыслы в крестьянских хозяйствах Гдовского уезда Петербургской губернии в конце XIX — начале XX века	131
<i>Беспалов С. В.</i> Вопрос о состоянии и перспективах дворянского землевладения в праволиберальной мысли России конца XIX — начала XX века	141
<i>Дианова Е. В.</i> Сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии: региональные особенности организации и функционирования	153
<i>Кабытов П. С., Баранова Е. П.</i> Государственная и общественная деятельность графа Алексея Александровича Бобринского	169
<i>Токарев Н. В.</i> Социальные конфликты в тамбовской деревне в годы столыпинских преобразований: некоторые итоги изучения крестьянского сопротивления	183
<i>Жиров Н. А.</i> Аграрная миграция крестьянства Центральной России в конце XIX — начале XX века (по материалам Орловской губернии)	193

<i>Иванов А. А., Соловьёв А. А.</i> Общинное землеустройство в деревне Поволжья и Приуралья в первые десятилетия XX века: регионально-этнические аспекты.....	206
<i>Филимонов А. В.</i> Второе переселение псковских колхозников в Калининградскую область (1959—1960).....	216
<i>Томилин В. Н.</i> Попытки решения продовольственной проблемы в СССР в период политического лидерства Н. С. Хрущёва.....	228
<i>Наухацкий В. В.</i> Освоение целины и сельское хозяйство старопахотных районов России: вопросы историографии.....	237
<i>Шевельков А. И.</i> Роль союзных министерств и ведомств в формировании аграрной политики в первой половине 1970-х годов.....	253
<i>Логунова И. В.</i> Некоторые особенности менталитета руководителей колхозов и совхозов на начальном этапе аграрной реформы 1990-х годов (по материалам Центрального Черноземья).....	269
<i>Канищев В. В., Кунавин К. С.</i> «Нелинейные эффекты» в миграции сельского населения в города во второй половине XX — начале XXI века (на материалах областей Центрального Черноземья и Северо-Запада Европейской России).....	277
<i>Перечень публикаций в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России» за 2014—2019 годы</i>	290
<i>Об авторах</i>	296

Крестьянские платежи и повинности по ямской гоньбе в XIV—XVII веках

Проанализирован комплекс актовых и кадастровых источников о формах организации ямской гоньбы в средневековой Руси. Показана ее эволюция в XIV—XVII вв., финансовые основы, территориальное распространение.

Analyzed complex registers and cadastral sources about forms of organization in chase yamskoy in the medieval Russia. Shows its evolution during the XIV—XVII cc., financial framework, territorial distribution.

Ключевые слова: повоз, подвода, прогоны, ямская гоньба, ямские деньги, слободы, охотники.

Keywords: povoz, supply, runs, yamskaya chase, yam money, settlement, hunters.

Для России с ее огромной территорией проблемы транспортного сообщения всегда имели особую актуальность. Неслучайно ямские деньги являлись в Московской Руси одним из основных налогов, а Ямской приказ — важным центральным учреждением [1, с. 14—15; 2, с. 152—166]. Отразивший систему ямской гоньбы документальный комплекс — жалованные уставные грамоты ямским слободам, ямские «строельные» и поверстные книги, дорожники, поручные и порядные записи «ямских охотников», свидетельства иностранцев, изображения транспортных средств на миниатюрах, дорог на картах — постоянно расширяется и обновляется. К этому комплексу по содержанию близки проездные-проезжие-подорожные грамоты. В предла-

гаемой статье документальную основу составили акты XIV—XVII вв. из монастырских и частных архивов. Они отразили ямские платежи и повинности крестьян разных владельческих групп — митрополичьих, архиерейских, монастырских, черносошных, дворцовых, поместно-вотчинных.

Транспортные коммуникации и их финансовое обеспечение прошли длительную эволюцию в разные эпохи — древнерусскую, удельную, московскую. Известны натуральные повинности населения древнерусского периода — повоз и подвода. В эпоху раздробленности возникает система ямской гоньбы. Татарское слово *ям* (*дзям*) ранее всего употребляется в ярлыке хана Менгу-Темира русскому духовенству 1267 г. и означает разновидность налога, наряду с подводой, данью, мытом и поплужным [3, с. 467—468]. В рукописании волынского князя Владимира Васильковича 1287 г. отмечены повинности людей села Городень — тянут «побором и тотарщиною ко князю» [4, с. 27—28].

По мнению О. В. Семёнова, «Княжеский ям» как повинность в Московии сложился в XIV в. [5, с. 108, 113]. В дополнение к приводимому им свидетельству (жалованной уставной грамоты великого князя Василия I митрополиту Киприану (1392—1404 гг.) [6, №6]) укажем на более раннюю жалованную грамоту ярославского великого князя Василия Давыдовича Спасо-Ярославскому монастырю начала 1320-х гг. [6, №190]. Согласно ей «люди св. Спаса в городе и селех» освобождались от яма и подводы за ежегодный денежный оброк. Поскольку акт выдавался им «по деда своего грамоте» (а им был ярославский князь Федор Ростиславич Чёрный, умерший в 1299 г.), терминологическая пара *ям и подвода* могла сложиться уже в конце XIII в. Правда, в актах XIV в. употребление этого сочетания не всегда было последовательным. По жалованной грамоте великого князя Ивана Калиты новгородскому Юрьеву монастырю 1337—1340 гг. его крестьяне на Волоке Ламском не привлекались к исполнению подводной и кормовой повинности, а термин *ям* отсутствовал [7]. Аналогично в его же грамоте печорским сокольникам 1328—1340 гг. [6, №2]. В грамоте тверских князей Отрочу монастырю 1362—1364 гг. княжеские «ямщицы» перечислены в одном ряду с другими «пошлинниками — данницами и писцами» [6, №116], собиравшими налоги определенных видов. Такой контекст употребления ямщиков во всей совокупности актовых источников XIV—XV вв. выглядит единым.

По жалованной грамоте великого князя Василия II 1456—1462 гг. группа тонников (рыболовов) Старой Русы освобождалась от предоставления подвод и кормов литовскому и новгородскому послу. О яме в ней не говорится [4, с. 199—200]. Толмачи, сопровождавшие послов, великокняжеские гонцы и приставы не должны были требовать у митрополичьих крестьян Юрьевского уезда кормов, подвод и проводников согласно грамоте великого князя Василия II митрополиту Ионе 1448—1461 гг. [8, № 145]. В жалованной грамоте князя Фёдора Ивановича Юхотского крестьяне Спасо-Ярославского монастыря обязаны были исполнять «службу великого князя и ям», а подвода не упомянута (1460—1470-е гг.) [6, № 201].

Ямская и подводная повинности могли заменяться натуральным или денежным оброком не только духовным корпорациям, но и светским лицам, как это мы видим в жалованной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича 1360—1370-х гг. новоторжцу Евсевке за 5 куниц оброка [6, № 238]. О двухразовом хлебном оброке (по 3 четверти ржи на Юрьев день, вешний и осенний), заменившем упомянутые повинности, говорится в жалованной грамоте радонежского князя Андрея Владимировича Троице-Сергиеву монастырю в Угличском уезде в 1411 г. [9, № 23]. Василий I в 1424 г. освободил от яма и подводы только на 3 года «тутошних старожильцев» на запустевших из-за «мора и меженины» землях в Костромском уезде и на 10 лет — «людей пришедших из иных княжений» [6, № 239]. Со ссылками на грамоты своих предшественников Василий II в 1443 г. освободил вотчину И. Петелина (переславское с. Скнятиново) от яма и подводы [10, с. 361—362]. Отражением повинностей ордынской эпохи можно считать упоминание «татарского проезда», наряду с ямом и подводой, в жалованной грамоте суздальских князей В.Ю. и Ф.Ю. Шуйских Спасо-Евфимьеву монастырю и Васильевской Гороховцевкой пустыни 1445/46 г. [6, № 491].

Ямская гоньба на Руси была упорядочена при Иване III. Вместе с тем освобождение от дани, яма и подводы, практикуемое и до него, долго еще оставалось одним из инструментов велико-и удельнокняжеской имунитетной политики. Отразилось это в разных видах публично-правовых актов — жалованных, тарханных, льготных, оброчных, проезжих. В 1448 г. для заселявших пустоши Дионисьево-Глушицкого монастыря «людей из иных княжений» великий князь Василий II установил такое освобождение в качестве 10-летней льготы. По ее истечении, как явствует из позднейшей подписи на грамо-

те Ивана III около 1467 г., монастырские крестьяне больше не освобождались от ямской и подводной повинности [6, №263]. В 1461—1466 гг. Иван III послал указную грамоту в Переславль своему слуге Д. Елизарову с запретом переключивания расходов на татарские проезды с черных волостей на села Троице-Сергиева монастыря [10, с. 384]. В 1479 г. удельный вологодский князь Андрей Васильевич за ежегодный оброк в 10 руб. освободил крестьян Спасо-Каменного монастыря («тутошних старожилцов и пришлых инокняжцов») от яма и подводы [6, №272]. В 1482 г. по грамоте великого князя Ивана III крестьяне Николо-Мокрой пустыни на р. Сухоне не привлекались к «яму и подводе», что было подтверждено спустя почти 100 лет при Иване IV в 1577 г. [6, №278]. О том же написано в тарханно-несудимой грамоте Ивана III 1484 г. Спасо-Рабангскому монастырю, что подтверждалось в 1509, 1534 и 1551 гг. [11, с. 9—10]. Хозяйственная деятельность малых монастырей способствовала промыслово-земледельческому освоению пустынных пространств севера, чем и могли объясняться отмеченные выше постановления публичных актов. Таких пространств было еще много и на южных окраинах Руси. В 1498 г. бывший казанский царь Магмет-Амин распорядился с пришедших обживать дикий лес за Окой крестьян каширского Троице-Белопесоцкого монастыря «на ям подвод не имать». Грамота собственноручно была им подписана по-русски и по-татарски [9, №618].

По наблюдениям И. Я. Гурлянда, ямские деньги впервые упоминаются в 1500 г. С. М. Каштанов отметил их введение в первую очередь в городах, ранее сел и деревень, переходивших к уплате податей деньгами [23, с. 64]. По актовым источникам первой половины XVI в. им были проанализированы термины «ям», «ямские деньги», «ямщина», «прогонные деньги» [10, с. 76, 82, 118—122]. О ямских выплатах говорится в жалованной грамоте князя В. Д. Пенкова Покровскому Сямженскому монастырю 1526 г. В его владениях в Васьяновской волости Вологодского уезда крестьяне платили великокняжеский ям в размере 4 алт. 1 ден. — «каков им ни буди — тяжел ли, легок ли». Так термины *ям* и *ямские деньги* становились синонимами. После смерти Пенкова этот порядок был сохранен его вдовой княгиней Анной в 1530 г. [10, с. 80; 12, с. 97]. В 1541 г. в грамоте великого князя Ивана Васильевича той же корпорации статьи о яме не было, скорее всего, потому, что этот налог считался самим собой разумеющимся. В последующих подтверждениях этой грамоты 1599,

1606, 1624 и 1648 гг. ни о каких освобождениях также не говорилось [12, с. 98—101]. В жалованной грамоте 1546 г. Спасо-Преображенскому Сойгинскому монастырю (в районе р. Вычегды Устюжского уезда) призванные обживать и распахивать «дикий черный лес неписьменные и нетяглые люди» не платили ямских денег, что подтверждалось разными правителями до конца XVII в. [13, с. 115—117]. Освобождали от подводной повинности не только великие, но и удельные князья. В июне 1547 г. князь А.И. Воротынский распорядился не брать «подвод на наши ямы» с крестьян Успенского Шаровкина монастыря в районе р. Жиздры Калужского уезда [14, с. 150—152]. Из приведенной формулировки видно, что ям и подвода в смысловом отношении тесно связаны: ям — это место, стоянка, станция, а подвода с лошастью обеспечивает передвижение между ними.

С.М. Каштанов опубликовал выпись из писцовых книг 1536/37 г. о количестве сох, приписанных на путях к Москве и Суздалю к разным ямам [15, с. 392—399]. Это соответствует посошному налогообложению, в рамках которого ямские деньги, наряду с данскими, полонянничными и пищальными, к 1550-м гг. стали основным налогом Русского государства. По писцовым книгам князя Р. Дашкова и Ф. Адашева Московского уезда 1542/43 г. бобровники (дворцовые крестьяне) 8 деревень с «полусохи» в волости Вохне платили оброк за дань и ямские деньги 20 руб. 25 алт. в год [16, с. 69—70]. Ямские деньги в России взимались до 1679 г. с разных окладных единиц — обжи, сохи, сошки, выти [17, с. 40, 69]. Оклад их был различен — от нескольких копеек до 7,5—28 руб. В сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда 1556 г. ямских денег с обжи указано 4—6 коп. [18, с. 99]. В 1679 г. в Вологодском уезде крестьяне патриарших, архиерейских и монастырских вотчин платили ямских денег по гривне со двора, а светских владений — по 10 денег [19, № 31].

В мае 1534 г. в грамоте великого князя Ивана Васильевича Дионисьево-Глушицкому монастырю разрешалось не платить перевозов перевозчикам на реках и не предоставлять подвод «по дорозе по ямом ямщиком, опроче ратных вестей» [20, с. 535]. И хотя порядок этот повторялся в последующей грамоте 1548 г., уже в мае 1551 г. на глушицких крестьян была возложена обязанность платить ямские деньги и выполнять посошную службу [20, с. 544—547]. В июне 1538 г. крестьяне Корнильево-Комельского монастыря в Вологодском и Белозерском уездах на 5 лет освобождались от ямских денег,

потому что их деревни и починки были разорены во время набега казанских татар зимой того же года [21, с. 98—100]. Помимо неприятельских вторжений регулярным поводом для налоговых льгот становились частые пожары. В 1515 г. удельный князь Юрий Иванович Дмитровский освободил на 3 года от дани и яма сгоревшее село Троице-Сергиева монастыря Мисиново (с полусохи) [22, № 120].

В ходе пересмотра «тарханов» в мае 1551 г. большинство церковных учреждений, включая крупнейший в стране Троице-Сергиев монастырь, было привлечено к выплате дани, ямских денег и исполнению посошной службы [23, с. 111—137]. Но даже и тогда отдельным церковным институтам, например Архангельскому собору московского Кремля, тарханы были сохранены [24, с. 399, 400, 412, 427]. Обновленная иммунитетная статья встречается в жалованной грамоте царя Б. Ф. Годунова Архангельскому собору 1601 г. — «ни ямских слобод не делают» [24, с. 427]. Лжедмитрий I в октябре 1605 г. подтвердил собору это освобождение [25, № 26—27]. Отмеченную статью можно считать расширением прежней — «ни ямского двора не ставят». Выраженная в отрицательной форме, она показывает, что крестьянство большинства других духовных корпораций, не относящихся к «грамотчикам-тарханщикам», привлекалось к обременительному строительству ямских слобод.

В сотной на посад Устюжны Железопольской 1597 г. конкретная сумма платежа не указана: «...ямских денег платити им з дву сох без полчетверти, по чему государь укажет с сохи» [26, с. 157]. О. В. Семёнов считает, что ставка ямских денег как налога не была единой, варьируясь в зависимости от места и времени [5, с. 111]. По платежным отпискам нам удалось систематизировать сведения о взимании ямских денег с монастырских вотчин центра и севера России с 1582 по 1624 г. [27, с. 78—82, табл. 1]. Е. И. Колычева по податным тетрадям Иосифо-Волоколамского монастыря установила размер посошного оклада «ямским охотником на подмогу» в 1587/88 г., который равнялся 11—14 руб., а «ямских денег» в 1592/93 г. — 10 руб. [28, с. 165, табл. 9]. Близкий показатель приведен в расходной книге Николо-Коряжемского монастыря 11 апреля 1606 г., когда ямскому старосте было выплачено собранных с монастырских крестьян в три побора 10 руб. 27 алт. пол-6 ден. [29]. В 1607 г. с трети сохи Савво-Сторожевского монастыря следовало собрать ямских денег в размере 3 руб. 11 алт. 1 ден. [30, № 68].

После Смуты и на протяжении XVII в. заметны колебания окладов ямских денег. В царской грамоте 1619 г. ямскому приказчику на

Белоозере М.Е. Викентьеву говорилось о выплате ямских денег по 800 руб. с сохи монастырскими крестьянами напрямую в Ямской приказ, которым в тот момент руководил князь Д.М. Пожарский [31, №49]. В 1620 г. из-за сильного разорения и падения платежеспособности оклад на Белоозере был уменьшен на 216 руб. с сохи для крестьян Кириллова и Троице-Сергиева монастырей, Патриаршего дома и Ростовского митрополита [32, №116]. По данным И.Я. Гурлянда, в 1621—1622 гг. с сохи взималось 468—584 руб., в 1634 г. — 534 руб., в 1662 и 1678 гг. — по 784 руб. С утверждением подворного принципа обложения оклад ямских денег, слившихся с полонянничными деньгами, составил в 1680 г. по 10—20 денег (5—10 коп.) со двора [33, с. 329—332].

Ограниченный характер имело освобождение от ямских денег и подводной повинности для Тихвинского Успенского монастыря по грамоте царя В.И. Шуйского в феврале 1607 г. Оно распространялось только на 3 обжи подмонастырной пашни у Тихвинского посада. Порядок этот был удержан при всех последующих подтверждениях в 1614, 1621, 1646 и 1684 гг., в то время как освобождение остальных владений в Обонежской пятине «за их многое разорение и осадное сидение» было предоставлено в 1613 г. только на 4 года [34, с. 49—51, 55].

Существенным шагом в унификации основных налогов после Смуты (в том числе и ямских платежей) стала проведенная в 1620-е гг. очередная ревизия тарханов. Тогда на Архангельский собор Кремля были распространены «ямские деньги, стрелецкие запасы, городовое и острожное дело по писцовым и дозорным книгам з живущего с сошными людьми вместе» [24, с. 430]. Обязанность выплачивать ямские деньги оговаривалась в общих жалованных грамотах вологодских монастырей в 1621—1623 гг. — Дионисьево-Глушицкого, Покровского Сямженского и Успенского Песоченского [20, с. 566—569; 35, ф. 496 (Консистерия), оп. 1, кн. 1638, л. 12—14, 21—23]. Хронологической многослойностью отличаются общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1617, 1624 и 1625 гг.: в них включены весьма архаичные статьи, отражающие в смешанном виде древнерусскую, ордынскую, московскую эпохи: ямщина, мостовщина, татарские и немецкие подводы и проводники, татарский корм, проезжий/проездной корм, повозы царя и великого князя [36, ф. 281 (по Белозерску), кн. 1039, л. 14—23; 37, №53; 38, №529а].

Любопытный ракурс рассматриваемой проблемы открывается с учетом расширения международных связей России при Иване Гроз-

ном. С 1550-х гг., когда начались регулярные дипломатические и торговые отношения с Англией через Белое море, этот процесс затронул и сухопутные коммуникации. С. М. Каштанов рассмотрел свидетельства А. Дженкинсона о ямских станциях при проезде от Вологды до Москвы, проверив и уточнив их по грамотам вологодских и ярославских монастырей, поверстной книге XVII в. и картам XVIII в. [39, с. 107—119; 40, с. 12—27].

Белоозеро и Вологда стояли на стыке Центральной России и Поморья. От этих городов дороги шли далее на север — через Чаронду, Каргополь и Онегу к Белому морю. К югу от Вологды к середине XVI в. действовали Комельский и Обнорский ямы, а перегоны между ними были от Вологды до Комельского яма — 32—33 км, от Комельского до Обнорского яма — 25—27 км [40, с. 14—15, 24, табл. 1]. Поскольку А. Дженкинсон добирался от Вологды до Москвы с 1 по 6 декабря 1557 г., а расстояние между ними по разным подсчетам составляет 410—430 км, средняя скорость передвижения на санях в то время в России составляла 74 км в день. Для сравнения: в Англии она была 112 км, во Франции — 86—90 км в день [40, с. 24]. Дорога от Вологды до Ярославля не всегда была удобна и безопасна для иноземных и русских купцов. В 1688 г. торговые иноземцы просили царей Ивана и Петра Алексеевичей расчистить участок между Обнорским и Ухорским ямами, где были особенно «великие, непроходимые, темные леса» с засевшими в них ворами и разбойниками. У голландца Р. Гутмана они отняли более 10 тыс. руб. [19, №48].

На левобережной стороне Сухоны известны Шуйский [41, с. 333, 486], Тотемский и Коченгский ямы, в районе Устюга — Бобровский ям [42, с. 323, 327, 420]. Согласно царской указной грамоте наместнику Н. С. Глебову 1548 г. в Тотемском уезде из крестьян посошно выбирались по 2—3 ямщика, которых утверждали (приводя к крестному целованию) царские казначеи в Москве и там же у казенных дьяков ямщики получали 50 руб. на «стряпню» [43, №100]. При ямщиках были дьячки и дворники, жившие в ямских дворах. Дьячками велись «загонные книги», в которых учитывались отпускаемые подводы. Были определены размеры «прогонов», выплачиваемых проезжающими, — по 3 деньги на 10 верст и по 9 денег на 30 верст, а проводнику на 30 верст по 1,5 деньги. Другое исчисление прогонов практиковалось в северо-западных уездах: на 100 верст 10 алт. за подводку, а за проводника 10 денег [44, стб. 733]. Если послы, вест-

ники, гонцы имели грамоты, освобождавшие их от выплаты «прогонов», то ямщики получали прогонные деньги в Москве из Ямского приказа.

Социально-правовой статус тотемских ямщиков в XVI в. определялся несудимыми и проезжими «о мытех» грамотами. Упоминание о мытах указывает на беспошлинный провоз ямщиками своих товаров и проезд с торговыми целями. Однако за нарушение ими казенной винной монополии предусматривалась торговая казнь, высокий денежный штраф и изгнание из ямской слободы [43, №100]. О торговле ямских охотников свидетельствуют таможенные книги Сухоно-Двинского пути 1620—1630-х гг., часто упоминающие Бобровский ям [45, с. 151, 155, 165, 170, 171; 46, с. 14, 145, 149, 176, 179, 182, 185; 47, с. 59, 91; 48, с. 107; 49, с. 104, 107, 109]. На Устюге торговали и вологодские ямские охотники [45, с. 84]. О торговле ямщиков пишет О.В. Семёнов в статье про ямскую реформу середины XVI в. [50, с. 124]. В 1556/57 г. был издан царский указ об освобождении ямщиков ото всех податей и повинностей городских и уездных людей. В дальнейшем указ этот неоднократно подтверждался царями [51, №20]. В дозорной книге Вологды 1616/17 г. отмечено несколько ямских охотников, не плативших государевых податей [52, с. 243—245].

В период опричнины в Вологде в связи с усилением ее значения как торгово-экономического и церковно-политического центра по приказу Ивана Грозного были устроены две ямские слободы: одна на выезде из города в сторону Москвы; вторая — в сторону Кириллова монастыря и Белозерского края. Назывались они соответственно: слобода Московской и Кирилловской дороги. Здесь было размещено 300 ямских охотников, а при царе Фёдоре Ивановиче — еще 80. Приведенные цифры превосходят аналогичные показатели по устройству ямских слобод в XVI в., в которых обычно размещалось 70—150 охотников, как, например, в Нижегородском и Олешковском ямах Нижегородского уезда при Иване Грозном и после Смуты [53, стб. 311—313].

Землеустройство вологодских ямских слобод было осуществлено за счет пригородных земель с. Смятьева, издавна принадлежавшего архиерейской кафедре [35, ф. 1260, оп. 1, №4567]. В 1613 и 1622 гг. составлено описание ямских и крестьянских дворов в них [41, с. 440]. Слобода Московской дороги называлась еще Гонной, Охотничьей, поскольку ямские охотники («охочие люди») приводи-

ли с собой не менее трех *гонных* лошадей [54, с. 183]. Данные названия фигурируют в одном документе по Тавренской волости Важского уезда 1589 г. [14, с. 192—193].

В строельной книге Вышневолоцкого яма Московской дороги 1573 г. поименно записано 150 ямщиков из крестьян окрестных погостов, а у каждого — по «три добрых мерина». Эта группа возглавлялась выборным пятидесятским, а каждый десяток — десятским «из их же числа» [55, № 52]. По поводу лошадей между ямщиками и местными крестьянами иногда случались конфликты (похищения, угоны, увечья) [56, № 492]. При описании ямов в Новгородской и Псковской землях фиксировались «шерсть, лета, приметы» мерин, которые отличались от «деловых мерин», используемых крестьянами на пашне и в хозяйстве.

В марте 1613 г. с полусухи в околородной вотчине вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря крестьянин Насон Ильин с сыном Иваном как «ямские охотники» исполняли гоньбу в слободе Кирилловской дороги. В порядной вотчинных старост и крестьян говорилось о выплате охотникам 17 руб. «на лошади, седла и телеги, зимним путем на сани, а водяным путем на суды, гребцы и на кормишки» [57, № 192]. Н. Ильин с сыном «и своей братьею, иными охотниками» обязаны были встречать и провожать государевых посланников, гонцов и всяких служилых людей, беречь государеву казну «безо всякие хитрости». По окончании срока найма Н. Ильин мог «с яму итти волно куды похочет». За ним сохранялось право на посеянную к осени 1613 г. рожь.

От ямских станций Тотемского, Устюжского, Усольского, Яренского уездов далее на восток складывается транспортная система, соединявшая север и центр России с Приуральем и Сибирью. Начальный этап этого процесса И. Я. Гурлянд относит к 1598—1600 гг., когда в Вологде, Тотье, Устюге, Яренске вологодский сын боярский Ф. Скрябин произвел наборы по 50 человек для организации ямов в Тобольском и Сургутском уездах. По столько же «приборных людей» было набрано в Сольвычегодске, Кайгородке, Перми Великой и Соли Камской [33, с. 176]. В царской грамоте на устройство Соликамского яма 11 июля 1606 г. говорилось о держании каждым ямщиком по 2 лошади. На этот ям посадскими людьми и волостными крестьянами по сошному разводу было выбрано 24 человека с Перми и 46 человек с Вятки [30, № 54]. Ныне формирование сети ямских станций в Приуралье и Западной Сибири в конце XVI—XVII вв.

плодотворно изучается О.В. Семёновым с особым вниманием к Верхотурскому яму, опорному в системе регулярного сообщения европейской части России с Сибирью [58, с. 534—538; 59, с. 198—200; 60, с. 233—238]. Интересно, что там, кроме лошадей с подводами и лодок с гребцами, на ряде участков, где не было конных дорог, использовались нарты с собаками в сопровождении проводников [59, с. 198—200]. К концу XVII в. была налажена транспортная связь между Якутском и Москвой, пролежавшая через Илимск — Енисейск — Кетский острог — Нарым — Сургут — Тобольск — Тюмень — Туринск — Верхотурье — Соль Камскую — Кайгородок — Соль Вычегодскую — Устюг — Тотьму — Вологду — Ярославль — Переславль-Залесский и, наконец, в Москву [61, №248. IV]. Отличие ямской системы в Сибири от европейской части страны О.В. Семёнов видит в отсутствии уставных ямских грамот [62, с. 171—176]. По Туринскому яму за 1621/22 г. есть данные о размерах оклада жалованья ямским охотникам — 500 руб. Некоторые туринские ямщики брали на откуп оброчные статьи (проруби) [61, №142. II].

В выборных списках на ямских охотников из крестьян отмечалось, что они «у нас на погосте/в волости люди добрые, семьянистые и прожиточные, не захребетники и не бобыли и не воры, гоньбу им гонять мочно» [63, стб. 317, 337, 338]. Выбор «охочих людей» с их семьями осуществлялся по сошному или обежному разводу и если трудившийся ямщиком крестьянин беднел, затем впадал в нищету, его возвращали в «те же сохи, откуда он был взят». Вместе с ним возвращались его жена и дети. Если же он умирал, то семья опять-таки возвращалась на прежнее место, что отражает общий закрепостительный курс крестьянской политики России в конце XVI в. Не случайно в поручных записях была статья о том, что «охотником за нашу порукою с яму не збежать» [63, стб. 494].

Тяжелые испытания выпали на долю ямских охотников северо-западных уездов России на заключительном этапе Ливонской войны, когда военные действия затронули отдельные районы Псковщины и Новгородчины. В этой обстановке особенно напряженно функционировали дороги, по которым часто ездили ратные люди, гонцы и послы «со скорой вестью». К бедствиям войны добавились голод и бескормица, хозяйственный кризис 1570—1580-х гг. После короткой передышки еще более тяжкие испытания принесли голод 1601—1602 гг. и военно-политические потрясения Смуты. В условиях го-

лода 1602 г. «лошаденка позамерли от худые кормли и в гон не годятца»; «охотники розбежались от гладу, ходят по миру, кормятся Христовым имянем, хлеба прошают» [63, стб. 386, 482].

В сентябре 1604 г. земские целовальники и крестьяне Уфтыужской волости Тотемского уезда наняли посадского человека Т. Я. Сухомесова для исполнения им с четверти сохи ямской гоньбы на Тотемском яме. В связи с этим была составлена поручная запись от имени группы посадских людей и крестьян Окологородной волости. В ней определялся срок его службы — с 1 сентября 1604 г. по 1 сентября 1605 г. — и размер оплаты от посадской и крестьянской общин — 24 руб. «на ямские отпуски и на подводы и на проводники и на стряпню» [64, ф. 288 (коллекция Б. Н. Эдинга), оп. 1, № 1747]. Если в дополнение к этому платежу Сухомесову было бы дано денежное жалованье из царской казны «по ямским книгам», то крестьяне Уфтыужской волости на эти деньги не должны были претендовать.

Т. Я. Сухомесов был обязан стоять на Тотемском яму в «зиме и в лете по все дни и часы с подводами, а летом с суды и с гребцы и с носники и с кормшики, с бечевами, дугами, хомутами и всякою ямскою поряднею, что пригодитца на ямские отпуски». В записи были определены расстояния — вниз по р. Сухоне до Бобровского яма на 130 верст, а вверх по Сухоне до Шуйского яма — на 160 верст. В указанных пределах (а это почти 300 верст) Сухомесов должен был обеспечивать передвижение царских воевод, посланников, дворян, всяких гонцов по подорожным грамотам, «хто куды ни погонит водяным путем и горным». Под последним понималась левобережная, «ходучая» сторона Тотемского уезда вдоль Сухоны, поскольку правобережная сторона его оставалась еще малоосвоенной, «дикой». Сухомесов также не должен был брать лошадей и людей под подводы в Уфтыужской волости и бить челом на земского целовальника «о придаточных деньгах». Если бы Сухомесов сбежал с Тотемского яма до установленного срока, связанные с этим убытки и обязанности по исполнению ямской гоньбы возлагались на поручителей.

В период руководства Ямским приказом князем Д. М. Пожарским было принято уложение о ямской гоньбе 1620/21 г. Согласно ему ямщики освобождались от воеводского суда на местах, их судил только Ямской приказ, они не платили таможенные пошлины и «курили вино на себя» [51, с. 105—107, № 106]. Уложение определяло срок сыска беглых ямщиков с 1612/13 г. Это свидетельствует о политике первого Романова по восстановлению системы ямской гоньбы, серьезно нарушенной в тяжелые годы Смуты [65, с. 142].

За 1622 г. по Уфтюжской волости Тотемского уезда сохранилось пять отписей ямщиков на получение от земских целовальников или посыльщиков платы за отправляемые «ямские отпуски». В двух из них упомянут Иван Тимофеев сын Сухомесов как ямщик Соли Тотемской [64, ф. 288, оп. 1, №9—10, 12, 20—21]. Судя по отчеству и фамилии, это был сын Т. Я. Сухомесова, по которому была составлена проанализированная выше поручная запись 1604 г.

По группе тотемских актов 1614—1624 гг. видно, что за выполнение «ямских отпусков» брались как посадские люди, так и волостные крестьяне уезда. В апреле 1614 г. группа ямщиков Тотемского яма во главе с И. Семёновым получила «береженную» царскую грамоту, по которой государевы посланники, сибирские казаки и стрельцы не могли требовать от ямщиков подвод, не прописанных в подорожных грамотах [66, №5]. В апреле 1617 г. на возглавляемую старостой группу тотемских ямщиков, среди которых отмечен представитель посадской верхушки Б. Саблин, жаловался ехавший из Архангельска голландский гость Ю. И. Кленк, поскольку они на три дня задержали его на Тотемском яму, вопреки предъявленной им подорожной. От Тотьмы до Шуйского яма ему пришлось добираться за собственный счет [66, №58, 83].

Ямские старосты могли выполнять и налоговые функции. Так, Добрынка Иванов в 1619 г. собирал деньги на «ямские отпуски» в размере по 10 руб. с сошки, но крестьяне ряда волостей (Старототемской, Вожбальской) из-за «великой скудости» не смогли их заплатить. Для выплаты старосте пришлось занимать деньги «под великие росты», в результате он был поставлен на правож [66, №115]. Всего же Тотемский ям, считавшийся бедным, содержался крестьянами окрестных волостей «20-ю сошками черными малыми», и в мае 1621 г. по царской указной грамоте проезжим людям запрещалось требовать себе корм, излишние подводы и более чем одного гребца на судно. Тем самым повторялись и расширялись нормы более ранней государевой грамоты от апреля 1614 г. [66, №124].

В царской грамоте от июля 1624 г. говорится о найме тотемскими ямскими охотниками у посадских людей и крестьян речных судов — дощаников, лодок, каюков — для обеспечения проезда гонцов, послов, воевод, сибирских казаков и стрельцов, торговых иноземцев до Шуйского яма. За это охотники платили судовладельцам «прогоны». Предоставлявшие суда со снастью владельцы сильно завышали нормативы — вместо установленных в государевых актах расценок (от

20 алт. до 1 руб.) требовали по 5—6 и даже 10 руб. В июле 1624 г. в указной грамоте воеводе М. О. Зеленого в ответ на коллективную челобитную тотемских ямщиков во главе со старостой К. Максимовым говорилось о недопустимости лишних прогонов на ямских охотниках [66, № 167].

Таковы были крестьянские платежи и повинности по обеспечению ямской гоньбы на Руси в XIV—XVII вв., их отражение в актовых и кадастровых источниках, а также некоторые особенности системы транспорта и связи в разных регионах страны.

Список источников и литературы

1. *Лисейцев Д. В.* Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI — начале XVII в. // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России : матер. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Преображенского. М., 2010.

2. *Бенцианов М. М.* Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. М., 2017. Вып. 7.

3. *Памятники русского права (ПРП)*. М., 1955. Вып. 3.

4. *ПРП*. М., 1953. Вып. 2.

5. *Семёнов О. В.* О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 1 (148).

6. *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ)*. М., 1964. Т. 3.

7. *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л., 1949. № 86.

8. *Акты* феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М. ; Л., 1951. Ч. 1.

9. *АСЭИ*. М., 1952. Т. 1.

10. *Капитанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.

11. *Православная церковь на севере России в XVI—XVII вв.* : сб. документов / сост. М. С. Черкасова. Вологда, 2018.

12. *Черкасова М. С.* Кубено-Заозерский край в XIV—XVI вв. // Харовск. Краеведческий альманах. Вологда, 2004.

13. *Воскобойникова Н. П.* Жалованная грамота Спасскому Сойгинскому монастырю 1546 г. // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986.

14. *Сборник документов по истории СССР*. XVI в. М., 1972. Вып. 3.

15. *Капитанов С. М.* Еще раз о ямской гоньбе в XVI в. // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2002.

16. *Материалы* по истории крестьянства Русского государства XI—XVII вв. М., 1958.

17. *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццлло М.К.* Налоги в России. IX — начало XX в. М., 2006.
18. *Социально-правовое* положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.
19. *Дополнения* к актам историческим (ДАИ). СПб., 1872. Т. 12.
20. *Бащин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв. СПб., 2016.
21. *Васильев Ю.С.* Акты Введенского Корнильево-Комельского монастыря // Городок на Московской дороге. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1994.
22. *Акты* Русского государства 1506—1525 гг. М., 1975.
23. *Каишанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
24. *Каишанов С.М., Хоруженко О.И.* Грамоты из архива московского Архангельского собора // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997.
25. *Акты* московских монастырей и соборов. XV — начало XVII в. М., 1998.
26. *Крестьянство* русского Севера в XVI в. : межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1984.
27. *Черкасова М.С.* К изучению финансового статуса русских монастырей в XVI—XVII вв. (по актовому материалу) // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 3. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/3ki/ri/lov/index.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
28. *Колычева Е.И.* Аграрный строй России в XVI в. М., 1987.
29. *Вологодский* государственный музей-заповедник. Сектор письменных источников. Ф. 4 (Никола-Коряжемский монастырь). Оп. 1. Кн. 14.
30. *Акты* Археографической экспедиции (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2.
31. *ДАИ*. СПб., 1864. Т. 2.
32. *ААЭ*. СПб., 1836. Т. 3.
33. *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900.
34. *Материалы* по истории Тихвинского Успенского монастыря. М. ; СПб., 2015. Вып. 1.
35. *Государственный* архив Вологодской области.
36. *Российский* государственный архив древних актов.
37. *Сборник* грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 1.
38. *Сборник* грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2.
39. *Каишанов С.М.* На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI в.) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997.
40. *Каишанов С.М.* К истории ямской гоньбы в XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. 10.
41. *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей в XV—XVII вв. Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.
42. *Каталог* писцовых книг Русского государства. М., 2001. Вып. 1. Писцовые книги Русского Севера.

43. *Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.* (АСЗ). М., 2008. Т. 4.
44. *Русская историческая библиотека* (РИБ). СПб., 1908. Т. 22.
45. *Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.* СПб., 2013. Вып. 1.
46. *Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.* СПб., 2014. Вып. 2.
47. *Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.* СПб., 2015. Вып. 3.
48. *Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.* СПб., 2016. Вып. 4.
49. *Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.* СПб., 2017. Вып. 5.
50. *Семёнов О.В.* Ямская реформа в Московском государстве XVI в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, №1 (160).
51. *Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.* Тексты. Л., 1986.
52. *Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII в.* Вологда, 2018. Т. 3.
53. *РИБ.* СПб., 1898. Т. 17.
54. *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник.* Вологда, 1972. Вып. 2.
55. *РИБ.* СПб., 1875. Т. 2.
56. *АСЗ.* М., 1998. Т. 2.
57. *Акты юридические, или собрание старинных форм делопроизводства.* СПб., 1838.
58. *Семёнов О.В.* Система ямской гоньбы в Сибири в конце XVI—XVII вв.: качество функционирования // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. ст., посвящ. 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2008.
59. *Семёнов О.В.* О времени возникновения системы регулярного сообщения в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2010. №4.
60. *Семёнов О.В.* Общинная организация сибирских ямщиков в конце XVI—XVII в. // Былые годы. 2014. №32 (2).
61. *Акты, относящиеся до юридического быта древней России.* СПб., 1864. Т. 2.
62. *Семёнов О.В.* Уставные ямские грамоты как источник по истории правительственной связи в Московском государстве середины XVI—XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время : матер. V Чтений памяти академика Л.В. Милова. М., 2017. Вып. 5.
63. *РИБ.* СПб., 1908 Т. 22.
64. *Государственный музей-заповедник Ростовский Кремль.* Отдел рукописей и редких книг.
65. *Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.* Комментарии. Л., 1987.
66. *Указные грамоты городovým воеводам и приказным 1613—1626 гг.* / сост. И.В. Пугач. М., 2012.

Крестьяне-порядчики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря XVI века

Исследован уникальный комплекс крестьянских порядных записей XVI в. Спасо-Прилуцкого монастыря, который отражает редкий симбиоз кабально-ростовщических и феодально-поземельных отношений, существовавший в этой монастырской вотчине. Выявлены особенности положения крестьян-порядчиков, уровень их задолженности, обязанности, подати и повинности. Прослеживается судьба некоторых представителей этой категории русского крестьянства. Источники показывают, что к концу века 90% населения на землях этого монастыря составляли крестьяне-порядчики, связанные долговыми обязательствами.

The author investigates the unique complex of the Prilutsk Monastery of Our Saviour and St. Dimitry peasant-lessee's records («poryadnye») of 16th century. They reflect the rare symbiosis of bondage-usurious and feudal-land relations, which existed in this cloister. The issue reveals the special features of the position of peasants-lessees, the level of their debts, responsibility, tax and duty. The fate of some representatives of this category of Russian peasantry is established. Sources show that toward the end this century 90% of population on the land of this monastery were the peasants-lessees, who ran into debts.

Ключевые слова: крестьяне, порядчики, закрепощение, порядная запись, кабальный долг, монастырь, землевладение, хозяйство, ростовщичество.

Keywords: peasants, lessees, servitude, bondage's debts, monastery, landownership, economy, usury.

Целью данного исследования является анализ порядных грамот с привлечением делопроизводственной документации одного из северных монастырей.

Самый крупный известный на сегодня комплекс порядных записей XVI в. происходит из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Выявлено 32 документа, которые можно отнести к порядным (краткое описание и нумерация их дается в приложении). Основная их часть опубликована, но несколько актов вводятся в научный оборот впервые.

Специфической, можно даже сказать уникальной для XVI в., особенностью большинства прилуцких порядных является совмещение в одном акте двух договоров — заёмного, долгового и служилого крестьянского. Этот очевидный факт давно обратил на себя внимание и, хотя признается практически всеми исследователями, вызывает споры. Один из первых исследователей М. А. Дьяконов ввел в научную литературу понятие «порядные спасо-прилуцкого типа» [1, с. 317—331]. В. Г. Гейман в обзоре опубликованных им документов Спасо-Прилуцкого монастыря обозначил часть таких кабал как особый доселе неизвестный еще тип «деревенских служилых кабал», или кабал на «людей страдных кабальных» [2, с. 280, 283—284]. Специальная статья В. М. Панеяха была посвящена «опровержению» взглядов В. Г. Геймана. Основные выводы Панеяха: «...так называемые деревенские служилые кабалы не имели никакого отношения к неволе кабальных холопов (деревенских), а использовались в тех же целях, что и порядные, то есть для оформления крестьянского порядка»; иногда «факт и условия порядка являлись предметом устной договоренности», а «выдача ссуды, сопровождающей крестьянский порядок, фиксировалась заемной кабалой» [3, с. 229—230].

Вызывает сомнение обоснованность утверждения В. М. Панеяха о существовании устных договоренностей порядчиков с монастырем, дополнявших заемные кабалы. На основании содержания кабалы 1553 г. о займе полутора четвертей ржи «на льготный починок на Грикшинов лышной конец» Панеях утверждает, что формуляр акта «представляет смешение порядной записи и кабалы заемной». По его мнению, конкретные условия проживания этих крестьян на починке, которых нет в рассматриваемом акте, были оговорены устно [3, с. 225]. Среди опубликованных в 1924 г. порядных есть кабала этих же крестьян — Алексея Кирилова с сыном и Григория Сафонова (см. №2 в приложении), по которой они заняли на год у того же старца 10 алтын и за те деньги обязаны были жить на Грикшине починке. Это позволяет с большим основанием считать, что заем зерна этими крестьянами стал дополнением к данному порядку.

Другим подтверждением своего предположения В. М. Панях считает порядную Троице-Гледенского монастыря 1634 г., в которой полностью отсутствуют какие-либо конкретные условия порядка, в том числе и дата [4, с. 955, № 41.2]. На основе этого документа автор высказывает мысль о том, что при оформлении порядной «несомненно, устные условия подразумевались» [3, с. 223]. Во-первых, хотелось бы отметить, что это не порядная, а поручная запись. Во-вторых, эта «памятка» опубликована вместе с невероятно подробной порядной этих же крестьян [4, с. 948—955, № 41.1]. Сопоставив оба акта, нетрудно сделать вывод, что «памятка» написана только для фиксации имен поручителей, а все условия порядка повторять не было никакой необходимости.

Изучение прилуцких порядных актов приводит Л. С. Прокофьеву к выводу о том, что «поручная запись как бы воссоединила в себе воедино элементы как поручной, так и порядной записи». Отмечается, что количество тех и других в конце XVI в. было приблизительно одинаковым (на 7 порядных приходится 9 поручных) [5, с. 150, 146—147]. Е. И. Колычева кабалы 50—70-х гг. определяет как «жилые кабалы», считая, что им на смену «пришли рядные записи, поручные, просто записи» [6, с. 170]. Стоит вспомнить, что почти все порядные являлись одновременно и заемными кабалами.

В недавней работе о кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря М. М. Дадыкина выделила из общего состава денежных и хлебных заемных кабал «заемные кабалы с условием отработки долга» [7, с. 61—71], обозначив последние как «порядные («кабалы»)» [7, с. 117—123].

В тексте рассмотренных нами источников встречаются 4 разных самоназвания: *кабала*, *запись*, *рядная запись* и *порядная*. Типичной формой ранних прилуцких порядных записей выступает *кабала*. Из 32 документов, которые мы рассматриваем, 26 (около 80%) называют себя именно так. Эти акты заметно отличаются от обычных заемных кабал. Помимо факта займа денег, реже зерна, в них фиксируются условия поселения и жизни крестьян на монастырской земле. Три порядные называют себя просто «запись»: 1582 г. (№ 26) и 1593 г. (№ 31, 32). Хотя запись № 31 — по существу поручная, но на обороте помечена была в монастырской канцелярии как «порядная». Еще два документа 1583 и 1584 гг. называются «запись рядная» (№ 27, 28). Единственный из выявленных нами актов называет себя «порядная» и датируется 1585 г. (№ 29). Интересно отметить, что по содержанию он совмещает поручную и порядную записи.

Формуляр спасо-прилуцких порядных актов имеет одно, но очень существенное отличие от всех известных порядных других монастырей и церквей XVI в. Вначале он фиксирует заем денег, реже зерна, а «за те деньги» (8 актов), или «за те деньги, за рост» (9 актов), или «за рост» (11 актов) от крестьян требовалось выполнение работ в монастырских селениях. Отсутствует клаузула отработки долга только в 4 порядных: 1582 (№26), 1585 (№29) и 1593 (№31, 32) гг. Они не носят названия кабал. В них вместо клаузул о займе и отработке долга на первом месте стоит клаузула о порядке: «порядились есмь жити», а потом следуют записи о взятии ссуды-подмоги. Во всех 4 записях предусматривалось взыскание крупных штрафов (2, 3, 5, 10 руб.) за ненадлежащее выполнение условий договора.

«Запись» 1585 г. (№29) и «порядная» 1593 г. (№31) по существу представляют собой поручно-порядные грамоты. Формуляр их осложнен клаузулой о том, что несколько крестьян: «се яз» такой-то (скорее всего, это соседи) «поручились есмь» и далее фиксируются имя порядчика и все условия порядка. В разделе санкций этих записей ответственность за нарушение условий порядка распространяется в равной степени и на порядчиков, и на его поручителей. Обобщенную схему формуляра прилуцких порядных записей второй половины XVI в. можно представить следующим образом.

1. Начальный протокол.

1.1. Имя порядчика и его место жительства: «се яз» такой-то из села / деревни такой-то.

1.2. Обязательство 1: «занял есмь».

1.3. Имя и статус займодавца: у келаря / казначея / старца такого-то.

1.4. Сумма денег монастырских казенных.

1.5. Дата и сроки займа.

1.6. Место поселения и размеры земельных угодий (в плугах/вытях).

1.7. Обязательство 2: «жити и земля пахати и огороды городити, и двор ставити/починивати».

1.8. Обязательство 3: «дань государеву, оброки по книгам платити, изделие монастырское делати».

2. Санкция.

2.1. Санкция 1: «а не учну жити или до сроку выйду, ино на нас денги монастырские и дело», «оброк».

2.2. Санкция 2: «а полягут деньги по сроцу ино на мне рост и пашня».

2.3. Санкция 3: «ино на мне за избу/двор» или за другое нарушение — денежный штраф за невыполнение особо важных для монастыря обязанностей.

3. Конечный протокол.

3.1. Имена свидетелей: «а на то послуси» такие-то.

3.2. Имя писца: «а кабалу писал» такой-то.

3.3. Дата написания.

4. Удостоверительная часть.

4.1. Субскрипция: рукоприкладства послухов.

Сопоставление формуляров порядных кабал 50—60-х и 80—90-х гг. XVI в. показывает, что никаких коренных изменений в их структуре не произошло.

Большинство рассматриваемых источников не имеет точной даты составления. В конце акта указывается только год. Порядных с точной датой составления среди рассматриваемых документов всего пять. Только в одной записи из пяти точно датированных мы наблюдаем совпадение даты составления и начала порядка — 6 января 1593 г. (№ 31). Кабала (№ 12) от 11 января 1568 г. имеет самое большое расхождение между временем составления и началом займа-порядка от Юрьева дня осеннего (26 ноября). Получается, что кабала была составлена через полтора месяца после того, как крестьянин Гаврило Захаров получил заем и начал отрабатывать проценты на него. Можно предположить, что эта кабала писалась заранее в январе, а срок порядка начинался только в ноябре, но это маловероятно. Хотя ранее был отмечен факт составления порядной за полгода до начала срока [8, с. 24].

В двух других записях дата составления и начало порядка также не совпадают: в кабале 1583 г. (№ 27) расхождение составило 6 дней, а в кабале 1578 г. (№ 25) дата составления (24 декабря) почти на месяц позже начала порядка. Итак, точно установленные расхождения между датой составления акта и датой займа-порядка охватывают от 6 дней до 1,5 месяцев. Причем во всех случаях (3 кабалы) они были написаны после указанной даты займа (получения денег) и предполагаемого начала работы порядчика. Возможны предположения и о более длительных (до 10 месяцев) расхождениях, если признать, что акты составлялись заранее.

Самый длительный срок есть в порядной записи 3 монастырских крестьян (№ 32), в которой указан 6-летний срок льготы по уплате податей. Подмогу (семена и деньги) они должны были вернуть в

случае отказа жить на той пустоши (вероятно, в течение 6 лет) или если, отжив срок, не выполнят условий порядка. Тогда помимо подмоги должен быть взыскан штраф в 10 руб. В другой записи рядной Ивана Бояринова [1 мая] 1584 г. (№28) — это 4 года. Однако это не весь срок порядка, а только время пребывания порядчика на льготе, после чего он должен был платить как государственные подати, так и монастырский оброк, выполнять «изделье» (барщину). После льготных лет порядчика обязывали «хором не обжечи и земли не запереложити, и агородов не огноити» [2, с. 283], то есть весь срок его жизни в этой монастырской деревне точно определен не был. В акте использована странная, на первый взгляд, формулировка: «из тое деревнѣ не вытти нигдѣ до государеву указу». Предполагают, что имелся в виду один из указов о заповедных годах, временно запрещавших крестьянский выход в Юрьев день осенний [2, с. 282—283]. В этом случае странной кажется уверенность монастырских властей в том, что действие этого указа будет иметь силу и через 4 года после составления рядной. Нам представляется, что в этом частном акте под «государевым указом» подразумевалась не воля царя, а воля игумена. Так, в преамбуле окладной книги 1598 г. есть такая фраза: «Прилуцкого монастыря по благословению *государя* нашего игумена Гурья яж о Христе з братьею...» (курсив наш. — В.И.) [9, с. 367]. Тогда получается, что срок порядка ограничен был только волей настоятеля монастыря. Интересно отметить, что обещанные в порядной 5 руб. займа не были выданы крестьянину. Внизу текста есть помета: «По сей рядной записи деньги не даны».

Наиболее популярным сроком займа был 1 год. Всего с таким сроком мы имеем 22 акта (69%). Более половины всех актов (16) заключались «от Юрьева дня осеннего» (один раз в 1573 г. он назван «Егорьев день»): 1552 (№1), 1553 (№2), 1554 (№3), 1555 (№5), 1557 (№7), 1564 (№8), 1564 (№9), 1566 (№11), 1568 (№12), 1570 (№13), 1570 (№14), 1573 (№18), 1574 (№19), 1575 (№20), 1576 (№23), 1578 (№25). Еще 6 — на другие сроки: 2 раза «от Филиппова заговенья» (1557, №6 и 1577, №24); 1 раз «от Крещения Христова» (1572, №15); 1 раз — «от Николина дня осеннего» (1576, №22); 1 раз — «от Сретенья дня» (1583, №27); 1 раз — от 18 октября «до Покрова» (1586, №30), что составляло год без 18 дней; и от 20 сентября до 20 сентября (1593 г., №32; на 6 льготных лет).

Срок менее года отмечен в 6 актах: 10 месяцев в акте 1554 г. (№4) «от Рождества Христова» и «до Покрова»; 9 месяцев в акте

1593 г. (№ 31) льгота «от Крещения» и «до Семена дня летопроводца»; 7 месяцев в 2 актах 1572 г. (№ 16, 17) «от Юрьева дня вешняго» и «до Юрьева дня осеннего»; 6 месяцев — в 1566 г. (№ 10) «от Николы вешняго» и «до Филиппова заговенья»; 5,5 месяцев — в 1576 г. (№ 21) «от Вознесения», 40-й день по Пасхе, то есть 31 мая и «до Филиппова заговенья».

Есть еще 2 акта, где срок совсем не указан — 1582 г. (№ 26) и 1585 г. (№ 29). В них, похоже, самовольный уход, также как невыполнение обязанностей, даже не рассматривался. В последнем случае уход явно приравнялся к бегству и штрафовался суммой 5 руб., в 3 раза превосходящей заем в виде посеянных семян.

Только в 2 порядных 1576 (№ 18) и 1586 гг. (№ 30), где говорится о выплате процентов, если деньги «полягут по сроку», отмечаются точно обозначенные сроки порядка. В остальных актах точных указаний на окончание порядка, обусловленного необходимостью отработывать проценты на долг, практических нет. Так, в актах 1570 г. (№ 14) и 1572 г. (№ 16) есть клаузула: «по сроце жити по той же ряди», то есть предполагалось, по сути, бессрочное проживание. А в акте 1575 г. (№ 20) на год давалась только льгота, следовательно, также предполагалось их дальнейшее проживание. В порядной кабале 1578 г. (№ 25) на 1 руб., взятый на год, с половника в случае невыполнения своих обязанностей или ухода «вон прочь за волость» должны взыскать сумму долга с процентами «как ходит в людях». Из содержания кабалы становится очевидным, что речь идет об уходе после года или нескольких лет проживания.

Подводя итог, можно сказать, что порядные кабалы и записи Спасо-Прилуцкого монастыря не ограничивали времени проживания порядчика в монастырских владениях, указанным сроком займа, который составлял чаще всего 1 год. Контекст многих порядных явно говорит о том, что предполагалось их длительное пребывание на монастырских землях.

В рассматриваемых нами порядных записях (32 акта) зафиксированы всего 64 порядчика, то есть в среднем на одну запись-кабалу приходится 2 человека. Подсчеты показывают, что на протяжении второй половины века происходило уменьшение числа порядчиков на одну порядную с 3 человек в 50-е гг. до 1,5 человек в 80—90-е гг.

Чаще всего вместе поряжались родственники: отец с сыновьями (12 актов), братья (3 акта); муж с женой (2 акта). В 1575 г. Первой Иванов с женой поряжился на полплуга с займом 1 руб. Включение

жены в текст было, очевидно, защитной мерой монастыря от финансовых потерь. Документ содержит клаузулу: «А кои нас с женою в лицех, на том монастырские денги и оброки, и всякие монастырские расправы» [7, с. 121]. В случае смерти главы семьи возврат долга и получение доходов ложились на плечи супруги.

О происхождении порядчиков сведений практически нет. Откуда они родом, где жили до поряда неизвестно. Только в 6 актах вполне определенно их проживание локализуется монастырскими владениями, тем же поселением, куда они поряжались (№6, 16, 23, 25—26, 27). Дважды порядчик просто назван монастырским крестьянином (№28, 32). Можно предположить, хотя в тексте самих актов нет таких сведений, что эти крестьяне и раньше жили здесь как должники-порядчики.

Все рассматриваемые нами порядные записи (32 акта) содержат сведения о займе. Это разительно отличает прилуцкие порядные от большинства известных порядных XVI в., где предоставление займов в виде помощи порядчикам встречается довольно редко, примерно в каждом девятом дошедшем до нас документе, если не считать прилуцкие [8, с. 27]. Неудивительно, что большинство порядных Спасо-Прилуцкой обители оформлено в виде кабал, которыми издавна закрепляли долговые отношения. Во всех актах факт займа фиксировался обычно клаузулой «занял/заняли есми». Только в одной порядной 1585 г. (№29), где нет денежного займа, нет и такой клаузулы. Там констатируется факт получения уже засеянной на участке ржи. Из всех порядных лишь в 8 (№6, 13, 17—19, 23, 25, 30) есть клаузула о санкции за невозврат денег в срок. В 2 из них говорится: «А полягут деньги по сроце/сроку», то придется платить рост «на пять шостая/шестая» (1573 г., №18 и 1586 г., №30); а в третьей — если «пойду вон прочь за волость», то платить заем с ростом «как в людях ходит» (1578 г., №25). В других 5 кабалах за просрочку займа порядчик должен или «жити по тому же» (1570 г., №13), или «пахати за рост по тому же» (1557 г., №6; 1576 г., №23), или жить «по той же ряди» (1572 г., №16; 1574 г., №19). Обе последние кабалы составлялись в Домшинском ключе, что, по-видимому, объясняет сходство формулировок. Можно констатировать, что *только четверть* всех порядных фиксировала определенные условия и санкции за просрочку платежей по долгу. Остальные обходят молчанием этот важнейший аспект долговых отношений. Предполагаем, что такое

«молчание» обозначает отказ от процентных начислений по долгу, тем более что эти проценты по условиям порядных крестьяне должны были отработывать своим трудом.

В 4 порядных кабалах (1566 г., № 10; 1573 г., № 18; 1576 г., № 21; 1586 г., № 30) указано, что деньги взяты на год «без росту». Этим замечанием, очевидно, подчеркивается, что указанная в кабале сумма «чистая», без начисленных процентов, а вовсе не отказ монастыря от получения роста по кабалам. Так, в одной из них (1586 г.) есть клаузула: «А полягут денгы после сроку, ино рост давати на денгы на пять шестая» [7, с. 123], то есть 20% годовых.

В 3 поздних порядных (записях) заем денег и семян имеет непривычные для прилуцких актов названия: «суда» (1582 г., № 26) и «подмога» (1593 г., № 31, 32). Клаузул о последствиях в случае невозврата долга в них нет, впрочем, так же, как в большинстве других порядных кабал и записей.

Во всех изученных нами порядных, кроме одной, зафиксирован заем в форме денег. Самый крупный денежный заем в 5 руб. был объявлен в записи рядной 1584 г. (№ 26). Внизу текста есть помета: «по сей рядной записи деньги не даны». Получается, что он не был реализован. Три порядка имеют сумму займа по 2 руб. (№ 3, 24, 32); еще два — по 1,5 руб. (№ 10, 21), в обоих случаях деньги даны на полгода «без росту». Наиболее частыми были займы от 90 коп. до 1 руб. 20 коп. — 13 порядов, то есть свыше 40% общего числа. Мелкие денежные займы от 30 коп. до 67,5 коп. (от 10 до 22,5 алт.) — присутствуют в 12 порядных, что составляет 38% всех порядных.

По 4 порядным, кроме денег, давалось еще и зерно: 1576 г. (№ 22) — 1 руб. и 4 четверти ржи в земле; 1582 г. (№ 26) — полтина и 5 четвертей ржи в земле; 1593 г. (№ 31) — 30 алт. и 4 четверти ржи и 8 четвертей овса на семена; и 2 руб. и 4 четверти ржи и 8 четвертей овса на семена (№ 32). В рядной 1585 г. (№ 29) зафиксировано только зерно — 5 четвертей уже засеянной ржи.

В среднем на одну порядную приходилось около 1 руб. 20 коп. Средняя сумма займов на одну порядную постепенно возрастала: от 90 коп. в 50—60-е гг. до 1 руб. 90 коп. в 80—90-е гг., то есть более чем в 2 раза. Денежные займы являлись основой и обоснованием почти всех прилуцких порядов и закреплялись клаузулами: «а за рост» (11 актов), «за те денги за рост мне/нам жити» (9 актов) или просто «а за те денги мне/нам жити» (8 актов).

В прилуцких актах обязанности порядчиков рассматривались как отработка процентов на полученный заем. Они формулировались с различной степенью конкретности. Наиболее упрощенно они представлены в порядной кабале 1555 г. (№ 5), по которой братья Филя и Иван Терентьевы дети должны «жити на осмой выти Шеломова» [2, с. 286]. Термин «жити» присутствует в большинстве рассматриваемых порядных. При этом указывается село, деревня, починок, их доли или доли выти, плуга. Таких актов насчитывается 27 (87%), в кабале 1566 г. (№ 10) утрачен фрагмент текста явно содержащий этот оборот [2, с. 287]. Во всех порядных, кроме упомянутой 1555 г., даются разъяснения обязанностей крестьян. Самые краткие встречаются в 3 порядных 60—70-х годов: «Пашню/землю пахати» (№ 7, 15, 18). Сама по себе клаузула о пашне присутствует во всех рассматриваемых документах (кроме упомянутого выше акта № 5), обычно вместе с указанием обязанности огороды городить/разгородить вокруг пашен и других угодий. Эта вторая обязанность зафиксирована в 19 порядных (60%). Третьей распространенной обязанностью было строительство и ремонт дворовых построек. Она встречается в 20 порядных. Причем о новом строительстве речь идет в 17 порядных, и только в 4 говорится о необходимости починки дворовых построек (№ 23, 25, 29, 31). В них редко встречаются конкретные требования. Только в 4 актах указаны размеры изб: 2,5 или 3 сажени (№ 6, 26, 28, 32). И только в последних 2 перечислены строения, которые должны были быть сооружены: «изба трех сажен, да сенник трех сажен, да баню и двор заметом огородити; и на пашне у двора поставити авин»; в двух дворах «поставити хором: по избе трех сажен, да по сеннику на подклете, да по бане и двор круг заметом отметать, да поставити два овина». В остальных случаях ограничиваются общим определением — «двор поставити».

Несколько раз в порядных подчеркивается требование монастыря сохранить в обороте уже освоенные земельные угодья и расширять новые: «земли не запереложити» (№ 20, 24), «земли не запереложити, вново чистити» (№ 26); «земельный перелог роспахати» (№ 28). Только в одной из грамот (№ 6) есть некоторые подробности земледельческого труда: «А сеети нам пять четвертей ржи, а десяты четвертеи овса на полплуга исполу» [7, с. 118].

Сравнивая с порядными других монастырей и церковью XVI в. [8, с. 24—25], можно говорить о заметной краткости и обобщенности обязанностей, которые фиксировались Спасо-Прилуцким монастырем.

Кроме выполнения необходимых работ на своем участке и во дворе, порядчики должны были платить различные подати и исполнять повинности.

Государственные подати и повинности упоминаются, как правило, обобщенно. Уплата их указана всего в 7 порядных, начиная с 1575 г. (№ 20, 24—28, 31, 32). В одной только, самой большой и подробной, порядной 1584 г. (№ 28) есть их перечисление в связи с объявленной льготой: «государских дани и посохи и подъемных и полонских». В порядной 1582 г. (№ 26) названы: «дани царя и великого князя и оброки и всякие государские подати».

Порядчики помимо уплаты кабального долга и отработки «роста» на монастырской земле обязаны были платить за эту землю еще и монастырский оброк «по книгам». Оброк носил, скорее всего, натуральный характер. Подтверждение этому мы встречаем лишь в порядной кабале 1582 г. (№ 26), где он обозначен как «хлебной оброк всякой». По окладным книгам 1598 г. в с. Богородском, куда поряжались в 1582 г., с каждого плуга взимался оброк по 3 четверти ржи и по 6 четвертей овса [9, с. 377]. Кроме оброка в 4 порядных, начиная с 1572 г., упоминаются какие-то дополнительные подати: «и всякие расходы» (№ 15); «и всякие потуги монастырские по кабалам и безкабально» (№ 16); «и по кабалам и безкабально» (№ 17); «и всякие монастырские подати платити» (№ 30); «и всякие подати государские и монастырские платити вместе с монастырскими крестьяны» (№ 31). Всего монастырский оброк значится в 18 порядных актах (к ним можно, вероятно, отнести еще и порядную 1566 г. (№ 10), в которой использована обобщенная клаузула «монастырской потуг тянути»).

Свидетельства о монастырском «деле» появляются с 1553 г. Однако клаузула в этой порядной кабале (№ 2) дает однозначную трактовку «дела» как барщины: «А не пойдем жити на Грикшин починок, ино на нас денги монастырские и дело». Под «делом» в данном контексте понимаются, скорее всего, работы, которые порядчик обязан был выполнять на своем участке: «земля пахати и огороды разгородити и всякое дело пашенное делати». Но уже совершенно определенно барщина фигурирует в порядной кабале 1557 г. (№ 7): «земля пахати и огороды розгородити и всякое дело пашенное делати и монастырское дело всякое делати»; а также в 1566 г. (№ 11): «и всякое дело монастырское делати». В дальнейшем для обозначения барщинных работ использовались чаще слова «изделье», «зделье».

Всего имеем 14 порядных с обязательством выполнять монастырское «изделье» (№7, 11—13, 16—18, 21, 22, 26—29, 31, 32). Характер монастырского дела обычно в порядных не раскрывается, но в 1593 г. (№31) при установлении льготы значится: «в манастыре ему в вешной пашне не орати, а иное ему всякое изделье монастырское делати» [10]. Можно констатировать, что в начале 90-х гг. монастырская барщина включала и пашенные работы. По окладным книгам 1598 г. на изделье в Домшинском ключе крестьяне: «навоз возят весь и жнитво пожати все сполна, да луг покосити весь и в полях», уточняется, что «на изделье им крестьяном хлеб монастырский ести»; в Лоптуновском ключе: «по 4 дни косят с плуга», да они же «жнут ржаное и овсяное жнитво все»; в Великорецком ключе: «по 2 дни косят с плуга, да по 2 дни с плуга навоз мечют, да ржаное жнитво и овсяное жнут все»; кроме того, вместе с другими крестьянами они делают с плуга «по осмине ядрец да по четверке круп запарных» из монастырского овса; да они же косят треть монастырских пожен [9, с. 371, 381, 388]. Монастырское изделье, как видим, включало разные виды земледельческих работ.

Единственная порядная (№13), в которой речь, судя по всему, идет о мирских сборах датируется 1570 г.: «всякое монастырское изделье делати и оброк по книгам платити, и всякие розметы черные тянути». Это говорит о слабости или полном отсутствии общинной организации в тех владениях, которые заселяли порядчики-новоприходцы.

Льготы в податях и повинностях встречаются только в 80—90-е гг. и связаны обычно со строительством или расчисткой новых угодий: «и им нас пожаловати не велити изделья монастырского делати» (№26); 4 года «не давати государских дани и посохи и подъемных и полонских денег, и никоторых монастырских оброков и издѣлья не делати» (№28); 1 год и 9 месяцев «льготы ему пожаловали игумен Нифонт з братею дали нынешнаго сто перваго году с Крещения Христова да до Семенова дни летопроводца сто фтораго году и ф том ему льготе не давати государевых податей никоторых и в нынешной сто первом году в манастыре ему в вешной пашне не орати, а иное ему всякое изделье монастырское делати» (№31); «а льготы нам пожаловали дали на шесть лет» (№32).

Вместе монастырский оброк и зделье присутствуют в 9 порядных, начиная с 1566 г. (№11—13, 16, 17, 26, 28, 31, 32), а государственные подати, монастырский оброк и зделье встречаются только

в 4 поздних рядных-порядных записях с 1582 г. (№26, 28, 31, 32). В двух ранних порядных 1553 и 1554 гг. вообще нет упоминаний о податях и повинностях (№2, 3).

Спасо-прилуцкие порядные имели 2 вида обязательств и, соответственно, 2 вида санкций — за нарушение условий займа и за нарушение условий проживания в монастырских селениях. О первых уже было сказано выше в разделе о займах. Санкции за нарушение условий порядка встречаются в каждом третьем акте, начиная с 1552 г., но особенно их много в 80—90-е гг. (№1, 6, 12, 21, 22, 26—29, 31, 32). Чаще всего это связано с дворовым строительством (8 порядных), в некоторых из них дворовая непоставка объединена с другим нарушением: запереложит землю (1582 г., №26); с земляной нераспашкой (1593 г., №31). Санкции могли применяться за отказ от выполнения порядка или уход ранее оговоренного срока (4 акта): не стану жить, пойду вон; не учну жити и выполнять и т. п. (№1, 21, 27, 29). Величина штрафных санкций в несколько раз превышала сумму долга по кабале или ссуде: в акте 1552 г. (№1) в 2 раза (2 руб.), 1576 г. (№21) в 2 раза (3 руб.), 1593 г. (№32) в 5 раз (10 руб.); 1583 г. (№27) в 6 раз (3 руб.). В 1585 г. (№29) штраф установлен в 5 руб., в то время как крестьянин получил лишь 5 четвертей посеянной ржи.

Сам по себе штраф не освобождал от выплаты долга и процентов по нему. Так, в акте 1593 г. (№31) за дворовую непоставку и земляную нераспашку предусматривалось взыскать 3 руб., при этом подчеркивается, что они не включают головных денег и семян (то есть 30 алт. денег; 4 четверти ржи, 8 четвертей овса). То же самое оговаривается в записи 1593 г. (№32). В некоторых порядных нет особых санкций за нарушение, а требуется ликвидация задолженности и, очевидно, денежная компенсация за невыполнение монастырского изделия и неуплату оброка: «монастырские денги и дело» (№2); «деньги и пашня, и изделие монастырское» (№13).

Хотелось бы обратить внимание на одно довольно смелое предположение М. М. Дадыкиной о том, что порядчики при уходе из монастырской деревни платили пожилое, но в силу общепринятости, по словам автора, о платеже, закрепленном законом, в порядных не писали. Если же заключался договор не в Юрьев день, а в другие сроки, то указывался размер неустойки (которая понимается ею как замещение пожилого) при досрочном уходе (1,5—2 руб.), «поскольку здесь общепринятая норма не действовала» [7, с. 65—66]. Нам представляется, что такие штрафные взыскания имеют иную, чем

плата пожилого, природу. Тем более что прилуцкие порядчики рассматривались не как свободные арендаторы, а как монастырские должники.

Важную информацию о судьбе порядчиков содержат сами порядные кабалы и записи, точнее пометы на них. Часто о причинах невозврата долга мы узнаем из помет, сделанных монастырскими служителями на документе. Из 12 самых ранних кабал 1552—1568 гг., в 8 имеется запись «умре», то есть порядчики почти всех имеющих у нас ранних кабал умерли, не выплатив долга (№ 1—3, 5, 7, 10—12). Весьма вероятно, что их смерть связана с неурожаем или эпидемиями. Известно, например, о голоде на Севере в 1557—1558 гг., но особенно губительными были бедствия 1571 г.: мороз побил летом яровые и озимые хлеба; «во всей Русской земле мор силен был, якоже многие грады и селы запустеша»; в Новгороде погибло более 10 тыс. человек, в Великом Устюге — 12 тыс. человек, «опроче прихожих» [11, с. 315, 318]. Косвенным аргументом в пользу этой версии служит однотипность помет, выполненных внизу текста.

Некоторые пометы сообщают дополнительные подробности жизни порядчиков. Так, на кабале 1552 г. (№ 1), кроме пометы «умре» (внизу текста), на обороте есть запись: «По сей кабале уплатил четыре гривны. Левашево. На дитеныша, а живет на Тотьме». Интерпретация этой записи практически однозначна: порядчик успел до своей кончины вернуть только часть своего долга, 40 коп. из общей суммы в 1 руб. Оставшийся долг был переведен на одного из его сыновей, упомянутых в кабале, который порядился, очевидно, в монастырские детеныши и работал на соляных промыслах в Тотьме.

Большой интерес представляет единственная датированная помета на кабале 1554 г. (№ 3), кроме «умре» (внизу текста), на ее обороте написано: «Лѣта 7076-го по сей кабале Григорей Третьяк сорок алтын заплатил истины. Великорѣцкая». Запись доказывает, что часть основного долга (1 руб. 20 коп. из 2 руб.) была возвращена только в 1567/68 г., то есть через 12—13 лет после окончания срока займа. Платил сын одного из порядчиков. Пример еще раз подтверждает, что порядчики долгие годы продолжали жить на своем участке, оставаясь должниками монастыря. В случае их смерти долг переводился на их детей.

На кабале 1554 г. (№ 4) Онтифея Ларионова с сыновьями на 30 алт. денег, данных сроком на 10 месяцев, внизу листа есть помета: «Жив сын Родион, живет в Тошенской волости, в Васильевской тре-

ти, в д. Пучинине». Хотя пометы «умре» в публикации нет, но из содержания вытекает, что основной порядчик умер. Жив один из его сыновей Родион, который перебрался в другую монастырскую вотчину и на которого, очевидно, переписан отцовский долг. Известно, что Родион Антифьев сын несколько раз сам занимал деньги у монастыря. В 1581 г. он делал это дважды. Выявлено в общей сложности 25 крестьян, которые в XVI в. занимали у монастыря деньги по несколько раз [7, с. 25—26].

По порядной кабале 1576 г. (№21) 5 монастырских крестьян Домшинской волости заняли у казначея 1,5 руб. денег и должны были жить в д. Дьяконице (4 человека) и Яковлевцеве (1 человек). Помета внизу листа сообщает: «Выслан: Вѣшняк в Масенецкой волости, а Дружина в Угольской волости, а Микитка в Тошенской волости, а Нечай и Лева в Домшине». Получается, что 3 из 5 порядчиков были «высланы» в другие, похоже, отдаленные волости. Сам термин говорит о том, что это было сделано, если ненасильственно, то без особого с их стороны желания. Следовательно, монастырь считал себя вправе переселять должников по мере необходимости в другие свои владения, не учитывая их волю. Подобные пометы о высылке в Угольскую волость встречаются еще в 2 кабалах: 1570 г. (№14) и 1572 г. (№17). Такая практика явно не была единичным явлением.

Самовольно покинуть монастырь порядчик вряд ли мог. Даже переходя из одного монастырского селения в другое, крестьянин-порядчик должен был решить вопрос со своими долгами. Он мог перевести долг на свое новое место жительства; мог часть (особенно в виде семян в земле) оставить новому поселенцу. Мокий Семенов в 1598 г. перешел из д. Кожевниково в д. Дор. Свою землю он отдал Треньке Афонасьеву вместе с головным своим хлебом — 1 четверть ржи и 2 четверти овса. На самом Семенове после этого остались 1 руб. денег и четь овса [9, с. 370—371].

Удалось установить, что порядчики почти всех известных нам поздних порядных записей, начиная с 1574 г. (№19, 20, 22, 23, 25—28, 30—32), жили в монастырских селениях долгие годы и были зафиксированы в окладных (рядных) книгах 1598 г. Установленная длительность проживания должников-порядчиков (с сыновьями) в монастырских владениях составляет от 5 до 24 лет! Не увеличили своей задолженности к 1598 г. ни по деньгам, ни по зерну 3 порядчика (№22, 27, 31) из 10. У 3 порядчиков (№20, 25, 26) денежный

долг увеличился (на 0,5 руб., то есть в 1,5 раза; на 0,3 руб., то есть на треть; на 0,5 руб., то есть в 2 раза). И только порядчик Третьяк Кондратьев уменьшил денежный долг на 10% [9, с. 372]. У 6 порядчиков, не имевших хлебного долга (по порядным № 19, 20, 23, 25, 28, 30), в 1598 г. такой долг появился [9, с. 369, 370, 372, 380, 390].

В рядных книгах 7 монастырских ключей 1598 г. отражено население 6 сел, 1 слободы, полусельца и 61 деревни [9, с. 367—393]. В этих владениях значится 241 крестьянский двор с населением 273 человека. Из них только 18 человек (7% ко всему населению) обозначены как новопорядчики: 11 человек новых, по-видимому, немонастырских людей; 2 человека — перешли из других монастырских владений (ключей); 4 — из других деревень, а 1 поряжался на новое место в той же деревне [9, с. 370—371, 373—375, 380, 382—383, 387]. Из всего крестьянского населения нам удалось выявить только 26 дворов (32 человека), то есть около 9%, которые не имели задолженности перед монастырем.

Для привлечения крестьян и закрепления их на своих землях, приобретенных в основном в 20—30-е гг. XVI в. [12, с. 124—125; 13, с. 67—74], в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре использовалась система кабального порядка. Он представлял собой симбиоз кабально-ростовщических и поземельно-феодалных отношений. В обход запрета Стоглавом заниматься ростовщичеством — давать «деньги в росты» и «хлеб в насы» [14, с. 379], в этом монастыре в середине XVI в. появляются особые крестьянские порядные кабалы. По ним крестьяне получали из казны деньги или хлеб, а «за рост» (за проценты) по своим долгам обязаны были жить и работать на монастырской земле, выплачивая при этом не только монастырский оброк и выполняя «изделье» (барщину), но часто и государственные подати. Кроме долга и обязанности платить подати, на крестьян-порядчиков нередко налагались штрафные санкции за ненадлежащее выполнение условий порядка, сумма которых, как правило, в несколько раз превосходила размер долга. Так что крестьянин-порядчик был привязан к монастырю тройными узами, разорвать которые было непросто. Нет ни одного свидетельства, подтверждающего высказанное в литературе мнение о том, что крестьянина могли освободить от долгов за многолетнюю работу на монастырской земле [6, с. 173]. Если бы Прилуцкий монастырь действительно отказывался от взыскания крестьянских долгов, то не стал бы так скрупулезно фиксировать их в своих окладных (рядных) и дозорных книгах конца XVI — начала XVII в. [15, л. 63—76].

Крестьянское население Спасо-Прилуцкого монастыря формировалось, похоже, исключительно за счет кабальных порядков и к концу XVI в. не менее 90% населения его вотчин составляли крестьяне-должники, за большинством из которых числились «головные» деньги и хлеб. Многие из них длительное время проживали на монастырских землях, получая дополнительные займы, переходя из одного владения в другое (не всегда по своей воле), нередко передавая свои долги детям или преемникам.

Список источников и литературы

1. Дьяконов М.А. К вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабале : сб. ст., посвященных В.О. Ключевскому, его ученикам, друзьям и почитателям ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909.
2. Гейман В.Г. Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI в. : сб. Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1.
3. Панях В.М. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5.
4. Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 14 : Акты Холмогорской и Устюжской епархий.
5. Прокофьева Л.С. Вотчинное хозяйство в XVII веке (по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря). М. ; Л., 1959.
6. Кольчева Е.И. Крестьянские поряды в монастырские вотчины второй половины XVI в. // Крестьяне и сельское хозяйство России в XIV—XVIII веках. М., 1989.
7. Дадькина М.М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI—XVII в. Исследования. Тексты. М. ; СПб., 2011.
8. Иванов В.И. Крестьяне-порядчики русской северо-западной деревни XVI века // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2018. Вып. 24.
9. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574—1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. М. ; Л., 1979. Вып. 2.
10. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 299. №109.
11. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычных явлений природы. М., 1988.
12. Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.
13. Шумаков С.А. Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1698 гг.). М., 1902. Вып. 10.

14. *Емченко Е. Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000.
15. *Отдел* письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 61. Д. 15.
16. *Суворов И. Н.* Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. 1533—1651. Вологда, 1903.
17. *Государственный архив* Вологодской области.
18. *Акты* юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1838.

Приложение

Порядные записи Спасо-Прилуцкого монастыря XVI века

№	Дата	Заголовок	Место публикации или хранения
1	1552	Кабала-порядная Мосия Нифантиева с сыновьями на 1 руб., а за те деньги пахать треть д. Левашово	2, № 1
2	1553	Кабала-порядная Алексея Кириллова с сыном и Григорием Софоновым на 10 алт., а за те деньги жить на поч. Грикшин	2, № 2
3	1554	Кабала-порядная Евтихия-Незная Яковлева с Забойникова с сыновьями и Обросима-Истомы Мартемьянова на 2 руб., а за рост жить на поч. Васильеве	2, № 3
4	1554	Кабала-порядная Онтифея Ларивонова с сыновьями на 30 алт., а за рост жить на 4-й выти поч. Симанова	2, № 4
5	1555	Кабала-порядная братьев Фили и Ивана Терентиевых на полтину, а за рост жить на 8-й доле выти д. Шеломово	2, № 5
6	1557	Кабала-порядная Омеляна Наумова с сыновьями на 20 алт., а за рост пахать в д. Цибоглазово полпуга и сеять исполу рожь и овес	7, с. 117—118, № 7
7	1557	Кабала-порядная Семена Леонтьева и Емельяна Григорьева на полтину, а за рост жить на поч. Лодыгине	2, № 6
8	1564	Кабала-порядная Стефана-Молчана Семенов с братьями на 20 алт., а за рост жить в д. Никиткино на полуплуге	2, № 7
9	1564	Кабала-порядная Ивана Ларионова с сыном на 22,5 алт., а за рост жить на полуплуге в д. Никиткино	2, № 8

Продолжение табл.

№	Дата	Заголовок	Место публикации или хранения
10	1566	Кабала-порядная Гаврилы Григорьева и Захара Никитина с сыном на 1,5 руб., а за те деньги пахать треть починка	2, № 9
11	1566	Кабала-порядная Анисима Федорова с сыном на 10 алт., а за рост жить в д. Звягино	2, № 10
12	11.01 1568	Кабала-порядная Гаврилы Захарова на 1 руб., а за рост жить на полудеревни Бренцево	2, № 11
13	1570	Кабала-порядная Ведения Назарова с сыном на 1 руб., а за рост жить в д. Никитино	7, с. 119—120, № 10
14	1570	Кабала-порядная Никиты Иванова с сыновьями на 40 алт., а за рост жить в д. Яковцово	7, № 11
15	1572	Кабала-порядная Андрея Родионова на 1 руб., а за те деньги жить в шестерине выти в д. Кожевниково	2, № 15
16	1572	Кабала-порядная Семена Дементиева с пасынком на 1 руб., а за те деньги жить на полуплуге в селе	2, № 16
17	1572	Кабала-порядная Назара-Дружины Губина на 1 руб., а за те деньги за рост жить в д. Дьяконица на трети плуга	2, № 17
18	1573	Кабала-порядная Савы Харитонова на 1 руб., а за рост, за те деньги жить в д. Глобене на полуплуге	2, № 18
19	1574	Кабала-порядная Михаила Яковлева на полтину, а за рост жить на трети д. Тятюнкино	2, № 19
20	1575	Кабала-порядная Первого Иванова с женой на 1 руб., а за рост, за те деньги жить в д. Озерково на полуплуге	7, с. 121, № 13
21	1576	Кабала-порядная Дружины Губанова, Микиты Иванова, Вешняка Федотова, Нечая и Льва Досадиных на 1,5 руб., а за рост жить на 1,25 плуга в д. Дьяконице и в д. Яковлецево на чети плуга	2, № 20
22	1576	Кабала-порядная Федора Павлова с сыном Корнилом на 1 руб. и 4 четверти ржи в земле, а за рост жить в д. Липовик	17, ф. 1260, оп. 5, д. 1
23	1576	Кабала-порядная Третьяка Кондратьева на 1 руб., а за те деньги, за рост жить в с. Сергиевском на полуплуге	2, № 21

Окончание табл.

№	Дата	Заголовок	Место публикации или хранения
24	1577	Кабала-порядная Тихона Ильина на 2 руб., а за рост жить в д. Хвощево на полуплуге	3, с. 216 (примеч. 2)
25	24.12 1578	Кабала-порядная Семена Борисова с женой на 1 руб., а за те деньги, за рост жить в с. Выпрягово на полуплуге, половничать	2, № 22
26	25.04 1582	Запись порядная Якова Романова и Богдана Максимова в с. Богородское на полвыти с ссудой на полтину и 5 четвертей ржи (в земле)	18, № 182
27	08.02 1583	Кабала-порядная (запись рядная) Григория Прокофьева на полтину, а за те деньги, за рост жить на полуплуге в с. Выпрягово	2, № 23
28	1584	Кабала-порядная (запись рядная) Ивана Ульянова Бояринова на 5 руб., а за те деньги жить в д. Олексино на пустом полуплуге	2, № 24
29	25.03 1585	Порядная Ивана Миниева с порукой на полплуга в с. Богородское к засеянной ржи (5 четвертей)	18, № 290.1
30	1586	Кабала-порядная Давыда-Невежи Мурзанова на 20 алт., а за те деньги пахать четь выти в д. Кожевниково	7, с. 123, № 16
31	06.01 1593	Запись порядная с порукой Григория Терентьева на полплуга в д. Никиткино с подмогой деньгами (30 алт.) и семенами	10
32	1593	Запись порядная Григория Семенова, Максима Федорова, Стефана Поздеева на 2 плуга в пуст. Липовик Лодыгин с подмогой деньгами (2 руб.) и семенами	16, № 651

Строительство городов на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI века

В статье рассмотрены действия правительства по основанию городов-крепостей на Юго-Востоке Европейской России. Показано, что в период царствования Фёдора Ивановича наблюдалась активизация этого процесса.

The article describes the actions of the government on foundation of fortified cities in the South-Eastern part of European Russia. It was shown that during the reign of Fyodor Ivanovich there was an intensification of this process.

Ключевые слова: Юго-Восток Европейской России, города-крепости, строительство, государственная политика.

Keywords: South-Eastern part of European Russia, fortified cities, foundation, state policy.

Одним из самых значимых периодов в истории российской государственности стала вторая половина XVI в. Именно в это время в состав страны были включены обширные области Европейского Юга и Юго-Востока, а также Сибири. Государство заложило основы для освоения плодородных лесостепных черноземов, приступило к эксплуатации богатейших промысловых ресурсов пограничных окраин. В извечной борьбе земледельческого «леса» и кочевой «степи», по образному выражению С.М. Соловьева, начинает побеждать лес. Для того чтобы ввести в хозяйственный оборот эту, по словам И. Пересветова, «подрайскую землицу», необходимо было создать совокупность городов-крепостей и засечных линий, обезопасить труд крестьянина-земледельца и предпринимателя-промышленника; помочь тяглым и служилым людям заселить новые территории, тем

самым превратив их в районы устойчивого хозяйственного развития. Эти процессы шли крайне медленно, требовали значительных средств и людских ресурсов.

Присоединение Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья в середине XVI в. сыграло ключевую роль в последующем доминировании Московского государства на Европейском Юго-Востоке. Однако вплоть до завершения Ливонской войны у правительства хватало сил и средств только на военно-административную и хозяйственную колонизацию территории бывшего Казанского ханства; осуществление контроля за волжским путем и создание крупного военного и торгово-промышленного центра в Астрахани. Кроме того, в 1567 г. для закрепления за Россией нижнего течения р. Терек был построен г. Терки [1, с. 239].

Включение Казанского края в состав военно-административной, хозяйственной и социокультурной жизни Московского государства, его окончательное «замирение» шло на протяжении всей второй половины правления Ивана IV. В результате в регионе была создана новая, позднее распространенная на всю территорию страны система воеводского военно—административного управления. Административно—территориальное обустройство новых земель и их колонизация опирались на совокупность городов-крепостей, власти и гарнизоны которых контролировали практически всю территорию края. К Казани и Свияжску прибавляется построенный в 1552 г. Алатырь. Во время Казанской войны и сразу после ее завершения, государство основало Чебоксары (1555 г.), Лаишев (1557 г.), Тетюши (1558 г.); в процессе подавления первого Черемисского восстания — Кокшайск (1573 г.). Весьма значительная группа городов появилась в годы Третьей Черемисской войны — Козьмодемьянск (1583 г.); Царевкокшайск, Цивильск, Уржум, Малмыж (все в 1584 г.); Царевосанчурск (1585 г.) [2, с. 36; 3, с. 170—172]. Следует отметить, что города 1583—1585 гг. возникли в начале правления Фёдора Ивановича, когда практически завершилась Ливонская война — за исключением Козьмодемьянска. «Новый летописец» свидетельствует: «Сам же государь праведной... (Фёдор Иванович. — Э.Д.) чая от них (народов Среднего Поволжья. — Э.Д.) впредь измены... повеле ставити во всей Черемиской земле города, — и поставиша на Нагорной и на Луговой стороне город Какшугу и город Цивилеск и город Уржум и иние многие города, и насади их Рускими людьми и тем он государь

укрепил все Царство Казанское» [4, с. 36]. Вполне вероятно, что возведение большинства из этих городов планировалось еще при Иване Грозном.

Южные границы Казанского края совпадали со сложившимися еще во времена ханства рубежами оседлого расселения и к концу 1570-х гг. были прикрыты совокупностью засечных черт и отдельных оборонительных пунктов по линии Темников — Алатырь — Тетюши; юго—восточные — крепостями в нижнем течении р. Камы (Лаишев и др.). Подступы к Казани по Волге закрыл Тетюши [5, с. 14—19; 6, с. 47—91].

Завершение разорительной Ливонской войны, воцарение Фёдора Ивановича и утверждение правительства Б.Ф. Годунова — А. Щелкалова привели к значительным изменениям в государственной политике на южных, юго-восточных и восточных рубежах страны. Особое внимание было уделено укреплению безопасности на этих направлениях, расширению пояса пограничных крепостей и островов с последующим военно-административным, а затем и экономическим освоением пространства Поля. Однако в сохранившихся законодательных актах не удается обнаружить существования сколько-нибудь детально разработанной программы такой деятельности.

Но поворот к ней был замечен и в обобщенном виде изложен в ряде летописных источников. Так, составители «Пискаревского летописца» под 1684 г. сообщили о наличии царского указа с перечнем мер, направленных на защиту всего Юга и Юго-Востока: «Того же году (1584. — Э.Д.) великий государь и великий князь Фёдор Иванович... приказывает... города ставить на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за много лет запустеша от безбожных агорян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливны, Койса, Оскол, Валуйка, Белгария, Самара, Кромы, Монастырев и иныя многия польския и северския» [7, с. 195]. Примечательно, что следующим годом в летописи идут сведения о строительстве русскими воеводами городов в Сибири. Этот текст о наличии особого царского указа, или даже программы, выглядит несколько странно. В нем аккумулируются сведения о крепостном строительстве на удаленных друг от друга территориях Поля, «Сивера» и «к Астрахани». Совокупность большинства указанных в тексте «городов» тянется к северо-востоку от Северских и доходит почти до области Рязанских городов. Только Самара (если в летописи говорится действительно о волжском городе) должна была защищать путь по Волге к Астрахани. Особняком в

этом списке стоит и Койсинский острог. Устье р. Койсу-Сулака в Дагестане было занято русскими отрядами только в 1589—1590 гг., а сам острог основали в 1594 г. [1, с. 277—278, 283, 288]. Отметим, что многие из «городов» не были построены в ближайшие годы после появления «указа», их возведение растянулось на длительный срок, вплоть до конца XVI в. [8, с. 69—70; 9, с. 73—80, 86; 10, с. 100—109]. Характерно, что в указе Фёдора Ивановича объявлено о возведении городов только в Поле, за пределами границ уже освоенных территорий страны на Юге и Юго-Востоке. Возможно в 1584 г., когда сын Ивана Грозного взойшел на престол, были только в самом общем виде декларативно объявлены задачи будущей градостроительной политики.

С. И. Хазанова, специально занимавшаяся изучением «Пискаревского летописца», обоснованно считает, что «предполагаемый автор летописи, возможно, имел отношение к строительству городов» [11, с. 98]. Открывшая и издавшая летописец О. А. Яковлева и изучавший его М. Н. Тихомиров также считают, что автором текста был человек близкий к «московскому каменному строительству» [12, с. 244], а Я. Г. Солодкин высказывает предположение, что тот какое-то время даже служил в приказе каменных дел [8, с. 104]. Хазанова же указала еще на один краткий летописец, свидетельствующий об особом внимании уже ставшего царем Б. Ф. Годунова к строительству городов-крепостей: «И сей государь... в свое царство в русском государстве градов и монастырей и много достохвальных вещей много зело устроив» [11, с. 100]. О том, что сюжеты, связанные с активизацией градостроительной политики, постоянно встречаются в летописании конца XVI в., свидетельствует еще ряд источников. Так, например, в опубликованном Тихомировым фрагменте летописи, условно названном «Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве», приведен перечень основных (но далеко не всех) городов, возникших в указанный период [13, с. 230—231].

Одним из самых информативных источников об освоении окраин страны в конце XVI в. является уже упоминавшийся выше «Новый летописец», содержащий сводные материалы о создании сибирских, «украинных» и «казанских» городов-крепостей [4, с. 34, 36, 43, 45—46]. При этом его автор гораздо более точен и конкретен в деталях описываемого процесса. Например, в разделе «О поставлении Украинных городов» он сообщает: «Того же году (1592/93. — Э.Д.) царь Фёдор Иванович видя от Крымских людей своему государству

войны многие и помысля поставити по сакмам татарским города и посла воевод своих со многими ратными людми. Они же, шедше, поставиша на степи города: Белгород, Оскол, Валуйку и иные города; а до тех городов поставиша на Украине города: Воронеж, Ливну, Куреск, Кромы. И насади ратными людми, казаками и стрелцами и жилецкими людми; те же города ево праведною молитвою укрепшася и ныне стоят» [4, с. 45].

Несомненно, у градостроительной политики Фёдора Ивановича на Европейском Юго-Востоке была своя предыстория, о которой, кстати, в «Пискаревском летописце» практически нет известий. При Иване Грозном и даже Василии III не однажды предпринимались попытки строительства новых крепостей или по крайней мере вынашивались планы их возведения к югу от границ бывшего «Царства Казанского». Примером таких действий является история крепости Терки на Северном Кавказе, которую не однажды приходилось сносить, а затем восстанавливать [1, с. 238; 14, с. 516—518].

Интересна в этом отношении история взаимоотношений с ногаями, контролировавшими в XVI — начале XVII в. практически весь Европейский Юго-Восток. В. В. Трепавлов совершенно справедливо считает, что «у ногаев не было заметно сознательной политики по седентаризации... Ногаи оседали, лишь очутившись в безвыходном положении и престиж кочевничества у них никогда не снижался» [15, с. 515]. И все же имеется ряд данных об их контактах с русскими властями по поводу основания городов.

Первые известные нам попытки в этом направлении предпринимались задолго до казанского и астраханского «взятия». В 1538 г. московские власти в переписке с Хаджи-Мухаммедом бен Муса (Кошумом) особо отмечали, что «на Волзе Бабеково селище, и ты на том селище хочешь город ставити, и нам бы послати тебе на то дело своих холопов сто человек топорников да с ними десять человек пищальников с пищальми, а со всеми бы с теми людми послати нам своего доброго человека» [16, с. 227].

В обмене посланиями между Исмаилом и Иваном IV относительно укрепления «опасных мест» для Орды на Волге начиная с 1554 г., помимо строительства «на перевозех» в устьях р. Самары и Иргица, а также на «Переволоке» русских крепостей [17, с. 30—35], упоминается еще один город «на Астараханской земле» [18, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 248, 303, 352, 361]. Инициатива их создания исходила от Исмаила, но и в Москве стремились не разочаровать ногаев. Уже

осенью 1557 г. начинаются интенсивные переговоры о необходимости устройства на месте Астрахани нового, хорошо укрепленного города. Действительно, Кремль русской Астрахани, по мнению английского путешественника Э. Дженкинсона, был «не красив, не крепок» [19, с. 206]. Новый город ногаи намерены были сами контролировать, отодвинув русскую администрацию на вторые роли: «...а Кунгул словет то место, где ныне город стоит Астарахань, ото всех стран учнут гости приходить и ты бы тут тамгу на три жеребьи розделил. Да две доли дай мне, а долю дай тому хто тут учнет быти на береженье. Да чтоб еси Астараханской полон нам отдал, и как то будет подспорье юрта строити, как коли в казанском» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 44]. Тем самым Исмаил рассчитывал выйти из кризиса путем создания с помощью России нового «Юрта», то есть государства под патронатом Москвы. Столицей его должен быть стать город с русским военным гарнизоном и со значительным ногайским населением, находившийся под совместным управлением. Позднее, выказывая обиду на Ивана IV за то, что тот «изо всей тамги не дал ничево. Только меня себе братом назовешь», Исмаил особо отмечал: «Яз же дал (разрешил, позволил. — Э.Д.) Астарахансково взятья тово для, яз был надеялся всю Астарахан себе» — и далее предлагал: «И ты Кунгуля со мною пополам ведай. Тамга и все бы вопче нам было» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 48]. Претензии на новый «Юрт» Исмаил объяснял тем, что «волжское устье отца моего юрт» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 47].

В этой переписке особый интерес представляют два момента. Во-первых, в новом городе Исмаил желал получить постоянное подворье: «И как подворье свое учиню не подвижно; и потом учну Крыма воевати... Да пришли ко мне мастеров и лесу сосновово хоромы ставити...» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 43]. Во-вторых, кроме русского гарнизона бий хотел видеть там постоянное население, подвластное ему: «...взяв... тебе (речь идет об Иване IV. — Э.Д.) астараханские животы, а головы было тебе мне отдати. И ныне б еси астараханских людей всех нам дал тово для, что хотим возле Кунгуля город поставити. И тому Астарахани без людей не быти, чтобы еси одиночно дал, наши люди нагайские городовово дела не знают» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 47]. Из последней фразы не совсем ясно, просил ли еще Исмаил русских людей для строительства или считал, что ногаи просто не умеют жить городской оседлой жизнью. Однако в Москве предпочли отмолчаться, не предприняв каких-либо кон-

кретных шагов для спасения голодающих ногаев. Находившийся в это время в Астрахани Э. Дженкинсон прямо обвинил российские власти в бездействии [19, с. 207].

Летом 1558 г. Исмаил, обосновывая необходимость строительства городов в Орде, писал в Москву: «А кочевати нам мочи нет» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 79]. В послании Исмаил разъяснил дальнейшие действия ногаев: «А мы на берегу Волги на Хандыкове (? — Э.Д.) юрте хотим город поставити. И ныне городу без денег и без хлеба, и без всяково живота без куп не быти. И ты б ныне нам прислал денег много и живота купы многие пришли, да на семена во многих судех хлеба многие пришли... А на Сарайчик устави дарагу... Да чтоб еси приказал Астараханским людем, чтоб мой княжой город зделали. Да прислал бы еси лесу доброво в том хоромы ставить» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 79]. И вновь переговоры с Москвой о строительстве новой крепости на месте Астрахани, совместном управлении ею, о присылке работных людей и стрельцов шли с трудом.

Тогда бий сделал попытку сам основать город на восточном пограничье волжской дельты, ближе к Сарайчику. О том, что этот замысел начал воплощаться в жизнь, свидетельствует послание Е. Мальцева, прибывшее «из Нагай» 1 сентября 1558 г. (все даты, кроме оговоренных ранее, даются по старому стилю): «А Смаиль, Государь, отпустя меня пошел со всеми людми города делать на Урунгуле на реке на Бузане к Сарайчику на пути полднище от Астарахани плести, Государь им два плетеныя, да межи того земля сыпать... А город, Государь, и наси того для делает, что улусные люди все хотели от него и от детей отойти, пребыти деи нам бес крепости немочно, быти деи в полону...» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 84]. Тогда же в ответ на предложение «А которой город мы поставим, то твой же...» из Москвы последовал положительный ответ: «А будет еси город поставил и мы тебе велим давати в твой город стрельцов на береженье на всякой месяц по пятидесят человек на своем корму» [18, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 96].

Нет сомнений, что окружение Фёдора Ивановича хорошо понимало особую значимость волжского пути для соединения в единое целое всего пространства между Казанью и Астраханью. «Плавные рати» и «летовавшие» в «опасных» местах отряды стрельцов и казаков не могли окончательно закрепить Волгу за Московским государством, сделать ее безопасной для судоходства и промыслового рыболовства.

Судя по материалам фонда Ногайских дел РГАДА, рассмотренным и частично опубликованным П. П. Пекарским, правительство в 1584—1585 гг. разработало проект глубокого охвата ногайских летних кочевий городами-крепостями. В грамоте Уруса к Ивану Грозному, написанной осенью 1586 г., говорится о четырех местах строительства таких городов — на Увеке (рядом с современным Саратовом), в Самарском урочище, на притоке Камы — р. Белой — и на впадающей в нее р. Уфе [20, с. 8]. В том же году 600—700 (по другим данным, 500) вольных казаков поставили на р. Яик Кош-Яицкий городок. Урус сообщал в той же грамоте, что русские пленные говорили ему: «...мы де делаем по государя нашего приказу, а город де поставили на Яике... воюем по государеву веленью» [20, с. 9]. Таким образом, самые богатые северные ногайские кочевья должны были со всех сторон от Яика (примерно посередине между современными Оренбургом и Уральском) до Волги (в устьях р. Самары и Иргиза) прикрыть русские государевы и, что еще хуже, казачьи города. О том, насколько велика была угроза для ногайских кочевий только со стороны одного Кош-Яицкого городка, свидетельствует ожесточенное сражение, разгоревшееся под его стенами той же осенью и слова бия Уруса: «...только де я возьму казаков, и я де буду кочевати под Асторахань, а только де не возьму казаков, и я де пойду кочевать за Сыр реку (Сыр-Дарью. — Э.Д.)» [20, с. 8]. В материалах последующей русско-ногайской переписки город на Увеке (Саратов) не упоминается, а «два места» на Уфе и Белой Воложке, очевидно, означали одну Уфимскую крепость, основанную при слиянии р. Белой и Уфы [20, с. 18—21, 24].

Таким образом, указанные выше источники и ряд других свидетельствуют о строительстве весной-летом 1586 г. двух городов — Самары и Уфы. Трудно сказать, существовали у московского правительства иные планы или Урус в своем первом послании ссылался на непроверенные сведения. Возможно, в ходе строительства городов этот проект несколько скорректировали. Было решено защитить прежде всего ближние подступы к Астрахани — как по Волге, так и по северному побережью Каспия. В 1589 г. был основан Царицын и только потом в 1590 г. — Саратов. Руководил экспедициями, возводившими все три волжских крепости, князь Г. О. Засекин [21, с. 109—122]. О возникновении всех трех волжских городов к настоящему времени опубликована значительная литература, основанная на вполне репрезентативных источниках [22, с. 132—147; 23, с. 91—95; 24, с. 19—26].

Уже в конце 1590-х гг. предполагалось построить на Волге еще Черный Яр, но затем от этого проекта отказались. В делах Посольского приказа имеется указание на «чертеж Черново Яру, что меж Астарахани и Царицына при царе Борисе хотели на Волге ставити город для промыслу над воровскими казаки» [25, с. 414]. Очевидно, что именно в конце XVI столетия в Москве сложилось видение окончательного закрепления за Россией наиболее опасного участка волжского пути от устья Самары (поселенные в Самарском городе военные люди скорее всего могли контролировать волжскую акваторию до устья Б. Черемшана) до Астрахани.

Безусловно, закрепление России на Европейском Юго-Востоке после завершения Ливонской войны было более масштабным. Достаточно указать на сооружение ряда крепостей и острогов во главе с крепостью Терки на Тереке.

В конце 1580-х гг. были предприняты дополнительные усилия для укрепления российского присутствия в Нижнем Поволжье. В 1588 г. «велел государь... в Астрахани город делать Астрахань каменной». Видимо, в этом же году было решено значительно увеличить военный гарнизон крепости. Вниз по Волге отправилась «плавная рать», состоявшая из трех полков во главе с М. И. Вельяминовым, которому и поручили строить астраханский Кремль [26, с. 107—108]. Строительство каменного города продолжалось по крайней мере до 1591 г. [27, с. 438—440; 28, с. 126]. О том, что город в конце XVI — начале XVII в. приобрел иной облик, значительно разросся, свидетельствуют данные о строительстве новых и перестройке старых монастырей и храмов [29, с. 85, 90, 107—108], о создании в начале XVII в. Астраханской епархии.

Но и этих мер оказалось недостаточно. Астраханские воеводы должны были контролировать огромный район, что требовало дополнительных военных ресурсов. О нехватке служилых людей в городе сообщали в 1604 г. русские послы: «А воевода твой государев Михайло Сабуров да дьяк Офонасей Карпов о провожатых нам холопом твоим сказали: что у них было в Асторохани конных стрельцов, и те все разосланы для твоих государевых дел на Яик и к Солям и по иным местам и по Волге вверх для воров казаков, которые громили суды торговых людей, и встречю кизылбашского посла от воров для береженья, и послати им с нами полем стрельцов конных неково» [30, с. 216].

Во второй половине 1580-х гг. произошли качественные изменения в политике Москвы на Северном Кавказе. Характерно, что еще осенью 1586 г. в Астрахани присланный туда крымский царевич Мурад-Гирей говорил о том, «где государь города ставити хочет», и первым назвал место «на Терке» [20, с. 25].

Россия окончательно смогла закрепиться в нижнем течении Терека и создала там целую систему военных пунктов — Терский городок, Койсинский и Сунженский остроги [1, с. 244, 269, 276, 278, 284; 31, с. 35, 36]. Если ранее такие города и остроги возникали спорадически и существовали недолго, то в рассматриваемый период произошло фактическое закрепление Притеречья за Россией. Активная антитурецкая и антикрымская русская политика на Северном Кавказе не только способствовала росту влияния здесь России, но и защищала низовья Волги и в первую очередь Астрахань; создавала условия для стабилизации обстановки в Понизовом Поволжье.

В середине 1590-х гг. были предприняты первые попытки для усиления влияния астраханских воевод на ситуацию в низовьях Яика. В 1595 г. по просьбе ногайских мурз в устье реки был поставлен деревянный городок, срубы для которого заготовили в районе Тетюшей. Крепость заселили русскими служилыми людьми. Просьба ногаев была вызвана экспансией «бухарского царя» на исконно ногайские территории, где находилась их столица Сарайчик. Но как только опасность миновала, по просьбе самих ногаев укрепление ликвидировали [32, с. 279; 33, с. 190].

Таким образом, к началу XVII в. на Европейском Юго-Востоке сложилась система городов, позволяющая защитить южные границы Казанского края, закрепить волжский торговый и промысловый путь, а также северное побережье Каспийского моря за Московским государством. Большая Ногайская Орда практически утратила свою самостоятельность и признала свое подданство России.

События Смутного времени надолго затормозили эти процессы, и только после ликвидации авантюры И. М. Заруцкого они получили продолжение.

Список источников и литературы

1. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М., 1963.
2. *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.

3. Бахтин А. Г. XV—XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
4. *Новый летописец* // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14, ч. 1.
5. Лебедев В. И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006.
6. Пашина Е. В. Военно-административное и социально-экономическое развитие города-крепости Тетюши в последней трети XVI — первой четверти XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2018.
7. Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
8. Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008.
9. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004.
10. Кушнарев С. С. Южное порубежье Российского государства в конце XVI—XVII вв. (на примере Среднего Поосколья) : дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2015.
11. Хазанова С. И. Пискаревский летописец. Происхождение, источники, авторство. М., 2014.
12. Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII вв. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
13. *Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве* // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
14. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
15. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.
16. *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1533—1538 гг.* // Ногайские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489—1549 гг. Махачкала, 1995.
17. Дубман Э. Л. Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: История, педагогика, филология. 2012. № 2/2 (93).
18. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА).*
19. *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.* Рязань, 2006.
20. Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара? СПб., 1872.
21. Дубман Э. Л. О князе, который строил города (жизнь и деятельность князя Григория Засекина). Самара, 2018.
22. Тюменцев И. О. Начало Царицына: гипотезы и факты // Стрежень: Научный ежегодник. Волгоград, 2000. Вып. 1.

23. Рабинович Я. Н. Основание Саратова и первые гости города (1590—1591) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2.

24. *История Самары (1586—1917 гг.)* : монография / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара, 2015.

25. *Опись* архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1.

26. *Разрядная книга 1475—1605*. М., 1987. Т. 3, ч. 1.

27. *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией* : в 5 т. СПб., 1841—1872. Т. 1, № 230.

28. *Хлебников П. Х.* Астрахань в старые годы, вторая половина XVI века. СПб., 1907.

29. *Савинский И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903.

30. *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова 1606—1607. М., 1951.

31. *Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958.

32. *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом : матер., извлеченные из Московского Главного архива МИД. Вып. 1 (1578—1613 гг.) // ЧОИДР. 1888. Кн. 3 (146).

33. *Дариенко В. Н.* Основание города Гурьева // Вопросы истории : сб. ст. Алма-Ата, 1973. Вып. V.

Крестьяне и десятинная пашня духовных владений в России 20—60-х годов XVIII века

Анализируются особенности земельных имуществ русского духовенства, в частности десятинной пашни. Показан масштаб распространения вотчинного хозяйства монастырей и архиерейских домов на территории России в 20—60-е гг. XVIII в. Исследуется режим управления крестьянами, регулируемого Синодом в духовных владениях.

The paper is devoted to the analysis property russian church, in particular the plots of land. The statistical demographic data and economic potential have been analyzed. Study of scale land ownership, the economy of church ploughed fields, patrimonial estate monastery and bishop eparchy. Shows their real over Synod church peasants in Russia in the XVIII century.

Ключевые слова: Россия, владения духовенства, крестьяне, пашня, управление, Синод, приказчики, экононы.

Keywords: Russia, real property, church, monastery, bishoping homes, peasants, plot of land, landowner, ploughed field, patrimonial estate.

В России XVIII в. земельные владения духовенства относились к одному из видов феодальной собственности. Оформление абсолютизма как политической системы сопровождалось консолидацией правящего класса — дворянства — и постепенной унификацией сословного владения земельным имуществом. Абсолютистский режим не мог быть совместим с сохранением церковных земельных вотчин, позволявших духовенству иметь значительную экономическую мощь и весомое политическое влияние.

Вопрос о характере вотчинного владения русского духовенства был предметом исследования многих отечественных историков на протяжении XIX—XX вв. [1, с. 142—150; 2, с. 514; 3, с. 142—151; 4,

с. 230—350; 5, с. 14—29; 6, с. 1—55]. При этом нужно отметить, что проблемы хозяйственного состояния церковных вотчин требуют обстоятельного изучения. Это позволит глубже понять истоки и ход секуляризационных процессов, завершившихся екатерининской реформой 1764 г. и упразднением духовного землевладения в России.

Десятинная пашня монастырей, архиерейских домов в 20—60-е гг. XVIII в. управлялась синодальной Канцелярией экономического правления, стремившейся регламентировать наиболее важные повинности крестьян в вотчинах с целью изъятия как минимум 10-й доли доходов в пользу духовенства [7, с. 230—350]. На управителей, экономов возлагался контроль над крестьянами в выполнении ими барщинных и натуральных повинностей.

В Сенате и Синоде в 20-е и до конца 30-х гг. XVIII в. поднимался вопрос о численности крестьян в духовных вотчинах. Его постановка была вызвана проектом Э.И. Бирона об устройстве в России государственных конских заводов «пропорционально числу душ». В связи с этим в Сенате по запросу Синода был подготовлен «экстракт» о количестве податного населения за церковными владельцами по итогам первой ревизии 1722—1727 гг. Согласно данным «экстракта», в ведении церкви имелось 759 802 души мужского пола. По исчислениям И.А. Булыгина, общая численность крестьян, находившихся в ведении Синода, монастырей и архиерейских домов, равнялась, согласно первой ревизии, 791 085 душам мужского пола, а по расчетам В.М. Кабузана — 791 798 душам мужского пола. Таким образом, сенатские данные можно полагать вполне репрезентативными.

В конце 30-х гг. XVIII в. имелось 17 340 церквей, 976 монастырей и пустынь с общим числом духовных лиц около 140 тыс. человек. К 1759 г. в результате укрупнения части монастырей их число сократилось до 947. Из них 544 (57,4%) имели земельные владения. Вместе с Синодом и архиерейскими домами в епархиях (их около 25), по итогам второй ревизии, церковь эксплуатировала свыше 876 тыс. душ мужского пола. Группировка данных по регионам дает следующую картину: на Европейском Севере в епархиях Архангелогородской, Вологодской, Вятской, Устюжской имелось 1424 церкви (8,21%) и 122 монастыря (12,5%). На Северо-Западе в епархиях Петербургской, Новгородской, Псковской насчитывалось 1555 церквей (8,98%) и 174 монастыря (17,82%). В Московской «синодальной области» было сосредоточено 4010 церквей (23,12%) и 245 монастырей (25,1%). Не касаясь других территорий Российской империи,

укажем, что немало церковных землевладельцев, помимо Европейской России, находилось в Сибири: в Тобольской и Иркутской епархиях — 446 церквей (2,57%) и 28 монастырей (2,86%) [9, ф. Сената, №248, оп. 14, кн. 756, л. 332].

Что касается величины земельных владений, то ответ на этот вопрос затруднен тем, что до проведения с 60—70-х гг. XVIII в. генерального межевания, продолжавшего до 20—40-х гг. XIX в., сколько-нибудь конкретными достоверными данными ни Сенат, ни Синод не располагали. В определенной степени использование вотчинных архивов, а также итоговых сведений «офицерских описей», составленных в процессе проведения секуляризации, может реконструировать картину хозяйственного освоения пашенных земель в вотчинах духовенства. Так, еще в 1729—1738 гг. Сенат собрал сведения о посевах на десятинной пашне в вотчинах Европейской России. Они свидетельствуют о том, что подавляющий массив десятинной запашки располагался в Московской (50,02%) и Новгородской (29,01%) губерниях, то есть в Центре и Северо-Западе России.

В совокупности в них было сконцентрировано около 33 тыс. дес. из 41,4 тыс. дес. (80%), учтенных по всей территории страны. Размеры пашенных угодий в других районах были более скромными (около 3—4%), исключение составляют пашенные угодья в Суздальской (9%) и Ростовской (5,5%) епархиях [9, ф. Сената, №248, оп. 14, кн. 779, л. 1020—1041].

Использованные источники позволяют увидеть заметный интерес духовных владельцев к освоению черноземных пространств Юга России. Составители ведомости о посевах на десятинной пашне отмечали умножение посевов «в лебедянских вотчинах», где «крестьяне для той пашни поселены из разных синодальных вотчин» [9, ф. Сената, №248, оп. 14, кн. 769, ч. II, л. 561]. При этом стала сокращаться запашка в центральных районах — в подмосковных синодальных землях. Синодальные власти отмечали это в донесении Сенату: «...в подмосковных и прочих вотчинах хлеба сеется нынче... меньше для того, что через многие годы скоту бывает падеж, и от того навозу стало быть умаление, отчего и хлебу недород и... семена перевелись» [9, ф. Сената, №248, оп. 14, кн. 769, ч. II, л. 561].

В 1731 г. Канцелярия синодального экономического правления произвела учет земельных угодий во владениях монастырей и архиерейских домов. В ведомости, представленной Сенату, было зафиксировано 86061,5 дес. пашни. Собранный на них урожай составил

57 599 четвертей ржи и 99 584 четверти «яровых хлебов». Вместе с оброчным сбором в ведении синодального ведомства оказалось 213 130 четвертей хлеба. Суммарная урожайность едва достигла уровня сам-2. Из общего сбора 208 770 четвертей предназначались на текущий посев в качестве семенного фонда, то есть почти 98 % полученного зерна. На потребление оставалось около 4350 четвертей (около 2 %). Таким образом, хлебный бюджет синодального хозяйства был полностью дефицитным [9, ф. Сената, № 248, оп. 14, кн. 769, ч. II, л. 753].

Интерес представляет вопрос о размерах десятинной пашни в монастырях, не входивших в разряд синодальных. Группировались они по величине пашенных угодий по параметрам: до 100 дес., от 101 до 500 дес., от 500 до 1000 дес. и свыше. Подавляющее число монастырей находилось в первой группе. К ней относилось 364 монастыря из 454, то есть 80,2%. Они владели 26 600 дес. (36%). Во второй группе — 17 монастырей (3,76%) с 23 330 дес. пашенных земель (31,56%). В третьей — 73 монастыря (16,07%), имелось 24 011 дес. (32,47%). Наибольшей по размерам десятинной пашней владели 6 монастырей (1,34%), на долю которых приходилось 16 064 дес. (21,72%). Так, Троице-Сергиев монастырь владел 4206,3 дес., новгородский Юрьев — 3318,5 дес., костромской Ипатьевский — 1333,5 дес.

Десятинная пашня 17 архиерейских вотчин была значительно меньше монастырской. В них имелось 12 653,25 дес., из которых 6054,5 дес. принадлежали Псковскому и Рязанскому архиерейским домам. Большинство архиерейских владельцев (11 из 17) имели от 100 до 500 дес. каждый, а всего — 2859 дес. И только Холмогорский архиерейский дом владел ничтожной по площади десятинной пашней — всего 7 дес.

Ежегодно в Москву в 20-х и первой половине 30-х гг. XVIII в. на «синодальные нужды» высылалось до 5443 четвертей ржи и 7365,5 четвертей овса, 1724 четверти гречи и 1664 четверти ячменя [9, ф. Сената, № 248, оп. 14, кн. 769, ч. II, л. 560—561].

Хозяйственная жизнь в вотчинах с десятинной пашней находилась под тщательным контролем. Синодальная и монастырская администрация использовала крестьянскую общинную структуру. Нередки были случаи, когда крестьянский сход предлагал своих кандидатов на должность старост или приказчиков. Так, 26 февраля 1736 г. крестьяне с. Мамошина Рузского уезда — вотчина Иосифа-Волоколамского монастыря — на мирском сходе высказались за смещение

приказчика Карпа Васильева, проявившего «нерадение и... непотребство». Вместо него был предложен крестьянин Петр Лаврентьев. Архимандрит Иоаким согласился с решением крестьянского схода [9, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 1192, оп. 3, д. 11, л. 2]. Вотчинная администрация внимательно надзидала за тем, чтобы приказчики могли «зборы собирать... с показанием на что имянно те зборы расположены... з души или осмака» [9, ф. Пафнутьево-Боровского монастыря, № 1198, оп. 2, д. 3011, л. 7]. Как правило, приказчики обязаны были ежегодно представлять «ужинные и укосные ведомости» [9, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 1192, оп. 3, л. 1—10, 13, 42]. Приказчику надлежало вникать во все стороны хозяйственной жизни в вотчинах. Этот «присмотр», как видно из инструкции 1740 г. архимандрита Пафнутьево-Боровского монастыря Досифея, заключался в необходимости «и при посеве и при житве иметь с прилежно тщательным радением, чтоб тому хлебу и сему не учинилось какова похищения». Но это были не все заботы: приказчики были обязаны разыскивать беглых крестьян, уклонявшихся от рекрутской повинности. В этой же вотчине 29 июля 1747 г. «нарочному» приказчику А. И. Туртыгину приказывалось найти и арестовать беглого рекрута Отровякова, а затем «заклепать в глухие железа... и... держать под крепким караулом в целом здоровьи, чтоб с ним ножа и топора... поблизости не было» [9, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 1192, оп. 3, л. 24, 45—60].

Монастыри — владельцы десятинной пашни постоянно беспокоились о том, чтобы не возникло «возмущение» крестьян. В связи с этим приказчики и «десяцкие» ежегодно получали предписания с напоминаниями об их долге следить за каждым крестьянским двором и в случае надобности заключать «возмутителей» под стражу [9, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 1192, оп. 3, л. 47].

Синодальные владения с десятинной пашней обычно управлялись «экономами», посылаемыми Канцелярией синодального экономического правления. Их функции были определены особой инструкцией, утвержденной Синодом 5 ноября 1744 г. Из 16 пунктов инструкции 10 относились к экономам, в ведении которых находились приказчики («управители»). Экономам по приезду в вотчину полагалось созвать крестьянский сход и поставить перед ним вопрос «праведно ль оние управители чинят... расправу». Эконом также должен был проверить, не берут ли управители «взятков и не употребляют их (крестьян. — А. К.) в свои работы», «бездоимочно ль» берутся день-

ги с крестьян. Особенно тщательно надлежало осмотреть десятинную пашню и в целях проверки произвести «опыт» по умолоту зерновых культур [10, ф. Канцелярии Синода, № 796, оп. 23, д. 1088, л. 592—598, 605—606].

Детально регламентировались инструкциями и обязанности старост и «десяцких». Например, в инструкции 1753 г., данной «слуге» Сильвестру Глебовскому братией Спасо-Евфимьева монастыря, 22 пункта посвящены описанию его функций [8]. Особо оговаривалась охрана монастырских житниц «от грабежа». Глебовскому предписывалось «иметь надзирание, дабы тот монастырский хлеб был без траты и лошадым не травлен... а паче б они, крестьяня... из оных житниц монастырский хлеб на свои б крестьянския пашни в посев не употребляли». «Слуга» обязан был тщательно следить за тем, чтобы на монастырских гумнах снопы аккуратно складывались «в клади и оденья» и закрыты соломою, «дабы той крышки в бури погодою не разбивало и хлебу... от водотечия гнилости не было». Нужно отметить, что инструкция запрещала С. Глебовскому «под опасением суда» при объезде вотчин останавливаться на ночевку в крестьянских избах, он мог искать ночлег только в «монастырских дворах». Стремясь повысить доходность вотчин и предотвратить возможный ущерб не только от природных условий, но и от действия крестьян, рассматриваемых как потенциальных противников вотчинного режима, вотчинные власти стремились внедрить в своих владениях систему жесткого контроля над хозяйственной жизнью зависимых крестьян с целью получения как можно большего дохода [9, ф. Суздальского Евфимьева монастыря, № 1203, оп. 42, вязка 240, д. 1, л. 1—6].

В заключение можно констатировать, что в духовных владениях в 20—60-х гг. XVIII в. имелся значительный массив десятинной пашни, особенно в центральной и северо-западной частях России. В этот же период происходило освоение под пашню территорий в южных регионах страны, преимущественно в Белгородской и Воронежской губерниях. К середине XVIII столетия возникла острая коллизия между крепостническим типом вотчинного хозяйства и общими социально-экономическими процессами, подготавливавшая утверждение капиталистического уклада, что и привело церковное землевладение к кризисному состоянию и в конечном итоге к государственной секуляризации в правление императрицы Екатерины II.

Список источников и литературы

1. *Борисов А. М.* Кризис церковного и монастырского землевладения и хозяйства в 40—60-х годах XVIII в. // История СССР. 1968. № 3.
2. *Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой половине XVIII века. М., 1977.
3. *Верховский П. В.* Населенные недвижимые имения св. Синода, архиерейских домов и монастырей при преемниках Петра Великого. Коллегия экономии и Канцелярия синодального экономического правления. Исследование в области истории русского церковного права. СПб., 1909.
4. *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.
5. *Комиссаренко А. И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (очерки истории секуляризационной реформы 1864 г.). М., 1990.
6. *Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.
7. *Прокофьева Л. С.* Повинности и платежи крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в первой четверти XVIII в. // Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. Вып. IV.
8. *Слесарчук Г. И.* Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955.
9. *Российский* государственный архив древних актов.
10. *Российский* государственный исторический архив.

З. А. Тимошенкова

Помещики Островского уезда Псковской губернии в конце XVIII века

Проведено сравнение списков дворян Островского уезда конца XVIII в., хранящихся в архивах СПбИИ РАН и Древле-хранилища Псковского музея. На основе переписки приказчиков дворян Толстых 50—80-х гг. XVIII в. определены характер управления вотчиной и особенности взаимоотношений землевладельцев со своими крепостными управляющими.

A comparison was made of the lists of noblemen of the Ostrovsky district of the late 18th century, which are stored in the archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences and the Drevleklaraschina of the Pskov Museum, their purpose was determined. Based on the correspondence of clerks nobles Tolstoy 50s—80s. XVIII century., determined the nature of the management of the fiefdom, especially the relationship of landowners with their serfs.

Ключевые слова: списки дворян, чины, владения, вотчинный приказчик, земельные угодья.

Keywords: noble lists, ranks, possessions, patrimonial clerk, land.

Коллекция Шенига архива Института истории в Санкт-Петербурге хранит «Список Псковского наместничества благородных дворян Островского уезда кои находятся в Пскове» конца XVIII в. [1], скрепленный капитан-лейтенантом флота и островским предводителем дворянства Иваном Тимашовым. Список интересен тем, что после фамилий дворян перечисляются их владения не только в Островском, но и в других уездах наместничества. В списке перечислены фамилии 34 островских помещиков с указанием возраста, чинов, времени получения чинов; приведено также число крестьянских дворов, которые им принадлежат (табл.).

**Распределение помещиков Островского уезда
по числу дворов в конце XVIII в.**

Чин	Год получения	Имя, отчество, фамилия	Возраст	Уезд	Число дворов	
					В уезде	Всего
Флота капитан-лейтенант	1757	Иван Иванов сын Тимашов	71	Островский Псковский Гдовский	669 50 25	744
Полковник	1757	Дмитрий Васильев сын Дубровский	62	Островский Псковский Гдовский	525 13 13	551
Полковник	1768	Григорий Алексеев Плещеев	42	Островский Псковский Новоржевский Порховский Великолуцкий	79 23 21 28 62	213
Полковник	1773	Андрей Ульянов сын Юренев	35	Островский Великолуцкий	20 137	157
Полковник	1759	Михайла Федоров сын Беклешов	59	Островский Порховский	93 67	160
Полковник	1769	Михайла Тимофеев Голенищев Кутузов	53	Островский Торопецкий	64 176	240
Полковник	1769	Дмитрий Иванов Рокотов	34	Островский Псковский Новоржевский Великолуцкий	255 81 9 117	462
Полковник	1771	Митрофан Гаврилов Болавинский (Балавенский)	44	Островский Лужский Порховский	12 24 51	87
Артиллерии майор	1771	Николай Варфаломеев Иванов	52	Островский Псковский	33 2	35
Инженер-майор	1771	Александр Богданов Окунев	47	Островский Новоржевский Гдовский Псковский	32 64 26 170	292
Премьер-майор	1761	Лука Исаков Симанской	60	Островский Порховский Опочецкий Псковский	81 7 15 44	147

Продолжение табл.

Чин	Год получения	Имя, отчество, фамилия	Возраст	Уезд	Число дворов	
					В уезде	Всего
Премьер-майор	1773	Петр Васильев Мяхкой	33	Островский Порховский Псковский	126 49 16	191
Коллежский ассессор	1752	Иван Яковлев Шамардин (Шамордин)	66	Островский Опочецкий Псковский	33 3 57	93
Секунд-майор	1761	Алексей Петров Кармалин	47	Островский	152	152
Секунд-майор	1770	Николай Андреев Беклешов	33	Островский Порховский Псковский Торопецкий Холмский Великолудцкий	277 98 85 75 58 44	637
Секунд-майор	1772	Алексей Степанов Валуев	—	Островский Гдовский Опочецкий	203 38 135	376
Секунд-майор	1771	Степан Никитин Ладыженский	44	Островский Порховский Опочецкий Псковский	12 100 33 6	151
Секунд-майор	1772	Иван Иванов Окунев	29	Островский Псковский	85 25	110
Секунд-майор	1775	Николай Григорьев Бухвостов	32	Островский Новоржевский	38 44	82
Секунд-майор	1776	Николай Иванов Жеребцов	61	Островский Порховский Гдовский Псковский	462 22 53 126	663
Секунд-майор	1759	Василий Степанов Сумароцкий	60	Островский Псковский Опочецкий	55 29 7	91
Капитан	1763	Иван Иванов Лодыжинский	61	Островский Порховский Гдовский	84 40 20	144
Капитан	1770	Семен Михайлов Свербеев	33	Островский Гдовский	20 23	43

Окончание табл.

Чин	Год получения	Имя, отчество, фамилия	Возраст	Уезд	Число дворов	
					В уезде	Всего
Капитан	—	Василий Никифоров Елагин	25	Островский Псковский Опочецкий	74 7 41	122
Флота лейтенант	1773	Иван Евдокимов Алексеев	49	Островский Новоржевский	41 17	58
Поручик	1764	Степан Иевлев Нагин	39	Островский Псковский Гдовский	24 9 14	47
Подпоручик	1759	Степан Григорьев Карамышев	30	Островский Новоржевский Гдовский Псковский Порховский	106 125 9 201 24	465
Подпоручик	1762	Иван Гаврилов Болавинский	47	Островский Порховский	14 24	38
Подпоручик	1769	Михаил Иванов Сумароцкий	30	Островский Опочецкий Новоржевский Псковский	154 125 65 27	317
Прапорщик	1773	Михайла Васильев Неклюдов	25	Островский Псковский	313 270	583
Прапорщик	—	Петр Федотов Вохин	33	Островский Опочецкий Гдовский	67 23 11	101
Прапорщик	1764	Петр Семенов Куров	32	Островский Псковский	66 85	151
Подпрапорщик	1764	Мина Степанов Забелин	45	Крестьян не имеет	—	—
Дворянин, болен	—	Петр Миронов Елагин	55	Островский	15	15

Источник: СПбИИ РАН. Ф. 165 (коллекция Шенига). Д. 26.

В Древлехранилище Псковского музея-заповедника хранится «Описание Псковского наместничества города Острова и его уезда», которое датируется «после 1793 г.» [2]. Хотя начало книги утрачено (недостаёт 4 тетрадей по 8 листов), сведения о землевладельцах со-

хранились полностью, так как документ содержит «Алфавит по фамилиям владельцев Островского уезда» [2, л. 239—249; 3, № 174, с. 169—170]. Благодаря двум этим документам исследователь имеет полные сведения о количестве землевладельцев Островского уезда в конце XVIII в., где кроме помещичьих представлены земли экономического ведомства, дворцовые, казенные и земли, отрезанные по решению о земельных спорах. Всего в конце XVIII в. в Островском уезде владения имели более 300 дворян. Из них более 45% составляли женщины. Дворяне, прибывшие в Псков для участия в выборах, составляли 11% от всего количества дворян-землевладельцев Островского уезда. Представители 121 дворянской семьи в выборах не участвовали.

Примечания к списку из коллекции Шенига содержат указания на выборные должности, состояние поместий. Так, подпрапорщик Мина Степанов Забелин, 45 лет, «крестьян не имеет»; у полковника Андрея Ульянова, сына Юренева, владельца земли и 20 душ мужского пола¹ в Островском уезде, а также 137 душ в Великолуцком уезде (всего 157 душ), помечено: «В нашем уезде деревень нету». Список начинается с 71-летнего предводителя островского дворянства флота капитан-лейтенанта И. И. Тимашова, которому принадлежало 744 души в трех уездах Псковщины (Гдовском, Псковском и Островском). Среди дворян упомянуты 3 полковника, 4 подполковника, артиллерии майор, инженер-майор, 2 премьер-майора, коллежский ассессор, 11 секунд-майоров, 6 лейтенантов, флота лейтенант, поручик, 3 подпоручика, 3 прапорщика, подпрапорщик и дворянин без указания чинов с пометкой «болен». Из перечисленных двое относились к числу беднейших мелкопоместных дворян. При этом у подпрапорщика Мины Степановича Забелина, подписавшего наказ в Уложенную комиссию, 45 лет, крестьян не было вовсе (у его отца Степана Ивановича в 1756 г. было 4 души). У Петра Мироновича Елагина, 55 лет, было 15 душ (в 1756 г. — 7 душ).

В группу, владевшую до 100 душ, входили артиллерии майор Николай Варфаламеевич Иванов 55 лет (35 душ); полковник Митрофан Гаврилович Болавинский (Балавинский), бывший в 1785 г. столоничальником Псковской казенной палаты, 44 года (87 душ); коллежский ассессор Иван Яковлевич Шамардин, построивший в 1779 г. церковь Спаса на погосте Гривы, 66 лет (93 души); секунд-майор Ни-

¹ Здесь и далее подразумеваются души мужского пола.

колай Григорьевич Бухвостов, 32 года (82 души); секунд-майор Василий Степанович Сумароцкий, 60 лет (91 душа, в 1756 г. — 55 душ); капитан Семен Михайлович Свербеев. В 1768 г. ему, лейб-гвардии сержанту, выдан был патент на чин поручика, в 1771 г. в чине капитана отставлен по болезни от гарнизонной и статской службы, 33 года (43 души) [3, №1053, 1054]. В эту группу также входили флота лейтенант Иван Евдокимов Алексеев, 49 лет (58 душ), и поручик Степан Иевлев Нагин, 39 лет (47 душ), подписавшие наказ в Уложенную комиссию Екатерины II, а также подпоручик Иван Гаврилович Болавинский (Балавинский), 47 лет (38 душ).

В группу от 100 до 200 душ входили полковники Андрей Ульянович Юренев, 35 лет (157 душ); Михаил Федорович Беклешев, 59 лет (160 душ, в 1756 г. — 130 душ вместе с братом Иваном); премьер-майоры Лука Исаакович Симанский, 60 лет (147 душ, в 1756 г. у его отца Исаака Васильевича — 111 душ), и Петр Васильевич Мяхкой, 33 года (191 душа), занимавший в 1784—1786 гг. должность предводителя дворянства Островского, а в 1790—1792 гг. — Порховского уездов. Сюда же входили секунд-майоры Алексей Петрович Кармалин, 47 лет (152 души); Степан Никитич Ладыжинский, 44 года (151 душа, в 1756 г. владел 11 душами); Иван Иванович Окунев, 29 лет (110 душ, в 1756 г. у его отца Ивана Алексеевича было 100 душ); капитан Иван Иванович Ладыженский, один из подписавших наказ, 61 год (144 души, в 1756 г. — 10 душ); капитан Василий Никифорович Елагин, 25 лет (122 души, в 1756 г. его отец Никифор Иванович был владельцем 138 душ); прапорщик Петр Семенович Куров, 32 года (151 душа).

К владельцам, имевшим в собственности от 200 до 300 душ крестьян и дворовых, принадлежали полковники Григорий Алексеевич Плещеев, подписавший наказ в Уложенную комиссию, 42 года (213 душ); Михаила Тимофеевич Голенищев-Кутузов, 53 года (240 душ, в 1756 г. у его отца Тимофея Юрьевича имелось только 42 души); инженер-майор Александр Богданович Окунев, 47 лет (292 души, в 1756 г. его родитель Богдан Александрович имел 141 душу). Сам А. Б. Окунев в 1784—1786 гг. и 1789—1792 гг. был предводителем дворянства Псковского уезда. В 1774 г. его овдовевшая мать Окунева Наталья Александровна заплатила подушный сбор с 89 душ за первую половину года со своей вотчины в Виделебской губе Псковского уезда [3, № 1020].

От 300 до 500 душ имели полковник Дмитрий Иванович Роко-тов, 34 года (462 души, в 1756 г. его отец Иван Богданович являлся

владельцем 276 душ); секунд-майор Алексей Степанович Валуев (376 душ, в 1756 г. у его отца Степана Валуева, подписавшего наказ в Уложенную комиссию, была 291 душа); подпоручик Степан Григорьевич Карамышев, 30 лет (465 душ); подпоручик Михаил Иванович Сумароцкий, 30 лет (317 душ, в 1756 г. у его отца Ивана Семеновича находилось 262 души). Самые крупные владения были у флота капитан-лейтенанта дворянского предводителя Ивана Ивановича Тимашова, 71 год (744 души) [3, №860, 1091]; полковника Дмитрия Васильевича Дубровского, подписавшего наказ в Уложенную комиссию, 62 года (551 душа); секунд-майоров Николая Андреевича Беклешева, 33 года (637 душ, в 1756 г. его отец Андрей Богданович владел 250 душами); Николая Ивановича Жеребцова, 61 год (663 души); прапорщика Михаила Васильевича Неклюдова (583 души, в 1756 г. его отец владел 458 душами). Таким образом, свыше 100 душ имели 25 дворян, что составило 73,5% собравшихся для участия в выборах землевладельцев.

В Древлехранилище Псковского музея хранится переписка дворян Толстых, помещиков Псковского и Островского уездов с приказчиками: в 1755—1766 гг. — Григория Прокофьевича Толстова с приказчиком Козьмой Михайловым Куртасовым, а в 1773—1781 гг. — его вдовы Пелагеи Васильевны Толстой с вотчинным приказчиком Василием Меншим (Козминым) Куртасовым. Семья Куртасовых входила в состав крепостных крестьян Толстых [3, №1067—1091].

Г. П. Толстой в 1742 г. состоял при персидском посольстве, пожалован в полковники. В 1745 г., будучи полковником Ростовского драгунского полка, проводил ревизию в Пензенской провинции, где вскрыл массовые злоупотребления воеводы. С 1755 г. действительный статский советник. С апреля 1760 г. комендант крепости святой Елизаветы. В августе 1760 г. исполнял обязанности белгородского вице-губернатора. Находился под следствием за должностные злоупотребления. В 1763—1764 г. был воронежским губернатором [4, с. 88]. Письма позволяют определить местонахождение Г. П. Толстова во время переписки: в 1755 г. — в сельце Алексеевском, в 1759 г. — в Новгороде, в 1761 г. — в Санкт-Петербурге, в апреле 1763 г. — в Воронеже, в феврале 1764 г. и в январе 1765 г. — в Москве, в январе-феврале 1766 г. — в сельце Чабышеве Муромского уезда. Умер он до 31 октября 1773 г. Об этом его вдова сообщила псковскому приказчику. В это время она находилась в Санкт-Петербурге. Приказчик В. Куртасов жил в господском псковском доме на Бутырках.

После пожара в 1759 г. помещик советовал восстановить дом «для житья тебе и собирания хлеба», а строительство вести экономно, чтобы «по необходимости твоей было и анбары, а лишнего ничего не строить» [3, № 1068]. В результате был куплен старый дом и материалы для его ремонта.

В переписке приказчики демонстрируют хорошую осведомленность и профессионализм в вопросах своей компетенции. Тон переписки землевладельцев со своими приказчиками спокойный, деловой. Переписка содержит интересные сведения по вопросам хозяйствования в имениях дворян второй половины XVIII в. От приказчиков владельцы получали обстоятельный реестр прихода и расхода за год. В январе-феврале каждого года они отправляли владельцу оброчные деньги. В письме из Новгорода в апреле 1759 г. Г. П. Толстой сообщал о получении 245 руб. оброка за 1757 и 1758 гг. В декабре 1773 г. В. Куртасов известил хозяйку о денежных доходах с пустошей за год 220 руб. и об остаточных «от расходу» 1772 г. 7 руб. 71 коп.: «Всего надобно в приходе быть 240 руб. 71 коп.» [3, № 1079]. Особенно нуждались в деньгах Толстые зимой 1765 г. и в 1774 г. Сообщая о причинах задержки денежных средств, приказчик в 1774 г. писал о трудностях их сбора: 40 руб. не собрано «за неурожаем... хлеба и льна при том рекруцкии набор за скудостию собрать вскорости неупователно а как возможно собрать старатся буду». Кроме того «у нас болшей теплой воздух к тому ж превелики дощи совсем дороги нет в ручьях воды болшия а чрез малые реки толко езда на плотах... ежели денги будут взборе как ехать ни на санях ни в телеги никак невозможно» [3, № 1080]. Однако приказчик не нашел возможности приехать в Санкт-Петербург до середины мая, за что ему попеняла госпожа: «Стояла многое время погода зимняя хорошая» [3, № 1082]. В ответном письме, не объясняя причин задержки, приказчик сообщил, что ищет okazji, информировал о денежных доходах (остаток от 1772 г. — 7 руб. 71 коп., в 1773 г. получено 213 руб.), продаже 10 пуд. льна за 6 руб., наличии остаточного от 1773 г. хлеба и расходах (овса на корм лошадям, хлеб для священника и причетников). В январе 1775 г. П. В. Толстая требовала завершить сбор и привести оброчные деньги «все не оставляя ни на ком ни одной копейки», потому что «в денгах крайняя нужда», а 1 февраля прибыть самому и привезти продукты, в том же ассордменте, что и в предыдущую зиму: «Ежели дешева постила бруснишная и яблoшная, то купи» [3, № 1086].

Кроме денег к местам пребывания помещиков отправлялся пятинный хлеб и закупленные в Пскове рыба и лен. Помещик давал

распоряжение о присылке из Пскова «самых хороших» снетков, «а ряпух и сигов не присылать ра[зве] хороших лыбуцких щук дватцать или тритцать». В письме из Новгорода в апреле 1759 г. Г. П. Толстой сообщал о получении 245 руб. оброка за 1757 и 1758 гг., 6 пудов льна, четверти снетков и 20 щук. В январе 1766 г. Толстой написал о присылке к нему в Муромский уезд своего самого хорошего чищевого льна или «купить его, 10—20 лыбуцких щук, снетков сухих самых хороших и мелких 4 четверика, 6 сигов, угрей хороших десятков, ряпух боченочек». Но заказ не был выполнен полностью, так как «ловля была плоха, снетки дороги и то мелкие, смешанные с ершами». Дороговизна местных продуктов объяснялась также «стоянием полков и команд» [3, № 1067].

В 1773 г. переписка идет уже между приказчиком В. Куртасовым и вдовой Г. П. Толстова Пелагеей Васильевной. Он сообщал о ценах на хлеб в Пскове (самая хорошая рожь стоит 38 коп. четверик, четверть — 3 руб. 4 коп.; посредственная рожь — 35 коп. четверик, четверть — 2 руб. 80 коп.; «иная рожь очень бывает кострива» и продается четверик 30 коп., четверть — 2 руб. 40 коп.; жита — четверик по 23—25 коп.; овес — по 28 коп. четверик; греча — по 20—24 коп. четверик; пшеница озимая самая хорошая — по 60—75 коп. четверик; яровая пшеница хорошая — по 30—55 коп. четверик; горох — 30 коп. четверик; семя конопляное четверик — 40 коп.; семя льняное четверик — 1 руб. 20 коп.). Для госпожи им также было куплено 28 фунтов меда. Наряду с хозяйственными вопросами приказчик поделился личной радостью: 22 июля «в доме вашем бог дал вам государыня раба, а мне сына имя ему Трофим» [3, № 1078].

Часть собранного в вотчине хлеба продавалась на местном рынке. В 1761 г. помещик выразил сожаление, что приказчик не продал хлеб, несмотря на хорошие цены, и он сгорел в хлебных амбарах во время пожара. В ответном письме приказчик 29 июня оправдывался, что пожар случился ночью, «выгрести из засеков мало что удалось» [3, № 1069]. Из пятинного хлеба 1758 и 1759 гг. осталось 12 четвертей ржи, 12 четвертей овса, 4 пуд. 30 фунтов льна, 2 четверти гречи, 5 четвериков жита, 6 четвериков пшеницы. Письмо 1773 г. содержит подробные сведения о ситуации на псковском хлебном рынке: «Ныне покупается ржи четверик по 25 коп., а овса по 15 коп., да и то поразнь в ринке, а оптом ништо не снимает затем что купцы надеясь отправке в Лифляндию осенью накупили ржи по 38 коп. четверик, и

ныне у них есть немалое число, а в Лифляндию отпущать хлеба запретили» [3, № 1078]. В мае 1775 г. приказчик, обеспокоенный увеличением предложений хлеба на рынке и падением цен, «цены хорошей не дождал» и продал весь хлеб в государеву меру «вровинь»: 160 четвертей ржи по 2 руб. 10 коп. и 25 четвертей овса по 1 руб. 50 коп. за четверть. Всего на 163,5 руб. «А за мерою осталось ржи примерной пять четвертей» [3, № 1085].

В условиях ожидания и проведения Генерального межевания помещики и их представители заботились о разрешении спорных земельных вопросов. В связи с началом межевания приказчик просил дать инструкции относительно пустошей. Сообщая о возникших земельных спорах с другими владельцами, он пишет барину об отсутствии крепостей на земли, а также о посылке указа в островскую канцелярию для отказа от пустоши Авдотвино, о которой хлопотал А.Г. Толстой. Из-за отсутствия необходимых документов Толстой приказал отказаться от пустоши. С 70-х гг. XVIII вв. продолжался спор между Толстыми и К.Г. Разумовским о пустоши в Островском уезде, несмотря на приказ псковской провинциальной канцелярии о возвращении пустоши Толстым, поскольку «оная состоит изстари Толстых а не других кого и владение было 774 году по июль месяцево Толстова о чем точно в повальном обыску разновотчинные крестьяне объявили и утвердили владение Толстова» [3, № 1090]. В мае 1782 г. пустошь была закреплена за А. Г. Толстым, о чем свидетельствует запись в межевой книге: «А поверенный полковника Толстова Василий Куртасовь для рукоприкладства к сей межевой книге и плану по учиненным повесткам не явился, а при межевании был и руку безъспорно прикладываль» [3, № 1091].

Приказчик самостоятельно принимал решения о покупке пустошей, о чем он сообщил в письме к П.В. Толстой в декабре 1773 г.: «Я предусмотрел к лутшему к прочности к вашим пустошам ко владению купил две пустоши ценою 125 руб. (крепость писана воста рублей для уменьшение пошлин) а в них в гот кроме петинного доходу денег 13 рублей хлеба ржи 30, овса 20 четвериков лну 2 пуда» [3, № 1079]. В ответ 18 февраля 1774 г. П.В. Толстая написала о крайней нужде в деньгах и укорила приказчика за покупку пустошей без согласования с ней. Приказчик просил простить его за покупку пустошей, но при этом отметил, что купленные пустоши расположены вблизи находящихся уже во владении, «к тому ж самые добрые да и

не дороги, а впредь без повеления вашего государыня купить небуду» [3, № 1080]. Письма свидетельствуют, что пустоши сдавались в аренду крестьянам. С «засевщиков» получали деньги и пятинный хлеб: «В июле на пустошах всякому петинного хлеба выделка, а в зимнее время собирается оброк» [3, № 1069]. Нуждаясь в деньгах, владельцы наказывали приказчику брать деньги вперед. Но арендаторы были бедны, с трудом, зачастую с опозданием на год выплачивали оброчные деньги. Приказчик привлекал арендаторов к восстановлению господского дома после пожара 1759 г., «а работали насевщики, которые ваши государь пустоши держат, а денег не взяли, толко хлебом их вашим, государь кормили» [3, № 1071].

Одной из главных задач приказчиков была забота о возвращении беглых. В 1759 г. Г. П. Толстой оценил усилия приказчика по возвращению убежавших за границу крестьян и снабдил его письмами к «господам присутствующими при приграничной комиссии», чтоб «ты в том не оставлен был». Сообщая о выходе «из-за польского рубежа» крестьянки и о содействии в ее возвращении военнотружеников Воронцовского драгунского полка, К. М. Куртасов советует барину их поощрить, чтобы они «воспомошествовали для выводу из за польского рубежа достальных крестьян ваших» [3, № 1069]. Однако на пути возвращения беглых крестьян из Польши через пограничную комиссию встречались серьезные трудности, поскольку польская сторона противилась возвращению, объявляя беглых местными жителями.

Среди поручений, которые выполняли приказчики, были выплаты священникам, приходившим на Богоявление (20 коп.); покупка ладана и воска в церковь, в том числе «для чтения канонных по родителем» (3 руб. 60 коп.); оплата обедов и молебнов в память родственников землевладельцев; почтовые расходы.

Таким образом, хотя среди дворян, участвовавших от Островского уезда в выборах, представлены все группы, преобладали помещики, имевшие свыше 100 душ. Переписка между Толстыми и их приказчиками показывает особенности хозяйствования землевладельцев в конце XVIII в., а также характер отношений между крепостными распорядителями имений и их хозяевами, которые далеки от расхожих представлений о времени апогея крепостного права [5, с. 80—93]. Крепостные приказчики Куртасовы самостоятельно принимали решения о земельных покупках и продажах, не только используя колебание цен, но и предвидя направленность их изменений.

Список источников и литературы

1. *Список* Псковского наместничества благородных дворян Островского уезда кои находятся в Пскове // СПБНИИ РАН. Ф. 165 (коллекция Шенига). Д. 26.

2. *Описание* Псковского наместничества города Острова и его уезда. ПГОИАХМЗ. Древлехранилище. Ф. 539 (Островский уезд). О. Ф. 34274(11). РУК-473.

3. *Постников А. Б.* Древлехранилище псковского музея. Обзорение русских рукописных документов XVI—XVIII вв. М., 1913.

4. *Историческое*, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] с[еминарии] п[рефектом] п[авловским] п[ротоиереем] Е. Болховитиновым. Воронеж, 1800.

5. *Китанина Т. М.* Апогей крепостного права, или второе издание крепостничества 1760—1780-х годов (крестьянский вопрос при Екатерине II) // Северо-Запад в аграрной истории России : междуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2016. Вып. 22.

**Проекты и правила Генерального межевания
Таврической губернии
в конце XVIII — первой половине XIX века**

Рассматриваются проекты и правила Генерального межевания Таврической губернии, разработанные после неудачно начавшегося в конце XVIII в. межевания Крымского полуострова. Анализируются попытки российских властей использовать опыт проведения Генерального межевания других губерний России с учетом особенностей региона. Выявляются специфические черты Генерального межевания Крымского полуострова, связанные с наличием различного вида земель, «древних» и «новых» помещиков.

The article discusses the projects and rules of the General Survey of the Tauride province, developed after the land survey of the Crimean peninsula, which had unsuccessfully begun at the end of the 18th century. Analyzed are attempts by the Russian authorities to use the experience of conducting a General Survey of other provinces of the country, taking into account the peculiarities of the region. The specific features of the General Survey of the Crimean Peninsula, associated with the presence of various types of land, «ancient» and «new» landlords.

Ключевые слова: Генеральное межевание, Таврическая губерния, Крымский полуостров, земельная дача, экономические примечания, «древние» и «новые» помещики.

Keywords: General land surveying, Taurida province, the Crimean peninsula, land dacha, economic notes, «ancient» and «new» landlords.

Генеральное межевание земель Российской империи началось в 1766 г. и охватило за время своего проведения территорию 35 губерний. В первую очередь оно ставило своей целью «упорядочить дворянское землевладение, донельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой» [1, с. 320]. После опубликования

указа Генеральное межевание началось в Московской губернии, затем было перенесено на остальные губернии. К концу правления Екатерины II было обмежевано 22 губернии, в том числе Московская, Владимирская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Тверская, Вологодская, Рязанская, Тульская, Ярославская, Калужская, Орловская, Тамбовская, Воронежская, Харьковская, Курская, Смоленская, Полоцкая, Могилевская, Нижегородская, Пензенская, Костромская. К окончанию приближались работы и по межеванию Санкт-Петербургской и Казанской губерний [2, с. 213]. Межевание остальных территорий затянулось на долгие десятилетия. К примеру, межевание Оренбургской губернии завершилось только в 1842 г., а межевание Астраханской губернии проходило с 1838 по 1861 гг.

Земельный вопрос стоял остро на всех территориях Российского государства, поэтому межевание было распространено и на новые земли, вошедшие в состав империи. Однако в местностях, где отсутствовало помещичье землевладение, межевание проводилось по особым правилам, учитывавшим местную специфику землевладения. Из-за этого до появления определенных межевых инструкций оно шло очень медленно. По особым правилам межевались Бессарабия, Закавказский край, земли казачьих войск, в том числе Кубанского, Донского, Терского, Астраханского, Оренбургского, Сибирского, Забайкальского. Не проводилось межевание в большей части Архангельской губернии, Западном и Юго-Западном крае, Туркестане и Сибири [3, с. 105].

После присоединения новых южных территорий к России Екатерина II в 1784 г. учредила Таврическую область, в состав которой вошли Крым, Тамань и земли от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества. Генеральное межевание Крыма началось в 1798 г., но вскоре было приостановлено, поскольку было признано преждевременным. Причинами его приостановки стало незнание землемерами местных традиций землепользования, отсутствие у местного населения документов, подтверждающих куплю-продажу земли, нехватка переводчиков [3, с. 187].

После провозглашения в 1783 г. манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» [4, с. 897] Екатерина II подтвердила право на владение землей в Крыму за представителями местного населения, в собственности которых она находилась ранее. Однако сразу после присоединения Крыма право владеть землей из местного населения получили только мурзы. Остальные категории крымских татар это право утратили, их земли попали в фонд, предназначенный для раз-

дачи новым помещикам. Только по указу 1794 г. старые землевладельцы могли теперь закрепить за собой земельную собственность, отстояв свое право в судебном порядке [5, с. 586]. Многие из них владели землей на основе устоявшихся традиций и не могли предоставить документы, подтверждающие право собственности. Свое право на земельные участки, как и в стародавние времена, они могли подтвердить лишь данным словом или присягой.

Очень сложно шел процесс урегулирования поземельных отношений, когда на старую земельную собственность накладывалась новая поместная система [6, с. 32]. К российскому государству отошли земли как заселенные, так и со временем опустевшие. Малонаселенность региона была связана с массовой эмиграцией местного населения. При этом в большом количестве казенные земли раздавались переселенцам. Помимо них новые земли на этой территории получали как российские дворяне, так и лояльные к новой власти местные мурзы и беи [7, с. 337]. Многочисленные неточности, возникавшие в определении статуса подлежащих раздаче земель, и плохо подготовленные реестры приводили к конфликтам между старыми и новыми собственниками. Повсеместно наблюдались такие ситуации, когда с одной стороны, крымские татары в массовом порядке обращались с исками в суды на новоприбывших помещиков, а с другой — российские помещики «по праву пожалования и обмежевания за ними несколько лет бесспорно» владели новыми землями на законном основании [8, с. 45—48]. В 1796 г. по указу Екатерины II предписывалось расследовать случаи незаконной передачи «пустопорожных» земель эмигрировавших татар российским помещикам и возвращать их при неправомерном изъятии [9, с. 95—96].

С упразднением императором Павлом I Таврической области и включением данных территорий в 1796 г. в Новороссийскую губернию вопрос урегулирования земельных отношений в Крыму не был решен. Новые помещики подтверждали свое право владения землей документами, старые владельцы — устными клятвами, земли продавались и меняли своих первоначальных владельцев. Разрешить сложившуюся ситуацию можно было только двумя путями: либо забрать у помещиков земли и вернуть их крымским татарам, либо выделить татарам равнозначные [8, с. 50]. Однако из-за отсутствия резерва земель решить этот вопрос было проблематично.

В мае 1802 г. для урегулирования ситуации была создана Комиссия для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове [10, с. 149]. Но ее деятельность не принесла желаемых результатов. Вопрос документального подтверждения всех сделок с

землей и проведения Генерального межевания на территории Крымского полуострова оставался нерешенным на протяжении еще трех десятилетий.

В октябре 1802 г. была образована Таврическая губерния, в состав которой вошли 7 уездов: Симферопольский, Перекопский, Тмутараканский (с причислением к нему земель Черноморского казачьего войска), Феодосийский, Евпаторийский, Мелитопольский и Днепровский [11, с. 288]. Территория губернии охватывала земли Крымского полуострова, Тамани и равнинную материковую часть, связывавшую Крым с остальными южными территориями Российской империи. В 1820 г. земли Тмутараканского уезда были причислены к территории Черноморского казачьего войска.

В 1820 г. в особом Комитете началась разработка проекта подробнейших правил для Генерального межевания Таврической губернии, учитывавших особенности региона. Впоследствии представленный проект был рассмотрен в Правительствующем сенате, где его отдельные положения подверглись изменениям и были дополнены примечаниями. Два уезда, расположенных в равнинной части губернии — Днепропетровский и Мелитопольский, — к этому времени оказались заселенными казенными русскими крестьянами, иностранными колонистами и пришедшими с Кавказской линии ногайцами. На этой территории имелись частновладельческие земли, принадлежавшие помещикам, и пустопорожние казенные земли. Раздача земель в Днепропетровском и Мелитопольском уездах происходила на тех же основаниях, что и на территории соседних Екатеринославской и Херсонской губерний. Поэтому в предлагаемых проектах Генеральное межевание в этой части Таврической губернии рекомендовалось проводить в соответствии с правилами, утвержденными 27 февраля 1820 г. для Екатеринославской и Херсонской губерний [12, с. 4—6, 42—43].

Особое внимание при разработке правил межевания Таврической губернии уделялось Крымскому полуострову. Здесь выделялись семь различных видов земель: 1) земли собственно казне принадлежащие; 2) земли общественные, принадлежащие целым селениям татар казенного ведомства; 3) земли находящиеся под селениями татар казенного ведомства, принадлежащие им лично и состоящие в их собственности; 4) земли, принадлежащие древним и новым помещикам в собственности; 5) земли, состоящие во владении людей разных наций и разного звания, не имеющих дворянского достоинства; 6) участки земель внутри казенных и помещичьих дач, нахо-

дящиеся и принадлежащие к собственности татар на них поселенных; 7) земли, именуемые по-татарски вакуфными, приписанные к мечетям и к магометанским училищам [12, с. 8—9].

К этому времени документы, подтверждающие право собственности на землю, делились на «древние» — полученные владельцами до присоединения Крыма к России — и «настоящие» — полученные уже после присоединения. При отсутствии древних документов право собственности можно было подтвердить присягой, но ее сила не считалась достоверной, если у противоположной стороны имелись подтверждающие право собственности письменные доказательства. Данная присяга не имела силы, если представленные доказательства были сомнительны или присяга подтверждала, а не опровергала настоящее владение [12, с. 14]. При опровержении и сомнительности права собственности на землю предлагалось все спорные ситуации рассматривать в Гражданской палате, при этом земля до рассмотрения спора оставалась во владении того владельца, у которого она находилась до межевания [12, с. 46].

В «Правилах для Генерального межевания Таврической губернии, составленных в Правительствующем Сенате» оговаривались особенности межевания каждой категории земель, представленных в Крыму. Земли российских казенных поселян и иностранных колонистов на Крымском полуострове планировалось межевать в достаточном количестве в соответствии с правилами, утвержденными 27 февраля 1820 г. для межевания Екатеринославской и Херсонской губерний [12, с. 28]. В случае притязаний простых татар на земли, принадлежавшие другим владельцам или входящие в категорию казенных, право владения предлагалось подтверждать под присягой через понятых и поверенных смежных владельцев. Все действия нужно было объяснять местному населению через переводчиков [12, с. 20—21, 30].

Древние крымские помещики — татарские мурзы, получившие земли по наследству от предков, а также пожалованные ими в потомственное или временное владение от бывших крымских ханов или турецких султанов, приобретавшие со временем новые земли и расширявшие свои владения — должны были предоставить письменные документы, подтверждавшие их права. При отсутствии документов или сомнениях в их достоверности землемерам предписывалось «делать обыски о том, действительно ли отведенные теми мурзами дачи и земли принадлежат им, с которого времени они ими владеют, в вечное и потомственное владение оные им даны или во временное только, или достались оные им по покупке, или мены, когда и от кого именно?» [12, с. 34].

Эти показания землемеры должны были фиксировать в полевом журнале с удостоверяющими их подписями поверенных, понятых и самих владельцев земель. Предписывалось также тщательное изучение крепостных документов, которые в установленный срок представлялись в межевую контору. В случае выделения мурзам земель во временное владение межевая контора без разрешения высшего начальства не должна была выдавать на них планы и межевые книги. В то же время обмежеванные в 1799 г. земельные владения мурз, отличившихся службою, усердием и преданностью Российскому престолу и получивших ранее планы и межевые книги, землемерам следовало обходить только для повторения планов и констатации внутренней ситуации, которая могла измениться за прошедшее время [12, с. 39].

Особое внимание в проекте правил уделялось участкам земель внутри казенных и помещичьих дач, находившихся в собственности татар по праву наследства, покупки или мены. В большинстве случаев они имелись в горной части Крымского полуострова и состояли из садов, лугов, огородов, небольших огороженных пашен. Несмотря на то, что иногда земельные участки располагались внутри других владений, предполагалось их утверждать особой межей с выдачей планов и межевых книг [12, с. 48]. В спорных ситуациях землемерам через понятых нужно было выяснить, кто владел этими участками до 1783 г., и требовать предъявления крепостных документов. Если по уважительным причинам документы невозможно было представить, то к утверждению принималось владение землей на момент присоединения Крыма к России. На планах эти земельные участки должны были обозначаться особыми линиями [12, с. 50—51].

В вакуфные земли попадали сады, луга и пахотные земли татар, расположенные в самых разных местах. Они отходили в пользу мечетей и мусульманских училищ по духовному завещанию либо еще при жизни дарителя и находились под главным управлением Таврического муфтия. В проекте Сената предлагалось, что для проведения Генерального межевания местное губернское начальство должно было получить от Таврического муфтия полные списки вакуфных земель с указанием, «когда и кем какой участок был отказан мечетям и училищам, в каком месте находится, какие заключает в себя угоды и какое занимает пространство татарскою мерою» [12, л. 52]. При межевании данные описи должны были находиться у землемеров. А сам процесс межевания вакуфных земель предлагалось проводить при поверенных, представляющих Таврического муфтия, полномочия которых надо было подтверждать специальными письмами. Спор-

ные ситуации предписывалось разрешать на основании предоставляемых документов либо приведением понятых к присяге в соответствии с мусульманским вероисповеданием.

После окончательных исправлений в комиссии по составлению законов, а затем — в Государственном совете, подготовленный проект правил Генерального межевания Таврической губернии поступил императору на рассмотрение. Уже 24 января 1829 г. Николай I подписал именной указ «Об учреждении в Симферополе Межевой Конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии», к которому были приложены правила для проведения размежевания и объяснение татарских мер. По указу в ведение Симферопольской межевой конторы были отнесены все уезды Таврической губернии, находящиеся на территории Крымского полуострова. В то же время межевание Мелитопольского и Днепровского уездов Таврической губернии возлагалось на Екатеринославскую межевую контору [13, с. 50].

На основании императорского указа в Симферопольской межевой конторе вводились должности переводчиков, хорошо знающих как татарский, так и русский языки. Из межевого корпуса для проведения Генерального межевания в Таврической губернии выделялись лучшие землемеры, на работу приглашались также отставные квартирмейстерские и инженерные офицеры, умеющие производить сложные математические расчеты. Для рассмотрения жалоб на решения межевой конторы учреждалась Межевая комиссия под председательством сенатора. В ее состав входили два чиновника от Министерства юстиции и два депутата от Таврического дворянства, один из которых представлял христиан, другой — мусульман. Депутаты утверждались лично императором по представлению министра внутренних дел.

Утвержденные в 1829 г. Николаем I «Правила для межевания земель в Таврической губернии» предусматривали сначала общие правила межевания.

В первую очередь перед межеванием требовалось снабдить землемеров необходимыми сведениями. Для этого им предоставлялись выписи и ведомости о всех числящихся в оброчном окладе и казенном ведомстве землях и описи или ведомости о землях новых помещиков. Таврическому муфтию предписывалось дать описи вакуфных земель с подробной информацией, где они находятся, какое пространство занимают, из каких угодий состоят, когда и кем переданы в этот фонд [13, с. 52].

По утвержденным правилам в качестве доказательства права на владение землей принимались: 1) письменные крепостные документы, в том числе полученные до присоединения Крыма к России, подлинность которых не вызывала сомнений; 2) планы на земли, обмежеванные по решению утвержденной в 1802 г. комиссии; 3) планы и межевые книги на дачи и земли мурз, обмежеванные при начале Генерального межевания в 1799 г.; 4) планы и межевые книги, выданные новым помещикам; 5) давность спокойного и бесспорного владения. Причем давность владения для старых владельцев определялась периодом до 1783 г., для новых помещиков — в течение последних 10 лет. Она подтверждалась обыском с приведением к присяге понятых в соответствии с их вероисповеданием [13, с. 53].

Поскольку предыдущее межевание, проводившееся в конце XVIII в. Екатеринославской межевой конторой, основывалось на общих межевых правилах и не учитывало особенности региона, его результаты по новым правилам не принимались в качестве доказательства на право владения землей. Поэтому все ранее обмежеванные участки необходимо было снова перемежевать наравне с остальными.

Среди особенных положений утвержденных правил по проведению Генерального межевания Таврической губернии сохранились предложения, ранее разработанные в проекте Сената. Так, земли российских казенных крестьян и иностранных колонистов было решено межевать по правилам, разработанными для Екатеринославской и Херсонской губерний и утвержденных 27 февраля 1820 г. [13, с. 54]. Было учтено предложение о пополнении недостатка земель российских казенных поселян, проживающих в горной части Крымского полуострова. Все, что необходимо было для реализации этого предложения, нужно было представлять высшему начальству через Межевую комиссию [13, с. 55].

По утвержденным правилам 1829 г., земли татарских мурз надлежало межевать по отводам их самих или их поверенных. После окончания межевания следовало выяснить, действительно ли эти земли принадлежат им, с какого времени и каким образом они попали в их владение. Но, в отличие от проекта, в окончательном варианте правил землемерам запрещалось уточнять, на каких условиях крымские мурзы получали от прежних властей эти земли — в постоянное или временное пользование. Дачи и земли мурз, обмежеванные в 1799 г., предписывалось обходить только для проверки границ владений.

Ранее обмежеванные земли новых помещиков, пожалованные после присоединения Крыма к России, предписывалось сверять с границами выданных планов по отводам самих помещиков или их поверенных с участием понятых. В спорных случаях в Межевую контору в положенный срок следовало предоставлять крепостные документы и старые выданные планы.

Земли, принадлежавшие простым татарам лично, следовало сначала межевать окружной межей ко всему селению, а затем производить при них и поверенных смежных дач обыск. В указанный срок землемеры обязаны были представить доказательства собственности земли в Межевую контору. Если доказательства признавались основательными, земли к селению следовало утверждать общей округой с обозначением в экспликации плана количества земли, принадлежащей каждому поселянину. Отдельные планы на эти земли можно было получить от уездных землемеров [13, с. 56].

Вакуфные земли, по утвержденным 24 января 1829 г. правилам, признавались неприкосновенной собственностью мечетей и мусульманских училищ. Однако, если какие-то земли передавались актами в частное владение, их нужно было межевать по отводам поверенных Таврического муфтия. В Межевой конторе все планы и документы на вакуфные земли следовало сопоставлять с описями, представленными муфтием. При выявлении неточностей право на владение землей рекомендовалось утверждать по крепостным документам, а при отсутствии документов или их недостаточности — доказывать под присягою понятными [13, с. 56—57].

Однако вопрос с вакуфными землями требовал еще дополнительной проработки. В марте 1829 г. после рассмотрения доклада Правительствующего Сената Николай I утвердил мнение Государственного Совета, согласно которому споры о духовных вакуфах, как и аналогичные споры по казенным землям, следовало рассматривать в присутственных местах под надзором прокуроров и стряпчих. Все завещательные акты в пользу мусульманского духовенства в Крыму следовало также объявлять в присутственных местах: ранее учиненные — в течение 3 лет после издания правил, новые — в течение 6 месяцев [14, с. 190].

Фактические работы по Генеральному межеванию Таврической губернии начались только 1 мая 1830 г. с прибытием на место первых партий землемеров. Задержка начала межевания была вызвана многими причинами, в том числе необходимостью перевести прави-

тельственные документы на татарский язык, ознакомить местное население с правилами межевания, назначить поверенных, найти помещения для размещения чертежной и конторы, а также расквартирования сотрудников. Кроме того, надо было сначала завершить межевые работы в Екатеринославской и Херсонской губерниях, откуда прибывали землемеры. Работы по межеванию Крымского полуострова проводили землемеры Симферопольской межевой конторы и Таврической межевой комиссии. В ходе проведения межевания в Таврической губернии было нанесено на планы 1686 дач [15, с. 163—165].

Межевание новых южных территорий Российской империи уже учитывало опыт Генерального межевания, проводившегося в других губерниях [16, с. 331]. В частности, Генеральное межевание в Таврической губернии сопровождалось составлением экономических примечаний. В них содержались сведения о проживающем населении и поселениях, природной среде, флоре и фауне региона, имеющихся водных и рыбных ресурсах. В Российском государственном архиве древних актов сохранились экономические примечания не только на дачи материковой части Таврической губернии (Днепровского и Мелитопольского уездов), но и на дачи, расположенные в Перекопском, Феодосийском и Ялтинском уездах [17]. Они имеют разную степень сохранности и информативности, но вместе с тем предоставляют возможность оценить реализацию разработанных правил межевания и выявить особенности проведения межевых работ на этой территории, связанные с одновременными процессами формирования дворянского землевладения, заселения региона и его хозяйственного освоения.

Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект «Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX века» (№ 19-09-00236).

Список источников и литературы

1. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков : в 3 т. М., 1993. Т. 2.
2. *Герман И. Е.* История межевания. М., 1914.
3. *Смирнов Г. С., Смирнов С. С.* Организация Генерального межевания в России // Социум и власть. 2009. № 1 (21).
4. *О принятии* полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу. 8 апреля 1783 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXI, № 15708.

5. *Об оставлении* владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими именьями с распространением права сего и на их наследников // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXIII, № 17265.

6. *Кузьмина Л.Л.* О земельных отношениях в Крыму в конце XVIII в. // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3.

7. *Бахрушин С.В.* Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Вып. III.

8. *Конкин Д.В.* Проблема землевладения крымских татар в проекте К.И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.) // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016.

9. *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. 1896. № 25.

10. *Об учреждении* в Крыму Комиссии для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове. 19 мая 1802 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. XXVII, № 20276.

11. *О разделении* Новороссийской губернии на три губернии: на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройство там судебных мест. 8 октября 1802 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. XXVII, № 20449.

12. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1251 (Бумаги графа Сперанского). Оп. 1. Ч. 1. Д. 23.

13. *Об учреждении* в Симферополе Межевой Канторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. С приложением: Высочайше утвержденный правил для того межевания; форм и объяснения Татарских мер. 24 января 1829 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 4, № 2617.

14. *О вакуфских* в Крыму именьях: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 22 марта 1829 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 4, № 2761.

15. *Петрова И.В.* Деятельность Симферопольской межевой канторы (1829—1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38) : в 3 ч. Ч. III.

16. *Степанова Л.Г.* Использование опыта Генерального межевания при оценке и межевании южных территорий Российской империи в конце XVIII — начале XIX века // Культурная жизнь Юга России. Социальная память. Актуализация. Модернизация : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018.

17. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 1355 Оп. 1. Экономические примечания к материалам Генерального межевания. Таврическая губерния. Д. 1551—1566.

**«Гражданин в полном смысле полезный»:
Николай Николаевич Муравьев (1768—1840)**

Впервые в российской историографии комплексно проанализированы экономические взгляды и хозяйственно-просветительская деятельность известного помещика-рационализатора Н. Н. Муравьева.

For the first time in Russian historiography comprehensively analyzed economic views and economic and educational activities of the famous landowner-rationalizer N. N. Muraviov.

Ключевые слова: Россия, аграрная история, Н. Н. Муравьев.

Keywords: Russia, Agrarian History, N. N. Muraviov.

Николай Николаевич Муравьев родился 15 сентября 1768 г. в Риге в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду, представители которого выдвинулись на передний план в качестве защитников Отечества в период петровских преобразований [1, с. 72]. В дальнейшем Муравьевых соединяли тесные родственные узы с известными дворянскими родами России, включая князей Шаховских.

Отцом будущего видного просветителя был Николай Ерофеевич Муравьев (1724—1770). Будучи в 1750 г. педагогом Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, он написал учебник «Начальные основания математики» (первая часть была напечатана в 1752 г., вторая осталась неизданной), на рукопись которого дал благоприятный отзыв М. В. Ломоносов. Это было одно из первых российских математических сочинений. В 1764 г. Н. Е. Муравьев назначается главным директором «при строении государственных дорог», а в 1766 г. принимает активное участие в составлении инструкции о Генеральном межевании земель, сыгравшем важную роль в дальнейшем развитии не только землевладения, но и всего сельского хозяйства России [2; 3; 4, с. 255—259; 5, с. 46—54].

Поскольку отец умер рано, воспитанием и образованием Николая Муравьева занимался отчим — генерал-майор князь А. В. Урусов. Он хорошо относился к своему пасынку и не жалел средств на его образование. В возрасте 16 лет Муравьев «в сопровождении наставника и со значительными денежными средствами» [6, с. 23] выехал за границу и поступил в знаменитый Страсбургский университет, где быстро отличился большими успехами в учебе. В начале 1788 г. он возвратился в Россию, началась его военная карьера. Еще в 1774 г. Муравьев был «записан в службу» в Измайловский полк, в 1776 г. по ходатайству князя А. В. Урусова он уже получил патент сержанта лейб-гвардии Преображенского полка, а 27 марта 1778 г. был «переписан в мичманы флота». Тогда же, 27 марта 1788 г., Муравьев назначается на корабль «Саратов» и отправляется в военный поход на соединение с датским флотом (союзником России). Он принимал участие в нескольких морских сражениях со шведами; в 1790 г. руководил галерой «Орел». Во втором сражении при Роченсальме 28 июня того же года был ранен во время боя осколком гранаты, но спас всю команду галеры. Завершилось все благополучно: был заключен Верельский мир, последовал обмен пленными, и Муравьев (объездивший к тому моменту многие области Швеции и давший слово чести не бежать) вернулся на Родину и к воинской службе; его даже назначили капитаном фрегата.

Как отмечается в современной научной литературе, «своим подвигом Н. Н. Муравьев ясно дал понять, что для него, как русского морского офицера, значит долг чести, и на этом ярком примере мужества впоследствии воспитывались как сыновья генерала, так и его питомцы» [1, с. 73].

По возвращении в Россию Муравьев служит генерал-адъютантом у принца К. Г. Нассау-Зигенского — известного французского аристократа и военачальника, адмирала российского гребного флота екатерининской эпохи; одновременно он командует императорской яхтой «Екатерина», а вскоре — и фрегатом гребного флота «Святой Павел».

В 1791 г. Муравьев женится на дочери генерал-инженера Н. И. Мордвинова Александре Михайловне Мордвиновой, женщине образованной и весьма религиозной. У супругов было 6 детей: 5 сыновей (Александр, Николай, Михаил, Сергей и Андрей), многие из которых вошли в отечественную историю и культуру [6; 7], и дочь Софья (скончалась в 1826 г. в возрасте 23 лет).

В начале правления императора Павла I в 1796 г. Муравьев принял участие в военном походе в Молдавию в составе 3-го Елисаветградского гусарского полка в чине майора, после чего возвратился в Санкт-Петербург и вскоре вышел в отставку подполковником. Разностороннее знакомство с военным бытом и традициями (включая знакомство и краткое, но запомнившееся на всю жизнь общение с А. В. Суворовым) сослужило ему хорошую службу, обогатило уникальным военным и житейским опытом [1, с. 74].

Оставив военную службу, Муравьев переселился из Санкт-Петербурга в свое имение Сырец Санкт-Петербургской губернии. Он активно занимается там хозяйственной и общественной деятельностью, пользуется общественным авторитетом и даже избирается предводителем дворянства Лужского уезда.

О материальном положении муравьевского семейства его сын Н. Н. Муравьев-младший (Муравьев-Карский) позже вспоминал так: «До женитьбы своей отец мой имел порядочное состояние, но не сохранил оно, так что у него оставалась только Петербургская отчина сельцо Сырец, состоящее из 90 душ, в том числе и приданое матушки. Впоследствии отец жил очень скромно... издерживая доходы свои единственно на наше воспитание, сам лично занимался образованием нашим» [6, с. 24].

В 1801 г. Муравьев переселяется с семейством в Москву и начинает управлять имениями князя С. В. Урусова. В 1806 г. Муравьев вступил в Земское войско, а в 1807 г. служил старшим адъютантом у выдающегося государственного и общественного деятеля России графа Н. С. Мордвинова [8, с. 1397—1398; 9, с. 101—114], командовавшего тогда ополчением Московской губернии. Муравьев составляет упрощенный устав пехотной службы, который впоследствии активно использовался в русской армии. Его заслуги не остались незамеченными: Муравьев был награжден орденом Святого Владимира IV степени.

После подписания Тильзитского мира 1807 г. он возвращается к «штатской жизни», занимаясь хозяйством и воспитанием сыновей. К середине 1811 г. в Москве организуется новое учебное заведение военного профиля — Московское учебное заведение для колонновожатых, в создании и деятельности которого Муравьев сыграл ключевую роль. Оно размещалось в доме князя А. В. Урусова на Большой Дмитровке (в настоящее время — Большая Дмитровка, на участках домов 9—11). Училище было учреждено на основе образо-

ванного в 1810 г. Московского общества математиков, созданного по инициативе одного из сыновей Муравьева — Михаила. Целью общества было бесплатное распространение в России математических знаний и издание переводов с иностранных языков лучших математических сочинений. Муравьев, обладавший огромным авторитетом в качестве ученого-математика, был избран его президентом, принимал активное участие во всех делах этого общества.

Именно Муравьев организовал его работу, предложив в качестве главного направления лекционно-просветительскую деятельность в подготовке молодых людей для изучения ими трудов знаменитых математиков. У него на дому стали бесплатно читать лекции: по аналитической геометрии — его сын М. Н. Муравьев, по «чистой и прикладной математике» — Щепкин и Ф. И. Чумаков, а сам Муравьев вел обучение геодезическим работам и топографическим съемкам в летнее время.

Примечательно, что профессиональная востребованность его сыновей, их служебные успехи послужили едва ли не главным стимулом для педагога-новатора к созданию училища, поскольку именно из Общества математиков, как быстро выяснилось, выходили лучшие офицеры для императорской свиты. Сам же Муравьев принял на себя преподавание военных наук в применении собственно к познаниям, требующимся для «квартирмейстерской части». Кроме того, он отдал училищу собственный дом и библиотеку, на свои деньги покупал инструменты и учебные пособия.

Двадцать седьмого января 1811 г. он был награжден орденом Святой Анны II степени с алмазами за подготовку молодых людей к военно-инженерной службе.

Во время наполеоновского нашествия стремлению Муравьева вновь поступить на военную службу сильно противодействовал его отчим, грозившийся даже лишить пасынка наследства, если тот «вступит в службу» и оставит его. Однако патриотическое стремление оказалось сильнее. При этом Муравьеву (все же лишенного по воле отчима-самодура большей части наследства) удалось привлечь в ближайшее окружение в качестве помощников-соратников своих бывших учеников из Московского учебного заведения для колонновожатых. В русскую армию были зачислены прапорщиками князь В. С. Голицын, И. Г. Бурцев, братья Колошины и др. Все они отличились в сражениях.

Муравьев занимался формированием ополчений из различных губерний, был начальником штаба Поволжского окружного ополчения, принимал участие в расследовании мятежа ратников, вспыхнувшего в декабре 1812 г. в Пензенской губернии. В том же году он получил чин полковника за энергичное участие в обучении ополченцев военному делу. В 1813 г. Муравьев участвовал в блокаде Дрездена (вместе с французским генералом М. Дюма подписал сдачу города), в битвах при Гамбурге и Марбурге и в ряде других военных операций, стал к концу заграничных походов русской армии (во время которых он также руководил ополченцами) генерал-майором; за военные успехи награжден золотой саблей.

После завершения боевых операций Муравьев находился некоторое время на военной службе, оставил которую лишь в 1815 г. Он по-прежнему управлял учебным заведением для колонновожатых, а также вел в нем ряд дисциплин. Авторитет его любимого детища был крайне высок. Как отмечается в современных научных трудах, по своему уровню оно по праву стояло в сознании современников рядом с Царскосельским лицеем и Университетским благородным пансионом [1, с. 75; 10]. При этом Муравьев как его идейный вдохновитель, организатор, а главное, талантливый педагог, заслужил «общую любовь и уважение» множества молодых дворян, которых он готовил к военной службе, а также терпеливо занимался их воспитанием.

С 1816 г. Московское учебное заведение для колонновожатых хотя и оставалось по-прежнему на иждивении Муравьева, получило статус государственного учреждения, в котором все учащиеся считались состоявшими на военной службе. Здесь преподавали арифметику, геометрию, фортификацию, историю всеобщую и российскую, статистику и другие предметы. Вначале учеников заведения зачисляли на службу колонновожатыми, а после завершения обучения и успешной сдачи экзаменов их производили в офицеры «по квартирмейстерской части» — прапорщиками.

Новаторской для XIX в. была и система обучения, в которой теория органично совмещалась с хозяйственной практикой. Так, учебные предметы распределялись на 3 курса, каждый из которых проходил в 4 месяца, а летом колонновожатые отправлялись в Осташево имение Муравьева на берегу р. Руза для практических занятий. Сам же он воспитывал учащихся, руководствуясь как патристическими побуждениями, так и нормами строгой дисциплины. Ко-

лонновожатых возили на Бородинское поле, прививали любовь к труду. За проступки следовало незамедлительное наказание вплоть до перевода в армейские части рядовыми или унтер-офицерами. С весны колонновожатые проходили практику в Московской губернии, располагаясь в имении Муравьева Александровское-Осташево, где вначале изучали теорию, а с конца мая разъезжались для осуществления тригонометрических (триангуляционных) и топографических съемок. Это было не только обучение, но и важное практическое мероприятие. Всего за 5 лет (1818—1823) питомцы Муравьева провели огромную работу, сделав топографическую съемку почти половины Московской губернии. Было «снято» 7 уездов: Волоколамский, Можайский, Верейский, Рузский, Звенигородский, Подольский, Московский и Климовский (частично) — всего же около 12000 квадратных верст! [11].

Что же касается учебно-воспитательной сферы, то можно вести речь о разработанной и успешно реализованной Муравьевым новаторской детско-юношеской системе домашнего воспитания и образования, которая была направлена на подготовку квалифицированных офицеров русской армии начала XIX в. [12, с. 141—144]. Уникальность этой системы заключалась и в том, что ее основу составили творческие усилия Муравьева и трех его сыновей [12, с. 141].

Ценной стороной учебно-просветительских и воспитательных инициатив Муравьева являлся их национально-почвеннический характер, что для того времени было крайне необходимо.

Как вспоминал позже о Муравьеве декабрист Н. В. Басаргин, также ставший выпускником муравьевской школы, «он умел поддерживать и развивать... все, что служит к укреплению близких, дружеских отношений между благомыслящими людьми...» [1, с. 75]. Особенно сильное воздействие имели беседы выдающегося педагога. «Он выбирал всегда какой-нибудь поучительный предмет для разговора или рассказа, — подчеркивал Н. В. Басаргин, — описывал с такою верностью события прошедшего времени и известные исторические лица... что... боишься пропустить каждое его слово... Каждый из нас выходил с новым знанием чего-нибудь полезного, любопытного и в самом веселом расположении духа» [1, с. 75].

Большое внимание уделял педагог нравственно-этическим вопросам подготовки военных кадров — проблеме, весьма остро заявившей о себе в начале XIX в. Он же издал переведенный одним из его учеников, прапорщиком П. И. Колошиным, «Курс фортификации» Ж. Беллавена.

В 1816 г. энергичная и весьма успешная учебно-воспитательная деятельность Муравьева обратила на себя внимание императора Александра I, который «пригласил его на службу по квартирмейстерской части», а в следующем 1817 г. за второй выпуск колонновожатых наградил его орденом Святой Анны I степени.

Среди выпускников Московского учебного заведения для колонновожатых (всего их оказалось за 1810—1823 гг. 138 человек, из которых 127 были приняты в свиту его Императорского Величества) был и С. Д. Полторацкий — в будущем выдающийся российский ученый-библиограф, сын известного калужского помещика-рационализатора Д. М. Полторацкого. Кроме того, многие из выпускников муравьевской школы (по разным сведениям, от 13 до 24 человек) оказались в рядах декабристов. Последний факт отнюдь не случаен: в училище сформировалась обстановка, благоприятная для «вольнодумства». Сын Муравьева Николай увлекался идеями французских просветителей, особенно Ж.-Ж. Руссо, а в планы созданного им и его молодыми друзьями тайного юношеского общества (первой преддекабристской организации «Чока»), в которое вошли будущие декабристы, входило ни много ни мало создание «свободной республики на острове Сахалин»! Его брат Александр (будущий известный декабрист), в свою очередь, в феврале 1816 г. стал создателем одной из первых декабристских организаций — Союза спасения [13], куда вошли С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, М. Н. Новиков и П. И. Пестель. Обращает на себя внимание тесная дружба и идейная близость братьев Муравьевых с А. М. Бакуниным [14, с. 7—19].

Вместе с тем Отечественная война 1812 г. закономерно привела к тому, что эти проекты, по воспоминаниям сына Муравьева Николая, «погрузились в полное забвение» [6, с. 27]. Однако после завершения войны в училище колонновожатых вновь возобладала «свободолюбивая атмосфера». Как отмечала в 1975 г. исследовательница И. С. Калантырская, «Московское военное заведение для колонновожатых сыграло также большую роль в развитии свободомыслия среди офицеров. Либеральные взгляды Н. Н. Муравьева (отца) сказывались на всем внутреннем укладе жизни Училища и воспитании его военной молодежи» [15].

В результате активной государственной и успешной военной деятельности Муравьев по праву приобрел авторитет и уважение современников. Кроме того, оказались вполне востребованы и его ду-

ховно-патриотические идеи, что во многом определялось как «запросами эпохи», так и уникальностью этой самобытной творческой личности.

Недаром в научной литературе отмечено, что «Н. Н. Муравьев представлял собой редчайший тип деятельного гражданина, способного противостоять многим стереотипам тогдашней общественной жизни и имевшим смелость решиться на дело государственного уровня, взяв на себя труд по подготовке будущих офицеров-квартирмейстеров» [1, с. 72]. В итоге сложилась парадоксальная, но вполне логичная ситуация: «То, что в полном объеме не смогло сделать государство, было осуществлено частным лицом и в масштабах куда более значительных, чем уровень официального военного образования того времени» [1, с. 72].

Вместе с тем и для такой творческой личности не все оказалось по силам. В 1823 г. по причине ухудшившегося состояния здоровья и «материальных обстоятельств» («пошатнувшихся денежных дел») Муравьев был вынужден закрыть знаменитую школу (училище для подготовки колонновожатых было переведено в Санкт-Петербург), которая, однако, к тому моменту уже выполнила свою историческую и социокультурную миссию. Именно на ее основе император Николай I в 1832 г. учредил Академию Генерального штаба (первоначально как Императорскую Военную академию). В настоящее время это Главное оперативное управление Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Выпускники муравьевской школы внесли большой вклад в общественное декабристское движение, а также в развитие и достижения российской геодезии в XIX столетии.

Обращает на себя внимание и следующий момент: впоследствии в руководство Русского географического общества, а также в состав его членов входили многие выпускники Московского учебного заведения для колонновожатых: М. Н. Муравьев, Л. А. Перовский, Ф. П. Вронченко, А. П. Болотов, П. И. Колошин, Н. В. Путята, П. А. Тучков, В. К. Ливен и др.

Уйдя в отставку из-за несогласия с жестоким обращением командира полка с солдатами, Муравьев сосредоточил свои усилия в области хозяйственной жизни. Наиболее его интересовало «молочное дело», а именно практические способы рационализации российского животноводства. Еще будучи в шведском плену, он внимательно изучал передовые методы в этой отрасли сельского хозяй-

ства. Интерес этот был вполне оправдан: аграрная экономика Швеции с начала XVIII в. отличалась высокой продуктивностью, к началу XIX столетия она стала хуторской.

Хозяйственно-рационализаторская деятельность Муравьева началась еще в первые годы XIX в. Переехав по просьбе своего отчима в с. Александровское—Осташево под Волоколамском, он продолжил свои ранние (в лужском имении Сырец) опыты с молочным скотом, быстро убедившись в том, что коровы русских пород обладают значительной продуктивностью «при хорошем уходе и присмотре». Для того времени это был отнюдь не такой очевидный вывод, как это представляется в наши дни: многие российские помещики отдавали предпочтение зарубежным породам скота, зачастую плохо приспособленным к природно-климатическим условиям отдельных уездов страны.

Именно в Осташево (которое окончательно перешло в его собственность в 1813 г.) Муравьев еще в 1805 г. построил скотный двор, быстро ставший знаменитым на всю Россию. Здесь впервые в мире он применил в перерабатывающем цехе наиболее прогрессивный способ получения свежих сливок путем отстоя их в плоских тазиках на льду [16, с. 67—68]. Этим способом, несправедливо названным в 1863 г. «швейцарским», в XIX в. широко пользовались не только в России, но также в Пруссии, Англии, Швеции и Дании [16, с. 67].

Хозяйственное «молочное заведение», основанное рационализатором, вошло в отечественную историю как первый «молочный завод» в России [17, с. 10] — небольшое, но для того времени технологически передовое предприятие, прообраз современных молокозаводов.

Свои аграрные начинания Муравьев продолжил и после того, как полностью посвятил себя сельскому хозяйству. В 1818 г. аграрник-новатор стал одним из основателей императорского Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). В 1822 г. по его личной инициативе в Москве был учрежден впоследствии знаменитый Бутырский учебно-опытный хутор МОСХ — первый в России хутор для систематического хозяйственного обучения крестьянских мальчиков, где ключевое место отводилось рациональному «молочному делу» [18, с. 44—50; 19; 20, с. 827—828]. Первоначально им заведовал сам Муравьев; впоследствии директорами были известные специалисты-аграрники А. М. Баженов, П. В. Гриневский, М. С. Кишкин и др.

Главным позитивным итогом существования хутора стало реальное соединение аграрной теории с практикой. Именно оно прони-

зывало всю деятельность и Муравьева, и руководимого им и его последователями хутора. Анализируя работу Бутырского учебно-опытного хутора в XIX столетии, его руководитель в начале XX в. подчеркивал: «Как бы то ни было, свои первые 70 лет хутор прожил недаром. Своими удачами и неудачами он будил агрономическую мысль, будучи долгое время почти единственным учреждением этого рода в стране. Его механическое заведение (мастерская по производству сельскохозяйственной техники. — С.К.) способствовало распространению улучшенных машин и орудий. Наконец, здесь получали свои практические познания питомцы школы, долгое время бывшие единственными представителями агрономических познаний в стране» [21, ф. 921, оп. 1, д. 67, л. 9].

Муравьев не только был одним из основателей МОСХ, но и руководил IV (практическим) отделением общества, которое объединяло ведущих помещиков-рационализаторов, обменивавшихся накопленным агрономическим и агротехническим опытом. Кроме того, он регулярно проводил летние занятия учеников Земледельческой школы МОСХ на Бутырском опытном хуторе.

Впоследствии, уже во второй половине XIX в., на хуторе был проведен ряд важных хозяйственных опытов и экспериментов, фактически продолживших новаторские начинания Муравьева.

В 1827 г. аграрник организовал в Москве отдельную земледельческую школу для обучения сирот и крестьянских детей уходу за скотом и молочному делу. Вторая такая школа была учреждена в Санкт-Петербурге, на Охте. «С кувшином охтенка спешит...» — написал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» об одной из учениц этой школы.

Учитывая печальную судьбу питомцев Тярлевской земледельческой школы, Муравьев сумел добиться принятия «Положения» о выпускниках этих школ, согласно которому лучшим из них, показавшим в течение 10 лет отличные результаты работы на полях и молочных фермах России, предоставлялись права потомственного почетного гражданина.

В 1830-х гг. Муравьев опубликовал на страницах «Земледельческого журнала», главного печатного органа МОСХ [22, с. 828—829; 23, с. 329—343], и в «Земледельческой газете», выходящей в Санкт-Петербурге и внесшей огромный вклад в отечественное хозяйственное просвещение [24, с. 824—827; 25, с. 231—251], ряд статей, сыгравших важную роль в пропаганде основ рационального хозяйства в России.

Высоко ценя достижения «народной агрономии», Муравьев полагал, что преобладавшая в крепостной России трехпольная система земледелия при всей своей архаике и неэффективности имела и ряд положительных сторон (простота земельного инвентаря и др.), максимально отвечая историческим и хозяйственным условиям отечественного сельского хозяйства, поэтому безоговорочно отказываться от нее не следует. Он настойчиво пропагандировал передовые агрономические знания, выступал за обучение крестьян рациональному землепользованию. Вместе с тем аграрник обращал особое внимание на «бессмыслие и нерадение наших работников» и «недостаток хороших управляющих» в качестве ключевых факторов аграрного застоя. Он провел также ряд важных хозяйственных опытов, в том числе по посеву хлебов.

В 1830 г. было опубликовано главное сочинение Муравьева, внесшее огромный вклад в теорию и практику отечественной аграрной рационализации. Оно называлось «Наставление о приведении в порядок управления скотными дворами» [26]. Работа стала настольной книгой для множества российских рационализаторов, в том числе и для воспитанников Муравьева, сосланных в Сибирь после восстания на Сенатской площади в декабре 1825 г. Так, в 1836 г. декабристы братья А. А. и Н. А. Крюковы (согласно преданию, зарывшие на одном из пригорков усадьбы Осташево первый рукописный проект «Конституции» Никиты Муравьева), а также А. П. Беляев, основываясь на муравьевских рекомендациях, организовали «молочный завод» в Минусинске, на котором получаемое от 200 коров целого ряда декабристов-колонистов молоко перерабатывали на масло, сливки, варенец и простоквашу [17, с. 10].

В отличие от многих дворян, фактически отказавшихся от поддержки своих родных и друзей, сосланных в Сибирь, Муравьев этого не сделал, поддерживая тесную связь с бывшими учениками.

Возникшие еще при жизни аграрника первые в России «молочные заводы» и образцовые молочные фермы целиком принадлежали ему, его друзьям и ученикам. Так, при участии Муравьева после 1805 г. в 50 верстах от Осташева был организован первый «сыродельный завод» в имении С. С. Мещерской в с. Лотошино, затем в ее же имении в с. Дугино в Сычевском уезде Смоленской губернии, в имении Римского-Корсакова в с. Журавлево Старицкого уезда, а также в имениях его отчима князя А. В. Урусова в с. Юшино под Смоленском и в с. Мелечкино под Череповцом [27]. Первый в стране

«сыродельный завод» был создан учеником Н. Н. Муравьева — князем В. М. Шаховским, входившим в окружение А. С. Пушкина [28, с. 493], в с. Белая Колпь Волоколамского уезда, после чего появились еще три таких «завода», организованных, соответственно, другими его воспитанниками: М. В. Лодыженским — в с. Харитоново Корчевского уезда, Н. В. Путятой [29, с. 148—149, 305] — в с. Бессоновно Вяземского уезда и Н. П. Корфом — в вологодском с. Единоново [27]. На базе последнего из названных хозяйств позже, уже в 1871 г., известный рационализатор-новатор Н. В. Верещагин создал совместно с Д. И. Менделеевым первую молочную школу в России [27].

«Не обеспечив скота кормами и благоустроенным двором, не стоит приступать к покупке ни иностранного, ни своего скота...» [26, с. 36], — подчеркивал в своей работе аграрник-новатор. Эти и другие важные выводы были основаны на его личном многолетнем хозяйственном опыте. Муравьев в своем имении проводил контроль удоев и выхода масла от каждой коровы, на основании этого осуществлял выбраковку животных; установил рацион кормления коров; разработал наиболее совершенные методы получения сливок и сбивания из них масла. В частности, установил, что полное тщательное додаивание коровы положительно влияет на количество и состав молока [16, с. 68].

Важное практическое значение имели и общие подходы Муравьева к вопросам рационализации отечественного животноводства. Именно он первым встал на защиту русского молочного скота, что во многом предопределило последующую деятельность его преемника Н. В. Верещагина, уже в пореформенный период заложившего основы русского масло- и сыроделья как полномасштабных отраслей отечественного сельского хозяйства [27; 30—32].

Главную причину отставания русской молочной отрасли Муравьев видел в следующем: «Разница между иностранным и российским способами возделывания земли — вот одна из причин всех неудач наших при слепом копировании иностранного опыта. В большинстве имений, не говоря уже о крестьянских хлевах, наша скотина так же голодает зимою, как и летом, и я не понимаю, как сии несчастные животные продолжают еще жить в России, несмотря на все средства, употребляемые и зимою и летом к их истреблению...» [26, с. 16].

В целом же в сочинении Муравьева 1830 г. впервые в истории отечественной аграрной практики были четко и подробно сформу-

лированы ключевые положения рациональной технологии и организации крупных товарных животноводческих хозяйств с элементами научной организации труда и управления.

Кроме того, с примечаниями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда вышли «Основания рационального сельского хозяйства» выдающегося немецкого ученого-агронома Альбрехта Даниэля Тэера в переводе С. А. Маслова (1830—1835). Эта работа сыграла важную роль в рационализации многих помещичьих хозяйств дореформенной России. В своих примечаниях Муравьев, разбирая вопрос о сравнительной выгодности крепостного и свободного труда, доказывал, что «работа наемными людьми в России будет самым неосновательным и разорительным предприятием, доколе цена хлеба не возвысится, цена наемным работникам не уменьшится и число их не увеличится», подчеркивая при этом, что «в России нет другого средства производить полевые работы, как оседлыми крестьянами» [33, с. 8].

Важное практическое значение имел и другой известный вывод рационализатора-аграрника, согласно которому улучшение помещичьего хозяйства необходимо начинать с улучшения *хозяйства крестьянского* [33, с. 6].

В своей содержательной работе «Декабрист Никита Муравьев» Н. М. Дружинин охарактеризовал Н. Н. Муравьева как «выдающегося агронома своего времени» [34, с. 50]. По его мнению, он принадлежал к «старшему поколению дворянских семейств», «из которых вышли крупнейшие декабристы», и оно «уже прокладывало дорогу буржуазным идеологическим течениям; но в своем общественном быте и социально-политических взглядах... еще крепко стояло на старой феодально-землевладельческой почве» [34, с. 50].

Муравьев был не только действительным членом Московского общества сельского хозяйства и начальником его IV отделения (с 1818 г.), но также действительным членом Московского общества испытателей природы и Белорусского вольного экономического общества. Он пользовался огромным и заслуженным авторитетом как один из ведущих российских рационализаторов-практиков дореформенной эпохи. Его многосторонняя экономическая и просветительская деятельность заложила основы последующей аграрной рационализации страны как в годы, предшествовавшие крестьянской реформе 1861 г., так и во второй половине XIX в.; стала важным фактором формирования новой хозяйственной ментальности, опиравшейся на буржуазные основы.

Вместе с тем Муравьев, опираясь на многолетний опыт хозяйствования, хорошо понимал, что традиционные экстенсивные формы и методы природопользования, включая господство трехполья, в значительной степени были обусловлены не только недостатком средств для широкомасштабного внедрения новаций, но и специфическими условиями аграрной экономики Центральной России, включая негативные хозяйственные и социокультурные факторы (бедность и необразованность значительной части крестьян и помещиков, упорное противодействие общины новшествам и пр.). Поэтому он так оценивал трехпольную систему: «...сей род хозяйства, по простоте своей, может быть возделываем простыми работниками, без всякого разбора, и довольствуется самыми простыми и всеми обычными орудиями. Вот одна из причин, почему мы не должны изменять сего рода хозяйства, ибо... мы производим работы не искусными работниками, не на хороших и сильных лошадях и не усовершенствованными орудиями, а крестьянами худыми и бессильными лошадьми и самыми простейшими их орудиями...» [35, с. 349]. Кроме того, рационализатор убедился, что даже в условиях архаичного трехполья применение «рачительных» приемов — более тщательная обработка земли, лучшее удобрение пашен, освоение болот и др. — нередко приносило помещикам немалую экономическую выгоду.

Хозяйственный опыт Муравьева был доведен до сведения множества российских рационализаторов благодаря экономической печати (печатных трудов МОСХ, прежде всего «Земледельческого журнала») и получил широкое общественное признание. Для дореформенной эпохи это было крайне редкое явление.

Н. Н. Муравьев скончался в Москве 20 августа 1840 г. и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря, где у Муравьевых находился семейный склеп с часовней. После революционных потрясений 1917—1921 гг. от могил ничего не осталось; установили лишь небольшую мемориальную плиту в честь одного из сыновей выдающегося рационализатора и просветителя — декабриста Александра Николаевича Муравьева (1792—1863).

Что же касается оценки деятельности Муравьева со стороны современников, то показательны выводы Н. В. Басаргина, который так писал о своем любимом учителе (выразив тем самым общую признательность всех многочисленных питомцев выдающегося педагога-новатора): «Мир праху твоему, человек добрый и гражданин в полном смысле полезный! Ты положил немалую лепту на алтарь Отече-

ства, и нет сомнения, что потомство оценит тебя и отдаст справедливость твоим бескорыстным заслугам. Память же о тебе в сердцах воспитанников твоих сохранится, я уверен, доколь хотя один из них будет оставаться в этом мире!» [1, с. 75].

Трагически, но вместе с тем исторически закономерно сложилась и судьба его любимой усадьбы. В пореформенную эпоху имением Осташево владели Н. П. Шипов, затем генерал А. А. Непокойчицкий, купец и «чайный магнат» А. Г. Кузнецов, помещики Ушковы (наследники известного московского миллионера и театрального мецената К. К. Ушкова) и, наконец, великий князь К. К. Романов (внук императора Николая I), воспевший поместье в стихах. Отметим энергичную рационализаторскую деятельность Н. П. Шипова (1806—1887), удачливого предпринимателя и представителя известного дворянского рода [36]. Новый владелец имения в очередной раз организовал в нем рациональное хозяйство, но уже с десятипольным севооборотом, «образцовым» (по признанию современников) скотным двором и сыроварней. Эта новаторская работа во многом стала продолжением начинаний Н. Н. Муравьева. В феврале 1857 г. Н. П. Шипов был избран действительным членом МОСХ и назначен начальником II отделения МОСХ и руководителем Бутырского учебно-практического хутора. Уже 25 января 1858 г. он был награжден золотой медалью МОСХ «за восстановление и приведение в порядок учебно-практического хутора, соответственно с его назначением и достоинством общества».

К началу XXI в. усадьба Осташево уцелела лишь фрагментарно. Основные ее постройки были уничтожены в годы Великой Отечественной войны. При этом все сохранившиеся усадебные строения находятся в плачевном разрушающемся состоянии, а часть из них используется под жильё.

Что же касается аграрных новаций Муравьева, то их судьба, напротив, сложилась гораздо счастливее: все они постепенно вошли в традиционный хозяйственный уклад множества помещичьих усадеб Центральной России. К середине 1830-х гг. высокую оценку и признание современников получили такие прочно вошедшие в аграрный быт новации, как «усовершенствованные скотные дворы» Муравьева, изобретения в области земледельческих орудий труда Е. С. Карновича, Ф. Х. Майера, П. П. Аносова и др. Все эти новации медленно, но неуклонно преобразовали архаичный хозяйственный быт.

Таким образом, Николай Николаевич Муравьев — выдающийся рационализатор, агроном, просветитель и общественный деятель дореформенной эпохи — внес огромный вклад как в развитие военной педагогики и геодезии в России, так и в усовершенствование отечественного сельского хозяйства, ориентированного прежде всего на рынок молочного животноводства.

Список источников и литературы

1. *Туманик Е. Н.* Военный педагог генерал-майор Николай Николаевич Муравьев (1768–1840) // Гуманитарные проблемы военного дела. Новосибирск, 2015. №2 (3).
2. *Герман И. Е.* История русского межевания. М., 1914.
3. *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965.
4. *Хитров Д. А., Голубинский А. А., Черненко Д. А.* Нечерноземный Центр России в материалах Генерального межевания // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти акад. РАН Л. В. Милова : матер. конф. М., 2011.
5. *Степанова Л. Г.* Экономические примечания к Генеральному межеванию и материалы специального межевания как источник по экологической истории // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2015. Вып. 21.
6. *Записки Н. Н. Муравьева-Карского* // Русский архив. 1886. Ч. 1, т. 9.
7. *Хохлова Н. А.* Андрей Николаевич Муравьев — литератор. СПб., 2001.
8. *Козлов С. А., Семенкова Т. Г.* Мордвинов Николай Семенович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2008. Т. 1.
9. *Богомазов Г. Г.* Николай Мордвинов как экономист и государственный деятель // Историко-экономические исследования. Иркутск, 2014. Т. 15, №1.
10. *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Университетский Благородный пансион. 1779–1830. М., 2006.
11. *История геодезии.* URL: http://www.ramgeo.ru/history/info/geo_history/chapter_2 (дата обращения: 07.07.2017).
12. *Туманик Е. Н.* Домашнее военное образование в русской дворянской семье в начале XIX в. (на примере семейства Н. Н. Муравьева) // Гуманитарные проблемы военного дела. Новосибирск, 2014. №1 (1).
13. *Туманик Е. Н.* Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. Новосибирск, 2006.
14. *Пирумова Н. М.* Семья Бакуниных в Премухинской усадьбе // Мир русской усадьбы. М., 1995.

15. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому / под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1975. Т. 1. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_d/18160720mur.html (дата обращения: 07.07.2017).
16. Твердохлеб Г. В., Шемякин В. О., Сажин Г. Ю., Никифоров П. В. Вологодское маслоделие. История развития. СПб., 2002.
17. История развития молочной промышленности / сост. И. В. Сидоренко. Брянск, 2015.
18. Положение об устройстве хутора и соединении его с Земледельческой школою // Историческое обозрение действий и трудов Императорского Московского общества сельского хозяйства со времени его основания до 1846 г. / сост. С. А. Маслов. М., 1850.
19. Перепелкин А. П. Краткий исторический очерк Московской Земледельческой школы императорского Общества сельского хозяйства со времени учреждения школы 4-го января 1819 года. М., 1895.
20. Козлов С. А. Земледельческая школа МОСХ // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2008. Т. 1.
21. Центральный государственный исторический архив Московской области.
22. Козлов С. А. «Земледельческий журнал» // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2008. Т. 1.
23. Козлов С. А. «Земледельческий журнал» (1821—1840) как источник по аграрной истории дореформенной России // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию чл.-кор. РАН В. И. Буганова : сб. ст. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2012.
24. Козлов С. А. «Земледельческая газета» // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2008. Т. 1.
25. Козлов С. А. Вопросы аграрной модернизации Центрально-Нечерноземной России на страницах «Земледельческой газеты» XIX — начала XX вв. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. / отв. ред. С. А. Козлов. М., 2009.
26. [Муравьев Н. Н.] Наставление о приведении в порядок управления скотными дворами. М., 1830.
27. Журналу «Молочная промышленность» — 110 лет. URL: <http://www.moloprom.ru/reader/newspapermilkcontent/?year=2012&month=2&artid=5036> (дата обращения: 15.05.2016).
28. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.
29. Декабристы. Биографический справочник / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1988.
30. Степановский И. К. Маслоделие — богатство севера. История молочного хозяйства и данные для развития его в северной части России — преимущественно в Вологодской губернии. Вологда, 1912.

31. *Починюк О. П., Маликова Л. Х., Калошина Е. В.* Верещагины. России славу умножая. СПб., 2008.

32. *Гутерц А. В.* Николай Верещагин. На благо Отечества. Вологда, 2011.

33. *Муравьев Н. Н.* Примечания // А. Тэер. Основания рационального сельского хозяйства. М., 1830. Ч. 1.

34. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев // Н. М. Дружинин. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. / отв. ред. проф. С. С. Дмитриев. М., 1985.

35. *Советов А. В.* О системах земледелия // А. В. Советов. Избранные сочинения. М., 1950.

36. *Шипов Р. А.* Шиповы: из опыта генеалогических исследований. М., 2011.

Дворяне-помещики на финансовом рынке второй половины XIX века

Показано участие помещиков Уфимской губернии в финансовых операциях в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка. Их доля в сделках с безналичным расчетом сократилась в 1870—1880-е гг. с 12,5 до 7%. Немногие наиболее активные дворяне-предприниматели были постоянными клиентами банка. Большинство дворян-помещиков Уфимской губернии не смогли приспособиться к рыночной экономике.

The participation of landowners of the Ufa province in financial operations in the Ufa branch of the Volga-Kama commercial Bank is shown. Their share in the transactions of the cashless payments decreased in 1870—1880-s. from 12,5 to 7%. A narrow circle of the most active nobles of entrepreneurs were regular customers of the Bank. Most of the nobles of the landowners of the Ufa province could not adapt to the market economy.

Ключевые слова: финансы, помещики, банки, Южный Урал.

Keywords: finance, landlords, banks, Southern Ural.

Немногочисленные кредитно-финансовые учреждения предреформенного периода (опекунский совет и приказ общественного призрения) использовались дворянами-помещиками Оренбургской (с 1865 г. — Уфимской) губернии. В них они брали займы деньги [1, с. 22]. В пореформенный период ситуация изменилась. В 1865 г. в Уфе открывается отделение Государственного банка, а в конце 1873 г. — отделение частного Волжско-Камского коммерческого банка. Именно это отделение, кроме ипотечных земельных банков, почти полвека являлось главным игроком на финансовом рынке края.

Среди многих услуг Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка (ВККБ) предлагало открытие так называемых текущих счетов. Это была первая в регионе массовая практика безналичного расчета. Вкладчик через текущий счет мог быстро перечислять деньги своим коммерческим партнерам в другие города, где действовали отделения ВККБ или были банки-партнеры, платить любые взносы, а также зачислять на свой счет любые переводы.

Все операции проводились через чековую книжку. Банк, по сути, брал на себя функцию бухгалтерского обслуживания клиента, сотрудники банка оформляли все платежи, переводы и пр. за небольшую комиссию. Владелец текущего счета просто выписывал чек (действовал на предъявителя несколько дней) и отправлял в Уфимское отделение, где имелся образец его подписи. Быстро и удобно.

Текущими счетами, на которые начислялся самый маленький процент, пользовались почти исключительно для коммерческих операций. На них не хранили деньги, из-за небольшого процента это было невыгодно. В конце года на текущем счету денег чаще всего не оставалось (требовалось держать минимальную сумму в 100 руб.). Сколько денег перечислили предпринимателю, практически столько же переводил и он сам [2, с. 87—111].

Персональные списки владельцев текущих счетов сохранились за многие годы, что позволяет увидеть конкретное состояние местного предпринимательства, его реальные обороты (через Уфимское отделение ВККБ проводилось до 60% финансовых ресурсов губернии).

Сначала списки вкладчиков на текущие счета были только пофамильные, потом стали появляться уточняющие сведения. Но фамилии дворян-помещиков хорошо известны, тем более банковскими услугами в основном пользовались окрестные владельцы имений из Уфимского уезда. В отчетной ведомости учитывались все показанные счета, включая вновь открытые в текущем году, закрытые и не функционировавшие, когда деньги просто лежали в банке, а владелец не совершал никаких транзакций.

В 1875 г. в Уфимском отделении ВККБ существовало 160 простых текущих счетов и 11 условных (деньги выдавали через несколько дней под более высокий процент). В таблице 1 показаны первые 5 крупнейших вкладчиков (купцы) и все дворяне-помещики, имевшие текущие счета [4, ф. 595, оп. 3, д. 1178, л. 83—88].

Таблица 1

Текущие счета в Уфимском отделении ВККБ в 1875 г.

Вкладчик	Остаток к 1 января 1875 г., руб.	Принято в 1875 г., руб.	Выдано в 1875 г., руб.	Остаток к 1 января 1876 г., руб.	Начис- ленные проценты
<i>Крупнейшие вкладчики</i>					
И. А. Кондратьев	5234,47	145 057,43	150 234,75	57,15	65,22
Мамин	212,44	135 600,00	135 660,00	152,44	58,26
Першин	4079,80	121 070,20	125 100,00	50,00	302,18
Калмацкий	65,07	95 094,93	95 133,99	26,01	33,32
Чижов	4232,68	81 787,75	77 373,25	8647,18	107,25
<i>Дворяне-помещики. Простые текущие счета</i>					
Н. Э. Эверсман	1780,62	51 805,08	50 509,32	3076,38	40,51
Листовский	359,73	43 488,09	39 703,58	4144,24	86,36
Заварицкий	4907,51	6913,50	11 466,01	355,00	45,26
Ляхов	2006,00	7175,00	5251,00	3930,00	52,89
Шахурин	8614,84	1000,00	7550,00	2064,84	85,59
Князь Кугушев	9024,44	3950,56	11194,00	1781,00	23,96
Пиглевский	107,08	—	100,00	7,08	1,79
Граф Коссаковский	112,44	8500,00	6090,00	2522,44	91,71
Топорнин	1544,80	6295,00	7812,00	27,80	16,38
Дашков	1722,21	70 025,00	70 652,60	1094,61	322,48
Черников-Анучин	30,86	—	25,00	5,86	0,39
Н. Н. Эверсман	5036,66	4562,00	9184,00	414,66	101,53
Ляхов	1711,45	—	1711,45	—	—
С. Е. Шахурин	503,01	1025,98	1528,99	—	12,66
Ольховский	1438,51	24 142,50	24 379,01	1202,00	35,82
Добротворский	—	3675,25	3554,94	120,31	17,94
Фок	—	3000,00	2980,00	20,00	20,40
Юзефович	—	1350,00	1350,00	—	5,13
Карташевский	—	1700,00	—	1700,00	1,15
Тевкелев	—	100,00	—	100,00	—
<i>Условные текущие счета</i>					
Шахурин	—	40 352,00	40 000,00	352,00	295,11
Князь Кугушев	—	15 326,00	15 326,00	—	52,52
Языков	—	10 943,80	10 893,80	50,00	25,85

Таким образом, из 160 лиц, имевших простой текущий счет в Уфимском отделении ВККБ, в 1875 г. у дворян-помещиков насчитывалось 20 счетов, что составляло 12,5% общего числа клиентов. Из 11 условных текущих счетов дворянам принадлежали 3.

Реальное число дворян-помещиков, занимавшихся бизнесом и использовавших безналичные расчеты через текущие счета, было еще меньше: Ляхов открыл 2 счета, Эверсман завел счет на имя жены, еще счета держали Ольга Ивановна и Сергей Егорович Шахурины — мать и сын, а также зять князь Александр Иович Кугушев [1; 3]. Наверняка именно он занимался бизнесом, теща уже была престарелая (умерла в 1879 г.), болезненный С. Е. Шахурин тоже долго не прожил.

Абсолютное большинство дворян-помещиков Уфимского и других уездов не использовало безналичный расчет. Спустя всего через десятилетие после Великой реформы доля «благородного» сословия в уфимском деловом сообществе была крайне невелика. К жестоким рыночным отношениям приспособлялись единицы.

Конкурировать с первой пятеркой уфимских купцов, чьи обороты в 1875 г. превысили 150 тыс. руб., могли только некоторые дворяне. Лидировали горнозаводчики Дашковы, владевшие Благовещенским медеплавильным заводом и имевшие 141 тыс. руб. оборота, и граф Коссаковский, хозяин Архангельского завода, имевший 14,6 тыс. руб. оборота. Выделялись также страховщики Эверсман, оборот которых на всех счетах составил около 116 тыс. руб., и Ольховский с оборотом в 48,5 тыс. руб. Крупные дела вели представители дворянской семьи Листовских. Являясь чиновниками, они скупали пригородные поместья: оборот проводимых ими операций составил 83,2 тыс. руб. Породнившиеся дворяне Кугушевы—Шахурины совершили в 1875 г. операций с безналичным расчетом на 137,3 тыс. руб. Они владели обширными поместьями и вели крупное агропроизводство. Кроме того, они получали доходы от золотых приисков на Южном Урале. Крупнейшим торговцем лесом был Н. А. Заварицкий, чьи операции с текущего счета составляли 18,4 тыс. руб.

И только 3 крупных дворянина—вкладчика занимались исключительно сельским хозяйством — Ляхов (14,1 тыс. руб.), Топорнин (14,1 тыс. руб.) и Языков (21,8 тыс. руб.). Единицы «обычных» помещиков перестроились на рыночные рельсы и перевели торговлю хлебом на современные стандарты. Остальные 6 дворянских вкладов были совсем небольшими.

Суровые пореформенные десятилетия сопровождались непрерывным разорением уфимских помещиков. В таблице 2 показаны текущие счета в Уфимском отделении ВККБ в 1886 г. [4, ф. 595, оп. 3,

д. 1189, л. 78—82]. Убраны последние графы — начисленные в 1886 г. проценты на вклад и удержанный 5% налог на банковский доход, которые составили совсем крохотные суммы.

Таблица 2

Текущие счета дворян в Уфимском отделении ВККБ в 1886 г., руб.

Вкладчик	Остаток к 1 января 1886 г.	Принято в 1886 г.	Выдано в 1886 г.	Остаток к 1 января 1887 г.
А. Ф. Ралль	547,31	13 972,90	12 889,00	1631,21
А. Н. Аксаков	103,09	—	—	103,09
А. Н. Заварицкий	2627,37	32 204,00	34 731,37	100,00
В. Э. Ляхов	289,57	6 719,55	6 635,00	374,12
Князь А. И. Кугушев	3054,50	16 597,71	19 452,50	199,71
Граф С. С. Коссаковский	155,84	30 850,00	30 905,84	100,00
А. Д. Дашков	165,80	6 652,75	6 609,50	209,05
М. М. Топорнина	141,63	2 100,	1 450,00	791,63
А. А. Маллеев	2 742,88	8 960,00	9 700,00	2 002,88
Н. А. Ралль	—	2 000,00	2 000,00	—
К. Б. Тевкелев	—	5 000,00	4 890,00	110,00
<i>Специальные текущие счета</i>				
Д. Д. Дашков	15 943,51	85 475,03	76 298,39	25 120,15
Н. А. Заварицкий	18,49	42 466,58	21 193,69	21 291,38

В 1886 г. простые текущие счета в Уфимском отделении ВККБ держали 182 вкладчика, дворянам принадлежало всего 11, или 6% от общего числа. Дворянин становился просто редким клиентом главного в Уфе коммерческого банка. За прошедшие 10 лет их удельный вес упал почти вдвое.

В 1886 г. также существовали специальные текущие счета, их открывали под залог ценных бумаг. Из 23 специальных текущих счетов в Уфимском отделении ВККБ только 2 были открыты дворянами.

Круг дворян-промышленников оставался почти прежним. Это горнозаводчики братья Андрей и Дмитрий Дашковы с графом Коссаковским, лесной спекулянт Заварицкий, семейство агропредпринимателя князя Кугушева с родственниками Раллями и Владимир Эпинетович Ляхов, державший образцовое поместье к югу от города.

В эти ряды вклинился городской голова, чиновник, юрист, земельный спекулянт А. А. Маллеев. Остальные счета были незначитель-

ные. Они принадлежали родственнице писателя С. Т. Аксакова, Марии Михайловне Топорниной (1828—1903) — наследнице поместья при с. Топорнино (современное Кушнарженково) — и одному из представителей знаменитой семьи татарских дворян Тевкелевых.

Банковские документы подтверждают катастрофические последствия ликвидации крепостного права для дворянского сословия. Найти свое место в рыночной экономике, освоить новейшие технологии, в том числе передовые финансовые инструменты, облегчающие ведение дела и открывающие новые возможности для развития хозяйства, сумели единицы уфимских помещиков. «Вишневые сады» шли под топор.

Список источников и литературы

1. *Роднов М. И.* Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017.
2. *Роднов М. И.* Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка: начало истории (1873—1875 гг.) // *Экономическая история: Ежегодник. 2016/17.* М., 2017.
3. *Роднов М. И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья (вторая половина XIX в.). Уфа, 2018.
4. *Российский* государственный исторический архив.

**О введении в действие Положения
о земских участковых начальниках
в северо-западных губерниях России**

Проанализированы особенности введения в действие Положения 12 июля 1889 г. в северо-западных губерниях. Особое внимание уделено составу местных земских участковых начальников, началу их деятельности, а также сложностям, с которыми они столкнулись в первые месяцы работы.

This article analyzes the process of the enactment of the law of 12 July 1889 in Northwest provinces. Special attention is dedicated to the status of the zemstvo district chiefs and to the initial period of their actions as the new local authorities.

Ключевые слова: земские участковые начальники, дворянство, крестьянство, местное управление, Санкт-Петербургская губерния, Новгородская губерния, Псковская губерния.

Keywords: zemstvo district chiefs, nobility, peasantry, local government, St. Petersburg province, Novgorod province, Pskov province.

В рамках преобразования местных учреждений по крестьянским делам 12 июля 1889 г. был учрежден институт земских участковых начальников. Согласно именному указу Александра III Сенату, новое учреждение должно было стать «близкой к народу твердой правительственной властью, которая соединила бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях» [1, с. 507—508].

К этому моменту местные учреждения по крестьянским делам существовали в России на протяжении почти 30 лет, однако их дея-

тельность продолжала подвергаться критике как со стороны общест-венности, так и со стороны центральных и местных властей. Новая реформа, по замыслу правительства, должна была исправить недо-статки данных учреждений раз и навсегда. На земских участковых начальников были возложены обязанности не только бывших миро-вых посредников и неперемных членов уездных по крестьянским делам присутствий, но и мировых судей. В связи с этим они наделя-лись широкими административными и судебными правами, что в свою очередь выдвигало особые требования к составу нового учре-ждения.

Согласно Положению от 12 июля 1889 г., возможность замеще-ния должности земского участкового начальника ограничивалась сословным, имущественным и образовательным цензами. Первооче-редным правом избрания обладали те дворяне, которые прослужили в должности предводителей дворянства не менее 3 лет, а также мест-ные потомственные дворяне-землевладельцы старше 25 лет с выс-шим образованием, обладавшие недвижимым имуществом стоимо-стью не менее 7500 руб. либо прослужившие не менее 3 лет в долж-ности мирового посредника, мирового судьи или неперемного чле-на присутствия по крестьянским делам [1, с. 511].

Таким образом, как и в 1861 г., в период формирования институ-та мировых посредников, правительство сделало ставку на местных потомственных дворян-землевладельцев. Однако правовое положе-ние новых должностных лиц изменилось. В отличие от мировых по-средников, которые утверждались в должностях Сенатом, назначе-ние и увольнение земских участковых начальников зависело от ми-нистра внутренних дел.

В связи с масштабностью реформы все губернии, в которых вво-дилось Положение от 12 июля 1889 г., были разделены на несколько групп-очередей. В губерниях первой очереди реализация реформы начиналась с 1 января 1890 г. Новгородская и Псковская губернии были отнесены к губерниям второй очереди. В соответствии с ука-зом от 17 июля 1890 г., новые учреждения по крестьянским делам в данных губерниях должны были приступить к своим обязанностям с 1 сентября 1890 г. Затем 12 июня 1891 г. вышел указ о реформе уч-реждений по крестьянским делам в губерниях третьей очереди, к ко-торым была отнесена Санкт-Петербургская губерния. На ее террито-рии новые органы власти начали функционировать с 1 июля 1891 г. Министерство внутренних дел пристально следило за реализацией

реформы. Губернаторам были направлены циркуляры, определившие сроки создания временных губернских и уездных комитетов по введению в действие Положения о земских участковых начальниках, а также программа их деятельности. В соответствии с циркуляром от 26 января 1890 г., в течение месяца были открыты губернские и уездные комитеты под председательством предводителей дворянства в Псковской и Новгородской губерниях. В Санкт-Петербургской губернии временные комитеты по приведению в действия Положения начали действовать в ноябре 1890 г. Временные комитеты должны были определить число, а также размеры земских участков [2, ф. 1291, оп. 38, д. 278б, л. 8; 3, ф. 78, оп. 1, д. 65, л. 1].

Несмотря на то, что одной из задач реформы 1889 г. было сокращение расходов на содержание учреждений по крестьянским делам, число вновь назначенных должностных лиц в губерниях значительно возросло. Если в 1861 г. в 3 северо-западных губерниях были образованы 113 мировых участков, то в 1889 г. губернии были разделены на 139 земских участков. Хотя площадь участков и стала меньше, количество крестьян, приходившихся на один земский участок в указанных губерниях, возросло по сравнению с 1861 г. более чем в 2 раза. Если в год отмены крепостного права средняя площадь одного мирового участка в Новгородской губернии составляла 2200 кв. верст, то в 1890 г. эта цифра сократилась до 1765 кв. верст. При этом количество крестьян, приходившихся на одного земского начальника, увеличилось с 5 до 9 тыс. душ мужского пола. Такая же тенденция прослеживалась в Псковской и Санкт-Петербургской губерниях [2, ф. 1291, оп. 38, д. 278а, л. 159; д. 278в, л. 188; 4, с. 102—105, 115].

Местным властям предстояло отобрать 139 кандидатов на должности земских участковых начальников, что оказалось непростой задачей. Уездные предводители дворянства составляли списки всех дворян уезда, отвечавших требованиям закона, после чего губернаторы по согласованию с губернским и уездными предводителями дворянства отбирали кандидатов. Список кандидатов, составленный в 1889 г. в столичном уезде Санкт-Петербургской губернии, включал в себя лишь 22 фамилии, в то время как списки кандидатов на должности мировых посредников ряда уездов той же губернии, формировавшиеся в 1861 г., насчитывали более 100 человек. В этой связи весьма полезным оказалось включение в состав Положения 12 июля 1889 г. статей, предусматривавших снижение цензов при недостатке в уезде лиц, удовлетворявших изначальным требованиям [5, ф. 253, оп. 3, д. 2436, л. 90].

Одной из причин сложившейся ситуации был процесс сокращения помещичьего землевладения. По сообщению псковского губернатора Б. А. Васильчикова, за 40 лет, прошедших с отмены крепостного права, псковское поместное дворянство потеряло до 1,5 млн дес. земли. Данная ситуация, по замечанию губернатора, отражалась на составе учреждений, пополнявшихся из среды местных землевладельцев. Замещать освобождавшиеся вакансии с каждым годом становилось все труднее. Еще одной проблемой являлась финансовая сторона вопроса. Члены временных комитетов высказывали опасения, что при небольшом содержании, определенном по закону земским начальникам, сложно было рассчитывать на замещение этих должностей лицами, нравственный и умственный ценз которых соответствовал бы важности их обязанностей. В системе местного управления имелись куда более уважаемые и перспективные должности, в том числе в земских органах [5, ф. 253, оп. 3, д. 2436, л. 45]. В результате ко времени начала деятельности новых учреждений в 1890 г. вакантными остались 6 земских участков в Новгородской и Псковской губерниях.

При рассмотрении состава института земских начальников северо-западных губерний по состоянию на 1890 г. выяснилось, что 72 (52%) земских начальника служили ранее в судебно-мировых или крестьянских учреждениях, то есть обладали определенным опытом. Больше всего земских начальников, имевших за плечами опыт службы в судебных или крестьянских учреждениях, было в Новгородской губернии. Примерно половину земских начальников в Псковской (21 из 42) и Санкт-Петербургской (19 из 38) губерниях составляли бывшие военные. Для Новгородской губернии этот показатель составил 78%. Во всех 3 губерниях среди назначенных на должности земских участковых начальников были дворяне с недостаточным образовательным цензом. Они составили 12% от общего числа избранных. В Псковской и Новгородской губерниях 13% земских начальников имели недостаточный имущественный ценз. Только в Санкт-Петербургской губернии все утвержденные министром внутренних дел кандидаты проходили по имущественному цензу [2, ф. 1284, оп. 223, д. 204, л. 29—35; д. 136, л. 14—17; д. 207, л. 24—30; ф. 1291, оп. 30, 1891 г., д. 44, л. 84—98].

По данным новгородского губернатора, из 59 земских начальников 58 были потомственными дворянами, один имел личное дворянство и служил ранее участковым мировым судьей. При этом 4 зем-

ских начальника были уроженцами других губерний и не имели недвижимой собственности в самой Новгородской губернии. В должностях были утверждены 24 бывших участковых и почетных мировых судей, 7 бывших непрременных членов уездных по крестьянским делам присутствий, 18 отставных и запасных военных чинов, 4 военных в отставке и 4 гражданских служащих, занимавших до реформы другие должности, а также 2 бывших предводителя дворянства. Также 5 новгородских земских начальников были сыновьями бывших местных мировых посредников. Таким образом, только половина земских начальников обладала опытом или специальными знаниями, необходимыми для службы в учреждениях по крестьянским делам. Для 8 человек первоначального состава новгородских земских начальников было сделано отступление, так как они не имели необходимого образовательного ценза. При формировании личного состава участковых начальников местным властям удалось достичь одной из главных поставленных правительством целей. Новгородская земля была одной из 4 губерний, где процент земских начальников — земельных собственников был особенно высок [2, ф. 1284, оп. 223, д. 204, л. 46—49].

В Псковской губернии все назначенные земские начальники являлись местными дворянами. При этом 7 дворян из 42 были назначены министром внутренних дел по статье 15 Положения от 12 июля 1889 г., так как имели недостаточный имущественный ценз. Из 42 земских начальников половина служила ранее в судебно-мировых и крестьянских учреждениях. Четверо были сыновьями бывших деятелей учреждений по крестьянским делам. Высшее образование имели 14 человек, среднее — 24. Не обладали образовательным цензом 4 земских участковых начальника. Половина должностных лиц имела военное образование. В Санкт-Петербургской губернии 4 из 38 земских участковых начальников были назначены лично министром внутренних дел. Также 19 должностных лиц служили ранее в судебно-мировых и крестьянских учреждениях. Среди них были лица, посвятившие службе в учреждениях по крестьянским делам практически всю жизнь. Поручик А. Н. Калитин был мировым посредником Лужского уезда, в 1880-е гг. выполнял обязанности непрременного члена крестьянского присутствия того же уезда, а в 1891 г. был назначен земским начальником, обязанности которого исполнял на протяжении 10 лет. То же можно сказать и о земском начальнике Ямбургского уезда Ф. И. Блоке. Имея в 1873 г. чин коллежского ре-

гистратора, он стал мировым посредником Ямбургского уезда, потом более 10 лет служил неперменным членом местного уездного по крестьянским делам присутствия, а с 1 июля 1891 г. занимал должность земского участкового начальника, дослужившись до чина статского советника [2, ф. 1291, оп. 30, 1891 г., д. 44, л. 84—98].

Должность земского начальника не привлекла обеспеченное титулованное дворянство, крупных землевладельцев, лиц, имевших высокий классный чин и высшее образование. По свидетельству новгородского губернатора, лишь 6 человек, назначенных земскими начальниками в 1890 г., могли обходиться без жалованья и жить на свои доходы [2, ф. 1284, оп. 223, д. 204, л. 46—49]. Современники отмечали, что в земские начальники шли либо помещики, не справлявшиеся с ведением своего хозяйства, либо отставные чиновники и военные. Для таких лиц должность земского начальника была прекрасным шансом занять видное место в уезде. Этим объясняется отсутствие ротации лиц, служивших в учреждениях по крестьянским делам.

Зная о неоднозначном отношении общества к Положению 12 июля 1889 г., правительство приняло активные меры, чтобы начало деятельности новых должностных лиц стало знаменательным событием. За 2 недели до открытия судебно-мировых учреждений министерство внутренних дел направило губернаторам циркуляр, напомнивший о необходимости принятия особых мер, чтобы переход к новому устройству учреждений по крестьянским делам произошел без всяких «замешательств». С этой целью местные власти стремились придать особую светскую и духовную торжественность предстоявшему событию.

По сообщениям из Псковской губернии, в день начала деятельности новых учреждений по крестьянским делам в одном из уездов в местной церкви отслужили божественную литургию, на которой присутствовали уездный предводитель дворянства, земские начальники, городской судья, исправник с помощником, станковые приставы, городской голова, воинский начальник, волостные старшины и сельские старосты. Далее последовал торжественный благодарственный молебен. Земские начальники были приведены к присяге и дали клятвенное обещание на верность службе. После этого все присутствующие направились в здание уездного съезда, где был проведен еще один молебен, и только тогда открылось первое заседание уездного съезда земских начальников. В соответствии с правительствен-

ными циркулярами, реформированным учреждениям необходимо было как можно скорее приступить к принятию дел от упраздненных судебно-мировых и крестьянских учреждений, а также к избранию личного состава волостных судов. В Псковской губернии, где новые учреждения открылись 1 сентября 1890 г., уже 2 сентября присутствие Холмского уездного съезда в полном составе отправилось в Медовскую волость на открытие сельских и волостных сходов для выбора волостных судей. Процедура должна была стать примером для проведения аналогичных действий в других земских участках. Земские начальники использовали созванные волостные сходы, чтобы познакомиться с местным населением, объявить программу своих действий и объяснить сущность новой власти [3, ф. 78, оп. 1, д. 65, л. 24—25, 59].

В связи с началом деятельности новых учреждений в июне 1891 г. в Санкт-Петербургской губернии земский начальник Лужского уезда В. А. Оболенский созвал 2 волостных схода для выборов волостных судей и объяснения смысла Положения 12 июля 1889 г. Крестьянам всех окрестных деревень был зачитан текст закона. Земский начальник, занимавший до реформы должность мирового судьи, уделил основное внимание разъяснению смысла твердой власти вновь созданных учреждений и близости их к народу. В. А. Оболенский заявил, что его главная цель — вселить в каждого сельского жителя уважение к закону и к его беспрекословному исполнению. Он также указал на то, что сельской молодежи все в большей степени свойственны такие пороки как бесшабашность, страсть к разгулу, лень, презрительное и неуважительное отношение к старикам, и заявил, что причина данного явления заключается в забвении вежливости. В связи с этим земский начальник обязал подвластное ему население при встрече с господами-дворянами, духовенством и начальствующими лицами снимать шапку, тем самым свидетельствуя о своей благонамеренности. Он обещал близко входить во все крестьянские дела и сердечно относиться ко всем насущным проблемам. Торжественное слово о необходимости, важности и значении начальства на сходе также произнес специально приглашенный священник [6, Новости и биржевая газета. 1891. 23 июля; 7, Право. 1904. 15 августа].

В сентябре 1890 г. в Новгородской губернии земский начальник Старорусского уезда Р. И. Максютенко, присутствуя на сельском сходе, где избирались кандидаты в волостные судьи, обратился к крестьянам со специальной речью. Он утверждал, что земский на-

чальник должен быть руководителем крестьянского самоуправления во всех его частях, распорядителем во всех административных делах и блюстителем благосостояния и нравственности общества. В таком ключе понимали свою власть над сельским населением большинство земских начальников. Р. И. Максютенко потребовал от крестьян безоговорочного подчинения и неукоснительного выполнения всех распоряжений, угрожая в противном случае суровым наказанием [8].

Таким образом, в течение первых месяцев земские начальники были заняты приемом дел от упраздненных уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судей, а также проведением сходов для выбора волостных судей и ознакомления их с порядком ведения дел. Организация волостного суда на новых началах заняла около полутора месяцев. Принятие и изучение дел упраздненных присутствий по крестьянским делам потребовало больше времени. С самого начала своей деятельности земские начальники оказались в сложной ситуации. Причиной были необычайно широкие административные и судебные полномочия, возложенные на них законом. Административные обязанности земских начальников были перечислены в 44 статьях Положения 12 июля 1889 г. У мировых посредников отсутствовал такой близкий надзор за волостными судами и правлениями, а также не было судебных дел. Наряду с надзором за крестьянским общественным управлением (проведением ревизий и рассмотрением приговоров схода), за сельскими обществами и сельскими должностными лицами, а также за волостными судами его участка, земский начальник должен был посещать и участвовать во всех административных и распорядительных заседаниях уездного съезда, а также в заседаниях по пересмотру решений волостных судов. В 8 статьях Положения 12 июля 1889 г. были перечислены 12 видов дел, требовавших письменных заключений земского начальника. Каждые полгода он должен был составлять отчеты о ревизиях волостных судов и волостных правлений, писать объяснения по жалобам, подаваемым в уездный съезд. Кроме того, ему необходимо было выделить время на текущее канцелярское производство, счетоводство и прием посетителей и должностных лиц. Было подсчитано, что на выполнение лишь административных обязанностей земскому начальнику требовалось не менее 240 дней в год [9, с. 81—98].

По закону 1889 г. в канцелярии земского начальника должны были вестись 19 книг (настольные реестры гражданских, уголовных и административных дел, журналы входящих и исходящих бумаг,

денежные книги). Распоряжения по всем жалобам и бумагам чиновник был обязан давать в течение 7 дней. Кроме того, ежегодно должны были заводиться 22 наряда (о состоянии волостей земского участка, о семейных разделах, о приведении в исполнение постановлений по статьям 61 и 62 Положения 12 июля 1889 г.). Земский начальник был обязан представлять в уездный съезд ежегодные отчеты о своей деятельности, 4 отчета по административной части, ведомости по гражданским и уголовным делам, ежемесячно подавать ведомости о движении судебных дел [10, с. 1—2, 58—59].

Неудивительно, что большинство земских начальников не справлялось со своими обязанностями, особенно когда на них были также возложены судебные функции. Во всеподданнейших отчетах за 1890—1891 гг. губернаторы утверждали, что крестьяне встретили новую правительственную власть с признаками несомненного уважения и полного доверия. Но начальники губерний не могли не указать на неоднократно возникавшие по вине земских начальников «недоразумения». «Ошибками и увлечениями» губернаторы называли частые случаи нарушения закона земскими начальниками, вызванные либо незнанием, либо его неправильным пониманием, а также случаи превышения власти и несдержанности по отношению к населению. Служебная деятельность земских начальников подлежала ревизии уездных предводителей дворянства, членов губернского присутствия и губернатора. Необходимость в проведении ревизий возникла уже спустя полтора месяца после введения в действие Положения о земских начальниках. Так, 12 октября 1890 г. предводитель дворянства Торопецкого уезда Псковской губернии провел ревизию делопроизводства местных земских начальников, чтобы все смогли ознакомиться с правильным порядком ведения дел и устранить те многочисленные разночтения в делопроизводстве, которые уже успели возникнуть. Из 8 обревизованных губернскими властями в августе 1891 г. волостных правлений Псковской губернии в 3 не было обнаружено следов посещения и проверки земскими начальниками. Вместо требуемого законом длинного перечня документов, которые должны были вестись в канцелярии участкового начальника, у большинства из них был один настольный реестр, куда записывались все уголовные и гражданские дела [3, ф. 78, оп. 1, д. 69, л. 40—46].

В первые месяцы возникло немало вопросов о применении земскими начальниками ряда статей Положения 12 июля 1889 г. Согласно статьям 30 и 31, в рамках «попечения о хозяйственном благо-

устройстве и нравственном преуспейнии крестьян» земский начальник имел право рассматривать приговоры волостных и сельских сходов, а также приостанавливать их реализацию и передавать на рассмотрение уездного съезда. На практике многие земские начальники трактовали статью 30 по-своему, требуя личного утверждения всех приговоров сельских сходов. Министерство внутренних дел было вынуждено сделать специальное разъяснение, посоветовав земским начальникам осуществлять предоставленные им права путем как можно более частых разъездов по участкам и не обременять должностных лиц крестьянского самоуправления требованием предоставлять им копии всех постановлений крестьянских сходов. Тем не менее количество случаев превышения полномочий земскими начальниками по статьям 30 и 31 продолжало расти. По особому порядку, введенному земским начальником Гдовского уезда К.Н. Ушаковым с момента начала его деятельности в 1891 г. и применявшемуся на протяжении 8 лет, ни один приговор сельского общества по участку не приводился в исполнение до тех пор, пока земский начальник не давал соответствующего разрешения. К.Н. Ушаков также требовал, чтобы ему передавали копии всех приговоров, составившихся в сельских обществах. Санкт-Петербургское губернское присутствие рассмотрело все обстоятельства этого дела. После того как К.Н. Ушаков заявил, что данный порядок был установлен им по недоразумению, присутствие освободило его от наказания [5, ф. 258, оп. 5, д. 701, л. 20].

Наибольшую известность в обществе получили случаи превышения земскими начальниками полномочий при применении статей 61 и 62 Положения 12 июля 1889 г. В случае неисполнения законных распоряжений земского начальника статья 61 предоставляла ему право подвергать виновного аресту не свыше 3 дней или денежному взысканию не свыше 6 руб. Многие должностные лица трактовали данную статью по своему усмотрению, применяя ее при любом неповиновении крестьян. В Тихвинском уезде Новгородской губернии земский начальник оштрафовал на 1 руб. крестьянина, не снявшего перед ним шапку. Известность приобрел случай, произошедший в 1890 г. в Псковской губернии. Местный мещанин В. Агиневиц подал жалобу на земского начальника Торопецкого уезда И.А. Поджио. Чиновник при разборе дела обращался к мещанину, выступавшему в качестве свидетеля, исключительно на «ты». Когда В. Агиневиц попросил И.А. Поджио обращаться к нему на «вы», как воспитанный

человек по отношению к не менее воспитанному, земский начальник оштрафовал его на 3 руб., заявив, что он обязан говорить «вы» лишь дворянам как привилегированному сословию. Торопецкий уездный съезд в жалобе мещанину отказал, хотя уже имелись аналогичные постановления Сената о привлечении земских начальников к ответственности за оскорбление. Обращения в губернское присутствие и министерство внутренних дел не увенчались успехом, так как данные инстанции не усмотрели в действиях земского начальника желания оскорбить. В свою очередь, земский начальник считал, что замечание мещанина было неуместным и непочтительным, а обращение на «ты» вытекало из самой сущности его служебных обязанностей и отношений с сельскими обывателями. Такое обращение, по мнению земского начальника, наоборот, развивало доверие к нему со стороны сельских обывателей, а обращение на «вы» являлось бы причиной неуместного самолюбия [2, ф. 1291, оп. 28, д. 284, л. 1—15; 11, с. 74—75].

Несмотря на все разъяснения со стороны властей, количество взысканий, которые налагались земскими начальниками по статье 61, не уменьшалось. В Новгородской губернии на протяжении 5 первых лет действия Положения от 12 июля 1889 г. по данной статье ежегодно выносилось около 5 тыс. взысканий. Не менее сложной была ситуация с применением статьи 62, согласно которой должностные лица крестьянского самоуправления могли подвергаться различным взысканиям, в том числе штрафу до 5 руб. и аресту до 7 дней. В той же Новгородской губернии в 1892 г. по статье 62 было наложено более 2,5 тыс. взысканий, а к 1895 г. их количество возросло до 3,5 тыс. Чаще всего взысканиям подвергались сельские старосты, причем арест применялся в качестве меры наказания так же часто, как и штраф [2, ф. 1291, оп. 28, д. 199, л. 42—45].

С другой стороны, если должностные лица учреждений по крестьянским делам действительно стремились служить на пользу населению, то благодаря своим обширным полномочиям они могли сделать немало. Местные власти, проводя ревизии деятельности земских начальников, неоднократно отмечали положительные усилия на посту земского начальника Порховского уезда Псковской губернии Н. М. Володимерова. Его деятельность не вызывала нареканий, так как все дела решались чиновником без промедления и строго по закону. Делопроизводство находилось в прекрасном порядке, а за всеми делами в волостях осуществлялось постоянное наблюдение. По

собственной инициативе Н. М. Володимеров организовал несколько пожарных дружин в своем участке. Однако таких примеров, судя по ревизиям, было немного. Необходимо отметить, что Н. М. Володимеров был сыном бывшего мирового посредника того же уезда М. Е. Володимерова, известного своими либеральными взглядами и пользовавшегося в свое время огромным уважением крестьян [2, ф. 1291, оп. 28, д. 46, л. 57—59].

Судебная деятельность земских начальников с первых месяцев их работы вызывала в обществе не меньшие нарекания, чем выполнение ими административных полномочий. По Положению от 12 июля 1889 г., земские начальники рассматривали гражданские дела по найму земельных угодий, личному найму, личным договорным обязательствам и т. д. Также они решали дела о потравах, наследстве, несостоятельности. К уголовным делам, подлежащим рассмотрению земских начальников, относились преступления против органов управления, благочиния, общественного благоустройства, против чужой собственности, кражи и мошенничество, а также дела об оскорблениях и угрозах. Несмотря на то, что количество судебных дел уступало числу административных, первые занимали у земских начальников гораздо больше времени. Так, 59 земских начальников Новгородской губернии в 1891 г. рассмотрели 14430 судебных дел, при этом количество уголовных дел значительно превышало количество гражданских [2, ф. 1291, оп. 28, д. 199, л. 43].

На первых порах при решении уголовных дел многие земские начальники выносили чрезмерно строгие приговоры, не всегда соответствовавшие тяжести проступка. В результате уездные съезды были вынуждены смягчать наказания. В 1891 г. в Псковской губернии земский начальник Псковского уезда В. А. Назимов приговорил крестьянку к 1 месяцу тюрьмы и штрафу в 10 руб. за испорченное платье односельчанки. Уездный съезд сократил арест до 2 недель. Тот же начальник присудил крестьян к аресту за то, что они громко пели ночью, направляясь на танцы. Уездный съезд заменил наказание, приговорив крестьян к уплате штрафа в 1 руб. [12; 13].

Производя ревизии, губернские власти выявляли многочисленные нарушения, допускаемые земскими начальниками при производстве судебных дел, высказывая в то же время надежду, что этот недостаток «устранится сам собой путем навыка и практики». В то же время Петербургский губернатор граф С. А. Толь в конфиденциальном письме на имя министра внутренних дел отмечал, что судеб-

ная деятельность земских начальников в принципе не могла быть плодотворной, так как, рассматривая дело, участковые начальники практически не имели возможности заранее познакомиться со всеми его обстоятельствами, все возражения и заявления по делу со стороны участников процесса они должны были рассмотреть немедленно, при самом разборе дела. Подобная ситуация требовала особой юридической подготовки, которой они не обладали [2, ф. 1291, оп. 39, д. 48, л. 154—156].

Эффективность деятельности земского начальника во многом зависела не только от его профессионализма, но и от личных качеств. Уже в 1891 г., когда не прошло и года со дня введения в действие Положения от 12 июля 1889 г., Правительствующий Сенат постановил предать суду Санкт—Петербургской уголовной палаты земских начальников Демянского уезда Новгородской губернии Н. Н. Вараксина и П. Н. Дирина за многочисленные процессуальные нарушения, предусмотренные Уложением о наказаниях. С учетом того, что оба чиновника были бывшими мировыми судьями, даже наличие судебной практики не гарантировало должное исполнение земскими начальниками своих обязанностей [2, ф. 1291, оп. 28, д. 282, л. 113, 136].

На вопрос о том, были ли устранены недостатки в деятельности земских участковых начальников «путем навыка и практики», изчерпывающий ответ дал автор опубликованной в газете «Право» статьи, посвященной пятнадцатилетию Положения 12 июля 1889 г. Он отметил, что сама должность земского начальника такова, что «независимо от отдельных намерений и результатов, деятельность их является ненормальной». «Она ненормальна потому, что произвольна и, при данных условиях, иному быть не может. Если земскому начальнику дано право думать и действовать за крестьян, — писал далее К. Соколов, — если на него возложена обязанность лучше их знать и понимать, что для них выгодно и невыгодно, что в их поведении нравственно и безнравственно, то можно ли удивляться, что эти своеобразные функции принимают такие причудливые и разнообразные формы» [15].

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1891. Т. IX, № 6195.
2. Российский государственный исторический архив.
3. Государственный архив Псковской области.

4. *Сведения* о мировых учреждениях. Ведомости о размерах мировых участков по уездам 44 губерний. Б. м., б. г.
5. *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга.
6. *Новости* и биржевая газета. 1891. 23 июля.
7. *Право*. 1904. 15 августа.
8. *Новгородские* губернские ведомости. 1890. 8 сентября.
9. *Старорусский В.* Несколько соображений о делопроизводстве в новых судебно-земских установлениях // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 10.
10. *Практическое* пособие для земских начальников. СПб., 1900.
11. *Тенишев В.В.* Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908.
12. *Псковский* городской листок. 1891. 5 июня.
13. *Псковский* городской листок. 1891. 9 июня.
14. *Соколов К.* К пятидесятилетию Положения о земских начальниках // *Право*. 1904. 15 июля.

**Влияние путей сообщения
на социально-экономическое развитие российской деревни
в конце XIX — начале XX века
(на материалах Великовской волости
Костромской губернии)**

На основе анализа данных земских исследований рассмотрено состояние сельского хозяйства и крестьянских промыслов в одной из волостей Костромской губернии. Показано тормозящее влияние плохого состояния путей сообщения на развитие крестьянского хозяйства в конце XIX — начале XX в.

Based on the analysis of data from Zemstvo researches the condition of agriculture and country crafts in one of volosts of the Kostroma province is considered. The braking influence of bad condition of the ways of communication on the development of peasant economy in the end of XIX — the beginning of the 20th century is shown.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, пути сообщения, модернизация деревни, Костромская губерния.

Keywords: peasant economy, ways of communication, modernization of the village, Kostroma province.

Развитие сельского хозяйства определяется целым рядом факторов как природно-климатического, так и социально-экономического характера. Причем, если почвенно-климатический фактор остается практически неизменным в течение длительного периода времени, то социально-экономические факторы более мобильны. К социально-экономическим факторам относятся: плотность населения, развитие городов и других промышленных центров, состояние путей сообщения.

На примере одной из местностей Костромской губернии — Великовской волости — рассмотрим влияние на развитие крестьянского хозяйства в досоветской России одного из указанных факторов — состояния путей сообщения.

В 1904 г. Великовская волость была исключена из состава Тотемского уезда Вологодской губернии и вошла в состав Солигаличского уезда Костромской губернии. Изменение в административной принадлежности волости связано с ее местоположением. Великовская волость состояла из 13 селений, расположенных рядом друг с другом. Деревни располагались на берегах небольшой р. Советы и ее притока Водопойницы. Заселенная территория представляла своеобразный остров, расположенный в водоразделе двух водных бассейнов — Волжского и Северодвинского — и окруженный болотистой лесистой местностью [6, с. 1]. Вот как описывал свой край один из жителей села Великового: «Вся наша местность находится среди лесов и болот: нет порядочных дорог проездных и рек сплавных, и от этого мы терпим большую нужду: до р. Сухоны 23 версты, а прямой грунтовой дороги нет, потому что дорогу провести нам не под силу: тут находится болото по казенному лесу; поперечник болота 15 верст; и этим же болотом заболачиваются наши покосы по р. Совете в количестве 200 десятин» [3, с. 418]. Прямое сообщение жителей волости с другими населенными пунктами Вологодской губернии было возможно лишь зимой. В остальное время года, чтобы добраться до расположенных севернее данного района Тотьмы или Вологды, необходимо было вначале проделать путь в 30 верст в южном направлении по проселочной плохо устроенной лесной дороге до г. Солигалича. Здесь проходил тракт, связывающий Костромскую губернию с Вологодской. Из-за того, что контакты населения волости с Солигаличем были намного устойчивее, чем с Тотьмой, и произошло ее административное переподчинение.

Из-за плохих дорог волость вплоть до вхождения в состав Солигаличского уезда «редко посещалась кем бы то ни было», тем более «начальствующими лицами». Отсутствие постоянного административного контроля вполне устраивало местное население. Уже на стадии слухов о предполагаемом административном переподчинении волости крестьяне стали активно препятствовать этому. Они обращались в разные инстанции вплоть до царя. Крестьяне считали, что усиление контроля обязательно приведет к увеличению налогов [6, с. 1—3].

Изолированность местного населения отражалась на его психологическом складе и поведении. Как отмечал современник, у совежан (так называли жителей Великовской волости) «характер скрытый и очень чувствительный». Даже за незначительную обиду ответом будет месть обидчику [6, с. 2].

По составу населения волость сильно отличалась от других местностей Солигаличского уезда. Абсолютное большинство жителей Великовской волости составляли бывшие государственные крестьяне. По данным подворной переписи в 1903 г., крестьянское население волости состояло из 2390 человек, объединенных в 417 хозяйств. Только две небольшие деревни: Петровское (в 1903 г. в ней проживало 7 семей, 34 человека) и Пуховицыно (5 семей, 26 человек) — были населены бывшими помещичьими крестьянами. Причем в последней представители двух семей получили личную свободу еще до 1861 г. [5, с. 2]. Как известно, реформа в государственной деревне по сравнению с помещичьей была проведена на более выгодных условиях для крестьян. Поэтому местное население в основном получило довольно значительные наделы. Так, у государственных крестьян размер душевого надела составлял от 12 до 15 дес. удобной земли. Помещичьи крестьяне получили от своих владельцев наделы значительно меньшей величины — всего 7 дес. на душу [5, с. 6]. В целом же по Солигаличскому уезду душевой надел государственных и помещичьих крестьян был еще меньше — около 6 дес. земли [1, с. 84].

Во второй половине XIX — начале XX в. население волости росло быстрыми темпами. Так, если в 1858 г. в волости насчитывалось 613 ревизских душ, то в 1903 г. подворная перепись зафиксировала среди 2343 человек наличного населения 1150 мужчин. За 4 десятилетия, прошедшие после отмены крепостного права, местное население почти удвоилось. Следовательно, изменилась и обеспеченность крестьян землей. В начале XX в. «щедрые» наделы, полученные крестьянами в ходе реформ, уже перестали быть таковыми. В то же время покупка земли в волости была редким явлением. К 1903 г. из 398 наличных крестьянских хозяйств только 30 хозяйств, среди которых были две семьи без надела, приобрели 364,8 дес. земли. В последующее десятилетие покупок земли не было [6, с. 32]. Купленная земля составила 4% от всей земельной собственности крестьян. Для сравнения стоит заметить, что доля купленной земли в крестьянском землевладении Солигаличского уезда была в 10 раз больше — 40% [5, с. 6, 8, 306, 308]. Небольшой удельный вес купленной земли в

общем земельном фонде великовских крестьян объясняется, по-видимому, не только относительно хорошим земельным обеспечением крестьян, сохранившимся и в начале XX в., но и «островным» расположением поселений волости. В таблице 1 представлены данные с группировкой крестьянских дворов по количеству земли.

Таблица 1

**Группировка крестьянских хозяйств Солигаличского уезда
Костромской губернии по количеству земли в начале XX в., %**

Без земли	До 5 дес.	5,1—10 дес.	10,1—15 дес.	15,1—20 дес.	Более 20 дес.
<i>Великовская волость</i>					
4,8	2,0	3,3	15,7	19,4	54,8
<i>Солигаличский уезд</i>					
9,8	4,0	23,0	27,2	14,2	21,8

Источник: [5, с. 6—9, 306—309].

Следовательно, и в начале XX столетия крестьяне Великовской волости были намного лучше обеспечены землей, чем в целом сельские жители Солигаличского уезда. Данное положение не изменили ни высокие темпы прироста населения, ни слабо развитый процесс покупки крестьянами земли у других категорий собственников. Основная масса крестьянских дворов и в начале XX в. не испытывала земельного голода. У $\frac{3}{4}$ великовских семей находилось свыше 15 дес. земли, в то время как в уезде таких хозяйств было $\frac{1}{3}$. В то же время доля безземельных дворов составляла $\frac{1}{20}$ всех дворов волости и была в 2 раза меньше, чем в среднем по уезду. Малоземельные дворы (до 10 дес. земли) также были нетипичны для Великовской волости. К ним относились 5,3% хозяйств, в то время как в Солигаличском уезде таких дворов было в 5 раз больше. Все это указывает не только на отсутствие малоземелья у большинства населения волости, но и на слабую дифференциацию среди местных крестьян по основному критерию — землевладению.

Отсутствие серьезных различий в благосостоянии местного населения отмечал и представитель земства, посетивший волость в 1912 г. Среди крестьян, по его мнению, «нет богачей, но нет и голытьбы». Основной причиной такого положения в деревне земский служащий видел в неразвитости среди крестьян дальних отхожих промыслов.

Удовлетворительное положение крестьян подтверждал и внешний вид их жилища. Местное население располагалось в двухэтажных добротных домах. Постройки каждого двора состояли из трех или двух соединенных бревенчатых строений, в которых имелись скотный двор, летние и зимние жилые помещения. Крыши преимущественно были покрыты тесом или дранкой. Постройки, крытые соломой, встречались очень редко. Питание крестьян также не было скудным: «Крестьяне этой волости кормятся прилично и любят поесть. Стол их разнообразен и блюда приготавливаются довольно вкусно» [6, с. 4—5, 7].

Приведенная в таблице 2 группировка крестьянских дворов по посевной площади свидетельствует о том, что и в ведении полевого хозяйства у населения Великовской волости различия были намного меньше, чем в целом по Солигаличскому уезду. Так, в волости доля беспосевных дворов была в 1,4 раза меньше, чем в уезде, а доля многосеющих почти в 4 раза меньше. Незначительное количество дворов, обрабатывающих большие площади пашни, указывает на отсутствие товарной направленности в производстве выращиваемых культур. Крестьянское полеводство было направлено только на нужды своей семьи.

Таблица 2

**Группировка крестьянских хозяйств Солигаличского уезда
Костромской губернии по площади посева в начале XX в., %**

Без посева	До 2 дес.	2,1—4,0 дес.	Свыше 4 дес.
<i>Великовская волость</i>			
7,3	45,5	44,2	3,0
<i>Солигаличский уезд</i>			
10,3	31,0	47,0	11,7

Источник: [5, с. 11, 301, 311].

Следует отметить, что великовские крестьяне уделяли большое внимание своему полевому хозяйству. Практически все наличные дворы, имевшие надельную пашню, землю обрабатывали полностью. Случаи необработки пашни были крайне редки. В Солигаличском уезде, наоборот, запуск пашни был довольно распространенным явлением [5, с. 9, 309].

Хорошее состояние полеводства в волости было главной причиной особого интереса к ней со стороны земской агрономической службы, созданной во всех уездах Костромской губернии в 1896—1899 гг. Основной обязанностью ее являлось распространение среди крестьян передовых способов ведения сельского хозяйства [6, с. 226—227]. В 1911 г. в Костромскую агрономическую службу на должность Солигаличского уездного агронома был принят выпускник Харьковского ветеринарного института и Петровской академии Феофил Казимирович Дымовский [6, с. 227]. При знакомстве с новым местом работы одна из волостей уезда — Великовская — вызвала восхищение агронома. Ф. К. Дымовский так описал свое впечатление об увиденном: «Я никогда не забуду моего удивления, какое было вызвано, при въезде в эту волость, чистотой улиц и полей и такою урожайностью хлебов, от какой я отвык за свою бытность в Костромской губернии, но какую недавно только любовался, при посещении Привислинского края и Восточной Пруссии; мне просто не верилось, что подобное видишь у крестьян нашей губернии» [6, с. 3].

В связи с тем, что состояние сельского хозяйства Великовской волости выгодно отличалось от других местностей Костромской губернии, Ф. К. Дымовский в 1912 г. провел исследование этого района. Целью его было выяснение сильных и слабых сторон крестьянского хозяйства волости и определение основных направлений работы земства по повышению благосостояния населения. Главным объектом изучения были сельское хозяйство и промыслы крестьян. Работа Феофила Казимировича содержит различные сведения, позволяющие проследить дальнейшее развитие процессов, данные о которых приведены в подворной переписи 1903 г. Кроме того, она помогает лучше понять то, что кроется за «сухими» цифрами статистического источника.

Из работы Ф. К. Дымовского следует, что крестьяне Великовской волости обращали большое внимание на состояние пашни. Наиболее тщательно обрабатывалась пашня под посев пшеницы. Данная культура получила широкое распространение в крестьянских хозяйствах. «Здесь крестьянин настолько полюбил пшеничный пирог, — писал земский агроном, — что не иметь его за своим столом считается большим хозяйственным недобором. Правда, что пироги эти темны по цвету, зато по вкусу очень хороши. Белой муки из этой пшеницы я не видел, но говорят, что, после очистки и промывки зерна, хлеб по белизне приближается к пеклеванному» [6, с. 51].

В отличие от полеводства, состояние животноводства рисовалось менее радужными красками. О коровах, в частности, сообщалось следующее: «Тип низменный; вряд ли какое культурное воздействие коснулось его. Благодаря уединенному положению полосы скот развивался и сохранялся в самом себе, за исключением ничтожного количества коров, купленных на базарах г. Солигалича и ведущих свое происхождение от скота духовных лиц, представляющих из себя русский более крупный тип. В общем скот очень мелок, среди коров попадаются экземпляры до того мелкие, что затруднительно относить их к коровам». Немногим лучше обстояли дела и с лошадами [6, с. 62—64].

Из описаний крестьянских промыслов, сделанных Дымовским, становится ясно, почему в Великовской волости, в отличие от других местностей уезда, сильная вовлеченность населения в занятия промыслами (свыше 90% дворов) не приводила к дефициту рабочей силы во время полевых работ. В Солигаличском уезде только 35,6% занятых в промыслах жителей участвовали в сельскохозяйственных работах своего двора, в то время как в Великовской волости этот показатель был в 2,2 раза больше — 78,6% [5, с. 4, 304]. Данный факт объясняется характером промыслов. Для большинства волостей Солигаличского уезда наиболее распространенным промыслом был дальний отход, главным образом строительные работы в столице [1, с. 46—47; 8, с. 251].

Большое расстояние от Петербурга до дома и совпадение рабочего периода в городе и деревне делали невозможным или невыгодным сочетание земледельческого труда с промыслами. В Великовской волости, как отмечал Дымовский, главным занятием крестьян было земледелие. «Зимою же в свободное от полевых работ время, как подсобные занятия: охота, плетение, рубка, пила и возка леса и дров для сплава... и проч. На время летних работ уходят на сторону лишние только рабочие руки или нежелающие возиться около хозяйства». По мнению земского служащего, отход местных крестьян на заработки в города «развит очень слабо», потому что «не совсем подходит к укладу совежан». В связи с этим в волости «нет ни одного зажиточного питерщика и эти отходники живут не лучше землепашца» [6, с. 7, 8].

Местные промыслы крестьян во многом определялись природными условиями района. В лесных краях лес давал возможность дополнительного заработка. В разных регионах России, где имелись

крупные лесные массивы, работа в лесу для местного населения была почти таким же естественным занятием, как ведение сельского хозяйства. Так, в ряде селений Северо-Запада России лесным промыслом занималось все мужское население [7, с. 109]. Похожая ситуация была и в Великовской волости. Зимой и ранней весной все мужчины, за исключением «слабосильных, ленивых и нездоровых», трудились в лесу. В указанный период даже многие ремесленники и «питерщики» предпочитали оставить свое занятие и работать на заготовке леса, так как это приносило больший доход.

Лесные работы состояли из рубки и перевозки деревьев, а также в формировании плотов и сплава леса по малым рекам до г. Буя, р. Сухоны, реже губернского центра — Костромы. Местные крестьяне выполняли в основном только первый вид работы, поскольку сплав леса мог затянуться и совпасть с началом полевых работ. На лесные работы свежжане отправлялись в Вологодскую губернию, где псковские, архангельские и вологодские лесопромышленники организовывали сплав леса по р. Сухоне в Архангельск или в Солигалич, откуда местные предприниматели отправляли лес по р. Костроме.

Работу по заготовке леса Ф. К. Дымовский описывал так: «Вообще этот заработок не легкий и не всех обеспечивает. На этой работе крестьяне прямо убиваются, не давая себе надлежащего отдыха и только при такой форсированной работе, продолжающейся до 1, реже — 15 марта, выручают то, что мы называем хорошим заработком. На этой работе лошаденки выматываются у некоторых до того, что полевые работы им не под силу, особенно при недостаточном корме, когда на покупку овса от заработка ничего не остается или остается очень мало». Сплав леса считался более сложной работой, поэтому он оплачивался лучше, чем заготовка древесины. К тому же это была конечная операция. Великовские крестьяне много теряли в заработке, отказываясь выполнять весь комплекс работ [6, с. 22—23, 25].

С лесом был связан и другой широко распространенный промысел местного населения — смолокурение. Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. Европейский Север был крупнейшим центром производства дегтя в стране [4, с. 181—182]. До включения Великовской волости в состав Солигаличского уезда в изготовлении смолы и дегтя принимали участие «чуть не все свежжане». Однако с установлением более строгого надзора за казенными и частными лесами добыча бересты сделалась затруднительной. Это снизило доходность от промысла и привело к его сокращению. В начале XX в.

в волости было четыре дегтярных «завода». Производительность каждого составляла от 10 до 50 пуд. в год. Сухая перегонка древесины производилась в глиняных кубах или корчагах. От применяемой технологии зависело качество продукта. Чистый деготь из бересты получался только при выгонке в кубах. Его называли паровым. В волости такой продукт выпускал только один завод. Выгнанный в корчагах деготь имел более низкое качество и для смазки изделий из кожи был не пригоден. Такой деготь шел на смазку колес. Изготавливать деготь на «заводах» могли не только их владельцы, но и другие крестьяне, используя свое сырье.

С производством дегтя был связан другой местный промысел крестьян — изготовление глиняной посуды и других изделий. Горшечники, которых в волости было трое, делали корчаги и полукубы для дегтярных заводов. Они же выпускали «простую, низкосортную, чернобурую посуду». Более качественной «обливной» посуды местные мастера изготавливать не умели [6, с. 12—13]. Подобная ситуация наблюдалась и в других промыслах. Так, среди столяров, которых в волости тоже было трое, только один, окончивший ремесленное училище, «может считаться хорошим мастером» [6, с. 15]. Важно отметить, что в связи с тем, что крестьянскому хозяйству требовалось много разных предметов, в волости было по несколько человек, специализирующихся на производстве одного продукта или услуги. Если это было выгодно, то местный житель легко менял одну специальность на другую. «Смотря по обстоятельствам, — писал Дымовский, — красильщики (лица, занимавшиеся окраской пряжи. — *Н. А.*) плотничают, портняжат, валяют сапоги, роют колоды, возят лес и дрова, одним словом, выполняют все работы, какие им попадутся под руки, вплоть до воровжбы», а катали (специалисты по производству валяной обуви. — *Н. А.*) «не ограничиваются этой работой, они уделяют свободное время и плотничьим, и охотничьим, и пильным и лесным занятиям». Так же поступали мастера по выделке овчин и представители других профессий [6, с. 16—18]. Как правило, изделия таких специалистов были грубо сделаны и не расходились за пределы волости.

В условиях изолированности Великовской волости главной задачей ремесленников было удовлетворение потребностей местных крестьян. Сложившееся положение вещей делало невозможным дальнейшее развитие большинства местных промыслов, так как рынок сбыта продукции был ограничен.

Из вышеприведенного следует, что даже в тех местностях, где не было крестьянского малоземелья и сельские жители могли поддерживать полеводство на относительно высоком уровне, отсутствие нормальных путей сообщения оказывало в целом негативное влияние на развитие крестьянского хозяйства. Отсутствие хорошо налаженных связей с другими районами, изолированность местности консервировали натуральный характер крестьянского хозяйства и делали невозможным его модернизацию. Отсутствие перспектив в сложившейся ситуации в начале XX в. стали понимать и крестьяне Великовской волости. В 1911 г. они обратились в уездное земство с просьбой помочь в устройстве прямого сообщения волости с р. Сухой как единственного пути к ближайшему значительному рынку — Вологде [6, с. 121].

Список источников и литературы

1. *Александров Н. М.* Земельные реформы Александра II: возможность социального компромисса (по материалам губерний Верхнего Поволжья) // Вестник Ярославского университета им. П. Г. Демидова. Сер. История. 2007. № 1.
2. *Александров Н. М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2007.
3. *Верховский Н. Е.* Грунтовые дороги Костромской губернии (Стат. исслед. 1912 г.) Кострома, 1915. Ч. 1.
4. *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX — XX столетий. М., 2004.
5. *Материалы для оценки земель Костромской губернии.* Солигаличский уезд. Кострома, 1909. Т. V.
6. *Материалы для характеристики положения сельского хозяйства в Костромской губернии.* Кострома, 1913.
7. *Никулин В. Н.* Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2017.
8. *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность пореформенной России (60—80 годы XIX в.) М., 1966.
9. *Смыслов А.* Краткий обзор сельскохозяйственной деятельности губернского земства // Ежегодник губернского земства. 1910. Кострома, 1910.

В. Н. Никулин

**Земледелие и промыслы в крестьянских хозяйствах
Гдовского уезда Петербургской губернии
в конце XIX — начале XX века**

Рассмотрено соотношение сельскохозяйственных, промысловых и промыслово-земледельческих занятий крестьянского населения уезда на рубеже XIX—XX вв. Сделан вывод о значительном преобладании промыслов над земледелием, а также сосредоточении женского труда в сельскохозяйственном производстве, а мужского — в промыслах.

This article analyses the relation between agricultural, fishing and farming peasant activities in the Uyezd at the turn of XXth century. It is concluded that fishing predominates over farming and female labour concentration is higher in the agricultural production while male labour predominates in the fishery.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская губерния, Гдовский уезд, крестьяне, крестьянки, земледелие, промыслы, промыслово-земледельческая деятельность.

Keywords: Saint Petersburg Governorate, Gdovsky Uyezd, peasants, female peasants, agriculture, fishery, farming.

Гдовский уезд находился на юго-западе Санкт-Петербургской губернии. На юге административные границы уезда соприкасались с Псковским и Порховским уездами Псковской губернии. Его западная граница проходила по побережью Псковского и Чудского озер, на северо-западе территория уезда примыкала к землям Эстляндской губернии. На северо-востоке и востоке уезд граничил с Ямбургским и Лужским уездами столичной губернии. Географическое расположение уезда, его природно-климатические особенности, степень обеспеченности земель в значительной степени определяли хозяйственные занятия местного населения.

По данным на 1890 г., в селах и деревнях Гдовского уезда находилось 20012 крестьянских хозяйств, в которых проживало 115955 душ обоих полов [1, с. 3]. Хозяйственно-экономическая деятельность крестьянского населения уезда была неразрывно связана с земледелием, промыслами и в значительной степени — с промыслово-земледельческим трудом. В 1901 г., когда проводилось статистико-экономическое обследование уездов столичной губернии, в Гдовском уезде было зафиксировано 25 679 крестьянских хозяйств [2, с. 1]. Основные занятия гдовских крестьян отражены в таблице 1 в абсолютных цифрах и процентах.

Таблица 1

Занятость крестьянских хозяйств Гдовского уезда, шт. / %

Волость	Исключительно земледелие	Земледелие и промыслы	Исключительно промыслы	Всего
Бельская	109 / 7,1	1229 / 80,3	192 / 12,6	1530 / 100
Бобровская	15 / 1,2	852 / 68,3	381 / 30,5	1248 / 100
Выскатская	54 / 2,1	2108 / 80,8	446 / 17,1	2608 / 100
Гдовская	69 / 4,1	1452 / 85,8	171 / 10,1	1692 / 100
Добручинская	41 / 1,8	1860 / 82,9	343 / 15,3	2244 / 100
Константиновская	32 / 3,9	656 / 80,5	127 / 15,6	815 / 100
Ложгольская	13 / 1,9	522 / 75,5	156 / 22,6	691 / 100
Мошковская	34 / 3,1	894 / 80,4	184 / 16,5	1112 / 100
Осьминская	25 / 1,1	1737 / 78,4	455 / 20,5	2217 / 100
Полновская	133 / 10,0	1086 / 81,7	111 / 8,3	1330 / 100
Ремедская	20 / 1,6	1120 / 88,2	129 / 10,2	1269 / 100
Серёдкинская	47 / 3,2	1237 / 84,2	185 / 12,6	1469 / 100
Спицинская	44 / 3,0	1248 / 87,9	129 / 9,1	1421 / 100
Старопольская	20 / 1,5	1113 / 84,5	184 / 14,0	1317 / 100
Тупицинская	110 / 10,7	776 / 75,6	141 / 13,7	1027 / 100
Узьминская	108 / 7,1	1177 / 77,4	235 / 15,5	1520 / 100
Юдинская	33 / 2,6	904 / 72,6	309 / 24,8	1246 / 100
Язвинская	23 / 2,5	723 / 78,3	177 / 19,2	923 / 100
<i>Всего по уезду</i>	<i>930 / 3,6</i>	<i>20694 / 80,6</i>	<i>4055 / 15,8</i>	<i>25 679 / 100</i>

Источник: [2, с. 2].

Данные таблицы свидетельствуют, что только земледелие или только промыслы в их чистом виде не играли ведущей роли в жизни крестьян. Это место занимало земледелие в сочетании с промысловыми занятиями.

Число занятых только земледелием крестьянских хозяйств колебалось от 13 в Ложголовской до 133 в Полновской волости. В среднем на каждую из 18 волостей уезда приходилось по 52 крестьянских земледельческих хозяйства. Число дворов, в которых крестьяне занимались исключительно земледельческим трудом, по волостям уезда колебалось от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{100}$ общего числа хозяйств в волости. Крестьяне сеяли рожь, ячмень, выращивали картофель и лен.

Наиболее устойчивыми в экономическом отношении были хозяйства смешанного промыслово-земледельческого типа. Распределение их в уезде колебалось от 522 в Ложголовской до 2108 хозяйств в Выскатской волости. В среднем на каждую волость приходилось по 1150 хозяйств смешанного типа. Больше всего крестьянских дворов промыслово-земледельческого типа находилось в Ремедской волости. Практически $\frac{9}{10}$ таких хозяйств в волости извлекали необходимые для существования средства одновременно как из земледелия, так и из промыслов (88,2%). Меньше всего хозяйств, занимавшихся как земледелием, так и ремеслом, было в Бобровской волости (68,3%). Но даже в ней крестьянские дворы промыслово-земледельческого типа преобладали над чисто земледельческими и промысловыми хозяйствами.

Третью группу составляли крестьянские хозяйства, занимавшиеся исключительно промыслами. На это был нацелен весь рабочий ресурс таких хозяйств. В среднем в каждой волости находилось 225 промысловых крестьянских дворов. Более всего хозяйств, занятых в промыслах, находилось в Осьминской волости (455 дворов), меньше всего таких хозяйств было в Полновской волости (111 дворов). Наибольшее число крестьянских хозяйств, полностью оставивших земледелие и целиком переключившихся на промысловые занятия, находилось в Бобровской волости (30,5% от общего числа крестьянских дворов). Меньше всего аналогичных хозяйств находилось в Полновской волости, где неземледельческими промыслами были заняты обитатели 8,3% всех крестьянских дворов [2, с. 4]. Сравнение абсолютных показателей и процентов по всем трем типам хозяйств по волостям свидетельствует о том, что промыслово-земледельческие занятия крестьян занимали господствующие позиции.

Поскольку крестьянские семьи были неодинаковы по числу и составу работников, принимавших участие в хозяйственной деятельности, то и распределение населения уезда по видам занятий между земледелием и промыслами не могло быть одинаковым. Об этом свидетельствуют содержащиеся в таблице 2 данные о распределении крестьян и крестьянок по трем основным видам деятельности: земледелие, промыслы и промыслово-земледельческие работы.

Таблица 2

**Распределение крестьянского населения Гдовского уезда
по видам хозяйственной деятельности, чел. / %**

Волость	Исключительно земледелие	Земледелие и промыслы	Исключительно промыслы	Всего
Бельская	1178 / 22,7	2968 / 57,1	1052 / 20,2	5198 / 100
Бобровская	1331 / 32,8	1030 / 25,4	1693 / 41,8	4054 / 100
Выскатская	3304 / 37,5	2353 / 26,7	3151 / 35,8	8808 / 100
Гдовская	2182 / 38,3	1631 / 28,6	1886 / 33,1	5699 / 100
Добручинская	2461 / 33,0	1879 / 25,2	3113 / 41,8	7453 / 100
Константиновская	1378 / 48,1	126 / 4,4	1359 / 47,5	2863 / 100
Ложголовская	908 / 38,8	350 / 15,0	1081 / 46,2	2339 / 100
Мошковская	1223 / 31,8	1142 / 29,7	1483 / 38,5	3848 / 100
Осьминская	3017 / 39,9	1614 / 21,3	2938 / 38,8	7569 / 100
Полновская	2137 / 45,9	1631 / 35,0	891 / 19,1	4659 / 100
Ремедская	1368 / 30,0	2114 / 46,4	1072 / 23,6	4554 / 100
Серёдкинская	1306 / 26,2	2856 / 57,2	832 / 16,6	4994 / 100
Спицинская	1709 / 37,6	1644 / 36,2	1192 / 26,2	4545 / 100
Старопольская	2401 / 45,4	579 / 10,9	2310 / 43,7	5290 / 100
Тупицинская	1608 / 44,3	971 / 26,7	1054 / 29,0	3633 / 100
Узьминская	1863 / 36,7	1885 / 37,2	1324 / 26,1	5072 / 100
Юдинская	1721 / 41,6	916 / 22,2	1497 / 36,2	4134 / 100
Язвинская	1149 / 35,3	950 / 29,1	1162 / 35,6	3261 / 100
<i>Всего по уезду</i>	<i>32 244 / 36,7</i>	<i>26 639 / 30,3</i>	<i>29 090 / 33,0</i>	<i>87 973 / 100</i>

Источник: [2, с. 9].

В абсолютных цифрах наиболее многолюдной была группа крестьян, занимавшихся только земледелием. Вторая по численности группа жила за счет промыслов и, наконец, третье место занимали крестьяне, в чьем хозяйстве в разной пропорции сочетались земледелие и промыслы. В процентном отношении все три группы были довольно близки и соотносились как 36,7%, 30,3% и 30,0%.

В 9 волостях уезда: Выскатской, Гдовской, Константиновской, Осьминской, Полновской, Спицинской, Старопольской, Тупицинской и Юдинской — крестьяне занимались исключительно земледельческим трудом. В волостях Бобровской, Добручинской, Ложголовской, Мошковской и Язвинской главной сферой приложения крестьянского труда были промыслы. И, наконец, в волостях Бельской, Ремедской, Серёдкинской и Узьминской большинство крестьян вело промыслово-земледельческое хозяйство [2, с. 11].

Рабочий потенциал любой крестьянской семьи был представлен как мужчинами, так и женщинами. Возникает вопрос — какое место земледелие и промыслы занимали в их деятельности? Полученные земскими исследователями материалы позволяют объединить крестьян и крестьянок в три группы в зависимости от сферы приложения их труда: 1) трудившиеся только в земледелии; 2) занятые только промыслами; 3) занимавшиеся земледелием, а также промыслами (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение крестьян и крестьянок Гдовского уезда
по видам хозяйственной деятельности, чел. / %**

Волость	Мужчины				Женщины			
	земледелие	смешанный труд	промыслы	Всего	земледелие	смешанный труд	промыслы	Всего
Бельская	346 / 13,0	1639 / 61,5	680 / 25,5	2665 / 100	832 / 32,9	1329 / 52,4	372 / 14,7	2533 / 100
Бобровская	216 / 10,2	780 / 37,1	1107 / 52,7	2103 / 100	1115 / 57,2	250 / 12,8	586 / 30,0	1951 / 100
Выскатская	403 / 8,7	1868 / 40,1	2381 / 51,2	4652 / 100	2901 / 69,8	485 / 11,7	770 / 18,5	4156 / 100

Волость	Мужчины				Женщины			
	земледелие	смешанный труд	промыслы	Всего	земледелие	смешанный труд	промыслы	Всего
Гдовская	378 / 12,9	1240 / 42,2	1317 / 44,9	2935 / 100	1804 / 65,3	391 / 14,1	569 / 20,6	2764 / 100
Добручинская	345 / 9,0	1335 / 34,7	2168 / 56,3	3848 / 100	2116 / 58,7	544 / 15,1	945 / 26,2	3605 / 100
Константиновская	151 / 10,3	87 / 6,0	1224 / 83,7	1462 / 100	1227 / 87,6	39 / 2,8	135 / 9,6	1401 / 100
Ложголовская	49 / 4,3	218 / 19,2	870 / 76,5	1137 / 100	859 / 71,5	132 / 11,0	211 / 17,5	1202 / 100
Мошковская	236 / 12,0	779 / 39,7	947 / 48,3	1962 / 100	987 / 52,3	363 / 19,3	536 / 28,4	1886 / 100
Осьминская	358 / 9,4	1224 / 32,1	2227 / 58,5	3809 / 100	2659 / 70,7	390 / 10,4	711 / 18,9	3760 / 100
Полновская	367 / 15,9	1457 / 63,0	488 / 21,1	2312 / 100	1770 / 75,4	174 / 7,4	403 / 17,2	2347 / 100
Ремедская	213 / 9,2	1432 / 61,8	671 / 29,0	2316 / 100	1155 / 51,6	682 / 30,5	401 / 17,9	2238 / 100
Серёдкинская	212 / 8,4	1817 / 72,2	489 / 19,4	2518 / 100	1094 / 44,2	1039 / 42,0	343 / 13,8	2476 / 100
Спицинская	214 / 9,3	1398 / 60,4	701 / 30,3	2313 / 100	1495 / 67,0	246 / 11,0	491 / 22,0	2232 / 100
Старопольская	262 / 10,1	295 / 11,5	2018 / 78,4	2574 / 100	2140 / 78,8	284 / 10,5	292 / 10,7	2716 / 100
Тупицинская	359 / 19,4	852 / 46,1	638 / 34,5	1849 / 100	1249 / 70,0	119 / 6,7	416 / 23,3	1784 / 100
Узьминская	427 / 16,2	1357 / 51,4	857 / 32,4	2641 / 100	1436 / 59,1	528 / 21,7	467 / 19,2	2431 / 100
Юдинская	256 / 12,4	747 / 36,3	1054 / 51,3	2057 / 100	1465 / 70,7	169 / 8,1	443 / 21,3	2077 / 100
Язвинская	213 / 12,6	702 / 41,5	776 / 45,9	1691 / 100	936 / 59,6	248 / 15,8	386 / 24,6	1570 / 100
<i>Всего по уезду</i>	<i>5004 / 11,2</i>	<i>19227 / 42,9</i>	<i>20613 / 45,9</i>	<i>44844 / 100</i>	<i>27240 / 63,2</i>	<i>7412 / 17,2</i>	<i>8477 / 19,6</i>	<i>43129 / 100</i>

Источник: [2, с. 16].

При первом же взгляде на абсолютные цифры и процентные показатели таблицы можно сделать вывод, что если мужчины были преимущественно вовлечены в промысловую деятельность, то женщины занимались в основном земледельческим трудом. В результате в Гдовском уезде сложилась своеобразная ситуация. По мнению исследователя И. И. Верняева, «семьи северных волостей с развитым отхожим промыслом были крупнее, чем южных, где отход практиковался менее интенсивно. Для большинства семей северных волостей Гдовщины была характерна "двойная экономика": мужчины занимались отхожим промыслом, а женщины — сельским хозяйством» [3].

Цифры по всем трем группам показывают, что менее всего трудилось крестьян в чисто земледельческих хозяйствах (5004 человека или 11,2% всего трудоспособного мужского населения); центральное место в деятельности крестьян занимали промыслы (20 613 человек или 45,9%); вторая по численности группа крестьян была занята как в земледелии, так и в промыслах (19 227 или 42,9%).

Что касается чисто земледельческого труда, то он во всех волостях находился далеко на периферии хозяйственных интересов крестьян. Абсолютное число их по волостям колебалось от 49 (4,3%) работников в Ложголовской волости до 427 (16,2%) — в Узьминской [2, с. 16—17].

Группа промыслово-земледельческого типа, являясь по сути переходной ступенью между земледелием и промыслами, охватывала 42,9% общего числа всех крестьян в уезде. Число занятых в этой группе мужчин колебалось от 87 (6,0%) человек в Константиновской волости до 1868 (40,1%) в Выскатской волости [2, с. 10].

Наибольшее число крестьян-промышленников было в Константиновской волости, где в различных промыслах было занято 1224 человека (83,7% всего трудоспособного мужского населения). Самый низкий уровень крестьян, занятых сугубо промыслами, был зафиксирован в Серёдкинской волости — 489 человек (19,4%). Труд крестьян-промысловиков занимал господствующее положение в 11 волостях уезда: Бобровской, Выскатской, Гдовской, Добручинской, Константиновской, Ложголовской, Мошковской, Осьминской, Старопольской, Юдинской и Язвинской. В этих волостях относительное число промышленников колебалось от 45 в Гдовской волости до 84 в Константиновской волости на каждую сотню крестьян-работников. В 7 остальных волостях: Тупицинской, Узьминской, Спицинской, Ремедской, Бельской, Полновской и Серёдкинской — крестьяне за-

нимались преимущественно промыслово-земледельческим трудом. Численность вовлеченных в этот труд крестьян колебалась от 46 человек на 100 работников в Тупицинской волости до 72 — в Серёдкинской [2, с. 19].

Ведущую роль в хозяйственной деятельности крестьян Гдовского уезда, как, впрочем, и в других уездах столичной губернии, играли лесные и судовые промыслы. Только на лесных промыслах по заготовке древесины и дров крестьяне Санкт-Петербургской губернии зарабатывали около 1 млн 900 тыс. руб., судовые промыслы приносили примерно 840 тыс. руб., рыболовство давало около 673 тыс. руб. в год [4, с. 283; 5, с. XVII]. В Гдовском уезде строительством судов занимались крестьяне селений, расположенных по берегам Чудского озера и р. Желча и Нарва. Местные крестьяне с ранней весны до поздней осени занимались постройкой судов и лодок, оставляя все дела, связанные с земледелием и домашним хозяйством, на женщин и подростков [5, с. 38; 6, с. 141—143]. Рыболовством в Гдовском уезде занимались преимущественно крестьяне волостей, примыкавших к Псковскому и Чудскому озерам [7, с. 106; 8, с. 125; 9, с. 41—43]. Серьезное влияние на ситуацию в крестьянских хозяйствах оказывали отхожие промыслы, приводившие к оттоку значительного контингента работников из сферы сельскохозяйственного производства. Из-за того, что почти поголовно крестьяне Константиновской волости Гдовского уезда уходили на заработки, «все полевые работы ложатся почти исключительно на женщин — жен, сестер и матерей» [6, с. 226—239; 10, с. 173].

Главным занятием женщин-крестьянок уезда было земледелие. В нем было занято более $\frac{3}{5}$ всех женских рабочих рук — 27240 крестьянок или 63,2% всего трудоспособного женского населения уезда. Больше всего трудилось женщин в сельском хозяйстве в Выскатской волости — 2901 (69,8%), менее всего в Бельской волости — 832 крестьянки (32,9%).

В промыслово-земледельческой сфере трудилось 7412 крестьянок или 17,2% всех трудоспособных женщин. По волостям число крестьянок-работниц колебалось от 39 (2,8%) в Константиновской до 1329 (52,4%) в Бельской волости [2, с. 20].

Различными промыслами в уезде было занято 8477 крестьянок (19,6%). По волостям они располагались неравномерно — от 135 (9,6%) в Константиновской до 945 (26,2%) женщин-промышленниц в Добручинской.

Бросив общий взгляд на приведенные материалы, следует признать, что в 17 волостях господствующее положение занимали крестьянки, занятые исключительно земледельческим трудом. Исключением была только Вельская волость, в которой земледелие находилось на втором месте, уступив первую позицию промыслово-земледельческому труду, которым было занято 52,4% всех крестьянок трудоспособного возраста. В 14 волостях вторую по величине группу составляли женщины, вовлеченные в промысловую деятельность, и только в трех волостях (Ремедской, Серёдкинской и Узьминской) преобладал промыслово-земледельческий труд крестьянок.

Несомненно, главной сферой приложения мужских рабочих сил в Гдовском уезде были промыслы, игравшие главную роль в экономическом положении крестьянского хозяйства. Преобладание мужчин в промыслах было более значительным, чем превосходство женщин в земледелии. Менее значительной была занятость крестьян в сельскохозяйственном производстве.

В отличие от мужчин, большая часть женщин трудилась в земледелии. Побочным занятием земледелие было только для незначительной части крестьянок. Что касается промыслов, то участие в них женщин имело второстепенное значение для хозяйственного положения крестьянского двора. Об этом недвусмысленно свидетельствуют данные таблицы 4 [2, с. 35].

Таблица 4

**Занятость крестьянского населения Гдовского уезда,
абс. цифры / %**

Показатель	Деятельность			Всего
	Исключительно земледелие	Смешанный труд	Исключительно промыслы	
Хозяйства	930 / 3,6	20694 / 80,6	4055 / 15,8	25679 / 100
Лица обоого пола	32244 / 36,7	26639 / 30,3	29090 / 33,0	87973 / 100
Мужчины	5004 / 11,2	19227 / 42,9	20613 / 45,9	44844 / 100
Женщины	27240 / 63,2	7412 / 17,2	8477 / 19,6	43129 / 100

Источник: [2, с. 36].

Подобное распределение мужского и женского труда в значительной степени определяло потребляющий тип крестьянского хо-

зяйства, когда даже хлеб для себя крестьяне нередко вынуждены были покупать на рынке, а главным источником денег для уплаты различных податей, приобретения одежды, обуви и пр. для сельских тружеников становились промыслы. Принимая во внимание собранные земцами материалы, Гдовский уезд на рубеже XIX—XX вв., взятый как в целом, так и отдельно по волостям, несомненно входил в группу промысловых уездов столичной губернии.

Список источников и литературы

1. *Волости* и гмины 1890 года. Т. XXXVII. С.-Петербургская губерния, СПб., 1890 // Статистика Российской империи. XVI. Вып. 12.
2. *Промыслы* крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии. Гдовский уезд. СПб., 1914.
3. *Верняев И. И.* Крестьянский социум Псковского края (вторая половина XIX — первая четверть XX в.): Историко-этнографическое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
4. *Яковенко В. И.* Санкт-Петербургская губерния // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. XXVIIIа.
5. *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России: историко-географические очерки. М., 1995.
6. *Никулин В. Н.* Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2017.
7. *Статистический сборник* по Санкт-Петербургской губернии. 1898 год. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1897—1898 сельскохозяйственном году. СПб., 1899.
8. *Статистический сборник* по Санкт-Петербургской губернии. 1912. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянские промыслы в 1912 г. СПб., 1913.
9. *Никулин В. Н.* Из истории рыболовного промысла крестьян Санкт-Петербургской губернии в конце XIX — начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. СПб., 2013. Вып. 2.
10. *Материалы* по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 4. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. СПб., 1886.

**Вопрос о состоянии и перспективах
дворянского землевладения в праволиберальной мысли
России конца XIX — начала XX века**

Рассматриваются суждения представителей праволиберального (или либерально-консервативного) направления российской общественной и экономической мысли относительно эффективности дворянского землевладения и перспектив его модернизации. Среди рассматриваемых вопросов — сравнительная эффективность крупного, среднего и мелкого землевладения, влияние дворянского землевладения на развитие крестьянского хозяйства и др.

The article deals with the opinions of representatives of the right-liberal (or liberal-conservative) Russian social and economic thought on the effectiveness of the noble land ownership and the prospects of its modernization. Among the issues under consideration is the comparative efficiency of large, medium and small land ownership, the influence of noble land ownership on the development of the peasant economy, etc.

Ключевые слова: Россия конца XIX — начала XX в., аграрная политика, общественная мысль, реформы, дворянство, крестьянство.

Keywords: Russia of the late XIX — early XX century, agrarian policy, social thought, reforms, nobility, peasantry.

В России на рубеже XIX—XX столетий в условиях обострявшейся (главным образом вследствие аграрного перенаселения) социальной обстановки в деревне одним из центральных вопросов широкой общественной дискуссии о перспективах развития отечественного сельского хозяйства и направлениях аграрной политики стал вопрос о судьбе помещного землевладения. Особенно обострилась данная проблема после 1905 г., когда представители радикальных и ле-

волиберальных политических сил, апеллируя к настроениям большинства крестьянства, выступили с требованием принудительного отчуждения частновладельческих земель. В развернувшейся полемике наиболее взвешенную, на наш взгляд, позицию занимали придерживавшиеся праволиберальных (или либерально-консервативных) взглядов экономисты, общественные деятели и политики, под влиянием которых в значительной степени и была сформулирована новая правительственная аграрная программа, осуществлявшаяся с 1906 г.

Важно подчеркнуть, что уже в конце XIX века в ситуации аграрного кризиса конца 1880—1890-х гг., вызванного падением цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке, перед аграрным сектором российской экономики и прежде всего частновладельческими хозяйствами, в большей степени ориентированными на рыночный спрос, вставали вполне понятные проблемы. В этих условиях значительная часть сельских хозяев предъявляла все возрастающие претензии к правительству, финансово-экономическая политика которого, по их мнению, призвана была обеспечить ускоренное развитие крупной промышленности в ущерб интересам деревни, что стало едва ли не решающим фактором углубления кризисных явлений [1]. В частности, сельские хозяева требовали пересмотра таможенных тарифов на импортируемую в Россию сельскохозяйственную технику, поскольку «удешевление и усовершенствование орудий сельскохозяйственного производства» представлялось им «существенным и необходимым» условием повышения производительности аграрного сектора. Таково было мнение большинства, сформулированное в ходе работы межведомственного совещания по вопросам таможенного обложения сельскохозяйственных машин и орудий [2, ф. 395, оп. 1, д. 407, л. 157а]. Отметим, что их усилия увенчались частичным успехом, и в 1898 г. ввозные пошлины на сельскохозяйственные машины были снижены; при этом добиться пересмотра основных принципов правительственной экономической политики представителям аграрных интересов не удалось.

Однако и в среде аграриев высказывались принципиально иные суждения о тенденциях развития частновладельческих хозяйств. Весьма интересна в этой связи позиция сельского хозяина Рязанской губернии князя И. Волконского, первоначально сформулированная в ходе работы указанного межведомственного совещания в качестве его особого мнения, но затем подписанная еще 11 представителями сельских хозяев. Волконский отмечал, что сельское хозяйство Цен-

трально-европейской России переживает «под влиянием кризиса, вызванного теперешним падением цен на хлеба, знаменательное время. Оно совершенно пересоставляется». Наиболее значительные изменения, по мнению Волконского, происходили в средних по размеру помещичьих хозяйствах — от 200 до 2000 дес. Владельцы таких имений продолжать вести хозяйство по-старому не могли и потому должны были «либо измениться, либо уступить свое место другим. При указанном размере земли нельзя более быть только землевладельцем, лишь надзирающим за своим хозяйством, необходимо стать хозяином, лично рассчитывающим и ведущим свое дело и только им одним и занимающимся... Должен образоваться новый класс людей, черпающий источник своего дохода из личных действий и сообразительности» [2, ф. 395, оп. 1, д. 407, л. 161]. И такой класс хозяев нового типа, по убеждению Волконского, уже начал образовываться. Их хозяйства принципиальным образом меняются, то есть прежде всего специализируются. При этом нередко «отрасли хозяйства, остававшиеся в прежнее время в забросе или вовсе не существовавшие, выходят на первый план» и становятся главным источником дохода. Со стороны этих землевладельцев нового типа существует очевидный и все возрастающий спрос на сельскохозяйственную технику, несмотря на ее дороговизну в России. Для такого хозяина машины имеют исключительное значение, «он разбирает и ценит их качество, иначе обращается с ними, иначе бережет их. Мне известны хозяева и их дети, сами выезжающие в поле на жнейках; сепараторы ставятся рядом с кабинетом хозяина; мастерская — тут же в доме» [2, ф. 395, оп. 1, д. 407, л. 161].

Волконский был убежден, что те владельцы хозяйств среднего размера, которые оказываются не в состоянии адаптироваться к меняющимся условиям, вынуждены будут расстаться со своими землями, часть которых перейдет и в руки крестьян. В то же время в сохранении именно *среднего* землевладения, с которым Волконский и его единомышленники связывали основные надежды на прогресс российского сельского хозяйства, и даже в его динамичном развитии сомнений у них не было [2, ф. 395, оп. 1, д. 407, л. 161—162].

В то же время, трезво оценивая положение частновладельческих хозяйств, правые либералы отмечали, что они, будучи в большинстве своем эффективнее хозяйств крестьянских, развиваются в целом не самыми высокими темпами. Это подчеркивалось, в частности, в работах влиятельного экономиста П. Д. Лохтина, среди которых сле-

дует отметить основанную на использовании обширных статистических данных книгу «Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами», изданную в 1901 г. С.Ю. Витте разделял взгляды Лохтина по большинству ключевых вопросов; в 1902 г. фрагменты одной из его брошюр были представлены Министром финансов для ознакомления Николаю II. В сопроводительной записке Витте отметил, что «сочинение Лохтина, свидетельствующее об обстоятельном знакомстве автора с положением нашей сельскохозяйственной промышленности и бытом русской деревни, является особенно ценным потому, что в этом сочинении рельефно и умело сгруппированы материалы по указанному вопросу и сделаны из них интересные выводы» [2, ф. 560, оп. 38, д. 182, л. 175]. А в начале 1906 г. поданная Лохтиным в правительство записка «Как сделаться крестьянам богаче», в которой в сжатой форме излагались основные положения анализируемой здесь работы, была по распоряжению Витте отпечатана и разослана всем членам Совета министров [2, ф. 1276, оп. 2, д. 388, л. 13].

Прежде всего следует отметить, что Лохтин считал совершенно несостоятельными утверждения о наличии неких уникальных особенностей, которые делали некорректным сравнение уровня развития российского сельского хозяйства с иными странами. Ярчайшим тому подтверждением, по мнению Лохтина, являлось наличие в России (причем в различных регионах) довольно многочисленных так называемых образцовых хозяйств, которые во многих отношениях не уступали заграничным: «Россия не отличается от других стран такими существенными особенностями, которые были бы непреодолимыми препятствиями для введения в ней интенсивного или, говоря проще, лучшего сравнительно с теперешним сельского хозяйства» [3, с. 1]. Он также счел необходимым отметить, что «сборы хлеба с единицы площади у [частных] владельцев лучше, чем у крестьян, в урожайные годы на 20—25 %, в неурожайные — на 40, 80 и более %. Поэтому утверждение, что владельцы одинаково страдают от неурожая, как и крестьяне, решительно опровергается цифрами» [3, с. 186]. При этом Лохтин справедливо подчеркивал, что в большинстве своем частновладельческие хозяйства в России, хотя и были существенно эффективнее хозяйств крестьянских, все же по европейским меркам находились отнюдь не на самом высоком уровне.

По мнению Лохтина, несмотря на более высокую урожайность в частновладельческих хозяйствах сравнительно с хозяйствами крестьян-

янскими и в целом гораздо более устойчивое экономическое положение поместных хозяйств, прогрессировали они «достаточно медленно и вяло». Наглядным подтверждением этому служило сохранение трехполюя в большинстве из них. Важнейшей причиной этого Лохтин считал то, что для большинства российских землевладельцев, в отличие от немецких помещиков или американских фермеров, сельскохозяйственное производство не являлось ни единственным, ни главным занятием. На это же указывал и В. И. Гурко [4]. Действительно, к началу XX в. многие помещики были заняты на государственной или коммерческой службе. Именно она, как правило, являлась основным источником их доходов; по этой же причине у многих землевладельцев отсутствовала и необходимость, и возможность серьезно заниматься своим хозяйством. Это нежелание землевладельцев целиком посвятить себя развитию своих хозяйств усиливалось и трудностями со сбытом продукции, и дороговизной оборотных средств. Кроме того, в условиях экстенсивного хозяйства, которое являлось закономерным следствием общинных порядков, со стороны крестьян присутствовала постоянная потребность в аренде частновладельческих земель. Одно это обеспечивало помещикам пусть и не слишком высокий, но в целом достаточный и стабильный доход [3, с. 302—303]. В связи с этим реформирование крестьянского землевладения, отток из деревни избыточной рабочей силы и развитие переселенческого движения могли бы стать, помимо прочего, дополнительным стимулом для повышения эффективности частновладельческих хозяйств.

Поднять уровень благосостояния крестьян при помощи принудительного отчуждения в их пользу частновладельческих земель либеральные консерваторы считали невозможным. Прежде всего они отмечали противозаконность подобных действий с точки зрения гражданского права. Осуществление такого мероприятия казалось им невозможным и с финансовой точки зрения, так как выплата компенсаций землевладельцам по справедливой, но не рыночной оценке, как это предлагала либеральная оппозиция, была абсолютно недопустима. Подобная оценка была бы явно несправедливой по отношению к тем, кто приобрел свою землю относительно недавно, в особенности в том случае, если покупка была осуществлена с использованием кредитных средств. Помимо интересов непосредственно землевладельцев, такое отчуждение стало бы и нарушением интере-

сов кредиторов. Кроме того, по мнению консерваторов, сформулировать по-настоящему объективные критерии для осуществления *справедливой* оценки было во многих случаях просто невозможно.

Как указывал в своей работе «Опыт аграрной программы» высокопоставленный сотрудник МВД, в будущем один из активных деятелей Объединенного дворянства Д.И. Пестржецкий, «справедливость, не имеющая за собою позитивной нормы, вещь ужасная, — от нее уже 2,5 тыс. лет назад плебеи уходили на Авентинскую гору. Это скрытый произвол». Таким образом, полагал Пестржецкий, «вне общей замены современного строя, основанного на признании права собственности, строем социалистическим, принудительное отчуждение мыслимо лишь по рыночной оценке». Однако подобное мероприятие потребует от государства изыскания чудовищной суммы — не менее 6 млрд рублей, и «не будет ли это банкротством»? Но и в качестве революционной меры принудительное отчуждение казалось Пестржецкому неприемлемым, поскольку статистические данные говорили о неизбежном падении урожайности на 18—20% после перехода бывших частновладельческих земель к крестьянским общинам (заметим, что покупателями земли, как правило, выступали общины относительно благополучные). Это должно было привести, в свою очередь, к общему падению и производства, и экспорта, и потребления хлеба в стране (уровень этого потребления Пестржецкий считал и без того недостаточным). Наконец, исключительно негативно «отзовется на сельских местностях устранение оттуда более интеллигентных элементов»; таковыми Пестржецкий считал прежде всего представителей среднего землевладения [5, с. II—III], подчеркивая тем самым их особую значимость и в некоторой степени солидаризируясь в этом отношении с В.И. Гурко, позиция которого будет рассмотрена ниже.

Таким образом, по оценке Пестржецкого следствием отчуждения 30—35 млн дес. частновладельческих земель (именно такая цифра обычно называлась сторонниками данной меры) должно было стать практически полное уничтожение сравнительно интенсивных хозяйств; крестьяне же получили бы дополнительно примерно 0,5 дес. на душу, и результаты этой земельной прибавки вследствие прироста населения оказались бы полностью нивелированы в течение 5—7 лет.

При этом, по утверждению Пестржецкого, реализация мер, способных повысить урожайность крестьянских наделных земель хотя бы до уровня земель частновладельческих, примерно соответствова-

ла бы расширению площади надельного землевладения на те самые 30 млн дес., а замена трехполюя многополюем была бы эквивалентна увеличению посевных площадей крестьянских земель на 35—40 млн дес., «то есть на столько же, сколько может дать переход к крестьянам всех частновладельческих, казенных и удельных свободных от леса земель» [5, с. IX].

Правые либералы, как и консерваторы, выдвигали и ряд других аргументов против проекта принудительного отчуждения. Они обращали внимание на то, что неизбежное понижение продуктивности земли в случае перехода ее в крестьянские руки будет означать отнюдь не разрешение аграрного вопроса, а полное государственное разорение, поскольку подорвет торговый баланс страны, основанный главным образом на экспорте хлеба [6, ф. 579, оп. 1, д. 2502, л. 1—2].

Они также справедливо указывали, что без всякого принудительного отчуждения количество рентных хозяйств в России сокращалось год от года, в результате чего земля постепенно переходила в руки мелких собственников. В такой ситуации государственной власти достаточно было лишь не допускать значительного повышения цен на землю, что при разумной политике Крестьянского банка казалось вполне осуществимой задачей. Деятельность Крестьянского банка при этом предлагалось активизировать: по мнению многих приверженцев праволиберальных взглядов, Банку следовало перейти от выполнения преимущественно посреднических функций при совершении сделок к самостоятельной покупке земель у помещиков для дополнительного наделения крестьян. В то же время некоторые экономисты и общественные деятели указывали на то, что форсировать любой ценой процесс мобилизации поместных земель было небезопасно.

По словам представлявшего правое крыло конституционно-демократической партии князя П. Д. Долгорукова, это было чревато понижением «общего культурного уровня провинции, особенно до тех пор, пока сама деревня еще не выделила из своей среды новых культурных элементов». Эти слова Долгорукова представляются нам весьма показательными, поскольку, в отличие от большинства правых либералов, князь Долгоруков утверждал, что проблема *расширения* крестьянского землепользования (наряду с повышением эффективности крестьянского хозяйства) является исключительно важной и действовать в данной ситуации необходимо безотлагательно. «Здесь надо применить хирургию, так как поздно обращаться к терапии.

Сейчас надо решить земельный вопрос в узком смысле [дополнительного наделения]. Все же другие вопросы... будут выдвинуты на местах» [2, ф. 1571, оп. 1, д. 42, л. 23]. По его мнению, разрешение аграрного кризиса в России возможно было либо через увеличение площади крестьянского землевладения, либо путем интенсификации крестьянского хозяйства. Однако интенсификация хозяйства, как полагал Долгоруков, могла быть достигнута только «при увеличении культурности населения, при более совершенном, чем теперь, его правовом положении, при оживлении всей местной жизни, при усилении обрабатывающей промышленности и при приливе оборотных средств». Но в то же время всего этого невозможно добиться в короткие сроки, и потому неизбежно «будущему законодательству придется на первых же порах иметь дело с вопросом об увеличении земельной площади, находящейся в пользовании земледельцев». Однако при этом в высшей степени нежелательно «разжигание классовых... инстинктов, ведущих к болезненным и зачастую бесплодным конфликтам». До тех пор, пока народ «не заживет более сознательной жизнью и не будет принимать большего участия в управлении своими делами», дополнительное наделение за счет принудительного отчуждения владельческих земель наверняка лишь возбудит в крестьянстве неоправданные ожидания. Оно способно будет «придать вопросу неправильное освещение» [7, с. 3].

Как видим, Долгоруков понимал всю опасность принудительного отчуждения, что принципиально отличало его позицию от воззрений большинства других членов конституционно-демократической партии. Он отмечал, что при сохранении экстенсивного характера крестьянского землепользования распределение даже всей частновладельческой земли между крестьянскими хозяйствами не даст никакого долговременного эффекта, «не говоря уже о том, что, по всей вероятности, она опять стала бы группироваться в руках крупных хозяев и притом неравномерно и не всегда достаточно справедливо» [7, с. 3—4]. Подобная насильственная ломка всех хозяйственных отношений представлялась Долгорукову в высшей степени нецелесообразной.

Поэтому как альтернативу широкомасштабному принудительному отчуждению (хотя в целом ряде случаев он считал его возможным) Долгоруков предлагал «постепенный и мирный переход земли в руки земледельцев, пример чему мы видим во многих демократических странах». Поскольку П. Д. Долгоруков не сомневался в необ-

ходимости обеспечения быстрого развития национальной промышленности, одним из наиболее важных позитивных результатов такой аграрной эволюции он считал то, что прежние землевладельцы нередко помещают вырученные за проданную землю средства в промышленность, что ускоряет индустриализацию. Во многом аналогичный этому процесс, по его мнению, уже начался и в России; следовательно, необходимо было «только урегулировать это движение и, где надо, облегчить его и облечь в желательные формы». В то же время излишне форсировать данный процесс Долгоруков также считал нецелесообразным, поскольку с частным землевладением «связаны подчас и известные культурные традиции, порвать с которыми слишком резко значило бы понизить культурный уровень провинции, особенно пока сама деревня еще не выделила из своей среды новых культурных элементов». Однако государственная поддержка владельцев латифундий, существование которых Долгоруков считал безусловным злом («они служат лишним насосом, вытягивающим деньги из деревни»), а также средних и мелких землевладельцев, живущих главным образом за счет арендной платы, должна была, по его мнению, немедленно прекратиться. Наконец, Крестьянскому банку следовало активизировать свою деятельность и реформировать ее «в смысле замены посредничества при покупке самостоятельною покупкою земель за счет банка» у частных владельцев для дополнительного обеспечения крестьян [7, с. 4—5].

Как уже отмечалось выше, многие представители либерально-консервативных взглядов связывали свои надежды на прогрессивное развитие аграрного сектора, прежде всего с частновладельческими хозяйствами среднего размера. Общепринятого мнения о том, какие хозяйства относить к хозяйствам средним, не существовало; чаще всего встречались оценки в 100—1000 дес., несколько реже — 200—2000 дес. земли.

Пожалуй, наиболее убежденным сторонником среднего землевладения был известный политик В. И. Гурко. Характерно, что не только социалисты, но и левые либералы, в частности П. Н. Милюков, неоднократно обвиняли Гурко в откровенном пренебрежении общегосударственными интересами и защите исключительно «интересов привилегированной кучки» [8, с. 66]. Такие обвинения в адрес Гурко представляются совершенно безосновательными, особенно если принять во внимание, что его аграрная программа содержала важное положение, которое принципиально отличало ее от программы Столыпина.

Гурко отметил, что «значительная часть территории страны распределена на владения, по своим размерам имеющие характер латифундий», причем в большинстве из них хозяйство ведется не слишком интенсивно [9, с. 54]. Он считал, что при безусловном соблюдении принципа неприкосновенности частной собственности государство «вправе принять особые меры для распределения своей территории на такие отдельные владения, размеры коих наиболее благоприятствуют увеличению богатства страны». Единственным средством, которое было способно принудить крупнейших землевладельцев либо распродать большую часть принадлежавших им владений латифундиального типа, либо же существенно интенсифицировать свои хозяйства, было, по убеждению Гурко, введение прогрессивного налога на земельные владения [9, с. 32]. С его точки зрения, ключевой задачей предстоящей аграрной реформы должно было стать расширение масштабов *среднего* землевладения, которое Гурко считал наиболее эффективным, за счет землевладения и крупного латифундиального, и мелкого надельного, результатом чего должно было стать «превращение земледелия в сельскую промышленность». По его мнению, только реализация столь жестких и наверняка непопулярных (в том числе среди дворянства) преобразований была способна в долгосрочной перспективе сохранить существующий государственный строй и создать «экономический мост между малоимущей невежественной массой населения и его верхним зажиточным слоем». Гурко полагал, что отказ от таких реформ мог привести либо к потере гражданских прав, дарованных Манифестом 17 октября, в результате чего страна вновь оказалась бы под властью полицейско-бюрократического режима, либо к краху государства и всего социального строя [9, с. 56—57].

Идея об особой роли среднего землевладения, высказанная в разные годы И. Волконским, В. И. Гурко и др., имела немало сторонников. В то же время в процессе осуществлявшейся с 1906 г. аграрной реформы ее идеологи подчеркивали, что связывают будущее страны прежде всего с мелким землевладением. Именно в таком ключе была сформулирована еще правительственная декларация, озвученная в первой Государственной думе председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным [10, с. 136—137]. Кабинет П. А. Столыпина только продолжил эту линию.

Наиболее показательной представляется позиция главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. С одной стороны, он подчеркивал, что государственные интересы требуют, чтобы «каждый клочок земли был в руках того, кто лучше других сумеет взять от земли все, что она может дать». При этом такое положение нигде и никогда не может быть создано искусственно, при помощи какого-либо насилия над собственностью; оно достигается «лишь путем эволюции, путем постоянно совершающегося естественного подбора хозяев. Этот подбор самой землею подходящих хозяев и хозяевами наиболее пригодных для себя участков и форм труда на них и составляет единственный способ правильного землеустройства, то есть такой группировки хозяев и хозяйств, которая обеспечивает высшую производительность земли и земледельческого на ней труда» [11, с. 7], — подчеркивал Кривошеин. При этом он выступал против предлагавшегося оппонентами правительства принудительного отчуждения частных владений. Впрочем, и идею Гурко о прогрессивном поземельном налоге, призванном форсировать ликвидацию крупнейших латифундий, правительство Столыпина, как известно, не поддержало. Сам же Кривошеин провозглашал основной задачей правительства обеспечение роста производства сельскохозяйственной продукции за счет повышения эффективности мелких крестьянских хозяйств. При этом он не подвергал сомнению то, что именно *мелкое* землевладение будет и в дальнейшем являться преобладающей формой землевладения в России.

Резюмируя сказанное, необходимо подчеркнуть, что среди представителей праволиберальных взглядов отсутствовало единство мнений по вопросу о том, на какое землевладение следует делать ставку в российских условиях: на среднее, мелкое или же в равной степени поддерживать развитие того и другого. При этом они акцентировали внимание на необходимости поддержки тех землевладельцев, которые наиболее ответственно подходили к управлению своими хозяйствами, внедряли передовые агротехнические приемы и в будущем могли стать примером не только для своих соседей-помещиков, но и для крестьян по мере индивидуализации их хозяйства. В то же время либеральные консерваторы были практически единодушны в том, что крупное землевладение латифундиального типа должно как минимум полностью лишиться государственной поддержки — как, впрочем, и те средние хозяйства, которые основной доход получали от сдачи земли в аренду.

Список источников и литературы

1. *Беспалов С. В.* Политика экономической модернизации России в дискуссиях конца XIX — начала XX века. Самара, 2004.
2. *Российский* государственный исторический архив.
3. *Лохтин П.* Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку. СПб., 1901.
4. *Гурко В. И.* Устой народного хозяйства России. СПб., 1902.
5. *Пестржецкий Д.* Опыт аграрной программы. СПб., 1906.
6. *Государственный* архив Российской Федерации.
7. *Долгоруков П. Д.* Аграрный вопрос с точки зрения крупного землевладения // Аграрный вопрос : сб. ст. М., 1906. Т. 1.
8. *Милюков П. Н.* Вторая Дума: Публицистическая хроника. СПб., 1908.
9. *Гурко В.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906.
10. *Думский* сборник. Вып. I. Государственная дума первого созыва (27 апреля — 8 июля 1906 г.). СПб., 1906.
11. *Кривошеин А. В.* Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием А. В. Кривошеина о Высочайшем Указе 9 ноября 1906 г. СПб., 1908.

**Сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии:
региональные особенности организации
и функционирования**

Рассматриваются региональные особенности создания и функционирования сельскохозяйственных обществ в Олонецкой губернии. Освещается роль земства и земской интеллигенции в организации крестьянских объединений, показывается влияние Первой мировой войны на сельскохозяйственные общества, излагаются основные направления практической деятельности обществ по улучшению сельского хозяйства.

In article regional features of creation and functioning of agricultural societies in the Olonets province are considered. The role of zemstvo and the territorial intellectuals in the organization of country associations is lit; influence of World War I on agricultural societies is shown. The main directions of practical activities of societies on improvement of agriculture are considered.

Ключевые слова: сельскохозяйственные общества, крестьянство, интеллигенция, земство, сельское хозяйство, кооперация.

Keywords: agricultural societies, peasantry, intellectuals, zemstvo, agriculture, cooperation.

Значительный вклад в модернизацию аграрного сектора экономики страны внесли сельскохозяйственные общества, наиболее известные из которых — Вольное экономическое общество и Московское общество сельского хозяйства, образованные в 1765 г. и 1819 г. Повсеместное распространение крестьянских объединений началось после утверждения Нормального устава сельскохозяйственных обществ в 1898 г., разработанного Министерством земледелия и государственных имуществ.

История создания обществ сельского хозяйства и деятельность данных организаций находились в поле зрения многих исследователей. Московскому обществу сельского хозяйства свои работы посвятили М. И. Дударев [1], С. А. Козлов [2], А. А. Куренышев [3]. Проблемы функционирования сельскохозяйственных обществ как опытных учреждений рассмотрены в трудах И. Т. Довженко [4], О. Ю. Елиной [5; 6], В. Г. Чернуха [7].

С учетом района действия выделяются три основных группы обществ. В первую группу входили центральные или межрегиональные общества, действовавшие в масштабах всей империи. Как правило, все они имели статус императорских обществ и наименование «всероссийские» («российские», «русские»). Вторую группу составляли губернские сельскохозяйственные общества и общества с районным действием в несколько губерний. К третьей относились мелкорайонные организации (уездные и волостные, сельские, приходские, их также называли внутриуездными). Губернские, уездные и внутриуездные общества называли местными [8, с. 36].

Сельскохозяйственные общества создавались с личного разрешения начальника губернии. Губернатор «собственной властью» открывал общество, если действия его распространялись только на один или несколько уездов губернии, на ее части или, наконец, на всю губернию. В том случае, если район действий общества превышал указанные размеры и выходил за пределы губернии, вопрос об открытии общества решался по представлению губернатора в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Если учредители имели желание внести в устав общества какие-либо положения, отсутствующие в Нормальном уставе, или же изменить те или другие его положения, то внесенные в устав изменения и открытие общества на основе такого устава рассматривались также в Министерстве земледелия и государственных имуществ.

В данной статье изучаются региональные особенности организации и функционирования сельскохозяйственных обществ в Олонецкой губернии, где действовали мелкорайонные уездные, волостные, сельские объединения. Сельскохозяйственные общества, по мнению земских деятелей, среди кооперативных товариществ были наиболее подходящими к природно-климатическим и хозяйственным условиям Европейского Севера. Земские работники считали, что мелкие общества сельского хозяйства представляли собой «наиболее удобный вид организации для приложения агрономической помощи...

через которые земство могло близко подойти к деревне» [9, с. 21]. Земцам Олонецкой губернии хотелось верить, что мелкие общества сыграют «роль маленькой культурной ячейки в деревенской глуши» и будут «полезными помощниками земств» [10, с. 4], займут «одно из первых мест в числе факторов развития местного хозяйства и повышения экономического благосостояния населения» [11, с. 77].

Для олонцкого крестьянства положительным примером могла служить соседняя Финляндия, в которой в 1903 г. было 392 сельскохозяйственных общества, объединявших более 20 тыс. человек. Общества сельского хозяйства распространяли литературу, организовывали лекции, чтения и беседы. Они подготовили почву для создания кооперативных товариществ. Если в 1903 г. там насчитывалось 194 кооператива, то в 1905 г. — уже 696. Первое место среди них занимали маслодельные товарищества [12, с. 44].

Финляндия выступала образцом по организации сельского хозяйства в целом. В Олонецкой губернии земледелие не обеспечивало крестьян хлебом на весь год. Как писалось в земской печати, «если бы не богатые промыслы в лесах и на водах, то, пожалуй, и не прожить бы нашему мужику на его земельном просторе» [10, с. 2]. Причинами столь безрадостного положения олонцких земледельцев назывались не подходящий для хлебопашества климат, плохая почва (болото и камень). Однако Финляндия находилась в таких же условиях, что и Олонецкая губерния, а финский крестьянин был куда богаче крестьянина-карела. По мнению земского деятеля, «это происходит от того, что в Финляндии знают, что и как можно взять от земли, знают, как нужно ее обработать, что на ней посадить или посеять, а где — вместо хлебопашества заняться другим каким-либо сельскохозяйственным промыслом, например, скотоводством. Если финн занимается земледелием, то он знает, как производить два колоса там, где прежде вырастал один; он улучшает самую почву, улучшает орудия обработки земли и способы обработки» [12, с. 44].

Разрешительный порядок создания крестьянских организаций, необходимость подачи заявлений на имя губернатора, долгое время рассмотрения прошения создавали бюрократические проволочки и сдерживали инициативу учредителей. В результате в Олонецкой губернии крестьянские организации росли довольно медленно, ежегодно открывалось всего лишь одно-два общества, иногда чуть больше. Первое сельскохозяйственное общество (СХО) появилось в 1901 г. в с. Ладва. Находилось оно в ведении Петрозаводского уездного зем-

ства. Инициатором создания и председателем Ладвинского СХО был священник П. И. Енохов, а его товарищем — учитель А. Т. Митрошкин [13, с. 241].

В 1903 г. в Повенецком уезде одним из первых открылось Паданское СХО. В 1909 г. председателем общества был избран инструктор молочного хозяйства при Повенецком земстве Г. Д. Абрамов, товарищем председателя — заведующий Паданским образцовым училищем И. Ф. Григорьев, секретарем — учитель Паданского училища Г. В. Щипицын. Членами совета СХО были местные крестьяне. Средства общества складывались из ежегодных членских взносов по 50 коп., из безвозвратных пособий губернского и уездного земства по 100 руб. на нужды общества, от продажи сельскохозяйственных орудий и семян [14, с. 8—9].

В 1904 г. в Петрозаводском уезде были созданы Ивинское, Остречинское и Сенногубское СХО. Председателем правления Ивинского СХО в 1907 г. был избран священник В. А. Бутковский, секретарем — учитель И. С. Морозов [15, с. 8]. В 1909 г. наряду с председателем В. А. Бутковским почетным председателем Ивинского СХО стал олонецкий губернатор Н. В. Протасьев. Тогда в Ивинском СХО насчитывалось 6 почетных и 35 действительных членов. Деятельность Ивинского СХО выражалась «в изучении положений различных отраслей сельского хозяйства, выяснении хозяйственных нужд и потребностей путем обсуждения на собраниях относящихся сюда вопросов; в распространении теоретических и практических сведений по сельскому хозяйству; в заботе о выработке наиболее правильных способов ведения хозяйства; в полезных указаниях и посредничестве по снабжению хозяев хорошими необходимыми в хозяйстве предметами» [16, с. 20, 21].

Также в 1904 г. появились Даниловское СХО — в Повенецком уезде, Лекшморецкое СХО — в Каргопольском уезде, Оштинское СХО — в Лодейнопольском уезде. В 1906 г. имелось 8 сельскохозяйственных обществ: в Петрозаводском уезде — 4, в Повенецком уезде — 2, в Каргопольском уезде — 1, в Лодейнопольском уезде — 1.

С утверждением положения «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. количество сельскохозяйственных обществ увеличилось, потому что у «местной крестьянской самодеятельности» появилась возможность осуществить свое «стремление к более культурной общественной жизни» [17, с. 6]. «Временные правила об обществах и союзах» способствовали развитию кооператив-

ного движения в стране и распространению различных сельскохозяйственных обществ и товариществ, широкому развитию других видов крестьянской кооперации.

Процесс создания сельскохозяйственных обществ в Олонецкой губернии несколько оживился в период проведения аграрных реформ П. А. Столыпина, чему способствовала непосредственная поддержка земства. Так, на агрономическом совещании 12 февраля 1907 г. при обсуждении путей развития скотоводства, в том числе вопроса, «каким путем можно достигнуть более правильного выращивания молодняка», губернский агроном К. К. Вебер заметил, что одним распространением популярных брошюр в крестьянском хозяйстве ничего не достигнуть: «Тут мало того, чтобы рассказать, как следует делать, тут важно указать на деле, на деле осуществить то целесообразное вскармливание и содержание молодняка до надлежащей зрелости, которое могло бы служить основой прибыльного молочного скотоводства». А это, считал Вебер, можно осуществить «лишь путем организации мелких товариществ из нескольких более дельных и небедных крестьян» [18, с. 32].

На Пудожском уездном земском собрании 1907 г. был заслушан доклад «Об агрономической помощи населению уезда», где подчеркивалось, что «бедности крестьянства могут помочь лишь общие силы, общий капитал объединенного крестьянства под руководством более интеллигентных людей». Участники собрания признали «желательным и полезным учреждение в уезде сельскохозяйственных обществ» и уполномочили земского агронома ознакомить население уезда с задачами сельскохозяйственных обществ. Поскольку земцы работали большей частью среди малограмотного населения, то их участие являлось «весьма полезным для деятельности товариществ» [19, с. 17].

В феврале 1907 г. в д. Спиридон-Наволоок Олонецкого уезда было открыто Крошнозерское СХО. Председателем Совета СХО избрали крестьянина И. А. Громова, секретарем — уездного агронома В. Ф. Кербицкого [20, с. 8]. В 1913 г. секретарем Крошнозерского СХО стал сельский учитель А. М. Никитин. В это время в общество входило более 70 человек, наряду с крестьянами в нем были 2 учителя, 5 учительниц, священник, 2 псаломщика, агроном, доктор [21, с. 4]. В 1908 г. было открыто сельскохозяйственное общество в с. Усть-Моша Каргопольского уезда. Организатором и председателем общества был лесничий Мошинского лесничества А. К. Шмидт [22, с. 25].

В том же году начало свою деятельность Покровское СХО в Повенецком уезде. Председателем правления Покровского СХО стал уездный земский агроном А. К. Гагман, товарищем председателя и казначеем — протоиерей А. Н. Маклюинов, секретарем — местный учитель А. Т. Леонтьев. В совет общества входили инструктор молочного хозяйства при Повенецком земстве П. О. Левкоев, дьякон Д. А. Маклюинов и местные крестьяне. Почетным членом был председатель Повенецкой уездной земской управы А. Н. Николаевский [23, с. 31].

Надо сказать, что регистрация устава общества вовсе не означала начало его практической деятельности. Устав Ребольского СХО в Повенецком уезде был утвержден 4 апреля 1908 г., но приступить к работе оно смогло только через год. Главной причиной такой задержки было скептическое отношение местных крестьян к «этой новой затее» (то есть сельскохозяйственному обществу), они «видели в нем какую-то для себя опасность». Благодаря настойчивости лесничего А. А. Уманца, который вел длительные беседы с крестьянами, ему удалось преодолеть их опасения и инертность, склонить к участию в обществе. Уманец был не только инициатором создания, но и первым председателем правления и совета Ребольского СХО. В 1911 г. председателем правления и совета Ребольского СХО избрали крестьянина Ф. В. Нечаева, казначеем — священника Ф. М. Никольского, секретарем — учителя Ребольского земского двухклассного училища И. А. Фаворитского. В совет общества также входила учительница Ребольского земского двухклассного училища Н. П. Иванова [24, с. 30—31].

В Пудожском уезде первое общество было открыто 1 апреля 1912 г., это было Нигижемское СХО. Инициатором его создания был председатель Пудожской уездной земской управы В. Ф. Соболев. На собрании присутствовало 23 человека, в том числе уездный агроном Г. И. Подшувейт. Председателем правления Нигижемского СХО был избран священник В. И. Леонтовский, секретарем — учитель Нигижемско-Георгиевской земской школы Н. Т. Фокин [25, с. 22].

За годы проведения аграрной реформы П. А. Столыпина в Олонецкой губернии число СХО увеличилось. Из 26 СХО, действовавших к 1914 г., 18 обществ были открыты после 1906 г. [26, с. 128]. По данным на 1915 г. в Олонецкой губернии существовало 30 СХО, членами которых были 667 человек, главным образом крестьяне.

Первая мировая война оказала непосредственное влияние на процесс создания сельскохозяйственных обществ. В Олонецкой губернии за время войны число СХО увеличилось на 35,5%, но численный состав членов сократился более чем на 20%. К 1 января 1914 г. на одно СХО приходилось 50,5 членов, а к 1 января 1916 г. — 39,8 членов. Во всех СХО состояло около 1650 членов, в среднем по 40 человек на каждое общество. Самые крупные общества действовали в Петрозаводском уезде (63,7 члена на СХО) и Лодейнопольском уезде (55 человек на одно СХО). Самые мелкие общества существовали в Вытегорском (26 членов на СХО) и Олонецком уездах (30,5 человек на СХО) [28, с. 15].

На 1 января 1916 г. в Олонецкой губернии существовало 32 СХО. В 1917 г. во всех уездах было зарегистрировано 45 сельскохозяйственных обществ. В Вытегорском уезде насчитывалось 13 СХО, в Каргопольском уезде — 9 СХО, в Олонецком и Повенецком уездах — по 6 СХО, в Петрозаводском уезде — 5 СХО, в Пудожском уезде — 4 СХО, в Лодейнопольском уезде — 2 СХО [29, ф. Р-12, оп. 1, д. 14/177, л. 39—40].

Главная задача сельскохозяйственных обществ состояла в том, чтобы улучшить приемы обработки земли и способы ведения сельского хозяйства, тем или иным путем добиться того, чтобы «два колоса росло там, где раньше был один». Каждое общество имело программу деятельности по введению новых приемов агротехники, направленных на преодоление местных негативных природно-климатических факторов, снижавших урожайность и ухудшавших качество продукции сельского хозяйства. К ним относились следующие мероприятия: осушка и культивирование болот с целью использования их под травосеяние, улучшение лугов, земли, посевного материала и местной породы скота. Сюда же входило правильное выращивание молодняка, развитие молочного хозяйства, маслоделия и огородничества, выращивание кормов, устройство прокатных и случных пунктов, показательных и опытных участков и полей.

Любое начинание по улучшению сельского хозяйства (впрочем, как и вообще всякое нововведение) со стороны крестьянства подчас встречало сильный отпор. Почти все сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии занимались опытным делом, но «при малокультурном еще состоянии населения» они не могли рассчитывать на скорый успех. Руководитель Даниловского СХО З. Роцко считал, что агрикультурное влияние на крестьянскую среду могло быть до-

стигнуто только лишь при участии в деятельности обществ земского агрономического персонала в качестве председателей или секретарей [30, с. 29].

Так, опытно-показательное поле Даниловского СХО долгое время не давало каких-либо положительных результатов, но с приходом в 1912 г. в общество инструктора сельского хозяйства Повенецкого уездного земства В. Т. Тамма опытное поле стало успешно использоваться для разведения кормовых трав и хлебов. Кроме того, Даниловское СХО, проводя различные мероприятия «на пользу местного населения», ежегодно делало запасы семян ржи, овса и ячменя, которыми в период посевных работ снабжало своих членов по заготовительным ценам [31, с. 219].

Некоторые члены СХО устраивали собственные опытные поля малых размеров, старались внедрить новые приемы агротехники личным примером. Для ознакомления крестьян с корнеплодами, которые шли на корм скоту, Паданское СХО посеяло турнепс на полосе члена общества крестьянина Г. Ф. Левкоева. Крестьяне с. Паданы общим приговором постановили отвести обществу 10 дес. болотистой земли для ее осушки и устройства показательного участка. Общество взяло в аренду этот участок земли для проведения работ по осушению заболоченных почв. Проводившиеся при Паданском обществе агрономические мероприятия находили живой отклик среди крестьян, членов обществ. Общество имело склад машин и орудий, где местные крестьяне могли недорого приобретать необходимые орудия труда и инвентарь [32, с. 15].

В Петрозаводском уезде Ивинское СХО, заботясь о выработке правильных способов ведения хозяйства, на своем опытном поле проводило испытания с минеральными удобрениями и апробацию семян ржи, льна, овса, пшеницы, огородных культур. Поскольку переход к многополью был затруднен общинным землепользованием, а выход из общины составлял «нечто страшное для крестьян», общество занялось повышением урожайности при трехпольном севообороте. С этой целью в Северном обществе сельского хозяйства было закуплено 5 пуд. озимой пшеницы, 4 пуд. ржи. Председатель СХО священник В. А. Бутковский проводил опыты по травосеянию и улучшению лугов [33, с. 24—25].

В Лодейнопольском уезде в 1910 г. Оштинское СХО обустроило опытное поле для введения многопольного севооборота, чтобы крестьяне видели, что можно перейти от рутинного трехполья к лучшей

системе землепользования. Благодаря деятельности общества крестьяне Оштинской волости начали местами предпринимать меры по улучшению хозяйства [34, с. 32—33].

В Каргопольском уезде Усть-Мошское общество имело взятый в аренду участок земли в 700 кв. саженей под опытные работы и огород размером 80 кв. саженей с парником для выращивания капустной рассады. В 1911 г. половина огорода была занята различными сортами картофеля, который был посажен для выяснения наибольшей урожайности представленных сортов и степени их пригодности к данной местности и климатическим условиям. Также у общества имелся третий участок земли (280 кв. саженей), который в 1910 г. был занят рожью и овсом, а в 1911 г. засеян клевером с тимофеевкой [35, с. 12—13].

В Олонецком уезде, где во время проведения реформы П. А. Столыпина крестьяне селений Пограничные Кондуши и Кавайна выделились на отруба и хутора, Погранкондушское СХО сочло необходимым создать образцовые хозяйства, ввести многополье с правильным севооборотом хлебов и травосеянием. У двух членов СХО были заложены показательные участки с посевом овса и трав (вика, клевер, тимофеевка). Общество бесплатно раздавало своим членам семена огородных культур, планировало устроить показательный огород [36, с. 405].

Благодаря Шуньгскому СХО в Шуньге появилось огородничество. А ведь многие крестьяне были убеждены, что в их волости ничего кроме картофеля не растет. Очень скоро огородничеством занялись многие крестьяне. Когда Шуньгское СХО начало проводить выставки сельского хозяйства, передовые крестьяне стали демонстрировать на них выращенные в своих огородах культуры: репу, капусту, брюкву, морковь, петрушку, свеклу, цикорий, турнепс, даже огурцы и томаты. Большую роль в развитии огородничества сыграл агроном В. Ф. Волейко, который в Шуньге читал лекции и показывал в огородах крестьян членов СХО способы разведения разных овощей [37, с. 22].

Сельскохозяйственные общества поддерживали идею кооперации и закрепляли ее в сознании местного населения. Некоторые общества открывали потребительные лавки, где продавались «все продукты, необходимые в крестьянской семье, а также железо сортового, разная упряжь, красный товар и прочее». Так, в 1909 г. в Петрозаводском уезде Ивинское общество открыло потребительную лавку.

Благодаря общественной торговле цены на продукты в частной лавке снизились. Таким образом, Ивинское СХО сумело внедрить «в сознание местного населения выгоду совместной работы, оно бросало идею кооперации в крестьянскую жизнь». Заслуга Ивинского СХО состояла в том, что в Петрозаводском уезде оно стало «школой кооперативной деятельности населения» [38, с. 14].

В Каргопольском уезде Усть-Мошское общество содержало потребительную лавку, которая принесла в 1909 г. 57 руб. чистой прибыли, что стало для общества серьезной материальной поддержкой [22, с. 25]. В 1911 г. открылось самостоятельное потребительное общество, куда вошли все члены Усть-Мошского СХО. По своему обороту Усть-Мошское потребительное общество заняло второе место среди таких же обществ Каргопольского уезда. Из полученной за 1911 г. прибыли были сделаны отчисления на выдачу пособий беднейшим и лучшим ученикам местных школ — министерской, земской и церковно-приходской. В 1912 г. предполагалось провести первую волостную сельскохозяйственную выставку для привлечения внимания населения к улучшению своего хозяйства. Кроме того, в Каргопольском уезде Лекшморецкое, Ольго-Слободское и Федовское СХО занимались устройством общественных маслоделен и развитием в своих районах производственной кооперации [35, с. 12—13].

Осенью 1912 г. в селе Шуньга Повенецкого уезда было учреждено маслодельное товарищество «Производитель» для артельной переработки молока и совместного сбыта продукции. В д. Большой Двор Шуньгской волости была устроена артельная маслодельня для изготовления масла, сыра и других молочных продуктов. Это была первая маслодельная артель в Олонецкой губернии. Организуемые при Шуньгском СХО выставки скота, случные пункты, конские бега, племенные рассадники использовались «как сильный рычаг для подъема местного скотоводства» [39, с. 1].

В Повенецком уезде развитием молочного животноводства занимались Даниловское и Паданское СХО. С 1908 г. общества устраивали выставки, сыгравшие заметную роль в улучшении местной породы крупного рогатого скота. В 1913 г. Повенецкое уездное земство предложило Даниловскому, Паданскому и Шуньгскому обществам организовать контрольный союз, который был образован в следующем году [40, с. 23].

В целом из всех сельскохозяйственных обществ, существовавших в Олонецкой губернии, успешной практической работой про-

явили себя только несколько обществ: в Петрозаводском уезде — Ивинское, в Лодейнопольском — Оштинское, в Олонецком — Крошнозерское, в Повенецком — Даниловское, Паданское, Покровское и Шуньгское, в Каргопольском — Усть-Мошское. К сожалению, деятельность остальных сельскохозяйственных обществ была «довольно слабой». Земские работники видели, что общество, «открываемое случайно, где-нибудь в глухом захолустье, лишенном искренних общественных деятелей, очень скоро превращается в безжизненное жалкое учреждение» [41, с. 16—17].

Губернский агроном Г.Г. Гультман также отметил, что «деятельность некоторых наших сельскохозяйственных обществ далеко не стоит на должном уровне, как в смысле ее интенсивности, так и в отношении общей организации учреждений». Он признал, что «часто энергии учредителей сельскохозяйственного общества хватает только на его открытие, а затем общество в силу общего ослабления интереса к его деятельности начинает постепенно сокращать свои операции и, в конце концов, превращается в учреждение, существующее почти только на бумаге». Практика показала, какую «большую роль в этом отношении играет личность председателя, его энергия и умение поставить дело». Одной из причин слабого развития обществ губернский агроном назвал «отсутствие среди членов общества интеллигентных руководителей» [11, с. 77].

Действительно, в Олонецкой губернии ощущался недостаток земских агрономов и других лиц, «общий культурный уровень коих вполне отвечал бы требованиям общественной жизни». В целом «малочисленность и разбросанность населения, слабо развитая грамотность, полнейшее отсутствие в крестьянской среде сознания необходимости кооперации, сравнительно небольшой контингент служащих по агрономической части — вот те условия, могущие затормозить деятельность обществ». Поэтому открытие сельскохозяйственного общества осложнялось тем, что деревня была «очень бедна интеллигентными лицами, могущими принять на себя инициативу и руководство сельскохозяйственными обществами» [41, с. 17].

Некоторые земские агрономы возлагали надежды на мелкие общества сельского хозяйства, надеясь, что те дадут возможность деревенскому населению проявить инициативу. Однако трудно было «ожидать плодотворной деятельности по агрономии от обществ в тех местностях, где в населении совершенно не развита самостоятельность, и где сами члены общества небрежно относятся к своим собственным хозяйствам» [11, с. 78].

Общества устраивали опытные поля, показательные участки, но они не использовали предоставленное им право «изучать положение различных отраслей сельского хозяйства и выяснять хозяйственные нужды и потребности, путем совместного обсуждения относящихся сюда вопросов на периодически созываемых собраниях своих членов, в особо образуемых комиссиях и на съездах». Когда снабженческие функции и часть обычной работы СХО по обеспечению населения семенами, машинами перешли к кооперативам, многие общества не знали, что им делать. О том же, что в круг деятельности СХО входит «обсуждение и защита интересов мелкого хозяйства, они даже и не догадывались» [42, с. 11].

Средства сельскохозяйственных обществ формировались из членских взносов, из безвозвратных ссуд Департамента земледелия, губернского и уездного земства, от продажи сельскохозяйственных орудий и семян. По данным, собранным агрономом В. Ф. Волейко, в 1914 г. в 25 СХО Олонецкой губернии 38% их совокупных бюджетных поступлений приходилось на земские пособия, 23% — на местные средства, 20% — на пособия от Департамента земледелия и 19% на остаток от прошлых лет [36, с. 80]. Отсутствие собственных средств определило финансовую слабость большинства мелких СХО и зависимость от посторонних ссуд и субсидий. Получая львиную долю средств от земства и правительства, общества в их расходовании руководствовались указаниями свыше, а не собственными нуждами и местными потребностями. Хотя те же земства, выдавая субсидии, стремились развить самодеятельность членов, «этот местный почин в дружной самостоятельной работе» обществ [43, с. 114].

С установлением Советской власти многие сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии были ликвидированы, но у оставшихся обществ иждивенческие настроения сохранились. Так, в 1918 г. в Пудожском уезде Коловское и Нигижемское СХО обратились в уездный земельный отдел (УЗО) с вопросом: «Будут ли теперь выдаваться пособия на их деятельность или нет?» Пудожский УЗО, не имея никаких указаний на этот счет, просил Олонецкий губернский земельный отдел «дать разъяснения, как поступать в данном случае». На данный запрос был получен ответ: «Если комиссариат земледелия выделит на содержание обществ средства, то по получению их они немедленно будут разосланы по принадлежности» [29, ф. Р-108, оп. 1, д. 26/396, л. 1—2].

В феврале 1919 г. Часовенское СХО Вытегорского уезда просило УЗО оказать материальную помощь на открытие опытного поля в Кондушской волости, приобретение сельскохозяйственных машин, орудий и удобрений. Вытегорский УЗО подал заявку в Олонецкий губземотдел с просьбой выдать Часовенскому обществу 30 тыс. руб. для организации опытного огорода и на покупку машин. Получив заявку, Олонецкий губземотдел постановил «передать окончательное решение этого вопроса Вытегорскому УЗО, каковому будет отпущен аванс» [29, ф. Р-108, оп. 1, д. 25/377, л. 5].

Просимые суммы могли быть выданы из Олонецкого миллиардного комитета, который был создан в 1919 г. для выдачи средств на устройство сельскохозяйственных коммун и коллективов. По ходатайству УЗО ссуды выдавались и сельскохозяйственным обществам. В Вытегорском уезде ссуды по 30 тыс. руб. на 10 лет получили: Лихошальское СХО — на покупку сельскохозяйственных машин, Петручейское СХО — на устройство паровой мельницы, Ивачевское СХО — на устройство прокатного пункта, а Леонтьевскому СХО выдано 15 тыс. руб. на покупку свиней для племенного рассадника. Другим обществам ссуды на строительство мельниц были выданы сроком на 5 лет. Общество «Плоские нивы» и Лешимское СХО Вытегорского уезда получили 65 тыс. руб. и 74 тыс. руб. соответственно, Рахновское СХО Лодейнопольского уезда — 89 тыс. руб., Неккульское СХО Олонецкого уезда — 92 тыс. рублей. Пудожский УЗО получил 847 тыс. руб. для выдачи ссуд сроком на 5 лет для строительства мельницы сельскохозяйственным обществам Надконецкой, Верешанской и Бережно-Дубровской волостей Пудожского уезда [29, ф. Р-108, оп. 1, д. 9/104, л. 108—109]. Однако в условиях развертывания гражданской войны и политики «военного коммунизма» сельскохозяйственные общества не смогли реализовать планы по проведению мероприятий, а выданные денежные средства обесценились.

Подводя итог, можно сказать, что сельскохозяйственные общества внесли определенный вклад в развитие аграрного сектора экономики Олонецкой губернии. Район деятельности обществ распространялся в большинстве случаев на одну волость или село. В губернии, как и везде, действовал разрешительный порядок открытия обществ, но инертность крестьянства обусловила низкие темпы роста их числа по сравнению с другими губерниями. Создание сельскохозяйственных обществ происходило при непосредственном участии земства и его материальной поддержке. В организации и работе мно-

гих сельскохозяйственных обществ наряду с крестьянами принимали участие представители местной интеллигенции: земские агрономы, врачи, учителя, священники, служащие лесного ведомства.

В соответствии с законом созданные общества оказывали содействие развитию сельского хозяйства в целом и отдельным его отраслям. Большое значение имела просветительно-практическая деятельность обществ по устройству прокатных пунктов, складов сельскохозяйственных орудий, семян, удобрений. Некоторые общества на показательных полях обществ и земельных участках крестьян занимались опытным делом, демонстрировали новые приемы агротехники и использование удобрений. Общества, приобретая племенной скот и открывая случные пункты, вели работу по улучшению животноводства, они активно участвовали в организации крестьянских кооперативов.

Список источников и литературы

1. *Дударев М.И.* Московское общество сельского хозяйства в общественном и кооперативном движении (1895—1908 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

2. *Козлов С.А.* Московское общество сельского хозяйства и аграрная рационализация в дореформенной России // *Северо-Запад в аграрной истории России* : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2013. Вып. 20.

3. *Куреньшиев А.А.* Сельскохозяйственная столица России: очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818—1929 гг.). М., 2012.

4. *Довженко И.Т.* Сельскохозяйственные общества дореволюционной России, их особенности и размещение // *Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975.*

5. *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII — 20-е годы XX в. : в 2 т. М., 2008.

6. *Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные общества России, 1765—1920-е годы: вклад в развитие агрономии // *Российская история.* 2011. №2.

7. *Чернуха В.Г.* Сельскохозяйственные общества в России в 60—70-е гг. XIX в. // *Проблемы социально-экономической истории России.* СПб., 1991.

8. *Елина О.Ю.* Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России // *Историко-биологические исследования* 2012. Т. 4, №3.

9. *Роцко З.* Сельскохозяйственные общества — сотрудники земств // *Вестник Олонечкого губернского земства (ВОГЗ).* 1908. №17.

10. *Возможная роль сельскохозяйственных союзов и обществ в будущем* // *ВОГЗ.* 1909. №8.

11. *Отчет* губернского земского агронома Г.Г. Гультман. 1914 год. Петрозаводск, 1914.
12. *Оленин Р.* Для чего финским крестьянам нужны были мелкие сельскохозяйственные общества // ВОГЗ. 1908. № 5.
13. *Памятная книжка* Олонецкой губернии на 1903 год. Петрозаводск, 1903.
14. *Шипицын Г. В.* Паданское сельскохозяйственное общество Повенецкого уезда (краткий отчет деятельности за 1908 год) // ВОГЗ. 1909. № 6.
15. *Митрошкин И.* Годичное собрание Ивинского сельскохозяйственного общества // ВОГЗ. 1907. № 5.
16. *Кербицкий В. Ф.* Крестьянские сельскохозяйственные общества // ВОГЗ. 1909. № 23.
17. *Кулыжский А. Е.* Как устраивать сельскохозяйственное общество. М., 1908.
18. *Третье* агрономическое заседание // ВОГЗ. 1907. № 5.
19. *Из постановления* Пудожского уездного собрания // ВОГЗ. 1908. № 2.
20. *Крошнозерское* сельскохозяйственное общество (село Крошнозеро Олонецкого уезда) // ВОГЗ. 1907. № 4.
21. *Обзор* деятельности Крошнозерского сельскохозяйственного общества за 1913 год. Петрозаводск, 1914.
22. *Деятельность* Устьмошского сельскохозяйственного общества в 1910 г. (из отчета) // ВОГЗ. 1911. № 3.
23. *Очерк* жизни кооперативов на Моше Каргопольского уезда Олонецкой губернии // ВОГЗ. 1912. № 13.
24. *Фаворитский И. А.* Краткий очерк деятельности Ребольского сельскохозяйственного общества Повенецкого уезда 1909—1911 гг. // ВОГЗ. 1912. № 12.
25. *Фокин Н. Т.* Открытие сельскохозяйственного общества в селе Нигижма Пудожского уезда // ВОГЗ. 1912. № 23.
26. *Памятная книжка* Олонецкой губернии на 1914 год. Петрозаводск, 1914.
27. *Кооперация* северного края // Северный хозяин. 1916. № 20.
28. *Заболотский Н.* Состояние сельскохозяйственных обществ в Олонецкой губернии // Петроградский кооператор. 1918. № 11.
29. *Национальный архив* Республики Карелия (НА РК).
30. *Отчет* агронома Повенецкого уездного земства по сельскому хозяйству за 1908—1909 гг. Петрозаводск, 1909.
31. *Отчет* агронома Повенецкого уездного земства по сельскому хозяйству за 1913 год. Петрозаводск, 1914.
32. *Григорьев И. Ф.* Паданское сельскохозяйственное общество Повенецкого уезда // ВОГЗ. 1907. № 22.
33. *Кербицкий В. Ф.* Крестьянские сельскохозяйственные общества // ВОГЗ. 1909. № 24.
34. *Петрушин П.* Кое-что о деятельности Оштинского сельскохозяйственного общества Лодейнопольского уезда за 1910 г. // ВОГЗ. 1911. № 18.

35. *Очерк жизни кооперативов на Моше Каргопольского уезда Олонецкой губернии* // ВОГЗ. 1912. №13.

36. *Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии (1906—1917 гг.)*. Документы и материалы. Петрозаводск, 2013.

37. *Назаров А. В.* Село Шуньга Повенецкого уезда (о развитии огородничества) // ВОГЗ. 1912. №20.

38. *Кербицкий В. Ф.* Крестьянские сельскохозяйственные общества // ВОГЗ. 1909. №21.

39. *Левитский А.* Новое дело (о Шуньгском маслодельном товариществе) // ВОГЗ. 1912. №21.

40. *Шуньгское* сельскохозяйственное общество Повенецкого уезда // ВОГЗ. 1915. №2.

41. *Роцко З.* Крестьянские сельскохозяйственные общества как посредники в деле развития агрономической деятельности // ВОГЗ. 1910. №10.

42. *Герн А.* О сельскохозяйственных обществах // ВОГЗ. 1917. №6.

43. *Справочная книга для сельских хозяев* / под ред. К. А. Мацеевича. Харьков, 1913.

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

Государственная и общественная деятельность графа Алексея Александровича Бобринского

Рассмотрены основные направления деятельности видного государственного и общественного деятеля — графа А. А. Бобринского. Анализ дневниковых записей и выступлений графа А. А. Бобринского позволил показать трансформацию его политических взглядов.

The article considers the basic directions of activity of the prominent state and public figure — count A. A. Bobrinsky. Analysis of diary entries and speeches of count A. A. Bobrinsky allowed to show the transformation of his political views.

Ключевые слова: А. А. Бобринский, Российская империя, Совет объединенного дворянства, Государственная Дума, Государственный Совет.

Keywords: A. A. Bobrinsky, Russian Empire, Council of the United Nobility, the State Duma, the State Council.

К исследованию генотипа российской элиты историки обратились лишь в конце XX — начале XXI в. Выявляя перипетии судьбы той или иной личности, исследователи стремятся не только выявить степень ее участия в жизни страны, но и показать ее роль и воздействие на поведение той или иной социальной группы. Многогранная жизнь видного государственного и общественного деятеля Российской империи графа А. А. Бобринского представлена в исторической литературе неравномерно, что во многом обусловлено характером его деятельности. Отметим, что только перечисление регалий графа, административных и общественных обязанностей, трудов и увлечений может занять не одну страницу. Поэтому при характеристике его личности исследователи, как правило, акцентируют внимание либо на политической деятельности, оценивая его как умеренного

представителя правого политического лагеря [1—3], либо прослеживают деятельность как археолога и руководителя Императорской археологической комиссии [4; 5, с. 171—176; 6, с. 95—116; 7, с. 72—88]. Лишь сравнительно недавно появились статьи о жизни графа Бобринского в эпоху революционных перемен и затем в эмиграции [8, с. 337—340; 9, с. 300—308; 10, с. 383—394].

И все же в изучении жизни и деятельности графа все еще остаются пробелы, так как его личные документы и переписка все еще недостаточно изучены. Эти документальные материалы хранятся в Российском государственном историческом архиве. В личном фонде А. А. Бобринского имеются документы по имениям Бобринских в разных губерниях, в том числе о деятельности сахарных заводов. Изучение этих материалов позволяет установить размах деятельности помещика-землевладельца. Дневники и мемуары Бобринского, его переписка, записки об археологических раскопках в Крыму, на Кавказе и на Дунае, труды по литературе и истории позволяют представить масштаб его научной и литературной деятельности. Конечно, весьма важной задачей, на наш взгляд, является также показ его коммуникативных связей с личным окружением, российскими учеными, властными структурами, представителями дворянской элиты.

Значимым источником исторической информации выступают документы, связанные со служебной деятельностью Бобринского в Министерстве земледелия и общественной деятельностью, в том числе в Совете объединенных дворянских обществ (1906—1917). В этом плане особое значение приобретает изучение таких документов, как уставы, журналы заседаний Совета, проекты, доклады разных лиц по вопросам народного образования, экономики, по еврейскому вопросу, о правах дворянства, о деятельности Российского общества Красного Креста [11, ф. 899, оп. 1]. К числу значимых следует отнести дневниковые записи Бобринского, которые частично были опубликованы в журналах «Красный архив» в 1928 г. и «Каторга и ссылка» в 1931 г. [12, с. 127—150; 13, с. 73—129]. Они содержат его впечатления о работе III Государственной Думы в 1910—1911 гг. Серия полевых снимков археологических раскопок, в которых принимал участие граф Бобринский, снимки находок и личные документы хранятся также в фондах Научного архива Института истории материальной культуры РАН [14] и в Российском государственном архиве древних актов [15]. Реконструкция характера графа невозможна без использования воспоминаний его сына Алексея Алексеевича Бобринского, опубликованных в 2013 г. [16, с. 479—532].

Представитель богатейшей и знатной дворянской фамилии Алексей Александрович Бобринский родился 19 мая (по другим сведениям, 15 июня) 1852 г. в семье члена Государственного Совета, генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии (1861—1864), специалиста по генеалогии, обер-гофмейстера, графа Александра Алексеевича Бобринского (1823—1903) и графини Софьи Андреевны Шуваловой (1829—1912). Статс—секретарь А. А. Половцов, характеризуя графиню Бобринскую отмечал, что она была «умна, ловка, хитра, но далеко не правдива». В то же время он говорил о том, что ее муж «был прост, но в высшей степени симпатичен искренностью и благородством чувств» [17, с. 338]. В браке родилось 5 сыновей, Алексей был старшим ребенком в большой семье. Он получил домашнее образование под руководством известного педагога В. Я. Стоюнина. Сдав экзамены за гимназический курс при 2-й Санкт-Петербургской гимназии, он поступил на юридический факультет Петербургского университета, который не закончил из-за болезни (1870—1872).

Его государственная служба началась осенью 1873 г. с должности коллежского регистратора канцелярии Комитета министров. Отметим разнообразие направлений деятельности Алексея Александровича. Многогранность его натуры проявлялась в поистине кипучей работе на любом посту. Он пытался вникнуть и разобраться во всех сложностях порученных ему дел, а недостаток знаний восполнял за счет самообразования, штудировал законы и литературу, делая выписки по тому или иному вопросу. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. занимался вопросами мобилизации и поставкой лошадей в действующую армию. В 1881 г. был назначен членом Особого присутствия Сената, участвовал в следствии по делу об убийстве Александра II. В 1882 г. его включили в состав Особого совещания по пересмотру узаконений по питейной торговле. В 1892 г. был назначен уполномоченным Особого комитета для организации помощи голодающим в Тамбовской губернии. По итогам работы граф представил отчет, в котором была дана острая критика действий местных и центральных органов имперской администрации. Вполне естественно, что его отчет не был опубликован. В 1894 г. Бобринский — член Сельскохозяйственного совета Министерства земледелия, председатель Кустарного комитета. Учитывая активную деятельность Бобринского, его назначают в 1896 г. сенатором, а в 1899 г. — членом Особого присутствия при Государственном Совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения Сената.

А. А. Бобринский был крупнейшим землевладельцем. Его латифундии находились в Киевской (30600 дес.), Тульской (15300 дес.), Симбирской, Курской, Орловской и Таврической губерниях. Также ему принадлежали винокуренные и сахарные заводы, мельницы, дома в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове.

Кроме государственной службы Бобринский занимал руководящие должности в дворянской корпоративной организации, а также в органах местного самоуправления, городских думах и земских учреждениях. В 1875 г. он был избран Санкт-Петербургским уездным предводителем дворянства. С 1876 г. председательствовал в Санкт-Петербургском губернском земском собрании, с 1880 г. — гласный Ямбургского уезда, с 1881 г. — гласный Санкт-Петербургской городской думы, почетный мировой судья Киевской губернии, затем Санкт-Петербургской губернии. На протяжении 20 лет (1878—1898) граф Бобринский был губернским предводителем петербургского дворянства. Граф переизбирался на эту высшую корпоративную должность семь раз, что являлось своеобразным рекордом для Санкт-Петербургской губернии, дворянство которой было весьма неоднородно и в имущественном, и в политическом отношениях.

Новый этап в деятельности графа начался в годы Первой русской революции, когда российское дворянство предприняло меры по созданию Совета объединенного дворянства. В 1906 г. А. А. Бобринский был приглашен к сотрудничеству по подготовке Первого съезда уполномоченных дворянских обществ. Он был избран в политическую комиссию и комиссию по составлению адреса императору Николаю II. Неслучайно на Первом съезде уполномоченных дворянских обществ Бобринский был единогласно избран председателем. Благодаря дворянских депутатов за оказанную честь, он заявил, что это избрание «считает венцом своей службы сословию» [18, с. 44]. С 1906 по 1912 гг. граф неизменно избирался председателем Съездов уполномоченных дворянских обществ, председателем Постоянного Совета объединенного дворянства. В качестве руководителя общедворянской организации он представлял доклады о ее деятельности императору. На съездах он весьма остро полемизировал по общеполитическим вопросам, критиковал деятельность всех политических партий, в том числе и той, к которой сам принадлежал. Выражая интересы поместного дворянства, Бобринский пытался объективно оценивать деятельность П. А. Столыпина на посту премьер-

министра. Однако проекты реформы местного управления, которые стали причиной раздора между Столыпиным и объединенным дворянством, неизменно подвергались с его стороны острой критике.

Как известно, А. А. Бобринский был избран в III Государственную Думу от Киевской губернии. Он проанализировал ход заседаний Государственной Думы за два с половиной года и подготовил доклад «Допущенные в государственном учреждении нападки на общественный строй и дворянство», который представил VI Съезду объединенных дворянских обществ (1910 г.) [19]. В нем он отмечал, что неоднократно на заседаниях Государственной Думы подвергались нелицеприятной критике органы государственной власти, правительство и самодержавие, а прежде всего — главный враг для левых депутатов Думы — объединенное дворянство как «самая реакционная, самая изуверская и ужасная группа населения, старающаяся искать поддержку в наиболее невежественных, наиболее продажных демократических слоях народа» [20, с. 449]. Во второй части доклада он проанализировал «надежды и вожеления наших недругов в будущем» — в первую очередь принудительное отчуждение земли — и призвал съезд обратиться к правительству. Доклад Бобринского был неоднозначно воспринят депутатами съезда. Так, при обсуждении этого вопроса князь П. Л. Ухтомский заявил, что «группа крикунов в Думе способствует дальнейшему развитию национального самосознания» и поэтому дворянству нечего опасаться. Однако большинство депутатов съезда придерживалось несколько иного мнения. Они полагали необходимым обратить внимание правительства на «вредные последствия» этих заявлений для «мирного преуспевания России» [20, с. 491]. В дневнике графа есть запись от 24 ноября 1910 г., в которой отмечается судьба его доклада. Он приводит слова П. А. Столыпина о том, что «моя брошюрка о социалистических эксцессах в Думе доложена им государю и составляет предмет забот правительства» [21, с. 149]. Но реальных результатов «этих забот» он не увидел.

Представители дворянской корпорации высоко оценивали как личность графа Бобринского, так и его деятельность на посту председателя Постоянного Совета объединенного дворянства. В. М. Пурришкевич так отзывался об Алексее Александровиче: «Граф А. А. Бобринский — осторожный политик, тонкий, умный и честный придворный человек» [22, с. 28]. На заседании 9 марта 1912 г. Бобринский категорически отказался от избрания на пост председателя По-

стоянного Совета, сославшись на личные причины, «императивный кризис» [23, с. 432]. Он отказался решительно и бесповоротно, несмотря на многочисленные уговоры со стороны дворянских депутатов.

Анализ дневников А. А. Бобринского и его выступлений на заседаниях съездов объединенного дворянства позволяет сделать вывод о его политических взглядах. Судя по всему, его следует отнести к умеренно консервативному крылу российского дворянства. В дневниках А. А. Бобринского мы находим резкие оценки его окружения. Очевидно, дневнику он доверял те мысли, которые не мог произнести вслух. Так, давая характеристику личности императора Николая II, он неоднократно подчеркивал его нерешительность и замкнутость («Государь остается ничем. Сфинкс», «Государь все видит себя невидимкой») [12, с. 129]. Размышляя о потребности принятия конституции, он приходит к мысли о необходимости введения в России представительного строя для предотвращения революционных событий. В январе 1905 г. во время представления императрице Александре Федоровне он изложил свой проект манифеста, убеждая ее «в неотложной необходимости созыва представителей» [12, с. 129]. Видя нерешительность правительства в проведении реформ, в феврале 1905 г. он записал в дневнике: «...все идет быстрыми шагами к черту, при абсолютном бессилии и апатии правительства». И далее идут записи: «Внутри России плохо. Начались аграрные беспорядки. Жгут заводы, грабят экономии». Характерна запись, свидетельствующая о бессилии имперской власти: «Министерства пасуют; государь пасует; полиция пасует» [21, с. 132]. В апреле 1905 г. Бобринский инициировал создание умеренно-правой московской организации «Отечественный Союз». Граф предпринял попытку баллотироваться в I и II Государственные Думы, но не был избран. В 1907 г. он наконец был избран депутатом III Государственной Думы от Чигиринского уезда Киевской губернии. В Думе был избран товарищем председателя фракции крайне правых и членом комиссий (городской, бюджетной, по народному образованию и средней школе).

Но вместе с тем отметим, что Алексей Александрович считал себя независимым от политических пристрастий. Описывая выборы члена Государственного Совета от Киевской губернии в дневниковых записях за 1910 г., он с негодованием отмечает, что был выбран поляк, в чем виновата «нерешительность Столыпина и полукadetская блажь или октябристская размазня всех наших киевских магнатов... Наконец, виновата и ограниченность и упрямость нашей ма-

ломозглой правой фракции и в Думе и в [Государственном] Совете, много способствовавшей весной провалу закона о земском положении в юго-западном крае» [21, с. 133]. Пытаясь объединить дворянскую элиту, он устраивал в своем доме на Галерной политические рауты, с тем чтобы сблизить крайних правых с националистами и октябристами. Но эти попытки не увенчались успехом. Интересен его юмористический совет для умиротворения России: «...пусть власти отправятся "мандровать", как говорят у нас. Кто в Гамбург, кто в Сибирь» [21, с. 135].

Отметим что граф А. А. Бобринский не только к другим, но и к себе относился достаточно критически. Так, оценивая обед у Столыпина с рядом губернских предводителей, 25 ноября 1910 г. он достаточно едко записал: «Сдается мне, что в предводители избираются очень благонамеренные, но очень глупые люди. Есть, конечно, исключения, но в общем... Я так долго сам был предводителем дворянства, что выше приведенная аксиома наводит меня на нелестные по своему адресу соображения» [21, с. 149].

Оценивая политическую ситуацию в стране, он пророчески отмечал «зарю второй революции», критиковал некомпетентность министров и государственных деятелей, ностальгировал по твердой царской руке времен Александра III. Во время министерского кризиса в марте 1911 г. Бобринский отрицательно отнесся к действиям националистов, создававших культ премьера и переоценивающих личность П. А. Столыпина.

А. А. Бобринский 1 января 1912 г. был назначен членом Государственного Совета. В связи с этим он сложил обязанности депутата III Государственной Думы. Как и в Думе, он вошел в группу правых членов Государственного Совета (с 1915 г. — председатель группы). С 28 января по 8 апреля 1916 г. — председатель Особого совещания, созданного для объединения мероприятий, направленных на укрепление народной трезвости при Министерстве внутренних дел. С 25 марта по 21 июля 1916 г. — товарищ министра внутренних дел, с 21 июля по 14 ноября 1916 г. — министр земледелия, с 14 ноября 1916 г. — обер-гофмейстер Двора.

Алексей Александрович был не только выдающимся государственным и общественным деятелем, но и известным ученым — историком и археологом. Еще в молодости он увлекся археологией и пронес это увлечение через всю жизнь. Немалую роль в этом сыграла его жизнь в родовом имении Смела в Киевской губернии, на об-

ширной территории которого (30 тыс. дес. пахотной земли и 15 тыс. дес. дубовых лесов) находилось множество курганов самых разных эпох. В 1879 г. Бобринский начал раскопки степных курганов на территории своего имения. В течение многих лет им было исследовано 523 кургана и написаны научные работы по археологии, в которых содержатся сведения о результатах многочисленных археологических раскопок [24—28]. В трехтомном труде «Курганы и случайные находки близ местечка Смелы» им была предложена собственная классификация курганных периодов [29]. В 1902 г. этот труд получил большую золотую медаль Русского археологического общества и до сих пор входит в золотой фонд дореволюционной русской археологической литературы. В 1882 г. Бобринский был избран действительным членом русского археологического общества, а затем в 1885—1894 гг. возглавлял его отделение.

Более 30 лет он не только возглавлял Императорскую археологическую комиссию (1886—1917) и являлся членом многих иностранных археологических обществ и архивных комиссий, но и сам активно принимал участие в археологических раскопках в Киевской губернии, Терской области и Крыму, был энтузиастом исследования обрядовых могил (степных украинских пирамид). С его именем связано археологическое исследование Херсонеса Таврического, Ольвии и других археологических памятников. В 1913 г. он принял участие в проводимых Н. И. Веселовским раскопках царского скифского кургана Солоха, где им был обнаружен знаменитый золотой скифский гребень, хранящийся ныне в Особой кладовой Эрмитажа.

Организаторский талант Алексея Александровича позволил упорядочить и расширить деятельность Императорской археологической комиссии. По его инициативе в 1889 г. был принят новый устав комиссии, который устанавливал контроль за ведущимися раскопками и систематизацию артефактов. Комиссия получала исключительное право выдачи разрешений на проведение раскопок на всех казенных, общественных и церковных землях с обязательным предоставлением научного отчета и археологических находок. Но основным направлением деятельности Бобринского стала активизация раскопок, производимых комиссией. Особо следует отметить масштабные исследования в Херсонесе и Ольвии. Председатель комиссии смог вовлечь в орбиту ее деятельности многих ученых, живших не только в Петербурге. В 1888 г. он получил право «избирать из числа лиц, известных ему научными трудами по археологии, в зва-

ние сверхштатных членов Комиссии и членов-корреспондентов» [30, с. 95—116]. В результате членами Археологической комиссии стали Д. Я. Самоквасов, А. Л. Бертъе-Делагард, В. Б. Антонович, Ю. А. Кулаковский и др. Нельзя не отметить и постоянную заботу графа о расширении штатов и увеличении жалованья членам комиссии. В 1890-е гг. при Археологической комиссии был организован Реставрационный отдел, отвечающий за экспедиции, занимавшиеся регистрацией, обмерами и изготовлением чертежей памятников архитектуры.

Согласно новому уставу, на комиссию возлагался также надзор за охраной и реставрацией памятников древности. Для предотвращения разрушения памятника древнерусского зодчества — церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода — Бобринский добился личной аудиенции у императора Николая II. Им также был предложен комплекс мер по охране древнего Херсонеса. В 1901 г. он учредил «Известия Императорской Археологической комиссии», в которых вел библиографический отдел. Всего было опубликовано 66 томов «Известий...» Издательская деятельность Археологической комиссии при Бобринском была расширена до издания монографических исследований. В серии «Материалы по археологии России» вышел ряд замечательных публикаций А. С. Лаппо-Данилевского, В. В. Радлова, Н. П. Кондакова и многих других ученых.

А. А. Бобринский собрал уникальную коллекцию старинной бронзы. Часть своих обширных археологических и антропологических коллекций он передал Московскому обществу естествознания, антропологии и этнографии, Музею на Волхонке (Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) и Киевскому музею древностей. Среди этих предметов были уникальный акинак (скифский меч) и 18 скифских зеркал.

Ко всем своим обязанностям он относился очень ответственно. Так, на посту вице-президента Императорской академии художеств (1889—1890) им были обнаружены серьезные финансовые нарушения и значительные недостатки, что привело к столкновениям с президентом академии великим князем Владимиром Александровичем и вынужденной отставке.

Бобринский был председателем императорского Русского музыкального общества, в 1894—1895 гг. председателем отделения Вольного экономического общества, в 1893—1896 гг. занимал различные должности в ведомстве сиротских заведений императрицы Марии

Федоровны. Кроме того, граф был почетным опекуном Петербургского опекунского присутствия, членом Совета императорского человеколюбивого общества. Он входил в комитет по организации Исторического музея в Москве, являлся вице-президентом комитета по устройству Музея изящных искусств (ныне ГМИИ имени А. С. Пушкина).

Граф Бобринский также был известен как поэт и драматург. Свои произведения он публиковал под псевдонимом «граф А. А. Самойлов». Стихи, комедии и рассказы он сочинял с юности, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архиве тетради [11, д. 3—39, 42]. К 1913 г. он написал большую историческую драму в стихах, приуроченную к 300—летию дома Романовых [31]. Зачастую стихи его носили сатирический характер:

Государственный Совет — интересный винегрет:
Мало ягод незрелых, больше старцев переспелых
Да десятка два вождей из министров прежних дней.
Заседаем очень пышно, сзади ничего не слышно,
И бюджет плетем спеша лишь шесть месяцев спустя [16, с. 492].

В конце января 1917 г. на частном совещании высокопоставленных чиновников и представителей генералитета обсуждался вопрос о возможных беспорядках в Петрограде. Бобринский настаивал на возвращении с фронта некоторых частей старой гвардии, однако это предложение не было поддержано [16, с. 520—521]. Весну и лето 1917 г. он провел в Кисловодске, где даже принял участие в археологических раскопках. В ноябре 1917 г. он возвратился в столицу. Здесь граф участвовал в передаче частных собраний и архитектурных памятников, в том числе и собственных, под государственную охрану. Он пытался наладить взаимодействие с новой властью, выполнял обязанности председателя Российской государственной археологической комиссии. Получив официальную командировку на юг России, 20 июля 1918 г. он уехал в Киев, где возглавил Совет монархического блока. В 1918—1919 гг. был членом Совета государственного объединения России. Весной 1920 г. переехал в Константинополь, в 1921 г. переехал во Францию. Жил в Ницце, являлся вице-председателем церковного совета русской общины. Похоронен на кладбище Кокад в Ницце.

Граф А. А. Бобринский был женат (с 1883 г.) на Надежде Александровне Половцовой (1865—1920), дочери государственного секретаря, сенатора, члена Государственного Совета, председателя им-

ператорского Русского исторического общества, действительного тайного советника А. А. Половцова. В этом браке родилось 5 детей: Екатерина (1883—1954), Надежда (1884—1896), Домна (1886—1956), Софья (1887—1949) и Алексей (1893—1971). Второй раз граф женился в 1920 г. на Раисе Петровне Новиковой, от этого брака родился сын Николай, художник-декоратор, реставратор, живописец, общественный деятель (1921—2006). Бобринский был кавалером многих российских орденов, в том числе Александра Невского с бриллиантами, кавалером французского ордена Почетного легиона, черногорского ордена князя Даниила.

Граф Бобринский владел большой библиотекой. Изначально она насчитывала 13 000 томов и состояла из справочников, французских изданий XVIII в., библиографических изданий, беллетристики, книг по истории, прикладному искусству. После 1917 г. библиотека поступила в «Музей быта», созданный в особняке бывшего владельца. В 1920 г. 1200 книг были переданы в Библиотеку Румянцевского музея. Также 80 справочников и книг по библиографии поступили в Госиздат, остальные книги — в Русский музей и Эрмитаж. Часть книг была передана в Государственный исторический музей, откуда и поступила в Государственную публичную историческую библиотеку. В 1920 г. часть библиотеки была приобретена профессором А. С. Башкировым для Самарского университета. После его закрытия 349 книг из собрания А. А. Бобринского хранятся в Отделе редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки. Этой части коллекции придан статус федеральной, она включена в Общероссийский свод книжных памятников [32, с. 188]. Большинство книг из коллекции Бобринского, представленных в Самарской областной универсальной научной библиотеке, — это исторические и этнографические произведения (330 наименований), в том числе материалы археологических съездов, 13 книг по искусству, а также «История русского права» Д. Я. Самоквасова в 2 книгах. Коллекция включает книги, альбомы, брошюры по истории и археологии на русском и иностранных европейских языках второй половины XIX — начала XX в.

Подведем итоги. В жизни и деятельности видного государственного и общественного деятеля Российской империи графа А. А. Бобринского условно можно выделить три периода. Первый период — с 1873 г. до конца XIX в. В эти годы он прошел путь от коллежского

регистратора до сенатора, члена Особого совещания при Государственном Совете для предварительного рассмотрения жалоб на определения Сената. Одновременно он принимает активное участие в деятельности дворянских корпоративных организаций, и в органах местного самоуправления — городских думах и земских учреждениях. Среди многообразия государственных и общественных обязанностей графа Бобринского следует особо выделить его активное участие в изучении археологических памятников, а также в деятельности Императорской археологической комиссии, которую он возглавлял с 1886 по 1917 г.

Во время второго этапа — 1900—1912 гг. — государственная и общественная деятельность графа А. А. Бобринского наполняется новым содержанием. В период Первой русской революции он становится признанным лидером российского дворянства, его избирают председателем Совета объединенного дворянства, депутатом III Государственной Думы. Но работа в Думе и его активное участие в качестве председателя съездов объединенного дворянства не принесла желаемых результатов, а его попытки консолидировать элиту российского дворянства во время проводимых им дома политических раутов оказались эфемерными.

Во время третьего этапа (1912—1917) он участвует в работе Государственного Совета, а в период Первой мировой войны становится членом Особого совещания; в 1916 г. его назначают министром земледелия. В начале XX в. он был одним из тех представителей российской элиты, кто пророчески предчувствовал грядущую революционную смуту в России.

Список источников и литературы

1. *Кирьянов Ю.* Бобринский Алексей Александрович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.
2. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004.
3. *Степанов А.* Бобринский Алексей Александрович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003.
4. *Рудаков В. Е.* Археологическая деятельность гр. А. А. Бобринского (По поводу 25-летия его председательствования в Императорской Археологической комиссии) // Исторический вестник. 1911. № 3.

5. *Петрова М. В.* Из прошлого рода графов Бобринских // Вопросы истории. 1993. № 5.
6. *Тихонов И. Л.* Последний председатель императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2003.
7. *Тихонов И. Л.* Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог. Граф А. А. Бобринский // Знаменитые университеты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1.
8. *Митрофанов В. В.* О сотрудничестве А. А. Бобринского и С. Ф. Платонова в рамках научно-археологических обществ // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М. ; СПб. ; Великий Новгород, 2011. Т. 2.
9. *Смирнов А. С.* Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть // Проблемы истории, филологии и культуры. 2015. № 2 (48).
10. *Тихонов И. Л.* Археологи Петрограда в годы Революции и Гражданской войны // Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2017. № 4.
11. *Российский* государственный исторический архив. Ф. 899. Оп. 1.
12. *Мурзанова М.* Дневник А. А. Бобринского (1910—1911) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26).
13. *Мурзанова М.* Воспоминания А. А. Бобринского // Каторга и ссылка. 1931. № 3.
14. *Научный* архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 11, 25.
15. *Российский* государственный архив древних актов.
16. *Бобринской А. А.* Граф Алексей Александрович Бобринский (1852—1927). Сын об отце // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. IV.
17. *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря : в 2 т. М., 2005. Т. 2.
18. *Объединенное* дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 1.
19. *Доклад* Алексея Александровича Бобринского в заседании 17 марта 1910 года VI Съезда уполномоченных объединений дворянских обществ. СПб., 1910.
20. *Объединенное* дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 1.
21. *Дневник* А. А. Бобринского (1910—1911) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26).
22. *Пуришкевич В. М.* Дневник члена Государственной Думы В. М. Пуришкевича. Рига, 1924.
23. *Объединенное* дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906—1916 гг. : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 2.
24. *Бобринский А. А.* Херсонес Таврический. СПб., 1905.
25. *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного. СПб., 1898.

26. *Бобринский А. А.* Зеравшанские горы и верховья Аму-Дарьи. М., 1899.
27. *Бобринский А. А.* Киевские миниатюры XI в. СПб., 1902.
28. *Бобринский А. А.* Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.
29. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы : в 3 т. СПб., 1887—1901.
30. *Тихонов И. Л.* Последний председатель императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2003.
31. *Самойлов А. А., граф.* Филарет Никитич. Историческая драма в 5 действиях. СПб., 1913.
32. *Самарская* областная универсальная научная библиотека : энциклопедия. Самара, 2014.

**Социальные конфликты в тамбовской деревне
в годы столыпинских преобразований:
некоторые итоги изучения крестьянского сопротивления**

Раскрываются отдельные результаты работы с электронной базой данных «Бунт», составленной на местных архивных материалах для исследования разных параметров крестьянского противодействия в ходе столыпинских реформ.

The article reveals some results of work with the electronic database «Bunt», compiled on local archival materials for the study of different parameters of peasant counteraction in the course of Stolypin reforms.

Ключевые слова: крестьяне, отрубники, социальный протест, столыпинское землеустройство, Тамбовская губерния, электронная база данных.

Keywords: peasants, otrubniki, social protest, Stolypin's land management, Tambov province, electronic database.

Проблемы взаимодействия государства и крестьянства традиционно привлекали исследователей истории позднеимперской России. Отношение крестьянского социума к «революции сверху» [1] проявляло себя как в бунтарстве деревни, так и в разных формах сотрудничества с властными органами.

Найденные в провинциальных архивохранилищах документальные свидетельства о сопротивлении тамбовских землепашцев столыпинской модернизации составили ядро электронной базы «Бунт». Предварительный разбор данных по 16 показателям позволил выявить географию [2, с. 225—229], мотивы [3, с. 64—70] и объекты противодействия [4, с. 107—111], раскрыть требования тамбовских крестьян [5, с. 18—22], выступивших против землеустроительного проекта правительства, обозначить масштабы репрессий губернской

администрации [6, с. 316—320] в защиту столыпинского законодательства. Продолжая изучение социальных конфликтов в Тамбовской губернии в связи с реформированием деревни, обратимся к освещению их динамики и форм, состава участников и, наконец, результативности крестьянских выступлений.

Едва содержание указа 9 ноября 1906 г. стало достоянием тамбовских сел и деревень, последовал ответ общины, еще не отошедшей от революционных аграрно-распределительных иллюзий. Предпринятое ВЭО в 1907 г. исследование аграрного движения эпохи Первой русской революции затронуло и тему восприятия сельскими сходами нового законодательного акта, ставшего правовой основой столыпинской реформы.

Корреспондент из Козловского уезда сообщал: «...не дают приговоров о выделе, и на случай вмешательства земского начальника, подчиняясь его давлению, намечают для выдела самую дальнюю, худшую землю». Корреспонденты же из Усманского уезда писали, что выход из общины считают «невозможным и ни под каким видом не позволяют никому» [7, с. 85]. Те крестьяне, кому общество отказывало или в течение месяца не составляло приговор, обращались к земским начальникам, которые своей властью укрепляли наделы желяющих.

В дальнейшем в земледельческой Тамбовской губернии власти столкнулись с разнообразными проявлениями протеста сельского социума (табл.). На первые 5 лет столыпинской реформы пришлась большая часть крестьянских волнений. Рекордное количество разного рода акций в 1908 г. было связано с работой эсеровских организаций в тамбовской деревне. Из 31 крестьянского братства, функционировавшего на территории губернии, в Тамбовском уезде насчитывалось 12, в Козловском и Кирсановском уездах — по 6 братств, в Борисоглебском — 7 [8, с. 238].

Для приостановки выделов из общины эсерами предлагались следующие меры: совершенствование общинных распорядков в целях большей их справедливости и согласованности с требованиями хозяйственного прогресса (переделы, правильная разверстка платежей, уменьшение чересполосицы и т. п.); пресечение выделов путем общественных приговоров; бойкот кулаков, пожелавших выделиться из общины; соглашения с переселенцами и пролетаризированными элементами деревни, решившими расстаться с наделами на условиях выдачи им пособий [9, с. 171—172].

**Динамика крестьянских выступлений
против столыпинской аграрной реформы в Тамбовской губернии**

Уезд	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	Всего
Борисоглебский	1	1	—	1	7	1	1	4	12	28
Елатомский	2	—	1	—	—	—	—	—	—	3
Кирсановский	2	7	1	—	1	2	—	3	1	17
Козловский	—	3	1	2	1	-	—	1	—	8
Лебединский	—	—	—	2	—	1	—	—	—	3
Липецкий	—	1	2	1	—	—	—	—	—	4
Моршанский	—	3	1	3	1	—	—	—	1	9
Спасский	—	—	1	-	—	—	—	—	—	1
Тамбовский	2	1	3	2	1	—	1	—	—	10
Темниковский	—	2	—	1	—	—	1	—	—	4
Усманский	—	2	1	1	—	—	—	—	—	4
Шацкий	—	1	1	1	—	—	—	—	—	3
<i>Всего</i>	7	21	12	14	11	4	3	8	14	94

Источник: [6].

Разгром эсеровских организаций Тамбовской губернии с августа 1908 г. по август 1909 г. [8, с. 270] понизил уровень организованности в крестьянских выступлениях, но не избавил от стихийных волнений в последующие годы. Уже после смерти П.А. Столыпина наблюдается затухание протеста тамбовской деревни против имперской аграрной политики.

Первая мировая война реанимировала соперничество поборников и противников переустройства устоев крестьянской жизни. По мнению О.С. Поршневой, обостренная реакция крестьян на выделение из общины в период войны была следствием возросшей внутриобщинной консолидации на базе традиционных принципов совместного выживания [10, с. 102].

Важным критерием характеристики аграрного движения является количественная составляющая протеста. При распределении событий в расчет принималось число участников конфликта со стороны крестьян. Для получения наглядной картины борьбы крестьян с перестройкой правительством Столыпина аграрных отношений сле-

дует принимать во внимание и массовые, и групповые, и индивидуальные акции, получившие официальную оценку властей. При разработке данных использовалось предложение Н.М. Дружинина и А.М. Анфимова «к массовым относить выступления... с числом участников 10 и более человек» [11, с. 142]. Если число крестьян не превышало 9, то их выступление признавалось групповым. Действия одиночек оценивались как индивидуальные акции, если власти приняли карательные меры к их участникам.

Даже в «умиротворенной» Тамбовской губернии властям приходилось порой использовать вооруженную силу как последний аргумент для подавления крестьянских выступлений, вызванных межевыми работами. Только привлечение стражников позволило прекратить волнения в с. Волоотово Лебедянского уезда в 1910 г., в с. Братки и Моисеевская Алабушка Борисоглебского уезда в 1911 г. [12, ф. 102, 4 д-во, 1911, д. 72, ч. 1, л. 1, 23]. Частое привлечение стражников для «усмирения» крестьян в процессе межевых работ было отмечено в 1912 г. тамбовским губернатором Н.Ф. Ошаниным [13, ф. 4, оп. 1, д. 7659, л. 487].

В 1915 г. прокатилась волна беспорядков в Борисоглебском уезде. Слухи о весенних волнениях против землеустроительных работ быстро распространились в соседних селах, деревнях и были «приняты общинниками сочувственно» [13, ф. 4, оп. 1, д. 9108, л. 14]. События 1915 г. в Тамбовской губернии по своему размаху, количеству участников и непримиримости сторон были частью общероссийского крестьянского движения, направленного против аграрных преобразований в условиях войны [14, с. 360; 15, с. 393].

Сторонникам столыпинских преобразований в деревне оказывали «стеснение во всем», при удобном случае избивали, не пускали в общественное стадо скот «новых собственников» [13, ф. 4, оп. 1, д. 6738, л. 68]. Отрубники с. Коноплянки Кирсановского уезда в 1915 г. пожаловались на Юрьевское общество: «...их скотину в свое стадо не принимает, а свою скотину пускают по их всходам» [13, ф. 44, оп. 1, д. 20, л. 336]. Широкое распространение получили поджоги крестьянами хозяйственных построек хуторян и отрубников. Уничтожая имущество, постройки, скот, орудия труда, поджигатели подрывали базу эффективного хозяйствования для сторонников участкового землевладения.

К сожалению, источники не дают возможности провести статистический анализ, поскольку полицейские сводки и донесения не

всегда содержат данные о причинах пожаров, положении и количестве пострадавших земледельцев. Считать, что пожары были направлены только против отрубников и хуторян, на наш взгляд, было бы большим преувеличением. Но при этом необходимо учитывать, что «умышленное причинение пожара» издавна было распространенным способом не только для завершения межличностных, но и внутриобщинных столкновений в крестьянской среде.

Пожары в 1905—1906 гг., когда из-за острой вражды между крестьянами и помещиками нередко горели дворянские усадьбы, случались и в период столыпинского землеустройства. Этот способ разрешения противоречий был привнесен в отношения между представителями власти — землеустроителями, землемерами и отрубниками — с одной стороны и крестьянскими общинами с другой. За пожарами в столыпинской деревне, как правило, стояла община, члены которой не надеялись в судебном порядке остановить «утечку» надельных земель.

Стремясь задержать землеустроительный процесс, крестьяне старались отомстить отрубникам, пошедшим наперекор воле сельского мира. Так, в с. Подгорном Козловского уезда весной 1910 г. поджоги и нескрываемые угрозы терроризировали отрубников, которым открыто говорили: «Если кто будет укреплять землю, то того будут избивать и жечь» [13, ф. 4, оп. 1, д. 7181, л. 277]. Даже арест двух крестьян, подозреваемых в поджогах, не остановил «вражду собственников с общиной» [13, ф. 4, оп. 1, д. 7535, л. 125].

В мае 1910 г. крестьянин с. Питим Моршанского уезда С. Е. Евсеев настраивал односельчан против тех, кто пытался укрепить надельную землю. По его мнению, таких следует «жечь и исключить из общества, якобы за порочное поведение, хотя бы пришлось расходов по 4 руб. на душу» [13, ф. 4, оп. 1, д. 7535, л. 164].

Реформирование аграрных отношений провоцировало возобновление многих застарелых конфликтов и способствовало появлению новых. Теперь внутриобщинный раскол означал соперничество общинников и укрепленцев, сторонников выхода на отруба и его противников, желавших продать надел «на сторону» и заинтересованных в прежнем порядке землепользования. Противоборствующими сторонами оказались общинники и «новые собственники», опиравшиеся на поддержку государственных органов. Земские начальники, землеустроители и полицейские чиновники, покровительствуя от-

рубникам и хуторянам, становились на их защиту, поэтому споры в сельском обществе переставали быть внутренним делом общины и трансформировались в конфликт общины и государства.

Переход целого крестьянского общества к участковому землевладению был затруднен не только из-за финансовых сложностей, отсутствия современных агрокультурных знаний, но и из-за особенностей правовой базы реформы. Добиться необходимого по закону квалифицированного большинства в многочленных крестьянских общинах было сложно. К тому же вступали в силу имевшиеся разногласия между «стариками» и «молодыми», противоречия между зажиточной и беднейшей группами общества, недоверие между сельскими должностными лицами и крестьянской массой и пр.

Наиболее болезненными для крестьян в ходе реформы были сокращение общинного земельного фонда и прекращение действия земельно-распределительного механизма. Для традиционного общества с его моральной экономикой выживания [16, с. 130] потеря даже части надельного клина представляла угрозу безопасному существованию общины и при неблагоприятных погодных условиях могла обернуться голодом.

В крестьянской среде негативно было воспринято индивидуальное землеустройство на надельных землях, которое действительно нарушало интересы общинников, поскольку было сопряжено с передвижкой полос, потерей наиболее плодородных и удобно расположенных земель, утратой лугов и пастбищ и т. д. Словом, проведение землеустроительных работ в тамбовской деревне часто наносило вред интересам как всего крестьянского общества, так и его отдельных членов.

По сути дела, правительство сознательно жертвовало частью сельского населения в пользу меньшинства — хуторян и отрубников. Неудивительно, что крестьяне, пользовавшиеся поддержкой властей, встречали враждебное отношение со стороны односельчан. Община использовала разные приемы и средства самообороны в стремлении восстановить утраченные позиции, повернуть вспять или хотя бы задержать процесс реформирования. Борьба из-за выдела отрубных участков отдельным домохозяевам чаще всего протекала в латентной форме.

С началом Первой мировой войны крестьяне Глуховской волости Кирсановского уезда заняли крайне враждебную позицию по отношению к отрубникам. Дело в том, что надельная земля Глухов-

ского общества, заложенная и отошедшая за долги Крестьянскому банку, была с началом столыпинской реформы разбита на участки и продана выходцам из разных губерний и уездов. Глуховский крестьянин С. Ф. Закошиков, один из главных подстрекателей крестьян, считал, что настал теперь самый удобный момент расправляться с отрубщиками. Враждебные действия общинников вынудили «чужаков» установить ночные караулы. Мобилизация в армию многих отрубников и землеустроителей, сокращение финансирования сопровождались торможением, а в некоторых случаях — прекращением землеустроительных работ.

Длительная вражда между сторонниками и противниками реформы в с. Малые Алабухи Борисоглебского уезда в 1915 г. спровоцировала столкновение солдаток с земским начальником [17, с. 248]. Тамбовский губернатор А. А. Салтыков, понимая, что закончить землеустройство в беспокойном селе было возможно «лишь с помощью вооруженной силы», приостановил здесь межевые работы до окончания военных действий [13, ф. 41, оп. 6, д. 46, л. 60].

Выборочное изучение общинных бланков переписи 1917 г. показало, что после Февральской революции скрытое от посторонних глаз противостояние отрубников и общинников в тамбовской деревне переходило в стадию активных действий общины против «новых помещиков». Об этом свидетельствуют многочисленные факты неприязненных и даже враждебных отношений между общинниками и отрубниками. Они были зафиксированы в Борисоглебском [13, ф. 143, оп. 4, д. 17246, л. 6; д. 17247, л. 16; д. 17250, л. 26], Кирсановском [13, ф. 143, оп. 4, д. 17384, л. 6; д. 17410, л. 6, 8; д. 17419, л. 38, 60, 158], Моршанском [13, ф. 143, оп. 4, д. 17737, л. 7; д. 17739, л. 29, 49, 97; д. 17744, л. 85; д. 17746, л. 7, 39, 50, 61; д. 17759, л. 6] и Тамбовском [13, ф. 143, оп. 4, д. 17877, л. 16; д. 17908, л. 91] уездах.

Результаты переписи 1917 г. дают возможность расширить круг селений, где из-за аграрной реформы внутри общин возникали острые противоречия.

Уже через месяц после падения самодержавия козловский землеустроитель Л. А. Зборжевский писал тамбовскому губернскому комиссару Ю. В. Давыдову о «неуклонном внедрении в крестьянские массы убеждения, что частная собственность, к каковой относятся также хуторские и отрубные участки, подлежит общественной запашке» [13, ф. 41, оп. 14, д. 13, л. 56]. Не прошло и полгода, как при поддержке Козловского земельного комитета в августе 1917 г. гражд-

дане с. Малые и Средние Пупки приняли приговоры об изъятии 1200 дес. земли у «новых помещиков». В результате 80 хуторян Мало-Пуповской волости были «совершенно разорены черным переделом» [13, ф. 2, оп. 142, д. 538, л. 259; 18, с. 212].

Сентябрьские аграрные беспорядки в Козловском уезде охватили 14 волостей. Были сожжены, разгромлены и разграблены 54 усадьбы и хутора. Среди пострадавших более трети были «крестьяне, хуторяне, отрубники, мелкие собственники» [19, с. 243]. В следующем месяце губернский комиссар К. Н. Шатов получил из Козловского уезда новые известия о столкновениях столыпинских «новых помещиков» с крестьянами с. Стежки, которые: «громят отрубщиков, не поджигая» [19, с. 247].

В условиях резкого ослабления авторитета власти в революционной России и фактического разрушения полицейской системы в Тамбовской губернии местных единоличников заставляли вернуть в общину укрепленные наделы, а пришлых — покидать уже обустроенные участки. Резолюция, принятая 3 ноября 1917 г. Канинским сельским комитетом Борисоглебского уезда, весьма показательна в этом смысле: «Если эти отрубники или хуторяне нашей волости, то они пользуются трудовой нормой земли, а если отрубники или хуторяне, проживающие не нашей волости — тоже не должны пользоваться в нашей волости землею, а пусть отправляются в свою волость» [13, ф. Р-946, оп. 1, д. 31, л. 26].

На всем протяжении столыпинского реформирования тамбовской деревни внутриобщинные столкновения, вызванные применением законов 1906—1911 гг., происходили регулярно. В противостоянии со своими противниками крестьяне-общинники использовали обширный арсенал мирных и насильственных средств разрешения конфликтов, то оставаясь в правовом поле, то выходя за его рамки. В результате возникала патовая ситуация, когда ни одна из противоборствующих сторон не могла одержать полную победу. Объявление мобилизации для войны со странами Тройственного союза стало сигналом для сельских обществ о возможном пересмотре правительственного варианта решения аграрного вопроса.

С падением самодержавия и после решения Временного правительства о ликвидации землеустроительных комиссий вопрос о завершении столыпинской реформы был закрыт окончательно. В 1917 г. в Тамбовской губернии пошел процесс возвращения отрубков под контроль сельских обществ, что стало приговором для последней в

истории Российской империи аграрной реформы. Без поддержки власти хуторяне и отрубники превратились в социальных пасынков, оказавшись беззащитными перед натиском общинников. Еще до установления Советской власти в Тамбовской губернии местное население явочным порядком вводило уравнилельно-распределительный механизм, исполняя мечту нескольких крестьянских поколений о переходе в руки общин земель независимо от сословной принадлежности их прежних владельцев.

Список источников и литературы

1. *Эйдельман Н. Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
2. *Токарев Н. В.* Социальные конфликты в тамбовской деревне в условиях столыпинского землеустройства: опыт создания электронной базы данных // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сб. ст. Коломна, 2013.
3. *Токарев Н. В.* От революции до революции: мотивы и объекты крестьянских выступлений против столыпинской аграрной реформы в Тамбовской губернии // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений : матер. междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2015.
4. *Токарев Н. В.* Социальные конфликты в тамбовской деревне в период столыпинских преобразований: объекты крестьянского сопротивления // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сб. ст. Коломна, 2015.
5. *Токарев Н. В.* Протестные требования сельского населения Тамбовской губернии в период столыпинских преобразований // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений : матер. III междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2016.
6. *Токарев Н. В.* Репрессивная практика губернской администрации при проведении столыпинских преобразований в тамбовской деревне // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы : сб. ст. Оренбург, 2014.
7. *Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.* Обзоры по районам Б. Б. Веселовского, В. С. Голубева, В. Г. Громана и др. СПб., 1908. Ч. 1.
8. *Салтык Г. А.* Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901—1923 гг. М., 2002.
9. *История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева.* М., 1994.
10. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
11. *Анфимов А. М.* О методике учета крестьянских выступлений и количестве участников в них // Социально-экономическое развитие России : сб. ст. М., 1986.

12. Государственный архив Российской Федерации.
13. Государственный архив Тамбовской области.
14. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962.
15. Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). М., 2000.
16. Никулин А. М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2003. № 1 (4).
17. Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г. М. ; Л., 1965.
18. Крестьянское движение в 1917 году. М. ; Л., 1927.
19. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917—1918): Документы и материалы. М., 2003.

**Аграрная миграция крестьянства Центральной России
в конце XIX — начале XX века
(по материалам Орловской губернии)**

На основании широкого архивного материала подробно изучена аграрная миграция крестьянства Орловской губернии, в том числе из Елецкого уезда, в период столыпинских преобразований. Рассматриваются факторы, влиявшие на процесс переселения, и дается характеристика мест вселения. Учеными информационные возможности источников, позволивших характеризовать миграционные процессы не просто как механическое движение населения, но и как социально-демографическое явление.

The article studies in detail the agrarian migration of Orlov province peasants in the late-imperial period of Stolypin reforms on the basis of vast archives materials. The article deals with the factors affecting the process of migration and gives characteristics of installation places. The article dwells upon the informational possibilities of the sources, which allowed to characterize migration processes as not only the population mechanical movement, but also as a social and demographic phenomenon

Ключевые слова: аграрная миграция, крестьянство, Российская империя, Орловская губерния, Елецкий уезд, столыпинская реформа.

Keywords: agrarian migration, peasantry, Russian empire, Orlov province, Yelets region, stolypin reform.

Миграции являются естественной частью демографического поведения населения. В их основе лежит стремление человека к освоению новых территорий, как правило, с лучшими условиями проживания. Одной из наиболее массовых является аграрная миграция. Она присуща традиционным обществам или только переходящим в

индустриальную стадию развития. Модернизация России на рубеже XIX—XX вв. не могла обойти стороной сельское хозяйство и занятое в нем крестьянство [1, с. 6—15].

Российская империя, обладая гигантскими сухопутными пространствами, на протяжении столетий не испытывала серьезных проблем с расселением растущего населения. Колонизация Центрально-Черноземного, а затем Южного регионов и степных просторов Новороссии была планомерным процессом, регулируемым со стороны государства. Эти внутренние области империи отличались приемлемыми природно-климатическими условиями для развития земледелия, но их земельный фонд к началу XX в. в значительной степени был исчерпан, в то время как потребность в переселении только увеличивалась. Сибирские и дальневосточные земли заселялись очень медленно из-за их удаленности от Европейской части России и неблагоприятных природно-климатических условий для земледелия. Исключением была довольно узкая полоса, тянувшаяся от Южного Урала до Приморья.

Долгое время в отечественной историографии изучение переселенческого движения, в том числе в рамках столыпинских преобразований, в большей степени осуществлялось на общероссийском уровне, реже на примере отдельных регионов [2, с. 86—95; 3, с. 303—309; 4, с. 38—42; 5; 6, с. 21—29]. В современной российской исторической науке наметился рост числа исследований отдельных явлений в аграрной миграции, появились работы по регионам [7; 8, с. 3—27; 9, с. 157—177; 10, с. 155—165]. Заметно преобладание исследований сибирских регионов как мест вселения мигрантов из Европейской части России [11; 12; 13, с. 1386—1394]. Интерес к этой тематике замечен и в работах зарубежных историков [14, с. 116—135].

В Государственном архиве Орловской области (ГАОО) находятся разнообразные документы по истории аграрного переселения из бывшей Орловской губернии. В ряде фондов содержится переписка уездных землеустроительных комиссий с губернской о распределении душевых долей для крестьян-переселенцев в сибирских губерниях и областях, орловского губернского управления земледелием и землеустройством с заведующим переселенческим делом в Енисейской губернии, Забайкальской, Амурской и Приморской областях. Некоторые документы содержат статистические данные по годам о числе переселившихся крестьян в Сибирь из различных уездов губернии. Основной массив документов в фондах уездных землеустро-

ительных комиссий представлен прошениями крестьян в канцелярию орловского губернатора о бесплатном проезде по железной дороге до места будущего проживания, материалами делопроизводства волостных правлений и земских начальников.

Главной причиной аграрного переселения из Центрально-Черноземного региона на восток являлось так называемое крестьянское малоземелье, а если быть точнее, малопродуктивное сельское хозяйство из-за устаревшей модели пользования землей (общинная чересполосица) и способов ее обработки (трехполье, ручной труд) [15; 16, р. 23—28]. На рубеже XIX—XX вв. уровень распашки территории Елецкого уезда приблизился к критическому уровню и достиг 82%. В лесных уездах Орловской губернии этот показатель был существенно ниже, но низкое плодородие земли, обилие лесов с болотистыми участками не позволяли существенно расширить площадь пашни, что также вело к обострению земельного вопроса.

За 1877—1905 гг. у бывших владельческих крестьян Орловской губернии размер земельного надела сократился в среднем с 8,3 до 5,9 дес., у бывших государственных — с 11,6 до 8,3 дес. При этом ухудшилось плодородие земли, развивалась эрозия почвы.

Демографический бум начала XX в. усложнял непростое социально-экономическое положение сельского населения. Для Орловской губернии, одной из наиболее густонаселенных аграрных областей (49,5 человек на кв. версту) с ее 2 млн жителей, естественный прирост населения ежегодно составлял от 35 до 45 тыс. человек [17, с. 50—60]. В Елецком уезде плотность населения достигала 64 чел. на кв. версту, а количество обрабатываемой земли не превышало 1,2 дес. на душу. Таким образом, высокие темпы роста населения в сочетании с устаревшими способами хозяйствования вели к социально-экономическому кризису в аграрном центре страны [18, р. 271—287; 19, с. 115—128].

Традиционным для российской внутриэкономической стратегии выходом из сложившейся ситуации была внутренняя колонизация слабозаселенных территорий. Но к 1890-м гг. практически весь свободный земельный фонд, кроме азиатских пространств Сибири и Дальнего Востока, во многом был исчерпан. Переселение в Сибирь долгое время было осложнено отсутствием железнодорожных путей сообщения, дороговизной самого переезда, сложностями в обустройстве крестьянского хозяйства в условиях сурового климата, отсутствием рынков сбыта продукции и т. д.

Зажиточная и средняя прослойка земледельцев явно не торопилась в освоении новых территорий, а наиболее бедная часть сельского социума не могла себе этого позволить по финансовым соображениям. Но ряд неурожайных и голодных лет, особенно 1891—1892 гг., вынудил крестьян изменить свою точку зрения, и со второй половины 1890-х гг. с территории Елецкого уезда Орловской губернии начался растущий отъезд крестьян на свободные земли Южного Зауралья и Западной Сибири.

Переселение крестьян, ставшее популярным на рубеже XIX—XX вв., вызывало беспокойство местных чиновников, поскольку законом предписывался переезд на средства земледельцев. Так, в 1898 г. в Ливенском уездном земском собрании гласным Н. П. Ефановым было предложено ходатайствовать перед правительством о переселении в Сибирь малоземельных крестьян. Он сообщил, что в течение нескольких последних лет из Хмелевской волости, в которой он состоял старшиной, в сибирские губернии переселилось более 10 семейств. Еще больше людей отправилось туда осматривать земли для переселения. Это были крестьяне среднего достатка, хорошие хозяева. «При усиленном переселении таких крестьян, — считал Ефанов, — может случиться, что в обществе останутся только бедняки и зажиточные сельские богачи. И те и другие являются злом... богатый крестьянин всеми способами опутывает бедного, истощая у него последние соки, а бедняк, обремененный семьею и закабаленный богачом, не в состоянии вести свое хозяйство, в конце концов, становится тунеядцем и пьяницей» [20, ф. 525, оп. 1, д. 143, л. 18]. Ливенское уездное собрание оставило поднятый вопрос открытым.

К началу XX в. кризис в крестьянском хозяйстве губернии стал хроническим. Недаром в общем обзоре положения сельского хозяйства в Ливенском уезде за 1901 г. было отмечено, что «никаких улучшений в крестьянском хозяйстве не происходит, а отдельные успехи у частных владельцев довольно редки. Население уезда по сравнению с предыдущими годами становится беднее, и его платежеспособное состояние и экономическое развитие подорвано... Не успев окрепнуть после голодовок 1890-х гг., крестьяне вновь разорены» [20, ф. 580, ст. 2, д. 2847, л. 8]. Подобная картина была характерна не только для всей территории губернии, но и большей части Центрального Черноземья, о чем, в частности, говорил А. В. Чаянов [21, с. 166].

Аграрное движение в годы Первой русской революции захлестнуло центральные регионы России, в том числе Орловскую губернию. Крестьянство требовало земли, снижения арендной платы за частновладельческие угодья и т. д. Уже весной 1906 г. в рамках столыпинских преобразований была запущена государственная программа переселения сельских жителей в слабозаселенные регионы Сибири и Дальнего Востока.

Число желающих переселиться за пределы губернии оказалось большим, чем предполагалось. В начале 1907 г. Орловская губернская землеустроительная комиссия совместно с уездными комиссиями занялась установлением общей однообразной нормы количества земли у крестьян Орловской губернии с целью выяснения реальной ситуации с наиболее нуждавшимися в переселении. Типичным примером может служить информация по Дмитровскому уезду Орловской губернии. На 1 двор приходилось около 1,5 мужских душ рабочего возраста. По мнению комиссии, в черноземной полосе при продолжительности рабочего времени в 6 месяцев один крестьянин мог возделывать лугов и пашни — 10 дес. земли, а на двор — 15. Это норма принята губернской комиссией. «Для благосостояния семьи и ведения правильного самостоятельного хозяйства следует определить норму в 15 десятин, для существующих в уезде 23777 дворов потребуются 356655 дес., а их в уезде всего 268323. Из этого следует, что для удовлетворения крестьян землею не хватит площади всего уезда. Земли нет для 9451 двора, которые стоит переселить из уезда» [20, ф. 34, оп. 1, д. 9].

Вопрос о норме земельного надела для ведения продуктивного крестьянского хозяйства неоднократно поднимался в отечественной историографии. В целом для черноземной полосы эта цифра, по подсчетам В. Г. Тюкавкина, не должна опускаться ниже 8,5 дес. или, как считал А. М. Анфимов, должна была находиться в пределах 10—15 дес.

Очевидная потребность в переселении касалась значительной части сельских тружеников. Число аграрных переселенцев в уездах зависело от количества жителей, половозрастного состава семьи, степени занятости в сельском хозяйстве, возможности заработков на стороне и т. д. Важную роль имела позиция местных органов власти, начиная от волостного правления до уездных землеустроительных комиссий.

Основными районами вселения орловских земледельцев являлись Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская и Акмолинская

губернии. Значительная часть крестьянского населения пыталась обосноваться в уже обжитых местах, имевших дороги и более или менее развитую инфраструктуру. Но этим требованиям, несмотря на то, что площадь Сибири огромна, соответствовала лишь узкая полоса Южной Сибири примерно в 300—400 верст по обе стороны от Транссибирской железной дороги. Уже к 1908 г. нежелательными местами приписки к старожильческим крестьянским обществам считались Ишимский, Ялуторовский, Курганский, Тюкалинский уезды Тобольской губернии; Бийский, Томский и северная часть Барнаульского уездов Томской губернии. Из-за увеличения плотности населения и угрозы малоземелья местных жителей Акмолинская губерния полностью была исключена для заселения. Кроме того, 80% переселенцев, направленных туда в предыдущие несколько лет, не были устроены из-за проблем с припиской к старожильческим обществам [20, ф. 34, оп 1, д. 131, л. 8—9].

Для заселения орловских крестьян были рекомендованы Минусинский, Агинский (южная часть), Канский (южная часть) уезды Енисейской губернии, Нижне-Удинский и северная часть Балаганского уездов Иркутской губернии. Вселение на необжитые целинные степные и таежные земли во всех губерниях Сибири были открыты для всех переселенцев, в том числе и самовольных.

Проблема приписки к старожильческим обществам стояла довольно остро, причем как для самовольных, так и для легальных переселенцев. Согласно статье 13 Правил переселения от 1906 г., присоединение переселенцев к старожильческим обществам разрешалось крестьянским начальником по крестьянским приговорам и с учетом обеспечения местных жителей землей. Сибирские крестьянские начальники считали нормой 15 дес. земли на мужскую душу, поэтому нередко отказывали в утверждении приемных приговоров на переселенцев, уже устроившихся в селе. Эти действия противоречили закону и существенно нарушали права переселенцев, потративших свои средства на обустройство.

В переписке с губернским правлением Земский отдел МВД подчеркивал, что «норма в 15 десятин — это максимальный предел, и везде существовали свои местные нормы: в Верхотурском уезде 4—8 дес., Алтае — 10—12 дес., 10—15 в других степных и лесостепных районах Сибири. 15 десятин отводится только для таежных северных районов. Поэтому действия местных крестьянских начальников противоречат мнению правительства» [20, ф. 34, оп. 1, д. 50, л. 123]. Пере-

селенцы, приписавшись к старожильческим обществам, устраивались своими силами, платили «вступительные деньги», превышающие порой 50 руб. с души. С постепенным уменьшением колониционного фонда, увеличением населения, введения частной собственности на землю переселение в уже обжитые районы должно было все больше осложняться.

Уникальные сведения о характере аграрного переселения представлены в отчете уполномоченного Орловского губернского земства Н. Н. Позднякова, лично посетившего Западную Сибирь с целью ознакомления с землями колониционного фонда, предназначенного для переселенцев из губерний Европейской части России. По его мнению, самыми лучшими землями для колонизации являются отрезки от старожильческих селений, славящиеся плодородием и мягким климатом. Все эти земли очень желанны и, как правило, захватывались самовольными переселенцами [22, с. 141—146].

Аграрная миграция уже с 1907 г. столкнулась с проблемой неконтролируемого движения самовольных крестьян-переселенцев, не попавших в квоту по государственной программе переселения. Для этой категории мигрантов также отводились земли. Например, к октябрю 1907 г. для них было выделено 19996 долей и к июню 1908 г. переселилось 39 565 мужчин и 35 540 женщин. Поздняков указывал, что, несмотря на осеннее время, число «самовольцев» только увеличивалось и подсчитать их количество было невозможно. Только в Алтайском округе Томской губернии проживало ждущих заселения около 30000 душ мужского пола. «Таким образом, рассчитывать на большой колониционный фонд не приходится из-за захвата земли "самовольцами" и медленной работы землеустроительных комиссий» [20, ф. 525, оп. 1, д. 226, л. 11].

Крестьяне отдельных селений массово подавали прошения о выдаче им ходячих свидетельств для ознакомления с земельным фондом сибирских губерний. Несмотря на высокую степень заинтересованности жителей елецких сел и деревень, общее количество переселенцев из уезда было невелико, и связано это было с позицией губернского чиновничества, считавшего местных крестьян обеспеченными землей. Например, в 1907 г. из Елецкого уезда по программе переселения выехали 93 семьи (585 человек), в то время как из всей губернии — 2496 семей (16143 жителя) [20, ф. 525, оп. 1, д. 675, л. 9—10]. В 1908 г. из уезда переселилось 245 семей (1439 человек), в то время как из губернии в целом выехало 27194 сельских труже-

ника. Таким образом, доля елецких крестьян в переселенческом движении постепенно увеличилась с 3,6% до 5,3% от общего числа переселенцев (табл. 1).

Таблица 1

Аграрные переселенцы Орловской губернии в 1906—1908 гг.

Уезд	1906		1907		1908	
	семьи	человек	семьи	человек	семьи	человек
Болховский	95	668	219	1655	167	1155
Брянский	24	128	254	1620	248	1735
Дмитровский	29	190	200	1516	320	2462
Елецкий	14	77	93	585	245	1439
Карачевский	51	318	209	1982	268	1740
Кромский	20	99	142	987	410	2745
Ливенский	21	88	315	1982	833	5747
Малоархангельский	9	37	332	2189	435	3152
Мценский	4	13	15	81	35	242
Орловский	8	35	61	372	147	893
Севский	12	66	127	726	472	2964
Трубчевский	86	469	519	3112	467	2909
<i>Всего по губернии</i>	373	2188	2496	16143	4047	27194

Источник: [20, ф. 525, оп. 1, д. 675, л. 18—19].

Старания местных властей об увеличении переселенческой квоты видны по деятельности Елецкой землеустроительной комиссии, в 1910 г. постановившей:

1) за Урал надо переселить всех оставшихся неудовлетворенными в 1909 г.: в Томскую — 2375, Енисейскую — 723, Семипалатинскую — 265, а всего — 4120; 2) новых желающих в Томск — 72, Семипалат. — 152. Что касается указанного числа, по которым связывалось бы непосредственно с внутри надельным устройством, то таковых в настоящее время нет, но, тем не менее, желательно бы получить для населения Елецкого уезда самое наибольшее по распределению между уездов числа долей, так как, судя по поданным в Комиссию прошениям, число желающих переселиться по некоторым селениям доходит до половины, а при осуществлении переселения земля должна перейти в собственность оставшихся домохозяев села [20, ф. 34, оп. 1, д. 131, л. 10—11].

Всего Орловской губернии требовалось 48474 душевых долей для переселения в Сибирь.

Из-за роста переселенческого движения губернским правлением было решено увеличить квоты для Орловского, Севского, Брянского, Дмитровского и Карачевского уездов. В итоге земельные наделы в 1910 г. были распределены следующим образом: Орловский — 250, Мценский — 70, Болховский — 375, Карачевский — 425, Трубчевский — 540, Брянский — 450, Дмитровский — 570, Севский — 480, Кромский — 350, Малоархангельский — 725, Ливенский — 965, Елецкий уезд — 500 долей.

Удовлетворить просьбы крестьян было сложно из-за ограниченности земель колонизационного фонда, поэтому число аграрных мигрантов из губернии, в том числе и нелегальных (особенно из Елецкого уезда), уверенно росло (табл. 2).

Таблица 2

Движение легальных и нелегальных переселенцев из Орловской губернии в 1908—1909 гг.

Уезд	Убыло в Сибирь крестьян мужского пола в 1909 г.		% к общему числу выселившихся в 1909 г.	% к общему числу выселившихся в 1908 г.	% выселившихся из каждого уезда за 1908—1909 гг.
	легальных	нелегальных			
Болховский	266	142	3	10,2	6,6
Брянский	449	99	4	10	7
Дмитровский	909	44	9	9,25	9,13
Елецкий	391	909	9	3,7	6,35
Карачевский	309	505	6	8	7
Кромский	1501	295	14	6	10
Ливенский	1540	1256	21	12,75	16,8
Малоархангельский	678	879	12	13,5	12,75
Мценский	85	138	2	0,5	1,25
Орловский	419	109	4	2	3,1
Севский	1046	419	10	4,7	7,35
Трубчевский	453	342	6	19,2	12,6
<i>Всего по губернии</i>	8039	5507	100%	100%	100%

Источник: [20, ф. 34, оп. 1, д. 131, л. 53].

Из сведений за 1908 г. видно, что спрос в губерниях Европейской России на переселенческие участки был распределен неравномерно. В Западную Сибирь — Томскую и Тобольскую губернии, а также в 4 степные — Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую — было подано 840 000 заявлений при имеющемся запасе в 135 000. Орловским крестьянам было представлено для переселения 5700 долей, что составляло только 13,7% всех поданных заявлений о переселении в Западную Сибирь. В то же время в Енисейской и Иркутской губерниях, Забайкальской, Приморской и Амурской областях было заготовлено достаточное количество долей для всех желающих переселиться в эти районы (177 000 душ мужского пола). При этом для орловских переселенцев с 1908 г. сохранялась квота в 9620 долей в Енисейской губернии и Приморской области [20, ф. 34, оп. 1, д. 131, л. 33]. В целом для Орловской губернии требовалось 48 474 душевых долей для переселения в Сибирь, поэтому процесс переселения грозил затянуться как минимум на 10 лет.

Одной из целей столыпинской переселенческой программы было снижение плотности сельского населения в аграрных регионах страны. Этот процесс в Орловской губернии характеризуют данные о динамике количества переселявшихся за Урал крестьян (табл. 3).

Таблица 3

**Движение аграрных переселенцев
Орловской губернии в 1901—1908 гг.**

Показатель	1901	1902	1903	1905	1906	1907	1908
Число жителей губернии	1 977 332	2 017 339	2 067 180	2 072 983	2 170 927	2 186 334	2 236 944
Число переселившихся крестьян	2115	1350	1487	173	2200	16155	21 021
% переселившихся крестьян	0,1	0,06	0,06	0,008	0,1	0,7	0,9

Источник: [20, ф. 525, оп. 1, д. 226, 675].

До 1906 г. процесс переселения в Орловской губернии имел небольшой эффект сокращения плотности сельского населения региона и составлял десятые доли процента от общего количества жите-

лей. С 1907 г. наметилось поступательное увеличение процента переселенцев, но они не перекрывали даже естественный прирост населения. Обратные переселенцы, не учтенные в приведенной статистике, составляли до $\frac{1}{3}$ переселявшихся крестьян, что совпадает с данными соседних губерний, например Тамбовской [23, с. 130—132]. Причины возвращения переселенцев на родину были разные: суровые климатические условия, невозможность официально приписаться к обществам местных жителей, финансовое разорение вследствие ряда неурожайных лет и т. д.

Очевидно, что переселить избыточное население из Центральной России в Сибирь и на Дальний Восток в рамках реализуемой программы было практически невозможно. Требовались новые способы решения проблемы, а на это не хватало ни экономических ресурсов, ни политической воли.

Согласно статистическим сведениям Челябинского переселенческого пункта, наиболее вовлеченными в процесс переселения оказались Черниговская и в меньшей степени Орловская и Тамбовская губернии. Крестьянство неземледельческих губерний было в меньшей степени заинтересовано в переселении, так как для них не только земледелие играло заметную роль в хозяйстве.

Переселение в суровые природно-климатические условия Сибири было очень сложным процессом, требующим мобилизации всех материальных ресурсов крестьянина, физических и психологических возможностей человека. Не у всех получалось справиться с реалиями новой жизни, недаром значительная часть переселенцев была вынуждена возвращаться обратно. Аграрная миграция в исследуемый период, несомненно, сыграла значительную роль в решении социально-экономических проблем русской, в том числе орловской деревни, но это был лишь кратковременный эффект в снижении демографической нагрузки на природные ресурсы, в первую очередь пашню. Это обстоятельство неминуемо вело к дальнейшему обострению земельного вопроса в губерниях аграрного пояса Центральной России. Столыпинская реформа, призванная решить проблему, частично смягчила, но не решила полностью аграрный кризис в русской деревне.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 19-49-480002.

Список источников и литературы

1. *Алексеев В. В.* Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. // Уральский исторический вестник. 2015. №4 (49).
2. *Головин А. Ю., Соломатин Е. Н.* Исторические особенности столыпинской аграрной реформы в центральной России // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. №4.
3. *Курцев А. Н.* Особенности переселений российского крестьянства за 1861—1917 гг. на примере Центрально-черноземного региона // Вестник Томского государственного университета. 2008. №8.
4. *Бочаров В. О.* Крестьянское переселение из центральных областей России в годы Столыпинских преобразований // 10 корпус. 2017. №3.
5. *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
6. *Чуркин М. К.* Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2015. №3 (35).
7. *Иноземцев И. В.* Миграции крестьян Воронежской губернии в 1861—1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
8. *Карначёв М. Д.* Воронежская деревня в начале XX в.: социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений // Вопросы истории. 2016. №7.
9. *Карначёв М. Д.* Столыпинская реформа в Воронежской губернии: итоги и уроки аграрного реформирования // Общественная жизнь в Центральной России в XVI—XX веках. Воронеж, 1995.
10. *Churkin M. K., Tokmurzayev B. S., Sirbayeva A. A.* Relations between settlers and indigenous population of the steppe territory in colonisation process during the second half of XIXth — early XXth centuries // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. №1 (39).
11. *Белянин Д. Н.* Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906—1914 гг.). Кемерово, 2003.
12. *Пожарская К. А.* Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009.
13. *Likhachev E. N., Pustovetov G. I., Likhacheva A. E.* Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX — early XXth century // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. №4 (46).
14. *Дорожкин А. Г.* Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германской историографии // Отечественная история. 2006. №2.
15. *Давыдов М. А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003.

16. *Nikolaschin V.P.* Models and forms of agrarian production in the late of 19th and in the first half of 20th century // *Ecology, Environment and Conservation*. 2015. Vol. 21.

17. *Жиров Н. А.* Основные факторы демографического развития западных территорий Орловской губернии в начале XX в. // *История: факты и символы*. 2014. № 1 (1).

18. *Zhukov D., Kanishchev V., Lyamin S.* Fractal modeling of Historical demographic processes // *Historical Social Research*. 2013. Vol. 38, № 2.

19. *Коротких И. С.* Отечественная демография и демографическая статистика в конце XIX — начале XXI вв. // *Filo Ariadne*. 2016. № 4.

20. *Государственный архив Орловской области.*

21. *Роднов М. И.* Третья Россия (о крестьянстве и не только) // *Российская история*. № 2. 2009.

22. *Жиров Н. А.* Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда как источник по изучению столыпинской переселенческой политики в начале XX в. // *История: факты и символы*. 2016. № 4 (9).

23. *Безгин В. Б., Токарев Н. В.* Обратное переселение тамбовских крестьян в период столыпинских преобразований // *Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв.* XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщений. М., 2016.

А. А. Иванов, А. А. Соловьёв

**Землеустройство в деревне Поволжья и Приуралья
в первые десятилетия XX века:
регионально-этнические аспекты**

Рассматриваются изменения в области землевладения и землепользования в деревне Поволжья и Приуралья на рубеже XIX—XX вв. Основное внимание уделено землеустройству в составных (сложных) сельских общинах, в том числе установлению регионально-этнических аспектов эволюции аграрных отношений многонационального российского крестьянства.

In the article changes in land tenure and land use in the Volga region and Cisuralian area at the turn of the XIX—XX centuries on the basis of a wide range of researches, archival and published sources are examined. The focus of the article is land tenure in complex rural communities, including the establishment of regional ethnic aspects evolution of the multinational Russian peasantry agrarian relations.

Ключевые слова: крестьянство, деревня, община, землеустройство, Поволжье, Приуралье.

Keywords: peasantry, village, community, land tenure, the Volga region, Cisuralian area.

Многоселенная или сложная сельская община (общество) как один из этапов эволюции крестьянской общины была распространенным явлением в различные исторические эпохи в Европейской России. В конце XIX — первой трети XX в. сложные общины были обычным явлением и в многонациональной деревне Поволжья и Приуралья (современные Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Чувашская Республика, Удмуртская Республика, Республика Мордовия). Этнический состав местных жителей оказывал опреде-

ленное, а в некоторых случаях определяющее влияние на бытование тех или иных форм общинной организации. Сам факт возникновения и существования в течение длительного времени сложных общин у крестьян отдельных национальностей объяснялся сохранением в их среде патриархально-родовых пережитков. Это положение, впервые высказанное В. Д. Димитриевым в отношении жителей чувашской деревни, разделяется большинством исследователей, занимающихся аграрной проблематикой применительно и к другим этническим группам крестьянства [1—3; 4, с. 149—154; 5].

Первоначально возникнув как следствие особенностей патриархально-родовых традиций, препятствовавших превращению выселков из материнских деревень в самостоятельные общины, со временем сложные общины превращались в громоздкие территориальные образования. Этому в немалой степени способствовало формирование общих дач землевладения для нескольких сельских обществ во время различных межевых работ XVIII—XIX вв., а также увеличение количества населенных пунктов.

В начале XX в. в Поволжье и Приуралье сложные общины были распространены преимущественно у марийского, чувашского и удмуртского крестьянства и практически отсутствовали у русских, татар и мордвы. По данным сравнительной оценки земельных угодий (1907 г.), в Казанской губернии из 452 чувашских общин сложными считались 227 (50,2%), из 135 марийских общин сложных было 82 (60,6%), в то время как из 1377 русских — всего 34 (2,4%). Удельный вес сложных общин в татарской деревне не превышал 4% [6, с. 102—103].

Наиболее значимой особенностью сложных общин было общее землевладение нескольких селений. По этому признаку еще в дореволюционной историографии сложные общины были разделены на два типа. Община первого типа представляла собой одно сельское общество (материнскую деревню и выселки из нее). Во втором случае сложную общину образовывали несколько сельских обществ независимо от наличия в них своих структурных подразделений. Первый тип сложной общины был характерен в большей мере для удмуртской деревни. У марийских и чувашских крестьян преобладали общины второго типа. Именно они отличались наибольшей громоздкостью как по количеству населенных пунктов и живущих в них крестьян, так и по размерам общих земельных владений. Так, в начале XX столетия в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии общины чувашских крестьян № 58 и Малокарачкинской состояли из

3 сельских обществ каждая со своими выселками (околотками). У марийских крестьян в том же уезде имелось 6 общин, состоявших из 20, 26, 30, 37 и даже 42 сельских обществ. В Царевokokшайском уезде огромной была марийская община №46, включавшая 9 сельских обществ с их околотками [7, с. 16; 8, с. 108].

Наличие сложных общин не зависело исключительно от национального состава населения. Волею случая при проведении землеустроительных работ в них могли быть размежеваны угодья, принадлежавшие селениям с компактными группами жителей любого этнического состава. Не были преградами для сложных общин и административные границы. Расположение той или иной сложной общины на территориях соседних волостей и уездов было обычным явлением и в XIX в. и в первые десятилетия XX в.

Структура общинной организации в национальной деревне Поволжья и Приуралья не была статичной. С изменением исторических условий она могла изменяться в сторону усложнения либо упрощения. Конец XIX — первая треть XX в. — это период разложения (упрощения) сложной общины. Постоянно возникавшие споры и тяжбы по земельным вопросам толкали крестьян к разделу наиболее крупных общин (преимущественно «полюбовно», а не с помощью государственного землеустройства). Уже в начале XX в. многие сельские общества, формально имевшие общие владения, переходили к самостоятельному регулированию земельных отношений на своем участке общей дачи. Другим вариантом «упрощения» был окончательный выдел дочерних деревень из состава материнских. Но на этом пути было множество трудностей. В сохранении запутанных земельных отношений были заинтересованы зажиточные слои деревни, завладевшие в пореформенный период (60—70-е гг. XIX в.) лучшими угодьями и использовавшие бедняков в качестве арендаторов своей земли. Многоземельные селения также не хотели расставаться с этим преимуществом в случае возможного размежевания. Сельские жители часто не имели достаточных средств на судебные издержки и для найма землеустроителей. Наконец, сказывались и пресловутые патриархально-родовые пережитки национального крестьянства региона.

Столыпинское землеустройство, ставившее одной из задач ликвидацию общины в принципе, не оказало практически никакого влияния на формы местного крестьянского землевладения. Данные об этнической принадлежности участников земельных реформ начала XX в. показывают, что крестьяне тех национальностей, у которых преобладали сложные общины, резко отрицательно отнеслись к их

разрушению. В частности, сравнительный анализ крестьян-укрепленцев Казанской губернии свидетельствует, что на первом месте оказались русские крестьяне (9,2% укрепленцев из общего числа домохозяев), затем шли чувашаи (2,8%), татары (2,5%), марийцы (1,8%) [2, с. 108]. На территории современной Чувашии площадь земли, укрепленной в частную собственность в 1906—1916 гг., не превысила 14%. На хутора выделились 0,5%, а отрубниками стали 4% крестьянских хозяйств [7, с. 17]. В Чебоксарском, Царевококшайском, Козьмодемьянском уездах Казанской губернии (целиком или частично вошедших в состав современной Республики Марий Эл) к 1911 г. в частную собственность было укреплено от 1 до 5% площади крестьянских наделов [2, с. 104]. Единичные хутора и отруба, бывшие постоянным объектом крестьянского (общинного) остракизма, просуществовали лишь до 1917 г. Помимо общепризнанных причин, в данном случае сыграла свою роль и особая неупорядоченность землевладения и землепользования в этих местностях. Даже технически землеустройство сложных общин оказывалось подчас трудновыполнимым.

Вероятно, по этой же причине весьма своеобразно протекали в поволжско-приуральских губерниях и основные события аграрных преобразований 1917—1922 гг. «Черный передел», характерный для земледельческого центра страны, осуществлялся здесь более медленными темпами и в своих специфических формах. Общины, бывшие беспередельными до революции 1917 г. (а их было большинство), оставались таковыми и в первые годы после нее, в отдельных случаях вплоть до массовой коллективизации сельского хозяйства. Показательны решения уездных крестьянских съездов первой половины 1918 г. в районах наибольшего распространения сложных общин. Например, в Казанской губернии крестьянские съезды вовсе не настаивали на проведении обязательного уравнительного распределения земли. Этот вопрос был отдан на усмотрение самих общин [9, с. 162—163, 184—188; 10, с. 81—90]. В результате в Цивильском и Козьмодемьянском уездах (населенных преимущественно чувашами и марийцами) переверстка по едокам проводилась лишь в отдельных волостях [7, с. 49]. Во всех остальных случаях или происходило частичное уравнение, или все оставалось без изменения. В Царевококшайском уезде на конец 1918 г. сведения о переделах земли были получены по 9 волостям (из 13): в Арбанской волости распределение земли по едокам было произведено только в 6 селениях из 65, в Вараксинской волости — в 43 из 56 (еще в 13 деревнях было сделано

частичное «поравнение»), в Петриковской волости — в 3 из 77 (и в 74 деревнях «поравнение»), в Кумужьяльской — в 17 из 41, в Ронгинской — в 2 из 33, в Шиньшинской — в 4 из 37, в Себе-Усадской волости во всех обществах только «поравнение» и т. д. [11, ф. Р-35, оп. 1, д. 17, л. 22].

Сложные общины сохранялись вплоть до завершения массовой коллективизации конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. В послереволюционный период в национальных автономиях, образованных на месте прежних губерний, землепользование во многих случаях базировалось по-прежнему на дачах, числившихся в межевых книгах 60-х гг. XIX в. В состав этих «дач» входили порой десятки и даже сотни населенных пунктов с угодьями, площадь которых исчислялась тысячами гектаров. В Марийской автономной области (МАО) сложные общины имелись (и преобладали) в большей части кантонов. В Звениговском кантоне к ним относилась Петъяльская дача (4,4 тыс. га); в Моркинском кантоне — Кожлаерская (3,1 тыс. га), Коркатовская (1,1 тыс. га), Кумужьяльская (1,5 тыс. га), Шургинская (1,1 тыс. га) и др.; в Краснококшайском — Ятмановская (2,5 тыс. га), Нурминская (1,3 тыс. га); в Козьмодемьянском — Кузнецовская (5,6 тыс. га), Троицко-Акозинская (10,5 тыс. га), Ценибековская (43 тыс. га) и др. [12, с. 14].

Типичным примером подобного землепользования в 1920-х гг. являлась Троицко-Акозинская дача. Что она собой представляла, известно из доклада кантонного землеустроителя М. Шестова:

Дача расположена в юго-восточной части Козьмодемьянского кантона, в районах Вилатовском, части Мало-Сундырском и Усолинском и тянется полосой от берега р. Волги на юго-запад до пределов Чувреспублики — протяжением до 18 верст и шириной в 5—6 верст, граница с востока с Кузнецовской и с запада с Ценибековской и Горно-Кушержской дачами. Площадь этой дачи равна 10859,28 дес., причем в силу своих естественных условий она разбивается на три части: первая из них — это часть пойменно-луговая, где и сосредоточено исключительно луговое пользование... далее пойдет часть пашенных угодий, густо населенная, с наличием 35 селений с 6504 едоками, это часть вторая — Вилатовская, отделяющаяся от третьей большой дорогой, так называемым Московским трактом; в этой последней части население редкое — всего 1348 едоков в 7 селениях, площадь же земель 3890,08 дес., то есть одна треть всей дачи. Кроме указанных трех участков есть четвертый лесной, совершенно обособленный, находящийся на левой стороне р. Волги и отстоящий от дачи на расстоянии 15—20 верст, площадь его исключительно лесная в 1445,04 дес. с незначительными луговыми полями [11, ф. Р-353, оп. 7, д. 2, л. 310].

Землеустройство этой дачи продолжалось с 1922 по 1927 г., и лишь через 5 лет после начала работ каждое селение бывшей сложной общины, а их было 29, получило «присельные наделы». Соседняя с Троицко-Акозинской — Ценибековская дача, самая обширная в области (43 тыс. га, 106 селений) размещалась даже в двух кантонах: Красноволжском, Больше-Юнгинском, Еласовском и Емелевском районах Козьмодемьянского кантона и Пайгусовском районе Юринского кантона. Земли этой сложной общины тянулись с северо-востока на юго-запад примерно на 45 км и с запада на восток — на 25 км. Помимо земельных угодий на правобережье Волги, в состав общины входили участки левобережья, чересполосно расположенные в двух местах (по рекам Ветлуге и Волге), с участками другой, Ардинской дачи. Достаточно сказать, что для разверстания земель Ценибековской дачи ее территорию пришлось разбить на 6 частей, на каждую из которых были составлены отдельные планы [11, ф. Р-353, оп. 7, д. 2, л. 306—307].

Оставались сложными в доколхозный период и многие общины (285 из 733) Чувашской автономной области (ЧАО). Здесь, как и в Марийской автономии, наследие дачного землепользования сказалося на структуре и конфигурации наделов земельных обществ, пришедших на смену сельским обществам с 1922 г. Большая часть из них были действительно крупными по меркам Европейской России (30—40 населенных пунктов, 15—20 тыс. га угодий в пределах волости, часто — в двух и более). Например, в Ядринском уезде такой была Шуматовская община, которая объединяла 41 населенный пункт [7, с. 93].

Не всегда земельные границы сложной общины были четко определены. Крестьяне ряда земельных обществ Паратмарского и Сотнурского районов Звениговского кантона МАО еще и в 1925 г. имели сенокосные угодья на территории Татарской АССР. А значительная часть приволжских лугов в этом же кантоне принадлежала крестьянам Чувашской автономии [13, с. 40]. Чересполосное расположение земельных участков в пограничных районах административно-территориальных образований было распространенным явлением.

Была еще одна проблема, непосредственно затрагивающая сельских жителей. Традиционные пороки общинного землепользования (чересполосица, дальнеземелье и т. п.) на фоне роста населения и истощения почв порой принимали в сложных земельных обществах гипертрофированные формы. Земельный фонд всех составных об-

щин состоял всегда из нескольких (обычно нескольких десятков и даже сотен) участков, чересполосно расположенных с землями других обществ. При этом наделы, отдаленные на расстояние более 10 км от населенного пункта, были не исключением, а правилом. Для уже упоминавшегося случая с Троицко-Акозинской дачей, в частности, было характерно, что из-за «разбросанности, неудобренности, мелкости и отдаленности от их владельцев» полосы «не имели большой ценности» и зачастую выпадали из эксплуатации, «забывались» [11, ф. Р-353, оп. 1, д. 2, л. 310]. Например, у крестьянина Милорадова (Козьмодемьянское общество того же кантона) 3 наделные дес. были разделены на 21 полосу: озимое поле — 0,25, 0,08, 0,17, 0,08, 0,1, 0,12, 0,1 дес.; яровое поле — 0,12, 0,12, 0,12, 0,08, 0,12, 0,17, 0,5 и т. д. У крестьянина Ронкина (того же общества) 5,7 дес. складывались уже из 30 таких же земельных полосок [14, с. 54]. На территории Удмуртии в чересполосном пользовании находилось 10,6% селений, 15% земельных обществ имели значительную удаленность сельскохозяйственных угодий и 20,4% ощущали острую нехватку земли [3, с. 31]. Подобная картина была скорее правилом, чем исключением, в доколхозной деревне Марийской, Чувашской, Удмуртской автономий.

Проблема признавалась и самим населением, и местными государственными земельными органами. Единственный выход заключался в проведении крупномасштабных землеустроительных работ. В 1920-е гг. они нацелены на ликвидацию сложных общин. Работам по межселенному землеустройству уделялось главное внимание. В этом деле были достигнуты значительные результаты. Землеустроительные работы в период нэпа стали важнейшим рычагом подъема как индивидуального крестьянского хозяйства, так и коллективного. Именно в это время во многих национальных районах страны землеустройство вообще было проведено впервые, упорядочив, насколько было возможно при общинной форме землепользования, крайне запутанные поземельные отношения. Преимущественное внимание при землеустроительных работах обращалось на улучшение положения прежде всего титульных наций того или иного автономного образования.

Однако полностью ликвидировать основные недостатки и пережитки старых форм землепользования не удалось. В 1923—1928 гг. в Чувашии межселенные и внутриселенные работы были проведены на площади 563,4 тыс. га, или на 56% всей удобной земли [7, с. 94].

Это был максимальный показатель по всем национальным регионам. В Марийской АО к 1 октября 1929 г. землеустройство было проведено на площади примерно в 400,8 тыс. га [15, с. 321]. По другим данным — 424 тыс. га, но и в этом случае оно смогло охватить лишь 50,8% «площади сельскохозяйственных угодий, принятой по максимальному варианту с поправкой на недоучет» [11, ф. Р-127, оп. 1, д. 250, л. 252]. Значительная разница сохранялась в степени землеустроенности отдельных районов (уездов, кантонов, волостей) Чувашской и Марийской автономий. В Удмуртии складывалась несколько иная ситуация. На первом этапе (1921—1927 гг.) землеустройство проводилось очень медленными темпами. К началу 1928 г. было обустроено только 10,6% земель сельскохозяйственного пользования [3, с. 33]. И лишь в 1928—1929 гг., когда землеустройство стало проводиться одновременно с массовыми переделами в земельных обществах под непосредственным контролем местных и центральных органов, положение сдвинулось с мертвой точки и были достигнуты более заметные результаты.

Землеустройство тормозилось объективными трудностями: нехваткой специалистов, средств у сельского населения (исключая бедняцкие и коллективные хозяйства, пользовавшиеся значительными льготами), громоздкостью и неудобностью устраиваемых объектов «в натуре». Среди причин социально-экономического порядка следует отметить сохранявшиеся с дореволюционных времен конфликты между много- и малоземельными селениями в составе земельных обществ, между зажиточными и менее обеспеченными слоями деревни. Такую ситуацию ярко характеризует выдержка из акта ревизии деятельности Марийского областного земельного управления (январь 1929 г.). «Последними постановлениями и решениями областных директивных органов, — было записано в акте ревизии, — работа облзу по землеустройству признана удовлетворительной в соответствии с плановыми предположениями, но, принимая во внимание отсталость народа мари и запутанность землепользования до революции, степень неудовлетворения потребностей населения области остается довольно значительной ввиду отсутствия долгосрочного кредита и недостаточности бюджетных ассигнований для удовлетворения нужд бедняцко-средняцкого населения» [11, ф. Р-353, оп. 11, д. 6, л. 159].

Объективно единственным выходом из создавшегося положения было осуществление сплошного землеустройства. К концу 1920-х гг.

оно уже проводилось на территории СССР во многих национальных районах: с 1926 г. в Северо-Осетинской автономной области, с 1927 г. — в Черкесском национальном округе, с 1928 г. — в Бурят-Монгольской АССР, Башкирской АССР, с 1929 г. — в Якутской АССР и т. д. [16, с. 325—329, 353—354, 380—385, 434—436, 450—453]. Оно имело обязательный характер, финансировалось полностью за счет государства и проводилось сплошь на всех землях, в чьем бы ведении они не находились. Основной задачей сплошного землеустройства была «ликвидация остатков старых земельных отношений и недостатков землепользования, а также создание условий для реконструкции сельского хозяйства и расширения в нем социалистического сектора» [17, с. 177].

Вопрос о проведении сплошного землеустройства в национальных автономиях Поволжья и Приуралья поднимался уже в 1927—1928 гг., но реальные изменения в этом направлении произошли в 1929 г. по инициативе местных земельных органов. В январе и декабре этого года постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР статья 168 Земельного кодекса РСФСР была дополнена специальными примечаниями для Чувашской АССР и Марийской автономной области соответственно. Одновременно были приняты Положения о сплошном и обязательном землеустройстве в них [16, с. 434—436, 459—461, 676—677]. Отныне землеустройство должно было «производиться по почину земельных органов», иметь сплошной и обязательный характер и распространяться на все земли, в чьем бы пользовании они не находились. Работы по межселенному землеустройству (для бедняцких и «маломощно-средняцких» хозяйств и по внутриселенному землеустройству), а также по землеустройству советских и коллективных хозяйств производились за государственный счет. Первое место среди задач нового землеустройства отводилось ликвидации сложных земельных обществ и разделу земель общего пользования между отдельными селениями. К середине 1930-х гг. сплошное землеустройство было закончено [7, с. 122; 15, с. 326].

Таким образом, была поставлена точка в многовековой истории сложных земельных общин, а хронологическое совпадение данной процедуры с эпопеей массовой коллективизации привело к ликвидации общины в принципе, не только как коллективного землепользователя, но и как системообразующего института повседневной жизни сельского населения.

Список источников и литературы

1. *Димитриев В. Д.* Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986.
2. *Патрушев А. С.* Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974.
3. *Никитина Г. А.* Сельская община (бускель) в пореформенный период (1861—1990 гг.). Ижевск, 1993.
4. *Иванов А. А.* Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX — первая треть XX века) // Вопросы истории. 2004. № 1.
5. *Николаев Г. А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016.
6. *Крестьянское землевладение Казанской губернии.* Казань, 1909. Вып. 13.
7. *Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии.* Чебоксары, 1989. Ч. 1.
8. *Патрушев А. С.* Об общинном землевладении в Марийском крае в конце XIX — начале XX в. // История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967.
9. *Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии.* Сборник документов. Чебоксары, 1957.
10. *Установление Советской власти в Марийском крае.* Сборник документов. Йошкар-Ола, 1970.
11. *Государственный архив Республики Марий Эл.*
12. *Шлыков Д. Н.* О земельном «голоде» сельскохозяйственного населения Маробласти // Марий Эл. Йошкар-Ола, 1929. № 1.
13. *Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Краснококшайск, 1926. Вып. III.
14. *Кузина А. С.* Особенности социалистического строительства в национальной деревне в 1921—1929 гг. (на материалах Марийской АССР) // Вопросы истории советского рабочего класса и колхозного крестьянства Марийской АССР. Киров ; Йошкар-Ола, 1978.
15. *Иванов А. А.* К вопросу о сплошном землеустройстве в доколхозной деревне Марийской автономной области // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья : сб. матер. VI регион. науч. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002.
16. *Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР.* 1917—1954 гг. М., 1954.
17. *История земельных отношений и землеустройства.* М., 1956.

Второе переселение псковских колхозников в Калининградскую область (1959—1960)

Рассмотрены меры по выполнению второго (после 1946 г.) постановления Правительства РСФСР о переселении 150 семей колхозников из Псковской области в Калининградскую (1959—1960 гг.), показаны трудности его реализации и последствия для одной из коренных областей России.

The measures for the implementation of the second (after 1946) Resolution of the Government of the RSFSR on the resettlement of 150 families of collective farmers from the Pskov region to Kaliningrad (1959—1960) are considered, the difficulties of its implementation and consequences for one of the indigenous regions of Russia are shown.

Ключевые слова: Калининградская область, Псковская область, колхозы, переселение, «депопуляция».

Keywords: Kaliningrad region, Pskov region, collective farms, resettlement, «depopulation».

Калининградская область, образованная в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. (под названием Кенигсбергской и получившей современное название 4 июля того же года), с первых дней существования стала заселяться переселенцами из других областей и республик Советского Союза. История ее оказалась в этом отношении уникальной, поскольку становление новой области происходило в обстановке миграционных процессов, формирования специфического хозяйственного и культурно-бытового уклада, привносимого жителями различных регионов.

Заселение территории Калининградской области началось с 1945 г., но особенно интенсивно этот процесс пошел с августа 1946 г. В течение 1946 г. сюда переселилось примерно 60 тыс. чело-

век из различных областей СССР, а к началу 1950-х гг. в области находилось более 205 тыс. жителей, из которых 81,6 тыс. жили в сельской местности и прежде всего во вновь организованных колхозах [1, с. 137—138].

Не прекращался приток мигрантов в область и в 1950-х гг., хотя и не столь интенсивно, как в первые послевоенные годы. Сельское же население пополнялось преимущественно за счет естественного прироста, общая его численность на протяжении 1950-х гг. неуклонно росла и к 1 января 1960 г. составила около 220 тыс. человек. Но одновременно наблюдался массовый выезд населения из области, в основном недавних переселенцев. Численность «обратников» была очень высокой: за пределы Калининградской области в 1946—1958 гг. выехали по разным причинам 64 % переселенцев (более 800 тыс. чел.). Во второй половине 1950-х гг. из области выезжало больше людей, чем в нее приезжало. Высокой была и внутриобластная миграция: городское население росло, сельское сокращалось, наметился спад рождаемости, особенно на селе [2, с. 200, 203]. Правительство страны использовало различные меры, в том числе наказания, для прекращения «обратничества» и самовольных выездов переселенцев, но они оказывались неэффективными.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., плотность населения в целом по Северо-Западному региону была несколько ниже средней по РСФСР и составляла 6,8 чел. на км². Наибольшая плотность в регионе была в Калининградской области — 40,15 чел. на км², хотя по площади из всех северо-западных областей она была наименьшей. При этом более 60 % населения Калининградской области было городским, в то время как в других областях региона преобладало сельское население: в Вологодской области доля его составляла 65 %, в Новгородской — 62 %, а в Псковской — 73 % от общей численности [1, с. 354, 361]. Недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве испытывали не только колхозы Калининградской области, но и хозяйства других областей региона. Тем не менее руководство страны решило вновь поддерживать трудовыми ресурсами именно Калининградскую область, прибегнув к уже испытанному им средству: новому плановому переселению жителей из других российских областей, даже тех, где уже явно ощущались симптомы «демографического кризиса». К числу последних относилась Псковская область, наиболее пострадавшая в годы Великой Отечественной войны и в сильной степени ощущавшая ее демографические последствия в 1950-х гг.

На 1 января 1948 г. численность населения Псковской области (в границах 1944—1957 гг.) составляла 570,8 тыс. чел., или 65,7% к довоенной, в том числе трудоспособных насчитывалось 356 тыс. чел., из которых 41,1 тыс. чел. — ограниченно-трудоспособных [3, ф. 1219, оп. 1, д. 593, л. 5]. Всесоюзная перепись населения 1959 г. зарегистрировала в области (уже в новых границах: в 1957 г. территория ее увеличилась за счет включения ряда районов упраздненной Великолукской области) около 952 тыс. чел., 73% из которых проживало в сельской местности [4, с. 8, 13]. В сопоставимых же границах население области по сравнению с довоенной численностью сократилось к этому времени примерно на треть. Сокращение числа жителей проходило неуклонно на протяжении всех послевоенных лет, процесс «депопуляции» стал необратимым, особенно на селе.

Но руководство страны, формально руководствуясь показателями Всесоюзной переписи о преобладании в Псковской области сельского населения, решило «укрепить» за ее счет многоземельные сельские районы Калининградской области. Сразу после войны Псковская область уже направила туда по разнарядке правительства часть своих жителей: в 1946 г. — 1768 чел., а в 1948 г. — еще 190 чел. [5, с. 178—190]. И вот теперь ей предстояло еще раз заняться подбором кандидатур на новое переселение и организовать его на практике. О том, как проходила эта кампания по переселению, свидетельствуют немногочисленные архивные документы, прежде всего Псковского облисполкома и его переселенческого отдела.

Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР 4 ноября 1959 г. уведомило председателя Псковского облисполкома Я. А. Прушинского о том, что «проектом плана, внесенным на утверждение Совета Министров РСФСР, в 1960 г. предусматривается переселение из колхозов Псковской области 150 семей в колхозы Калининградской области». Переселенцев предстояло направить в места вселения до начала весенних сельскохозяйственных работ, поэтому работу по отбору и утверждению их необходимо было начинать немедленно, с тем чтобы закончить ее до 15 февраля 1960 г. Главное управление рекомендовало «при определении районов отбора переселенцев обратить внимание на выделение наиболее малоземельных районов и колхозов, имеющих излишки рабочей силы, в которых и следует проводить работу по отбору семей на переселение». Райисполкомы призваны были «организовать работу среди колхозного населения об условиях переселения и льготах, предоставляемых переселенцам», «выделить для этой цели районных организаторов».

Руководство Псковской области попыталось убедить Москву о невозможности выполнения ею этих намерений. Прежде всего на указанном письме Главного управления появилась резолюция председателя облисполкома: «Подготовить ответ — возражение ввиду малочисленности сельского населения». А 19 ноября 1959 г. подготовленное «возражение» было направлено в столицу. «Колхозы Псковской области испытывают острый недостаток в рабочей силе, — говорилось в нем, — нагрузка пашни на одного трудоспособного составляет свыше 10 га. В период максимального напряжения сельскохозяйственных работ (уборки урожая) в колхозы привлекается большое количество рабочих и служащих из числа городского населения. Поэтому область не может дать согласия на переселение 150 колхозных семей в колхозы Калининградской области» [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1227, л. 263—264].

Но возражение не возымело действия: Совет Министров РСФСР 4 декабря 1959 г. оформил задание на переселение из области 150 колхозных семей специальным постановлением, обязательным для выполнения. Поэтому 24 декабря того же года оно было подтверждено решением Псковского облисполкома «О переселении 150 семей колхозников в колхозы Калининградской области». Этим решением был определен порайонный план отбора переселенцев, который предстояло выполнять 6 районам области: Псковскому району надлежало отобрать 15 семей, Палкинскому и Великолукскому — по 20, Новоржевскому — 25, Печорскому — 30, а больше всего Опочецкому району — 40 семей. Первая группа из 75 семей должна была отправиться в феврале, вторая в таком же количестве в марте 1960 г., то есть до начала весенних полевых работ. Облисполком обязал райисполкомы указанных районов немедленно довести план переселения до сельсоветов и колхозов и установить строгий контроль над его своевременным выполнением. Рекомендовалось «произвести тщательный отбор колхозников, не допускать местнического подхода, обеспечить отбор переселенцев, способных закрепиться в многоземельных районах и принять активное участие в развитии общественного хозяйства колхозов». Такими «многоземельными» районами Калининградской области, куда предстояло направиться псковским колхозникам, были обозначены Гусевский, Озерский, Ладужинский и Железнодорожный: к каждому из них «привязывался» конкретный район Псковской области. Необходимо было своевре-

менно произвести с переселенцами расчеты в колхозах, обеспечить их медицинское освидетельствование, оказать помощь в доставке к станции отправления и т. д. [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1244, л. 540—541, 584].

В организации второго переселения псковских колхозников в Калининградскую область было много общего с предыдущим переселением в 1946—1948 гг. Государство и в этот раз предоставляло переселенцам различные льготы и услуги: выделение безвозвратных денежных пособий, кредитов на строительство, ремонт и обзаведение хозяйством, обеспечение предметами первой необходимости, льготы по провозу багажа, имущества и скота, обеспечение в местах вселения жильем и др. Разница была в том, что желающих переселиться оказалось гораздо меньше, а многие давшие согласие делали это без особого желания.

Условия жизни в колхозах Псковской области в конце 1950-х гг. хотя и оставались нелегкими, все же отличались от первых послевоенных лет. Полуголодная послевоенная жизнь с «пустыми палочками» вместо нормальных трудодней, обременительными налогами и обязательными поставками государству сельхозпродуктов, проживанием в землянках и блиндажах уходила в прошлое. При всех трудностях и издержках сельское хозяйство области, как и всей страны, после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС находилось все же на подъеме: росли доходы колхозов, полновеснее становился трудодень колхозников, они обзаводились добротными жилыми домами, были предприняты первые шаги по социальному обустройству деревни. В 1946—1948 гг. люди стремились уехать туда, где было хоть немного лучше, хотя многим и нелегко было решиться на переезд, расставаться с родными местами. Теперь же большинство псковских колхозников не видело особой нужды переселяться из родных мест в Калининградскую область, где условия жизни и труда оказывались примерно такими же.

О том, как живут и работают колхозники в калининградских артелях, многие псковичи были хорошо осведомлены из рассказов «обратников», из писем родственников и знакомых, оставшихся проживать там. Они гораздо охотнее предпочитали переселяться в города, прежде всего в неподалеку расположенный Ленинград, в республики Прибалтики, переходить из колхозов на работу в промышленность и другие сферы, поменяв при этом свой социальный статус. К тому же с середины 1950-х гг. все более интенсивно начинала развиваться промышленность непосредственно в Псковской области, главным образом в Пскове. Появлялись и другие возможно-

сти для приложения рабочих рук, что повлекло массовую миграцию колхозного населения в города. В таких условиях людей мало прельщали государственные льготы для переселенцев, не приносили желаемого результата и усилия, предпринимаемые официальной пропагандой. Чаще других на переселение соглашались жители небольших деревень, признанных «неперспективными»: перед ними в любом случае вставал вопрос — что делать дальше? В калининградских колхозах, по крайней мере, селения были многолюднее, лучше обеспечены учреждениями социально-бытового и культурного назначения.

Пропаганда велась как устно, так и с использованием периодической печати. Колхозников не только агитировали за переселение и разъясняли его условия, но и рассказывали о жизни калининградских районов и артелей, где переселенцам предстояло жить и работать. «Десятки колхозников и работников совхозов Псковщины горячо откликнулись на призыв тружеников сел Калининградской области — приехать к ним на постоянную работу и жительство, — писала, например, весной 1960 г. «Псковская правда», — ...на калининградской земле очень нужны умелые руки. Переселенцам из Псковской области предоставляется работа по специальности: они будут трудиться в тракторных бригадах, на животноводческих фермах, в полевых звеньях, на строительстве жилых и общественных зданий. Год от года богатеют калининградские села. В Озерском районе, например, на 100 га сельхозугодий в минувшем году получено 245 ц молока, 40 ц мяса...» [7].

В то время, когда писались эти строки, план отбора и переселения из Псковской области должен был уже полностью выполнен. В действительности же дело обстояло не столь благополучно. Начальник Главного управления и оргнабора рабочих при СМ РСФСР М. Поляков 22 января 1960 г. написал председателю Псковского облисполкома Я. А. Прушинскому о том, что «по состоянию на 15 января в области не утверждено на переселение ни одной семьи» и что «такое положение с отбором ставит под угрозу срыва выполнение постановления правительства о завершении переселения к началу весенних полевых работ». Он просил руководство области принять все меры к безусловному его выполнению [6, ф. Р. 903, оп. 1, д. 1226, л. 353].

Неудовлетворительное выполнение правительственного задания стало предметом серьезной проверки работы на местах, которая выявила факты настоящего «тихого саботажа» со стороны некоторых райисполкомов и правлений колхозов, не желавших расставаться с

рабочими руками, в которых у хозяйств была острая нужда. После смерти И. В. Сталина и осуждения XX съездом КПСС наиболее одиозных проявлений «культы личности» у местных руководителей постепенно уходил страх, а вместе с тем крепло убеждение, что за невыполнение вышестоящих решений теперь «не казнят». Поэтому некоторые из них и отнеслись к выполнению разнарядки на переселение не как к обязательной директиве, а как к рекомендации, которую можно не выполнить, не боясь серьезного наказания.

Особенно плохо была организована работа в Великолукском районе: решение облисполкома о плане переселения райисполком рассмотрел с запозданием — только 12 января 1960 г., задание по отбору семей не было доведено до колхозов, специальный районный организатор для проведения этой работы выделен не был. Мало того, председатель райисполкома запретил печатать в районной газете какие-либо агитационные материалы о переселении и распорядился пока воздержаться от распространения их среди населения, в результате чего колхозники района вообще не были осведомлены о проводимой кампании. В облисполком даже поступила из района телеграмма о том, что председатели колхозов Великолукского района срывают выполнение плана переселения, задерживают отпуск колхозников. Аналогичным образом запретило публиковать агитационные материалы в газете и руководство Псковского района. Поначалу было намерение командировать в колхозы для проведения работы по отбору переселенцев нескольких представителей районного актива, предварительно проведя с ними подробный инструктаж, но райисполком ограничился тем, что поручил это работникам, выезжавшим на места по другим вопросам. Слабо ознакомленные с задачами и не подготовленные к проведению работы по отбору, они мало что могли сделать в этом направлении. В одной из сводок отмечалось, что в районе имеются желающие переселиться, многие колхозники приходят на пункт переселения узнать об условиях, но когда дело доходит до оформления документов, то председатели колхозов «Красный партизан», «Красный сигнал», «Родина» и др. препятствуют этому. В результате в районе из предусмотренного планом количества семей на переселение не было отобрано ни одной. В Печорском районе райисполком ограничился лишь тем, что опубликовал в районной газете разъяснение об условиях переселения, не проведя после этого никакой организационной работы, и в результате ни одной семьи на переселение тоже не было отобрано. В целом районы вообще к проведению отбора до середины января не приступали.

Инструктор Главного управления переселения и оргнабора рабочих при СМ РСФСР В. Лебедев просил Псковский облисполком для ускорения работы и неукоснительного выполнения постановления правительства «созвать совещания председателей колхозов и сельсоветов, на которых поставить вопрос о безусловном и своевременном выполнении задания правительства по переселению», опубликовать во всех районных газетах материалы по переселению, командировать в колхозы работников из числа районного актива для проведения работы с переселенцами, разъяснению представляемых льгот, условий жизни в местах вселения, решительно преодолеть имевшие место факты местнического отношения к переселению, обеспечить незамедлительное оформление документов на семьи, изъявившие желание переселиться [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1226, л. 338—339, 354].

В связи с уточнением условий для отбора переселенцев и явной невозможностью ряда районов выполнить план облисполком пошел на частичную корректировку ранее утвержденной разрядки, изменив и перечень районов, и контрольные цифры переселения. На день отправки вышеуказанного предписания облисполкома положение с отбором переселенцев и оформлением необходимых документов было следующим (табл. 1).

Таблица 1

**Сводка о ходе подготовки к переселению колхозников
из Псковской области (на 30 января 1960 г.)**

Район	План переселения (семей)	Поступило заявлений	Оформлено на переселение (семей)	В стадии оформления
Великолукский	10	10	—	10
Невельский	5	3	—	5
Новоржевский	25	14	5	10
Новосокольнический	5	6	—	6
Опочецкий	40	65	20	30
Печорский	30	—	—	—
Псковский	35	10	2	5
<i>Всего</i>	150	108	27	62

Источник: [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1226, л. 356].

Уполномоченный Псковского пункта переселения и оргнабора рабочих Е. Капустин прямо указывал, что «результаты работы были бы гораздо большими, если бы в выполнении плана отбора были заинтересованы местные руководители». В тот же день всем председателям райисполкомов, где положение оказалось особенно угрожающим, было направлено за подписью председателя облисполкома Я. А. Прушинского телеграфное предписание: «Состояние на 30 января оргработы по выполнению плана переселения семей колхозников по вашему району крайне неудовлетворительно. Срочно примите меры к безусловному выполнению плана, о ходе информируйте облисполком каждую 5-дневку» [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1226, л. 355].

Но и после этого немедленного перелома в положении дел не произошло. Тот же уполномоченный вскоре отметил, что, «если другие районные газеты своевременно напечатали материалы по переселению, то редакция "Псковского колхозника" это сделала только 5 февраля 1960 г., и то в таком сокращенном виде, что эта статья не может привлечь на себя внимание. Желаящие из некоторых колхозов на переселение есть, но председатели колхозов их не отбирают и другими не заменяют... Псковский район, — писал он далее, — может выполнить план, если не будет искусственных препятствий, и к этому вопросу будет уделено достаточное внимание. По Печорскому району видно, что план выполнен не будет. Туда выезжали работники пункта, прилагали большие усилия местные работники, но безуспешно...» [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1226, л. 358]. В добавление к предыдущим показателям новые цифры отнюдь не внушали уверенности в успешном выполнении плана. На 9 февраля 1960 г. положение по районам области было следующим (табл. 2).

Таблица 2

**Сводка о ходе подготовки к переселению колхозников
из Псковской области (на 9 февраля 1960 г.)**

Район	План переселения (семей)	Поступило заявлений	Оформлено на переселение (семей)	В стадии оформления
Великолукский	5	—	4	—
Невельский	5	6	—	—
Новоржевский	25	6	4	12
Новосокольнический	10	3	4	5

Окончание табл. 2

Район	План переселения (семей)	Поступило заявлений	Оформлено на переселение (семей)	В стадии оформления
Опочецкий	30	—	—	—
Печорский	40	29	8	7
Псковский	35	3	3	4
<i>Всего</i>	150	47	24	29

Источник: [6, ф. Р-903, оп. 1, д. 1226, л. 357].

В результате первый эшелон с переселенцами в Калининградскую область вместо планируемого февраля отправился лишь в начале апреля 1960 г. Сформирован он был на станции Остров, и с ним выехало, как и предусматривалось планом, 75 семей — из Псковского, Новоржевского, Опочечского, Новосокольнического и Великолукского районов. Отправка второго эшелона планировалась на вторую декаду апреля, и с ним должно было выехать еще 75 колхозных семей [7]. Следовательно, к началу весенних полевых работ переселенцы устроиться на новых местах по-настоящему не успевали.

Главным организатором переселения выступал Ленинградский отдел Главного управления переселения и оргнабора рабочих, поскольку с конца 1950-х гг. наиболее важные вопросы жизни Псковской области решал Ленинградский совнархоз. В Пскове же в то время существовал лишь пункт переселения и оргнабора рабочих во главе с уполномоченным. С 1 июля 1960 г. вместо него был организован отдел, но тут выяснилось, что план переселения колхозников из Псковской области в Калининградскую оказался невыполненным на 22 семьи. В связи с этим Главное управление изменило для области направление переселения, обязав ее направить эти самые 22 семьи уже не в Калининградскую область, а в Омскую. «Но мы не сможем выполнить это задание потому, — отмечал вновь назначенный начальник отдела, — что облисполком не стал пересматривать свое прежнее решение в части направления переселения» [6, ф. Р-1121, оп. 1, д. 230, л. 4, 93].

Помимо этого задания Псковская область обязывалась по указанию из Москвы дополнительно переселить в 1960 г. рабочую силу (хотя и не из сельской местности) в другие регионы страны. Ровно 50 семей квалифицированных рабочих предполагалось направить для постоянной работы в Челябинскую область, такое же количество —

в распоряжение Тюменского совнархоза. В 1961 г. 100 семей псковских колхозников и рабочих совхозов предполагалось переселить в хозяйства Оренбургской области. Для работы на хлебоприемных пунктах в Челябинской области требуемое число работников было отобрано, но отправлено было только 30 семей, остальные 20 семей Челябинское управление хлебопродуктов отказалось принимать «по причине отсутствия жилплощади» [6, ф. 1121, оп. 1, д. 230, л. 40, 44, 94]. В 1962 г. из Москвы поступило предписание о переселении 100 семей в Амурскую область. Кроме того, в областные органы ежегодно поступали планы оргнабора рабочей силы в другие отрасли и регионы страны: в 1960 г. — 500 чел., в 1961 и 1962 гг. — по 700 чел. Все это вело к общему сокращению трудовых ресурсов в Псковской области, и без того ими не богатой.

Особенно ощущалась их нехватка на селе. По данным на 1 января 1961 г. в колхозах области числилось 149,4 тыс. трудоспособных колхозников (из общего числа членов колхозов в 247 тыс. чел.). Помимо них в общественном производстве принимали участие 12,9 тыс. подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Постоянно привлекались со стороны не менее 1,6 тыс. работников. В среднем на каждого трудоспособного в 1960 г. приходилось 5,1 га пашни [6, ф. 1121, оп. 1, д. 239, л. 1, 15].

Переброска трудовых ресурсов из одной области в другую в исключительных случаях имела смысл, но превращаясь в периодически повторяющиеся кампании, она очень часто не достигала целей. В отношении Калининградской области об этом откровенно выразился в июне 1961 г. начальник Главного управления переселения и оргнабора рабочих при СМ РСФСР М. Поляков: «Переселение утрачивает значение, которое оно имело в первые годы заселения области, и в настоящее время направлено в большей мере на восполнение выездов колхозников из колхозов». Дальнейшее заселение сельской местности области, по его мнению, «следовало прекратить и сосредоточить внимание на обеспечении хозяйственного устройства переселенцев и закреплении их в колхозах с тем, чтобы создать стабильные кадры в сельском хозяйстве области» [2, с. 203].

Особенно сильно страдали от подобных действий регионы, откуда постоянно вычерпывались все новые группы переселенцев. Сегодняшнее состояние безлюдья в сельской местности Псковской области в определенной степени есть результат непродуманной переселенческой политики.

Список источников и литературы

1. *Население России в XX веке: Исторические очерки.* Т. 2. 1940—1959 гг. М., 2001.
2. *Манкевич Д. В.* Некоторые аспекты демографического развития калининградского села в 1950-е годы // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2007.
3. *Отделение* документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области.
4. *Численность*, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1961.
5. *Филимонов А. В.* Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946—1948) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2015.
6. *Государственный архив* Псковской области.
7. *Псковская правда.* 1960. 10 апреля.

Попытки решения продовольственной проблемы в СССР в период политического лидерства Н. С. Хрущёва

Рассматривается аграрная политика советского государства в период политического лидерства Н. С. Хрущёва. Особое внимание уделяется попыткам правительства увеличить производства зерна за счет экстенсивных методов хозяйствования и введения в оборот новых земель, а также изучению колхозной экономики в традиционных сельскохозяйственных районах страны.

The article deals with the agrarian policy of the Soviet state in the period of political leadership of N. S. Khrushchev. Particular attention is paid to the government's attempts to increase grain production through extensive methods of management and the introduction of new lands, as well as the study of the collective farm economy in the traditional agricultural areas of the country.

Ключевые слова: аграрная политика КПСС, советское государство, колхозы, культура землепользования колхозов.

Keywords: agrarian policy of the CPSU, Soviet State, collective farms, land usage culture of the collective farms.

Социально-экономическая стабильность в обществе в значительной степени зависит от обеспечения населения продуктами питания, решения проблемы продовольственной безопасности. На современном этапе внешнеполитические проблемы поставили Россию перед новым вызовом: санкции западных держав осложнили развитие отечественной экономики. В результате проблема продовольственной безопасности стала актуальной как никогда. Сама действительность ставит на повестку дня вопрос создания высокоэффективного сельского хозяйства.

Парадокс данной ситуации заключается в том, что за последующие несколько лет одной из наиболее динамично развивающихся отраслей российской экономики стало сельское хозяйство. Программа государственной поддержки позволила увеличить производство многих продовольственных товаров. Более того, значительно выросли объемы экспорта продовольствия. Указанное обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что сельское хозяйство — не «черная дыра» отечественной экономики, а сектор динамичного роста.

Анализ уроков прошлого необходим. Он дает возможность глубже осознать сущность проблемы, понять причины, тормозившие развитие экономики. В научном сообществе ведутся дискуссии о путях развития аграрного сектора, о роли и соотношении крупного хозяйства и фермерского, о модернизации аграрной экономики и т. д. Глубокое понимание современного состояния сельского хозяйства, причин его отставания требует тщательного изучения советской истории, именно там корни многих нынешних проблем. В свете изложенного представляется весьма поучительным опыт хрущёвского аграрного реформаторства. В первую очередь это касается решения продовольственной проблемы. В первые послевоенные десятилетия продовольственная проблема рассматривалась советским правительством преимущественно как проблема нехватки хлеба.

В начале 1950-х гг. в СССР нехватка хлеба ощущалась даже в крупных промышленных центрах. На сентябрьском пленуме ЦК КПСС (1953 г.) были приняты решения по переводу сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Планировалось увеличить капиталовложения в аграрный сектор экономики, поднять уровень механизации работ в земледелии и животноводстве, улучшить подготовку кадров специалистов и механизаторов. Системная работа по переводу сельского хозяйства на интенсивный путь развития требовала решения комплекса социально-экономических проблем, больших финансовых и материальных ресурсов. Ее невозможно было произвести за счет разовых мероприятий.

Ставшему во главе партии Н. С. Хрущёву хотелось получить результаты немедленно и, как он выражался, «выиграть время». Дезорганизованное событиями 1953 г. руководство партии и советского государства не смогло устоять перед напором Первого секретаря ЦК КПСС, который добился принятия решения по освоению целинных и залежных земель на Востоке страны. В 1954 г. в аграрной политике государства произошел новый поворот. Н. С. Хрущев сумел убедить

партию в том, что старопахотные районы 2—3 года смогут обойтись без поступления новой сельскохозяйственной техники, так как они обладают крепкой материально-технической базой и квалифицированными кадрами механизаторов.

Так ли это было на самом деле? Действительно, довоенный уровень механизации основных видов сельскохозяйственных работ в колхозах Центрального Черноземья к 1954 г. удалось превзойти. Укрепление материально-технической базы МТС в послевоенные годы привело к снижению нагрузки пахотной земли на 1 условную лошадиную силу (НР) тракторного парка. Так, в колхозах Курской области по состоянию на 1 января 1954 г. нагрузка на 1 НР тракторного парка МТС составила 11,3 га против 18,4 га на 1 января 1941 г., она уменьшилась на 7,1 га, или 39% [5, ф. 1, оп. 2, д. 2196, л. 9].

Однако рост механизации сельскохозяйственных работ в колхозах проходил в условиях, когда обеспеченность пахотных земель механическим и живым тяглом лишь незначительно превысила довоенные показатели. Это было связано с резким сокращением поголовья рабочего скота. В итоге в расчете на 1 НР в колхозах Курской области на 1 января 1954 г. приходилось 9 га пахотных земель. В 1940 г. этот показатель составлял 9,8 га, то есть он уменьшился в рассматриваемое время всего лишь на 0,8 га, или на 8% [5, ф. 1, оп. 2, д. 2196, л. 9].

К 1954 г. машинно-тракторные станции Центрального Черноземья механизировали основные виды полевых работ в колхозах. Но они по-прежнему не обладали материально-техническими ресурсами для выполнения всего комплекса сельскохозяйственных работ в агротехнические сроки. Часть обязательств перед колхозами МТС систематически не выполняли в полном объеме. Это относится к циклу работ осеннего периода: подъему черного пара и зяби, лущению стерни, уборке сахарной свеклы и т. д.

Для понимания сути происходящего важно подчеркнуть, что выполнение производственной программы по тем или иным видам тракторных работ в МТС достигалось за счет растягивания сроков их проведения. В 1953 г. в курских колхозах тракторные бригады МТС выполнили 99,3% всех работ по вспашке чистых паров, 98,5% — по подъему зяби, 94,2% — по уборке сахарной свеклы, 88,1% — по посеву яровых культур [5, ф. 1, оп. 2, д. 2196, л. 10]. План подъема ранних паров МТС перевыполнили на 9%. На первый взгляд, это показатель успешной работы тракторных бригад. Если иметь в виду

труд механизаторов — так оно и есть. Но если учитывать агротехнические нормативы, то картина представляется в ином свете. Порядка 320 тыс. га, или 69% общей площади пара, были вспаханы после 1 июня, то есть за пределами агротехнических сроков. Такая же обстановка сложилась с выполнением работ по подъему зяби. Задания по подъему зяби МТС перевыполнили на 1,9%. Но и эта работа обесценивалась тем, что около 290 тыс. га, или почти 40% всей площади зяби, были вспаханы после 1 октября. При высоком уровне механизации уборки зерновых более 200 тыс. га, или 20% их площади, были убраны комбайнами после 1 сентября [5, ф. 1, оп. 2, д. 2186, л. 41—42].

Наибольшие трудности возникали при проведении весенних полевых работ, когда растягивание их сроков особенно негативно сказывалось на урожайности. В Курской области тракторные агрегаты МТС в 1953 г. засеяли в колхозах почти $\frac{9}{10}$ клина яровых культур, но в первые 6 рабочих дней (в оптимальный срок) было засеяно лишь 11% площади [5, ф. 1, оп. 2, д. 2186, л. 33].

Слабость материально-технической базы и неразвитость производственной инфраструктуры МТС, высокая степень изношенности сельскохозяйственной техники, низкий уровень квалификации значительной части механизаторов приводили к частым поломкам машин и прицепного инвентаря и продолжительным простоям агрегатов. В 1952 г. простои машинно-тракторного парка в МТС Тамбовской области составили 1 млн тракторосмен, или 45% от их количества [7, ф. 1045, оп. 1, д. 8857, л. 12], в МТС Орловской области — 673 тыс., или около половины рабочего времени [6, ф. п-52, оп. 8, д. 8, л. 74].

Вопрос качества полевых работ в колхозах постоянно обсуждался на пленумах обкомов партии Центрального Черноземья. Отмечалась положительная динамика в работе колхозников, но уровень агротехнической культуры на колхозных полях оставался очень низким. Колхозные поля обрабатывались не в силу агрономических потребностей, а в соответствии с возможностями машинно-тракторных станций. В итоге несоблюдение агротехнических условий при выполнении тракторных работ стало обыденным явлением. В 1952 г. в колхозах Тамбовской области из общего объема тракторных работ МТС только $\frac{2}{3}$ были произведены в установленные сроки. Руководители многих колхозов, зная истинное положение дел в МТС, не требовали от них строгого соблюдения сроков и качества работ,

скрывали недостатки от районного начальства. «В итоге получается странная картина, — изумлялся секретарь Тамбовского обкома КПСС Золотухин на пленуме обкома в декабре 1952 г., — колхоз оценивает работы МТС на "хорошо" и "отлично", а урожай получает по 7—8 центнеров с гектара» [7, ф. 1045, оп. 1, д. 9613, л. 17]. На пленуме приводились факты, свидетельствующие о неблагополучном положении дел при проведении полевых работ в колхозах. В 1952 г. в хозяйствах Тамбовской области сев ранних яровых культур вместо 6—8 дней продолжался 20 дней. Только $\frac{1}{3}$ ранних паров была поднята в срок до 10 июня, а уход за парами проводился вообще без соблюдения каких-либо агротехнических сроков [7, ф. 1045, оп. 1, д. 9613, л. 17].

Положение в ряде других районах было еще хуже. В отдельных хозяйствах Тамбовской области средняя нагрузка на один 15-сильный трактор в 1953 г. доходила до 670 га мягкой пахоты [7, ф. 1045, оп. 1, д. 9613, л. 10]. Из-за нехватки техники колхозы вели весеннюю посевную кампанию в течение 81 дня [7, ф. 1045, оп. 1, д. 10114, л. 50—51].

Слабость материально-технической базы не позволяла выполнять сельскохозяйственные работы в оптимальные агротехнические сроки. Отсюда низкая урожайность: в колхозах Воронежской области во второй половине 1940-х гг. она составляла порядка 7 ц с га, а в начале 1950-х гг. увеличилась примерно на 1 ц [4, ф. 3, оп. 33, д. 59, л. 10]. Во многих колхозах Орловщины урожайность зерновых в это время не превышала 5 ц с га [6, ф. п-52, оп. 8, д. 8, л. 66].

В начале 1950-х гг. в старопахотных районах страны был осуществлен переход на механизированную уборку зерновых. Только объем работ по комбайновой уборке зерновых выполнялся за счет растягивания сроков. Так, в 1953 г. комбайновые агрегаты МТС убирали урожай в колхозах Старо-Юрьевского района Тамбовской области 90 дней [8, ф. р-3443, оп. 1, д. 1880, л. 76]. Если в начале уборки урожайность составляла 8 ц с га, то в конце — 2,3 [7, ф. 1045, оп. 1, д. 10114, л. 51].

После смерти И. В. Сталина руководство страны осознало непомерность масштабов изъятия ресурсов из сельского хозяйства. Осенью 1953 г. были приняты меры по снижению налогового бремени колхозов и сельского населения, повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, по укреплению

МТС. Ставший в сентябре 1953 г. Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущёв хотел немедленных успехов. Под его давлением принимается программа освоения целинных и залежных земель в Казахстане, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа. Увеличение посева зерновых культур в районах освоения новых земель на 13 млн га при урожайности не менее 14—15 ц с га, по расчетам Хрущёва, должно было дать 1100—1200 млн пуд. хлеба, из них товарного — 800—900 млн пуд. [14, т. 1, с. 85].

Переубедить Хрущёва было невозможно [9, с. 113]. Сразу же возник вопрос о сельскохозяйственной технике. Немедленно увеличить производство тракторов и других сельскохозяйственных машин было невозможно, все действующие заводы уже работали на полную мощность. «И тогда мы решили на два-три года задержать выделение тракторов, комбайнов и другого сельскохозяйственного инвентаря в обжитые районы, а эту технику двинуть в Казахстан», — вспоминал Н. С. Хрущёв [13, кн. 4, с. 76—77]. На целину в 1954 г. было запланировано поставить 120 тыс. тракторов (в 15—сильном исчислении), 10 тыс. комбайнов и соответствующее количество тракторных плугов, сеялок, тяжелых дисковых борон, культиваторов и других сельскохозяйственных машин [10, т. 4, с. 96]. В целинные районы была направлена большая часть производимых в стране тракторов и более четверти — комбайнов.

Целинная эпопея захватила Н. С. Хрущёва. Не дождавшись первых результатов, на июльском (1954 г.) пленуме ЦК КПСС он ставит вопрос о дополнительном освоении еще 15 млн га целинных земель. Оппоненты Хрущёва остановить его не смогли и на этот раз. Производство зерна на целине потребовало значительных инвестиций. Но все задачи решить не удалось. Там не хватало зернохранилищ, транспортная сеть оставалась неразвитой, большое количество хлеба гнило под дождем, оставалась слабой ремонтная база.

На XX съезде партии (1956 г.) Хрущёв выступал в качестве безусловного лидера, гордился успехами. Особо выделял результаты освоения целины: за 2 года по всей стране было распахано 33 млн га целинных и залежных земель [11, ф. 5, оп. 24, д. 99. л. 158—159]. В отчетном докладе, разумеется, нет упоминания о том, что из-за нехватки материально-технических ресурсов перестали обрабатываться огромные площади старопахотных земель. В Российской Федерации за 1954—1956 гг. было выведено из обработки 3,5 млн га старопах-

хотных земель. В среднегодовом исчислении посевы зерновых культур в целом по СССР увеличились только на 16,6 млн га в первое десятилетие целинной эпопеи. Не оправдались надежды на высокие целинные урожаи. Средняя урожайность зерновых в Казахстане составила в 1954—1958 гг. 7,3 ц с га, а позднее даже понизилась. При таком положении дел прирост урожайности в стране примерно на 1 ц с га был фактически равен по своему результату освоению целины [12, с. 40]. Стратегическим просчетом Хрущёва назвал программу освоения целины И. А. Бенедиктов, занимавший во второй половине 1940-х—1950-х гг. пост министра сельского хозяйства в союзном и российском правительствах [2, с. 4].

В условиях экстенсивного земледелия в стране значительное увеличение пашни и посевов только затрудняло его перевод на интенсивные рельсы. Целина стала ахиллесовой пятой реализации курса партии на подъем урожайности. Введение в хозяйственный оборот десятков млн га целинных и залежных земель привело не только к перераспределению сельскохозяйственной техники в новые районы, но и к понижению общего уровня технической оснащённости сельского хозяйства в целом по стране. Износ техники, ее списание не покрывались поставками новых машин и агрегатов. Особенно недоставало зерноуборочной техники. В 1955 г. нагрузка на комбайн в среднем по Союзу повысилась до 335 га при норме 80—100 га. Высокая нагрузка на зерноуборочную технику означала растягивание сроков уборочной страды и, как следствие, огромные потери зерна, которое просто осыпалось на корню [11, ф. 2, оп. 1, д. 155, л. 36].

В 1956 г. в Казахстане был собран млрд пуд. зерна. За этот успех Хрущёв получил звание Героя Социалистического Труда. Между тем к началу «целинного штурма» сельскохозяйственной техникой не были обеспечены старопашотные районы страны. На начало 1954 г. при потребности в 270 тыс. пропашных тракторов машинно-тракторные станции СССР имели их 115 тыс., или 43% [11, ф. 5, оп. 45, д. 23, л. 28—30]. Машинно-тракторный парк МТС нуждался в кардинальном обновлении и пополнении. В частности, на 1 января 1954 г. в МТС Воронежской области числилось 11260 условных 15-сильных тракторов, из них 36,2% составляли колесные тракторы в основном довоенного выпуска — «СХТЗ» и «Универсал», 19,6% — гусеничные тракторы устаревших марок, снятых с производства к этому времени. Из 2878 15-футовых зерновых комбайнов машин старых

марок было 39% [11, ф. 5, оп. 45, д. 23, л. 28—30]. В разгар «целинного штурма» система снабжения техникой МТС традиционных районов земледелия была парализована. В результате по многим позициям количество техники на колхозных полях заметно сократилось. К примеру, в 1954—1956 гг. наличие плугов в тамбовских МТС уменьшилось на 15% [11, ф. 5, оп. 45, д. 25, л. 69—71]. Аналогичная ситуация сложилась и в других областях РСФСР.

Производство земледельческих работ производилось за счет увеличения сроков их проведения или за счет грубейшего нарушения агротехники, что нередко делало такую работу бессмысленной. В Российской Федерации в 1957 г. трактор использовался в 4 раза интенсивнее, чем в Англии, а на одинаковую площадь пашни в Англии приходилось тракторов в 8,8 раза больше, в США — почти в 3,5 раза больше, чем в РСФСР. Схожая ситуация сложилась также по тракторным сеялкам и зерновым комбайнам [11, ф. 5, оп. 45, д. 23, л. 28—30].

Целинная эпопея продлилась вплоть до начала 1960-х гг.: было освоено порядка 45 млн га новых земель. Игнорирование агротехники культурного земледелия диктовалось желанием руководства как можно скорее удовлетворить растущие потребности государства в хлебе без больших капиталовложений. Из структуры севооборотов исключаются клин сеяных трав и чистый пар. В результате к концу 1950-х гг. засоренность полей в целинных районах достигла угрожающих масштабов. Наибольший ущерб зерновому хозяйству нанесли овсюг, осот и полынь. В 1958 г. доля зерна пониженного качества по разным признакам (сорность, поврежденность паразитами, техническая порча и др.) составила 38% [1, с. 161]. Возникла угроза нормального снабжения населения хлебопродуктами.

Во время кампании по распашке целинных и залежных земель «забытыми» оказались старые земледельческие районы. Н. С. Хрущёв, обладая возросшими финансовыми и материальными ресурсами, не сумел их рационально использовать. В погоне за «дешевым хлебом» руководство советского государства отказалось от интенсификации сельского хозяйства. В результате даже имеющиеся возможности не были рационально использованы, а острота продовольственной проблемы была лишь отодвинута на некоторое время.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00386.

Список источников и литературы

1. *Андреенков С.Н.* Целинное земледелие Западной Сибири во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII—XX веках. Оренбург, 2006.
2. *Бенедиктов И.А.* О Сталине и Хрущёве // Молодая гвардия. 1989. №4.
3. *Государственный архив* новейшей истории Липецкой области.
4. *Государственный архив* общественно-политической истории Воронежской области.
5. *Государственный архив* общественно-политической истории Курской области.
6. *Государственный архив* Орловской области.
7. *Государственный архив* социально-политической истории Тамбовской области.
8. *Государственный архив* Тамбовской области.
9. *Молотов, Маленков, Каганович.* 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А.Н. Яковлева. М., 1998.
10. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.* 1917—1967 гг. : сб. документов за 50 лет : в 5 т. М., 1968. Т. 4. 1953—1961.
11. *Российский государственный архив* новейшей истории.
12. *Русинов И.В.* Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. №9.
13. *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания) : в 4 кн. М., 1999. Кн. 4.
14. *Хрущёв Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 5 т. М., 1962. Т. 1. Сентябрь 1953 г. — январь 1955 г.
15. *XX съезд* Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет : в 2 т. М., 1956. Т. 1.

**Освоение целины и сельское хозяйство
старопахотных районов России:
вопросы историографии**

Анализируется историография вопроса о влиянии программы освоения целинных и залежных земель в СССР на развитие старопахотных земель Европейской части России, прежде всего районов Нечерноземья. Отмечается противоречивый характер влияния освоения целины на развитие сельского хозяйства в традиционных земледельческих районах России. Автор делает вывод, что освоение целины сопровождалось изъятием ресурсов из сельского хозяйства других районов страны, но масштабы этого изъятия нуждаются в дальнейшем изучении.

The article analyzes the historiography of the question of the impact of the program of development of virgin and fallow lands in the USSR on the development of old arable lands in the European part of Russia, especially in Non-Chernozem regions. The contradictory nature of the impact of virgin lands development on the development of agriculture in the traditional agricultural regions of Russia is noted. The author concludes that the development of virgin lands was accompanied by the withdrawal of resources from agriculture in other parts of the country, but the extent of this withdrawal needs further study.

Ключевые слова: СССР, сельское хозяйство, целина, Нечерноземный регион, колхоз, совхоз, историография.

Keywords: USSR, agriculture, virgin lands, Non-Chernozem region, collective farm, soviet farm, historiography.

Тезис о негативном воздействии на развитие старопахотных районов кампании по освоению целины, которая потребовала от государства значительных ресурсов, широко представлен в исторической

литературе. Прежде чем перейти к характеристике вопроса в современной литературе, напомним, что оппонентом планов Н. С. Хрущёва по освоению целины был В. М. Молотов. Как отмечал В. М. Молотов в письме в ЦК КПСС (1964 г.), «так называемая антипартийная группа» в 1955—1957 гг. не выступала против принципа освоения целинных и залежных земель. Спор между сторонниками Хрущёва и его оппонентами возник, конечно, не по поводу освоения целинных земель, поскольку каждому было ясно, что их можно и нужно расширять как один из резервов увеличения выхода сельскохозяйственной продукции. Спор шел вокруг вопроса о методах и сроках освоения этих земель, выборе интенсивного или экстенсивного пути дальнейшего развития сельского хозяйства. Противники Хрущёва в принципе не возражали против освоения целинных и залежных земель. Спор шел лишь о масштабах этого освоения, о возможностях государства в предельно сжатые сроки поднять и по-настоящему освоить десятки миллионов гектаров новых земель. Предлагалось осваивать целинные и залежные земли путем предварительного создания условий для переселения людей в новые, необжитые и отдаленные районы. Сторонники этого подхода пытались доказать, что освоение целинных и залежных земель в намеченных масштабах не окупит вложенных средств из-за низкого качества этих земель и физической невозможности государства его повысить. Они полагали что «государству *выгоднее* вложить намечаемые средства в другие, более урожайные земли, с тем чтобы еще более повысить *качественный* уровень нашего сельского хозяйства» [1, с. 81—82].

Чтобы обеспечить освоение целины необходимой техникой, правительство вынуждено было на первых порах резко ограничить поставки машин другим районам. Из 137 тыс. тракторов общего назначения, выделенных сельскому хозяйству в 1954 г., 115 тыс. (83,9%) получили целинные районы. Вместе с тем были приняты меры по расширению объема сельскохозяйственного и тракторного машиностроения. К изготовлению сельскохозяйственной техники был привлечен ряд заводов общего и специального машиностроения. Началась ускоренная реконструкция действующих предприятий по производству тракторов и других сельскохозяйственных машин: расширялись литейные цехи, модернизировалось оборудование, улучшался технологический процесс. Партийные организации возглавили движение рабочих этих заводов за быстрое снабжение деревни новой техникой. Все это дало возможность Советскому государству

уже в 1955—1956 гг. значительно увеличить поставки в деревню новейших сельскохозяйственных машин и оборудования. «За три года только новые совхозы, созданные на целине, получили в свое распоряжение 89 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 34 тыс. зерновых комбайнов и большое количество других машин. Всего для освоения целины совхозы в то время получили 136 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 55 тыс. комбайнов (в 15-футовом исчислении), 89 тыс. зерновых сеялок, 28 тыс. дисковых луцильников, 15 тыс. грузовых автомобилей, 1,7 тыс. передвижных электростанций и много другого оборудования» [2, с. 120—121].

Однако в погоне за расширением посевных площадей мало делалось для решения центральной задачи — поднятия культуры земледелия, повышения плодородия почвы и увеличения на этой основе урожайности сельскохозяйственных культур. Это сказалось в первую очередь на производстве таких ценнейших продовольственных культур, как пшеница, рожь, рис, гречиха, просо. Особенно в трудном положении оказались земледельческие районы Поволжья, Северного Кавказа и Центрально-Черноземной полосы. «Что касается районов бывшей потребляющей полосы Центра, то им не уделялось должного внимания» [3, с. 533].

В освоении целины участвовала вся страна. Нередко целинным районам отдавалось все самое лучшее и современное, материальные и финансовые ресурсы других районов. Это негативно отражалось на развитии колхозного производства в таких регионах, как Нечерноземье, Центрально-Черноземная область (ЦЧО), Поволжье и др. Зато с поступлением хлеба целины была оказана существенная помощь и белорусской, и смоленской, и вологодской деревне. Однако значение этой меры значительно шире: «Мобилизуя усилия народа на освоение целинных земель, партия заботилась не только о подъеме зернового хозяйства в восточных районах, но и о кардинальном решении зерновой проблемы в масштабах всего Советского Союза» [4, с. 16—17].

С целью дальнейшего приращения производства зерна и продукции животноводства страна пошла на отвлечение людских и финансовых ресурсов из уже освоенных районов. Гипертрофированные масштабы, волевые методы, ничем не обоснованные сроки и пр. превратили освоение целины в волонтаристскую сверхпрограмму со всеми вытекающими отсюда последствиями: «Не обеспеченный производственной, да и социальной инфраструктурой марш-бросок на

целинные земли отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной зоны РСФСР...» [5, с. 40]. Ведь здесь село до освоения целины не было столь запустелым. Однако в результате целинной эпопеи пострадали центральные и северные районы страны, на долгие годы обделенные ресурсами. Целина поглощала львиную их долю. «В 1960 г. 55 % всех тракторов, из них 74 % типа "Беларусь", 83 % всех зерновых комбайнов было направлено на целину. Осваивая земли на востоке, мы допустили выпадение земель из оборота на западе и в центре. Освоив 45 млн га на целине, более 13 млн га в это же время (1954—1959 гг.) потеряли в европейской части страны» [6, с. 311—312].

Вопрос о влиянии освоения целины на старопашотные районы РСФСР поднимается в ряде работ В. Н. Томилина. Он считает, что в 1954 г. в районы освоения целинных и залежных земель было направлено 120 тыс. пашотных тракторов (в 15-кратном исчислении), 10 тыс. комбайнов, соответствующее количество тракторных плугов, сеялок, тяжелых дисковых борон, культиваторов и других сельскохозяйственных орудий. Всего в 1954 г. промышленность страны поставила сельскому хозяйству 137 тыс. тракторов общего назначения и 37 тыс. зерновых комбайнов. Таким образом, в первый год «целинного штурма» на освоение новых земель было направлено почти 88 % производимых в стране пашотных тракторов и более 25 % комбайнов. «Введение в хозяйственный оборот десятков миллионов гектаров целинных и залежных земель привело не только к перераспределению сельскохозяйственной техники в новые районы, но и к понижению общего уровня технической оснащённости сельского хозяйства старопашотных районов. Износ техники, ее списание не покрывались поставками новых машин и агрегатов. Особенно недоставало зерноуборочной техники. Затягивание сроков уборочной страды в значительной мере обесценивало труд земледельца» [7, с. 84—85; 8, с. 129—130].

На многочисленных примерах В. Н. Томилин показывает, с какими трудностями сталкивались колхозы и совхозы областей Центрального Черноземья. По его мнению, во время кампании по распашке целинных и залежных земель на Востоке страны «забытыми» оказались главные земледельческие районы в центре. В погоне за «дешевым хлебом» руководство страны, по сути, отказалось от интенсификации сельского хозяйства. Кампания по освоению целины в зна-

чительной степени блокировала развитие сельского хозяйства центральных районов страны. На решение задач, связанных с введением в хозяйственный оборот новых земель, ушли огромные средства, оторванные от районов традиционного земледелия. В пользу целинных районов перераспределялись специалисты сельского хозяйства и механизаторы, а также материальные ресурсы: тракторы, комбайны, автомобили, запасные части, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, строительные материалы, горюче-смазочные материалы и др. [7, с. 91—92].

Отвлеченные от традиционных районов земледелия, на целину шли материально-технические и людские ресурсы. Только в 1954—1958 гг. на освоение целинных и залежных земель государство израсходовало 30,7 млрд руб., или 31,6% всех средств, направленных в сельское хозяйство страны. Освоение целинных и залежных земель «дало существенную прибавку зерна, но при этом катастрофически ускорилось запустение центральных районов России, прежде всего Нечерноземья» [8, с. 130].

По мнению А.И. Шевелькова, в период нахождения у власти Н.С. Хрущёва (1953—1964) с 1954 г. основное внимание было уделено освоению целинных и залежных земель. На решение этой задачи направлялась четверть финансов, выделенных для сельского хозяйства страны, а также практически вся новая сельхозтехника. Более того, из колхозов и совхозов центральных районов страны в целинные хозяйства шли техника, семена, людские ресурсы, что привело не только к ослаблению материально-технической базы сельхозпредприятий, но и обострению кадровой проблемы, нарастанию миграции [9, с. 394].

Не вызывает сомнений тот факт, что на развитие целины изымались определенные ресурсы из старопашотных регионов. Более того, этот факт признавал и сам инициатор освоения целины. Приведем слова Н.С. Хрущёва: «Чтобы обеспечить целинные районы сельскохозяйственной техникой, мы решили на два-три года задержать выделение тракторов, комбайнов и другого сельскохозяйственного инвентаря в обжитые районы, а эту технику двинуть в Казахстан» [10, с. 80].

Итак, освоение целины негативно отразилось на развитии старопашотных районов страны. Тезис правильный, но возникают вопросы. Развитие старопашотных районов в 1950-е гг. носило весьма противоречивый характер. По мнению А.И. Шевелькова, решения сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС по вопросам развития сель-

ского хозяйства оказали положительное, но не решающее влияние на развитие аграрного производства в Нечерноземной зоне РСФСР. Несмотря на то, что в 1954—1955 гг. была укреплена материально-техническая база колхозов и совхозов, на которую государство выделило более 400 млн руб., существенных сдвигов в аграрном секторе региона в первой половине 1950-х гг. не произошло. Но наметились определенные сдвиги в росте объемов животноводческой продукции. По данным Госплана СССР, во второй половине 1950-х гг. ежегодный прирост производства мяса составил 90 тыс. т (8%), молока — 980 тыс. т (10%), яиц — 280 млн штук (8%), шерсти — 1,2 тыс. т (6%). Хуже обстояло дело с восстановлением производства зерновых: довоенный уровень производства зерна был достигнут только в 1967 г. [9, с. 394].

По словам В. Н. Томила, в период целинной кампании наблюдается существенный рост сельскохозяйственного производства в центральных аграрных районах страны. При этом происходит сокращение площади зерновых в структуре посевов. В Центральном Черноземье в середине 1950-х гг. произошло резкое увеличение площади посевов сахарной свеклы, подсолнечника, кукурузы на зерно, зеленый корм и силос. В 1953—1957 гг. в Белгородской области посевы кукурузы увеличились с 11,8 до 208 тыс. га, сахарной свеклы — с 69,5 до 85 тыс. га. И при этом белгородские колхозы в указанный период смогли увеличить производство зерна (без кукурузы) с 40 до 59,3 млн пудов, то есть в 1,5 раза за счет роста урожайности, которая выросла в 1,7 раза. Отмеченные успехи были достигнуты в условиях резкого сокращения поступления сельскохозяйственной техники. В первые 2—3 года целинной эпопеи колхозное производство центральных районов страны использовало машинно-тракторную базу, сформированную к началу 1954 г. [7, с. 91—92].

По мнению известных экономистов-аграрников В. В. Милосердова и К. В. Милосердова, сельскому хозяйству центральных регионов России был нанесен вред массовым освоением целинных и залежных земель, куда стали уезжать лучшие сельскохозяйственные кадры. Ухудшило положение дел укрупнение колхозов и совхозов, нарушение ранее принятых прогрессивных решений по изменению практики планирования, борьба с травопольной системой земледелия, лозунг «отмирания» личных подсобных хозяйств, ликвидация так называемых «неперспективных» деревень и многие другие волонтеристские решения [11, с. 198]. Из сказанного следует, что негатив-

ный вклад в печальную участь сельского хозяйства Нечерноземья и других районов России внесли все волонтаристские начинания Н.С. Хрущёва в аграрной области, а не только целинная кампания.

Ясно, что старопахотные районы получили ресурсов в меньшем объеме по причине их перераспределения в пользу целины. Но зададимся вопросом: если бы ресурсы на развитие сельского хозяйства старопахотных районов перенаправлялись не на целину, а в эти районы, как это отразилось бы на развитии их сельского хозяйства? Мы, конечно, не знаем, каким был бы результат, а можем только предполагать. Строго говоря, спор идет о несостоявшейся, нереализованной альтернативе. Значит, в этом споре невозможно установить истину. Но чтобы наши предположения выглядели убедительнее, обратимся к опыту истории. Мы знаем, например, что грандиозные затраты на развитие Нечерноземья по программе 1974 г. немногим изменили ситуацию в регионе, что укрепляет наши сомнения.

В полемике с И. В. Русиновым Ю. П. Денисов пишет:

Автор [И. В. Русинов] характеризует освоение целинных и залежных земель как «нереальную сверхпрограмму». По его мнению, будь капиталовложения, брошенные на освоение целины, вложены в старопахотные земли, эффект был бы большим. Но такая постановка вопроса вызывает серьезные сомнения. ... Горький опыт Нечерноземной зоны РСФСР развеивает иллюзию, будто в 50-е годы было бы лучше не целину осваивать, а Нечерноземье поднимать. На развитие сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1976—1984 гг. было направлено 65 млрд руб. капитальных вложений. А отдача, как известно, более чем скромна, особенно в растениеводстве. Так, в 1973 г. урожайность зерновых культур здесь составила 13,8 ц/га, а в 1985 г. — 14,4 ц/га. Где гарантия того, что эффективность капитальных вложений в Нечерноземье в 50-е годы была бы выше? Думается, напротив, при значительно меньших возможностях государства, при неразвитости промышленности минеральных удобрений, при невысокой культуре земледелия она оказалась бы еще более низкой. <...> Вряд ли какой-либо вариант увеличения производства зерна, альтернативный избранному, был бы предпочтительнее. Другое дело, что в методах освоения целины было много ошибочного, субъективистского, нерационального, что многие трудности создавались искусственно [12, с. 64].

В начале 1950-х гг. состояние многих колхозов в Нечерноземье было тяжелым. Как отмечает М. Л. Богденко, многие колхозы в старопахотных районах, разоренные войной, не смогли восстановиться

вплоть до 1953—1954 гг., экономически отставали, в значительной мере утратили надежду на подъем [2, с. 146, 148, 171]. Для их подъема нужны были огромные ресурсы и не один год работы. И в эти колхозы вкладывать средства для интенсификации — а не в целину? Как можно было бы возродить такие колхозы? Вложить в них деньги и прямо подчинить государству, а для этого необходимо было преобразовать колхозы в совхозы. На практике так и было: с целью подъема таких хозяйств они реорганизовывались в совхозы. В 1954—1958 гг. на базе 8,5 тыс. колхозов страны были созданы 1120 новых совхозов. Для укрепления вновь созданных хозяйств государство выделяло им значительные средства. Именно *выделяло*, а не изымало. Отмечая трудности в развитии совхозов, созданных на базе экономически слабых колхозов, М. Л. Богденко приводит примеры роста урожайности, продуктивности животноводства и производительности труда [2, с. 144—171]. Таким образом, от интенсификации старопашотных районов никто не отказывался. Целина не перекрыла пути интенсификации, в том числе и в Нечерноземье, в период освоения целины средства из старопашотных регионов не только изымались, но и вкладывались в них. А каков баланс? На этот вопрос у нас нет ответа.

Факт перераспределения ресурсов в пользу целинных районов не отрицался и в советской литературе. Причем в одних исследованиях обращалось внимание на вынужденный и временный характер этой меры, а в других — на ущемление интересов хозяйств в старопашотных районах.

Признавая вынужденный характер и объективную необходимость перераспределения ресурсов в пользу целинных районов, сторонники этой точки зрения фактически исходят из признания правильности стратегического курса аграрной политики, направленного на освоение целины. Авторы, которые акцентируют внимание на ущемлении интересов Нечерноземья и других регионов России ради освоения целинных районов, полагают, что альтернатива (назовем ее условно «альтернатива Молотова») была бы предпочтительнее. Однако обе точки зрения носят характер оценочных суждений. Почему? Потому что не исследован глубоко вопрос о том, сколько ресурсов (в целом и по структуре) было направлено на целину, сколько изъято из старопашотных районов (сколько недополучили по сравнению с предыдущими годами), какова динамика по годам, каковы масштабы перераспределения ресурсов по регионам СССР / России в

годовой динамике и т. д. Все эти вопросы не изучены в достаточной степени в исторической литературе. Поэтому сделать окончательные выводы не представляется возможным.

Оценивая проблему перераспределения ресурсов и признавая, что они в приоритетном порядке направлялись в целинные районы (причем в определенной степени за счет других регионов), мы должны ответить на принципиально важный вопрос: с какой целью это делалось? Если это делалось ради скорейшего решения зерновой проблемы, ради обеспечения продовольственной безопасности страны в непростых международных условиях, то мы должны признать целинный вариант приоритетным. Если целина — это императив, то перераспределение ресурсов в пользу целины — целесообразно и неизбежно. Не будем забывать, что ресурсов в стране никогда не было в избытке, и потому они распределялись с учетом определенных приоритетов. Разумеется, так было во все времена, потому что «лишних» денег в СССР / России никогда не было. Другое дело, что ресурсы, отнятые у других и выделенные целинным хозяйствам, были использованы далеко не оптимальным образом. Потому и освоение целины не дало того эффекта, на который рассчитывали и политики, и общество.

Еще один аспект. Тот факт, что освоение целины происходило за счет перераспределения ресурсов из Нечерноземья и других регионов, неоспорим. Но если бы ресурсы не направили на освоение целины, то в целях будущей интенсификации сельского хозяйства они ушли бы не в старопашотные регионы, а в промышленность, в города, где ускорилось бы развитие отраслей промышленности, обеспечивающих интенсификацию сельского хозяйства. А сельское хозяйство Нечерноземья еще долгие годы оставалось бы без достаточных средств.

Поставим вопрос несколько иначе: а сколько ресурсов пришлось бы выкачать из сельского хозяйства Нечерноземья для проведения работ по переводу сельского хозяйства региона на интенсивные рельсы? Интенсификация на той стадии — это прежде всего индустриализация (тракторы, комбайны, электричество и др.), которая в России всегда проходила за счет деревни, далее — научная база (агронимия, селекция, генетика и др.), инфраструктура — дороги, элеваторы, холодильники, и, наконец, квалифицированные кадры. Для развития отраслей промышленности, логистики, аграрной науки, способных в перспективе обеспечить создание условий для интен-

сификации сельского хозяйства региона, нужны средства. Это означает, что ресурсы нужно вкладывать в первую очередь в эти направления, а не непосредственно в Нечерноземье. Если сначала нужно создать условия для интенсификации через развитие сельхозмашиностроения, химической и других отраслей, то что делать с Нечерноземьем в эти годы? Обратим внимание на следующий факт. Известно, что в соответствии с курсом мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. на развитие отраслей, обеспечивающих укрепление материально-технической базы АПК, предусматривались огромные ресурсы, превосходившие затраты на освоение целины. Целину уже освоили, а Нечерноземье, как и прежде, получало недостаточно ресурсов, что вело к обострению противоречий в регионе.

Рассмотрим следующий, казалось бы, парадоксальный вывод. По мнению В. А. Шестакова,

аграрные новации Хрущёва сломали сложившийся менталитет правящей элиты, сняли с сельского хозяйства печать второсортности. Создавая своими инициативами тупиковые ситуации в политике и экономике, Хрущёв выдвигал в качестве выхода парадоксальные, с точки зрения господствовавшего мышления, решения. Так, сконцентрировав все доступные ресурсы на освоении целины на востоке, Хрущёв тем самым только обострил вопрос о необходимости переориентации обескровленного сельского хозяйства Европейской части СССР на экономические стимулы [13, с. 116—117].

Таким образом, в отечественной литературе отмечается не подлежащий сомнению факт изъятия средств из старопахотных районов в пользу целинных. Однако обстоятельных исследований по данному вопросу нет. Можно назвать лишь несколько исторических работ, где этот вопрос изучался подробно, на базе фактов и цифр. В этой связи отметим уже упомянутые исследования В. Н. Томилина, где полно и убедительно изучен вопрос о негативном влиянии перераспределения ресурсов в Центральном Черноземном центре России на состояние материально-технической базы сельхозпредприятий.

Как правило, тезис об изъятии ресурсов и ущемлении интересов Нечерноземья подкрепляется отдельными примерами или несопоставимыми цифрами. Сколько в реальности изъяти ресурсов из сельского хозяйства Нечерноземья и других нецелинных районов, современная историческая наука сказать не может. С этой точки зре-

ния тезис об изъятии ресурсов следует признать аксиомой, а не строго доказанным выводом. Во всяком случае, сегодня мы оперируем *очевидно* верным выводом, который статистически подтвердить не можем — особенно, если взять в расчет региональный и отраслевой аспекты данного вопроса, то есть сколько изъяли из той или иной области — и тем более в разрезе хронологическом. Наука не располагает такими исследованиями. Разумеется, в прежние годы эти сведения не были доступны историкам. В настоящее время источниковая база расширяется, что должно сказаться на содержании выходящих книг.

И последнее. Конечно, в период освоения целины Нечерноземье оказалось среди обделенных районов. Но, как представляется, дело не только в целине. Это результат тех острейших социально-экономических противоречий, которые длительное время были характерны для Нечерноземья.

Причины отставания сельского хозяйства Нечерноземья имеют глубокие исторические корни. На это обстоятельство неслучайно обращается внимание в научной литературе, которая в числе причин называет последствия индустриализации и коллективизации, разорение региона в годы Великой Отечественной войны, чрезмерные масштабы освоения целины, отвлекавшие ресурсы из сельского хозяйства Нечерноземья.

Говоря об исторических корнях отставания сельского хозяйства Нечерноземья, следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Как справедливо отмечал академик Л. В. Милов, особенность истории Российского государства состоит в том, что природно-климатические условия создавали в стране из века в век крайне неблагоприятную обстановку для развития сельского хозяйства. В силу этого «огромные пространства российского Нечерноземья веками были ареной практически убыточного, хотя и общественно необходимого, сельского хозяйства» [14, с. 189].

Конечно, прошлые века давно ушли в историю, однако указанный фундаментальный фактор сохранил свое значение и в XX в. В таких условиях курс на создание высокоразвитого аграрного сектора мог быть успешным лишь в случае разработки и реализации эффективной аграрной политики. Однако такая политика не была выработана.

В этой связи хотелось бы указать на тот факт, что признавая отставание сельского хозяйства Нечерноземья и верно отмечая много-

численные его противоречия и проблемы, партийно-государственное руководство не смогло предложить действительно приоритетную программу вывода сельского хозяйства региона из кризиса.

Так, в силу целого ряда причин социально-демографические проблемы в нечерноземной деревне стояли особенно остро [15, с. 142]. Понимание крайней сложности социально-демографической ситуации в регионе нашло отражение в справке «О результатах проверки положения с трудовыми ресурсами и миграции сельского населения в ряде областей Нечерноземной полосы» (январь 1970 г.), подписанной председателем Госкомитета Совета министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов К. Новиковым и министром сельского хозяйства республики Л. Флорентьевым. В документе отмечалось, что за 1965—1968 гг. в Калининской, Костромской, Ярославской, Тульской, Ивановской, Смоленской, Псковской, Новгородской и Пермской областях численность сельского населения сократилась на 11%, что почти в 2 раза выше, чем в среднем по России. При этом процесс становится все более интенсивным: в 1965 г. — на 97 тыс. человек, в 1968 г. — на 118 тыс. Росла депопуляция населения. Если в 1965 г. этот процесс имел место только в Псковской, Новгородской и Калининской областях, то в 1968 г. охватил все указанные выше области. Ухудшалась структура трудовых ресурсов. Удельный вес лиц, находящихся за пределами трудоспособного возраста и работающих в общественном производстве, составил 9,5% против 4,8% в среднем по РСФСР [16, л. 2—3].

Таким образом, в сельской местности зоны уже в 1960-е гг. сложилось крайне тяжелое социально-демографическое положение, однако необходимые меры для его разрешения не принимались. Так, в указанном документе содержались предложения об ускорении комплексной механизации сельского хозяйства, подготовке и повышении квалификации кадров, улучшении культурно-бытовых условий в сельской местности. Отмечалась необходимость предусмотреть в 5-летних планах на 1970-е гг. более высокие темпы роста уровня жизни сельского населения, разработать предложения по повышению пенсий колхозников, упорядочению продолжительности рабочего дня и др. [16, л. 11—15]. Решение этих вопросов могло бы благоприятно отразиться на развитии Нечерноземья. Однако в записке Госплана отмечалось, что по предложенным вопросам принимать специальное решение правительства не требуется [16, л. 19].

Вместе с тем основным звеном программы развития сельского хозяйства Нечерноземья в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г. была определена мелиорация земель. Было бы неправильно отрицать особую значимость мелиорации для Нечерноземья. Однако признание значимости мелиорации и придание ей приоритетного характера — не одно и то же. Последнее было отражением технократизма аграрной политики и свидетельствовало о традиционной недооценке социальных факторов в развитии сельского хозяйства, деревенского социума.

Конечно, значимость социальных проблем Нечерноземья так или иначе осознавалась, однако длительное время социальной программе не придавалось первенствующее значение. На развитие Нечерноземной зоны во второй половине 1970-х гг. выделялись значительные средства, но более 80% капиталовложений направлялось на производственные нужды. При таком соотношении затрат на производственное и непроизводственное строительство говорить о повороте к социальным проблемам села не приходится. В первой половине 1980-х гг. на социальное строительство в нечерноземной деревне было направлено 37% от общего объема государственных инвестиций на развитие сельского хозяйства зоны [17, с. 126, 130].

Необходимость перераспределения средств на нужды социальной сферы села была в определенной мере учтена. Однако сделано это было с явным опозданием, а на практике социальная программа не выполнялась в полном объеме. Аналогичная судьба постигла и постановление 1985 г. по Нечерноземью, предусматривавшее усиление социального строительства и резкое ограничение промышленного строительства в зоне.

Таким образом, на протяжении длительного периода наблюдалась недооценка особой значимости социальных проблем села Нечерноземья. Запаздывание с принятием программы ускоренного социального развития села на протяжении длительного времени усугубляло и без того непростые проблемы Нечерноземья. Как представляется, причины лежат не столько в отставании с переводом сельского хозяйства на рельсы интенсификации или других производственных факторах, сколько в клубке социальных проблем. Для развития сельского хозяйства региона нужен был разворот в сторону социальной сферы, а не производственных проблем. Опыт реализации постановления по Нечерноземью 1974 г. наглядно это показал. Однако на протяжении длительного периода доминирующим было

развитие производства перед развитием социальной сферы, города перед деревней. В этих условиях, то есть без решительного разворота к социальным проблемам, сколько ни выделяй ресурсов на развитие хозяйств, эффект будет невелик. Стратегического разворота в аграрной политике в сторону социальной сферы села не произошло ни в 1950-е гг., ни в начале XXI в.

Иными словами, есть все основания утверждать, что для возрождения сельского хозяйства старопахотных районов не только в 1970—1980-е гг., но уже и в 1950-е гг. требовалось усиление социальной составляющей аграрной политики. Конечно, в этом направлении в годы руководства Н. С. Хрущёва было сделано немало (пенсии, изменения в оплате труда и др.). Однако принятых мер, как показал последующий опыт, было недостаточно.

Подведем некоторые итоги. В рамках реализованной целинной альтернативы были получены вполне реальные и существенные результаты. В литературе отмечается, что результатом целинной кампании стало увеличение производства зерна в стране, но при этом подчеркивается, что в ходе освоения целины проявились многочисленные недостатки, трудности и противоречия. Сконцентрировав внимание на освоении целинных и залежных земель, партийно-государственное руководство добилось увеличения производства зерна, что было принципиально важно для страны. Советский Союз превратился в одного из крупнейших производителей зерна в мире. Однако целинная эпопея вызвала ряд негативных последствий (эрозия почвы, ухудшение ситуации в сельском хозяйстве и социальной сфере села ряда регионов по причине изъятия из них ресурсов в пользу целинных и др.), которые потребовали непредвиденных и незапланированных затрат ресурсов и времени.

Несомненно, в рамках избранного варианта развития сельского хозяйства было допущено немало ошибок, в чем-то ошибок необязательных, а в чем-то — и неизбежных, учитывая грандиозность программы. В числе допущенных просчетов обратим особое внимание на следующие: чрезмерные — в силу волюнтаризма в политике высшего руководства — масштабы освоения целинных и залежных земель; не запланированные своевременно и явно недооцененные проблемы логистического характера; общий дух авантюризма, шапкозакидательства, ставка на русское «авось» вместо научного анализа возможных рисков. Потребовались долгие годы труда и дополни-

тельные ресурсы на исправление допущенных ошибок. При этом в дальнейшем в аграрной политике партии не все уроки были учтены, что в определяющей степени связано с характером аграрного строя в СССР, спецификой политической системы, идеологическим догматизмом правящей партии. Во многом были проигнорированы уроки целины и в практике аграрного реформирования 1990-х гг., что привело к катастрофическому спаду производства, деиндустриализации сельского хозяйства, запустению ранее освоенных земель и территорий.

Противоречивый характер реализации целинного проекта не вызывает сомнений. Недоработки его компенсировались энтузиазмом, но усугублялись волюнтаризмом. Если оценивать освоение целины с исторической дистанции в несколько десятилетий, то справедливым будет сказать, что данная кампания достигла стратегических целей, обеспечила решение зерновой проблемы (во всяком случае, сделала крупный шаг в этом направлении и обеспечила условия для преодоления продовольственных трудностей, которые были до освоения целины), ускорила развитие сельского хозяйства страны и формирование общесоюзного АПК, показала неотвратимость перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития, но при этом была противоречива и ограничена обстоятельствами места и времени.

В прошедшие десятилетия историки добились значительных результатов в изучении истории освоения целины. В условиях теоретического и методологического плюрализма в современной литературе даются различные, нередко противоположные ответы на принципиальные вопросы истории целинной эпопеи. Хотя по многим конкретным проблемам историки пришли к консенсусу.

Отдельные вопросы исследованы недостаточно и потому нуждаются в дальнейшем изучении. Среди них вопрос об объективной обусловленности курса на освоение целины и влиянии субъективных факторов на принятие решений. Требуется внимания определение роли целинной кампании в модернизации сельского хозяйства и экономики в целом. Необходима реальная картина перераспределения государственных ресурсов в пользу целины и в ущерб другим регионам (объемы, динамика, региональные особенности). Нуждаются в детализации социально-демографические последствия освоения целины в региональном аспекте. Расширение доступа в архивы открывает перед исторической наукой новые творческие перспективы.

Список источников и литературы

1. *Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.)* // Вопросы истории. 2012. № 1.
2. *Богденко М.Л.* Совхозы СССР. 1951—1958. М., 1972.
3. *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос : в 2 т. М., 1976. Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана.
4. *Долгов В. С.* Колхозный строй в СССР в 50-е годы // Исторические записки. М., 1984. Т. 111.
5. *Русинов И. В.* Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
6. *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995.
7. *Томилин В. Н.* Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954—1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9.
8. *Томилин В. Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946—1958 гг. М., 2009.
9. *Шевельков А. И.* Сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР в 1950—1960-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2016.
10. *Хрущёв Н. С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания) : в 4 кн. М., 1999. Кн. 4.
11. *Милосердов В. В., Милосердов К. В.* Аграрная политика России — XX век. М., 2002.
12. *Денисов Ю. П.* Избегать односторонности // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4.
13. *Шестаков В. А.* Политика Н.С Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6.
14. *История России XVIII—XIX веков / под ред. академика РАН Л. В. Милова.* М., 2006.
15. *Пленум ЦК КПСС, 24—26 марта 1965 г.* Стенографический отчет. М., 1966.
16. *Российский государственный архив новейшей истории.* Ф. 5. Оп. 62. Д. 237.
17. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* М., 1987. Т. 14.

Роль союзных министерств и ведомств в формировании аграрной политики в первой половине 1970-х годов

Рассмотрена деятельность союзных министерств и ведомств в выработке планов развития сельского хозяйства и производства сельскохозяйственной продукции в первой половине 1970-х гг.

The activities of the Union ministries and departments in the development of plans for the development of agriculture, agricultural production in the first half of the 1970s.

Ключевые слова: сельское хозяйство, министерства и ведомства, план производства, финансы, материально-техническая база.

Keywords: agriculture, ministries and departments, production plan, finance, material and technical base.

В первой половине 1970-х гг. руководством страны были приняты разносторонние меры по реализации аграрной политики, разработанной на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, дополненные в решениях майского (1966 г.), октябрьского (1968 г.) и июльского (1970 г.) пленумов ЦК, партийно-государственных постановлений 1965—1975 гг. Чтобы не повторить срывов планов производства продовольствия для населения и сельскохозяйственного сырья для перерабатывающей промышленности, которые произошли в 1965—1970-е гг., были предприняты следующие шаги. Если план развития сельского хозяйства в годы восьмой пятилетки пришлось составлять в очень сжатые сроки, в считанные месяцы, что привело к серьезным упущениям, то план девятой пятилетки (1971—1975 гг.) разрабатывался фактически в течение 2,5 лет.

По поручению Политбюро ЦК уже в первой половине 1968 г. Госплан СССР приступил к разработке девятого пятилетнего плана

развития народного хозяйства страны (1971—1975 гг.), в том числе в сельском хозяйстве, что в немалой степени было связано с решениями сентябрьского (1967 г.) пленума ЦК КПСС. С учетом решений майского (1966 г.) пленума ЦК партии Академии наук СССР было поручено разработать совместно с Советами министров союзных республик экономически обоснованные предложения о направлении дальнейшего развития сельского хозяйства по природным зонам на ближайшие 10—15 лет и представить их до 1 января 1969 г. в ЦК КПСС и СМ СССР, то есть до окончания восьмой пятилетки. Кроме того, АН СССР поручалось совместно с Госпланом СССР, Министерством сельского хозяйства СССР, Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР, Государственным комитетом лесного хозяйства СССР и ВАСХНИЛ также на 10—15 лет подготовить предложения по рациональному использованию земельных ресурсов страны [1, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 18, 31].

Параллельно с Госпланом СССР разработку планов развития сельского хозяйства вели не только союзные, но и республиканские Советы министров, Госпланы, профильные министерства и ведомства.

К июлю 1968 г. Министерство сельского хозяйства СССР совместно с Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР, ВО «Союзсельхозтехника», ВАСХНИЛ, республиканскими Госпланами, профильными министерствами и ведомствами разработали основные направления развития сельского хозяйства на девятую пятилетку. Они предполагали не только значительное увеличение производства сельхозпродукции, но и более серьезные объемы финансового и материально-технического обеспечения. Эти предложения были рассмотрены и в основном одобрены в июле 1968 г. на коллегии Госплана СССР с участием представителей всех организаций, участвовавших в разработке документа.

Участников декабрьского (1969 г.) пленума ЦК партии Госплан СССР проинформировал, что в 1971—1975 гг. на развитие сельского хозяйства будет направлено 77,6 млрд руб., или на 72% (при росте капитальных вложений в народное хозяйство на 41,8%) больше, чем в годы восьмой пятилетки. Общий объем капиталовложений с учетом средств колхозов и капиталовложений в отрасли, непосредственно связанных с сельским хозяйством, должен был составить 156 млрд руб., или на 45% больше против предшествующей пятилетки [1, ф. 2, оп. 3, д. 185, л. 15].

В соответствии с указанием Политбюро ЦК КПСС и СМ СССР, распоряжением СМ СССР и поручением председателя Госплана

СССР в январе 1970 г. отдел сельского хозяйства Госплана СССР представил в сводный отдел «Проект планов развития сельского хозяйства с расчетами и обоснованием на 1971—1975 гг.». Надо сказать, что отделом сельского хозяйства Госплана СССР были предложены достаточно амбициозные планы производства сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерна. Если в 1971 г. намечалось произвести 178,03 млн т зерна, то в 1975 г. — 205 млн т. Увеличения производства зерна за пятилетие более чем на 17 млн т. планировалось добиться не столько за счет незначительного роста посевных площадей (с 127 740 млн га до 128 025 млн га), сколько за счет повышения урожайности. Если в 1965 г. урожайность зерновых составляла в среднем по стране 9,5 ц/га, в 1970 г. (расчет к плану) — 13,6 ц/га, то в 1971 г. намечались 14,2 ц/га, а в 1975 г. — 16 ц/га.

В РСФСР в 1971—1975 гг. предполагалось увеличить посевные площади с 76 млн га (1970 г.) до 78 млн га (1975 г.). Урожайность должна была возрасти с 9 ц/га (в 1965 г.) до 15,6 ц/га в 1975 г. В 1970 и 1971 гг. урожайность должна была составить 13,6 и 13,7 ц/га соответственно.

Если площади посевов под зерновые культуры, объемы их производства и урожайности в годы девятой пятилетки планировалось увеличивать, то ситуация с производством льна-долгунца была несколько иной. По расчетам отдела сельского хозяйства Госплана СССР, в 1971—1975 гг. площади посевов льна в целом по стране и РСФСР в частности должны были быть стабильными, 1,3 млн га и 745 тыс. га соответственно. Если в 1971 г. в РСФСР планировалось произвести 290 тыс. т льна-долгунца, то в 1975 г. — 320 тыс. т. Урожайность в среднем по стране должна была составить 3,9 ц/га, а в хозяйствах РСФСР — 4,3 ц/га.

В 1971—1975 гг. в РСФСР намечалось расширить площади посевов картофеля с 4540 до 4630 тыс. га, а урожайность повысить с 121 до 134 ц/га. Производство мяса в живом весе с 10,3 млн т (1971 г.) предполагалось довести до 12, 2 млн т в 1975 г., а молока — с 47 до 52 млн т.

Отделом сельского хозяйства Госплана СССР был рассчитан и уточнен проект по закупкам всех видов сельскохозяйственной продукции в годы девятой пятилетки, включая зерно. При сохранении твердых планов закупок зерна объемы его должны были ежегодно увеличиваться за счет продажи колхозами и совхозами государству зерна сверхустановленного плана, как это было в 1965—1970 гг.

К примеру, в 1970 г. намечалось закупить 70 047 тыс. т зерна, 14 347 тыс. т из которых — за счет сверхплановых закупок. Столь масштабные сверхплановые закупки могли означать, что многие хозяйства не справлялись даже с выполнением планов продажи зерна государству по твердым ценам и основная нагрузка ложилась на успешные, рентабельные колхозы и совхозы, продававшие свою продукцию.

По расчетам отдела сельского хозяйства Госплана СССР, в 1971—1975 гг. необходимо было закупать по годам пятилетки 73, 76, 78,5, 81 и 83 млн т зерна соответственно. То есть ежегодное приращение закупок зерна должно было составлять 2—3 млн т, а за пятилетие объем закупок должен был увеличиться на 10 млн т. Всего сверх плана предполагалось закупить 91,5 млн т зерна. Через несколько дней отдел сельского хозяйства внес уточнения по закупкам зерна в стране в 1971—1975 гг., снизив объемы закупок зерна в 1971 и 1972 гг. с 75 до 73 млн т и с 78 до 76 млн т.

В РСФСР по годам было намечено закупать государством 44,8, 47, 48,6, 50 и 51 млн т. То есть ежегодный рост объемов закупок должен был менее 1,5 млн т. За пятилетие объемы закупок зерна в республике должны были возрасти на 6,2 млн т. При расчетах и уточнениях ежегодного плана закупок зерна составители проекта плана закупок не называли объемы сверхплановых закупок [2, ф. 4372, оп. 66, д. 3817, л. 3—5, 19].

Сводный отдел Госплана СССР анализировал проекты всех отделов, вносил определенные коррективы, объединял в единый документ, а затем направлял Н. К. Байбакову, в СМ СССР и ЦК КПСС. Вот и проект по основным направлениям развития сельского хозяйства страны на 1971—1975 гг., представленный отделом сельского хозяйства, был скорректирован в сторону увеличения объемов производства. Если отдел сельского хозяйства оценил стоимость произведенной всеми категориями хозяйств валовой продукции сельского хозяйства в 1975 г. в 101 млрд руб. (в сопоставимых ценах 1965 г.), то сводный отдел Госплана СССР представил в ЦК КПСС сумму в объеме 103 млрд руб., тогда как в 1971 г. этот показатель составлял 88,2 млрд руб. Для сравнения: в 1965 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства, произведенная всеми категориями хозяйств, составляла 70,9 млрд руб. В 1970 г. намечалось произвести валовой продукции на сумму 85,5 млрд руб. Государственные сельскохозяйственные предприятия должны были произвести продукции

на 27,1 млрд. в 1970 г. и 28,9 млрд руб. в 1971 г., а в 1975 г. 37,2 млрд руб. против 19,9 млрд в 1965 г. Колхозы, соответственно, — на 42 млрд руб. против 29 млрд руб. в 1965 г. Предполагался и довольно значительный вклад в производство сельскохозяйственной продукции подсобных хозяйств колхозников, который был оценен в 13,2 млрд руб., что составляло треть от предполагаемой суммы, полученной от реализованной продукции колхозов. Следует отметить, что за период 1965—1970 гг. подсобные хозяйства колхозников стабильно производили валовую продукцию на 13—13,2 млрд руб. Подсобные хозяйства рабочих и служащих в 1965 г. производили продукции на 9 млрд руб., в 1970 г. они должны были произвести продукции на сумму 10,2 млрд руб., в 1971 г. — на 10,3, а в 1975 г. — на 10,6. То есть темпы вклада этих хозяйств в производство сельскохозяйственной продукции предполагались более медленными, несмотря на увеличение числа работников совхозов и количества их подсобных хозяйств [2, ф. 4372, оп. 66, д. 3817, л. 3—5, 19, 32].

Представленный 10 апреля 1970 г. сводным отделом Госплана СССР в ЦК КПСС проект по основным направлениям развития сельского хозяйства вызвал негативную реакцию отдела сельского хозяйства Госплана. Спустя неделю 17 апреля 1970 г. заведующий отделом сельского хозяйства Госплана СССР, заместитель председателя Госплана СССР Н. П. Гусев, а также его заместитель Г. Н. Гапоненко подготовили записку на имя председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова. Они подвергли резкой критике проект по основным направлениям развития сельского хозяйства СССР на 1971—1975 гг., представленный в ЦК КПСС сводным отделом. В частности, ими было написано, что «по разделу сельского хозяйства имеются нереальные предложения по производству и закупкам сельскохозяйственной продукции» [2, ф. 4372, оп. 66, д. 3817, л. 20]. Прежде всего были отмечены завышенные показатели плана по производству льноволокна, молока, шерсти и хлопка-сырца.

Во-первых, как считали Н. П. Гусев и Г. Н. Гапоненко, при намечаемых объемах поставок сельскохозяйственной техники сроки полевых работ будут значительно продолжительнее необходимых агротехнических норм, что, несомненно, скажется на урожайности сельскохозяйственных культур. Кроме того, находящиеся в распоряжении колхозов и совхозов транспортные средства не обеспечат перевозку 500 млн т сельскохозяйственных грузов.

Во-вторых, отсутствие нормальных условий содержания скота не позволит выполнить намеченные объемы производства животноводческой продукции. Только к концу девятой пятилетки (1975 г.) обеспеченность скота типовыми помещениями в совхозах должна была составить: по крупному рогатому скоту — 66%, свиньям — 85%, овцам и козам — 74%.

В-третьих, без увеличения капитальных вложений, дополнительных поставок техники и минеральных удобрений нельзя выполнить задачу по увеличению производства зерна на 10 млн т, мяса — на 1 млн т, молока — на 4 млн т, льноволокна — на 85 тыс. т.

Сводный отдел Госплана СССР, по сути, был уличен в неправильных расчетах при определении стоимости валовой продукции, произведенной всеми категориями хозяйств. По мнению Н. П. Гусева и Г. Н. Гапоненко, если принять установленные темпы роста валовой продукции сельского хозяйства в 3,5%, то, отталкиваясь от базы 1970 г., в 1975 г. будет произведено продукции сельского хозяйства на 101,5 млрд руб., а не на 103 млрд руб. Кроме того, по утверждению авторов записки, в документах сводного отдела Госплана была искажена отраслевая структура национального дохода. Так, доля сельского хозяйства в производстве национального дохода указана в следующих позициях: 1965 г. — 22,1%, 1970 г. — 17,8%. По оценке сводного отдела Госплана СССР, в 1975 г. доля сельского хозяйства должна была снизиться до 15,4%. По данным же ЦСУ (Бюллетень №13, апрель 1970 г.), доля сельского хозяйства в производстве национального дохода с учетом части налога с оборота, прибыли и сальдо доходов от экспорта и импорта, относящегося к сельскому хозяйству, составляла в 1966 г. 35,1%, а в 1969 г. — 29,8%. То есть сводным отделом Госплана СССР была неверно рассчитана доля сельского хозяйства в валовом производстве продукции.

В конце записки Н. П. Гусев и Г. Н. Гапоненко обвинили сводный отдел Госплана СССР не только в некомпетентности, но и в искажении содержания партийных документов. Согласно их мнению, «в основных направлениях развития народного хозяйства на 1971—1975 гг. сводный отдел неправильно указал объем производства и закупок мяса на 1970 г. В расчетах определено 12,1 млн т, а не 12,4 млн т и закупок скота и птицы 12,5 млн т, а не 13,1 млн т. Сводный отдел, внося изменения, ссылается на постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 29 января 1970 г. Между тем в этом постановлении не указывается об увеличении общего объема закупок скота и птицы на 1970 г.» [2, ф. 4372, оп. 66, д. 3817, л. 7].

Отдел сельского хозяйства Госплана СССР, равно как и 4 союзных министерства и ведомства (Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, ВО «Союзсельхозтехника» и ВАСХНИЛ), не был согласен с тем, что, увеличивая задания по производству и заготовкам продукции, сводный отдел одновременно сократил объемы капитальных вложений и материально-технических ресурсов, необходимых для производства сельскохозяйственной продукции в намеченных объемах. При этом большая часть капитальных вложений и материально-технических ресурсов, распределенных по годам (как и в восьмой пятилетке), приходилась на последние годы пятилетки. Что могло, как и в текущей пятилетке, привести к недопоставкам техники, минеральных удобрений, а в конечном итоге негативно сказаться на реализации плана девятой пятилетки.

Узнав, что в проекте документа сводного отдела народного хозяйства Госплана СССР, отправленного в ЦК КПСС, не были учтены их предложения, отдел сельского хозяйства Госплана СССР и руководители четырех союзных министерств и ведомств написали записку на имя Л. И. Брежнева, о чем он впоследствии отметил в записке в Политбюро «О положении в сельском хозяйстве». Предложенные Госпланом СССР показатели развития сельского хозяйства, объемы капиталовложений, поставок техники, минеральных удобрений не нашли поддержки у ЦК, Советов министров восьми союзных республик, о чем они также информировали Политбюро ЦК. Везде речь шла о необходимости увеличения объемов финансовых и материально-технических ресурсов для сельского хозяйства в девятой пятилетке [1, ф. 3, оп. 68, д. 127, л. 19]. Как уже отмечено, это не осталось без внимания Политбюро ЦК и Л. И. Брежнева. По всей видимости, получив информацию Министерства финансов СССР о дефиците бюджетных средств, необходимых для развития сельского хозяйства, ЦК и СМ СССР вновь обязали Госплан СССР, Госнаб СССР, Советы министров союзных республик, министерства и ведомства в процессе выполнения годовых планов девятой пятилетки вновь изыскивать дополнительные ресурсы для сельского хозяйства, как это было в 1965 и 1966 гг.

В итоге Л. И. Брежнева, как и руководство восьми союзных республик, союзные профильные министерства и ведомства, а также отдел сельского хозяйства не устроил проект плана развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг., подготовленный Госпланом СССР.

Для решения важнейшей задачи по увеличению производства зерна за девятую пятилетку на 50 млн т Госплану СССР было предложено пересмотреть планы укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, включая поставку тракторов, сельскохозяйственных машин, увеличение производства минеральных удобрений и химических средств защиты растений, комбикорма, концентрированных кормов, расширение объема мелиорации земель. Но при этом предлагалось увеличить темпы прироста капиталовложений в отрасль, которые по проекту Госплана СССР намечено было снизить на 25%.

Политбюро ЦК 21 мая 1970 г. рассмотрело вопрос «Об основных направлениях развития народного хозяйства на 1971—1975 гг.». Как следует из проекта постановления Политбюро, подготовленного Д.С. Полянским и Ф.Д. Кулаковым (20 мая 1970 г.), было признано «необходимым предусмотреть для сельского хозяйства на 1971—1975 гг. на производственное строительство и приобретение техники, а также на жилищное и коммунальное строительство детских дошкольных учреждений, клубов и объектов бытового обслуживания населения объем государственных капитальных вложений в размере 77,6 млрд руб., в том числе 45,9 млрд руб. на строительно-монтажные работы. Обязать Госплан СССР и Советы министров союзных республик изыскивать и направлять дополнительные средства на развитие сельского хозяйства» [1, ф. 3, оп. 68, д. 126, л. 5].

Первоначально было предложение о выделении для сельского хозяйства на пятилетку 81 млрд руб. Другим, также не принятым, вариантом проекта постановления предлагалось направить 83 млрд руб., включая 40 млрд руб. на строительно-монтажные работы. Эти цифры были исправлены на 77,6 млрд руб. и 45,9 млрд руб. соответственно и озвучены Л.И. Брежневым на июльском (1970 г.) пленуме ЦК [1, ф. 3, оп. 68, д. 126, л. 5]. Кроме того, Госплану СССР, профильным министерствам и ведомствам было поручено в месячный срок представить в Политбюро предложения о значительном увеличении производства и поставок сельскому хозяйству в 1971—1975 гг. тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, землеройной и мелиоративной техники, транспортных средств, комбикормов, минеральных удобрений и других материально-технических ресурсов [1, ф. 3, оп. 68, д. 126; ф. 2, д. 191, л. 6].

Из проекта постановления ЦК был исключен пункт о созыве 25 июня 1970 г. пленума ЦК с обсуждением вопроса «О задачах партии в об-

ласти дальнейшего подъема сельского хозяйства», а также пункт, обязывающий Госплан СССР предусмотреть в проекте плана увеличение капитальных вложений на развитие отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию. Однако в рукописной записке в Политбюро от 22 мая 1970 г. заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК, секретарь ЦК Ф. Д. Кулаков предложил оставить пункт о пленуме с поздней датой проведения и поручить Л. И. Брежневу сделать на нем доклад [1, ф. 3, оп. 68, д. 126, л. 31].

При выполнении поручения Политбюро ЦК о подготовке предложений по поставкам сельскохозяйственной техники в месячный срок Министерством сельского хозяйства СССР, Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР, ВО «Союзсельхозтехника» и ВАСХНИЛ уже 28 мая 1970 г. в ЦК и Госплан СССР была направлена записка «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства на 1971—1975 гг.» [1, ф. 5, оп. 62, д. 216, л. 88—96].

Предложения этих ведомств по производству и поставкам тракторов, другой сельскохозяйственной техники серьезно отличались от показателей проекта Госплана СССР. И не только потому, что это был более подробный перечень техники, включающий тракторы, транспортные средства, землеройные машины и поливную технику, запасные части, минеральные удобрения, химические средства защиты и даже полиэтиленовую пленку (впервые в подобных документах) для теплиц. В нем был предложен значительно более крупный объем поставок техники: тракторов на 300 тыс. шт., автомобилей грузовых на 400 тыс., прицепов тракторных на 450 тыс. и комбайнов зерноуборочных на 79 тыс. больше. Однако даже более значительные объемы поставок техники не могли полностью удовлетворять потребности сельского хозяйства. Но «в то же время это даст возможность по сравнению с 1970 г. несколько сократить сроки выполнения важнейших сельскохозяйственных работ и улучшить обеспечение технологических перевозок грузов в хозяйствах» [1, ф. 5, оп. 62, д. 216, л. 89].

В союзных министерствах и ведомствах полагали, что более объемные поставки землеройных машин и поливной техники, включая 130 тыс. экскаваторов, 177 тыс. бульдозеров, 60 тыс. скреперов, 30 тыс. двухконсольных дождевальных агрегатов, 40 тыс. дальне-струйных дождевальных машин и др., обеспечит намечаемый объем ввода орошаемых и осушенных земель, производственно-хозяйственных объектов, а также своевременное выполнение эксплуатац

онных и хозяйственных работ в колхозах и совхозах [1, ф. 5, оп. 62, д. 216, л. 89]. Был сделан вывод, что поставка сельскохозяйственных машин и оборудования, а также запасных частей в 1971—1975 гг. на 16 млрд руб. против 14,5 млрд руб., предложенных Госпланом СССР в доработанном варианте в конце июня 1970 г., «обеспечит повышение уровня механизации» [1, ф. 5, оп. 62, д. 216, л. 90—93]. Следовательно, предлагалось увеличить финансирование закупок по этой статье сразу на 1,5 млрд руб.

По заключению четырех союзных министерств и ведомств поставка сельскому хозяйству минеральных удобрений в объеме 80 млн т была минимальной для удовлетворения потребностей в них колхозов и совхозов и выполнения намечаемых заданий по повышению урожайности сельскохозяйственных культур в 1975 г. Госплан СССР планировал поставить сельскому хозяйству в 1975 г. 75 млн т, «учитывая напряженность предусмотренных в проекте от 10 апреля 1970 г. заданий по их производству и необходимость осуществления в связи с этим ряда крупных мероприятий по строительству новых и расширению действующих заводов» [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 107].

Как следует из содержания записки Госплана СССР в ЦК от 27 июня 1970 г., касающейся укрепления материально-технической базы, предложения четырех союзных министерств и ведомств практически по всем позициям поставки техники не были учтены.

Во вводной части записки отмечалось, что «в результате выявления дополнительных возможностей по увеличению производства машин и перераспределения материальных ресурсов между отраслями народного хозяйства Госплан СССР нашел возможность существенно увеличить в 1971—1975 гг., против ранее предусмотренных объемов, поставку техники сельскому хозяйству» [1, ф. 5, оп. 68, д. 120, л. 102].

Руководство Госплана СССР заверяло, что в предстоящем пятилетии значительно улучшится качество, мощность и производительность техники, выпускаемой для сельского хозяйства. Так, при увеличении поставок тракторов на 15,8% их суммарная мощность увеличится более чем на 60%.

По расчетам Госплана СССР, с предполагаемыми поставками тракторов их парк к концу 1975 г. возрастет на 27%, а по мощности — на 49%. Это обеспечит снижение нагрузки на один трактор с 105 га посевных площадей в 1970 г. до 87 га в 1975 г. и проведение вспашки зяби за 28—29 рабочих дней против 39 в 1970 г. и 20 дней по агротехническим срокам.

Говоря об успешном изыскании дополнительно 1,3 млрд руб. для увеличения выпуска сельскохозяйственных машин, Госплан СССР отметил, что большой дефицит проката черных металлов и некоторых других материалов не позволяет принять этот дополнительный объем производства. И поэтому следует ограничиться дополнительным выделением только 500 млн руб. Но и поставка сельскохозяйственных машин в объеме 14,5 млрд руб. «позволит в новой пятилетке значительно повысить уровень механизации работ в растениеводстве и животноводстве» [1, ф. 3, оп. 68, д. 216, л. 103, 104].

Госплан СССР предполагал поставить сельскому хозяйству 541 тыс. зерноуборочных комбайнов преимущественно нового типа «Нива» и «Колос». По своей производительности они соответствовали 610 тыс. комбайнов СК-4. В результате колхозы и совхозы в 1975 г. будут иметь 827 тыс. зерноуборочных комбайнов против 624 тыс. в 1970 г. Это даст возможность снизить нагрузку на один зерноуборочный комбайн с 194 га зерновых культур в 1970 г. до 147 га в 1975 г. При этом срок проведения уборочных работ всех зерновых культур составит 18 дней против 27 в 1969 г. и 9 дней по агротехническим срокам. Парк силосоуборочных комбайнов составит 286 тыс. шт., что позволит провести уборку силосных культур за 14—15 дней вместо 24 в 1970 г. и 12 дней по агротехническим срокам [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 103, 104].

Значительные поставки тракторов и сельскохозяйственных машин тем не менее не позволяли колхозам и совхозам «уложиться» в установленные наукой агротехнические сроки при подъеме зяби, посева и уборки, а следовательно, не гарантировали успешное выполнение заданий по производству сельскохозяйственной продукции в годы девятой пятилетки.

Политбюро ЦК согласилось с новыми объемами поставок материально-технических ресурсов, но потребовало увеличить капиталовложения на 500 млн. руб. — с 14,5 до 15 млрд руб. для закупки сельскохозяйственных машин, включая зерноуборочные, силосоуборочные комбайны, а также оборудование для механизации работ в животноводстве. Эти цифры были озвучены на июльском (1970 г.) пленуме ЦК [1, ф. 2, оп. 1, д. 191, л. 8]. К этому следует добавить, что на организацию производства новых тракторов и сельхозмашин по отрасли «Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение» было намечено выделить 2,3 млрд руб. [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 103, 104].

В записках Госплана СССР в ЦК КПСС «О государственных капитальных вложениях на развитие сельского хозяйства на 1971—1975 гг.» и «О плане закупок продуктов сельского хозяйства на 1971—1975 гг.» было зафиксировано, что в девятой пятилетке объем государственных капитальных вложений по всему комплексу работ составит 77,6 млрд руб., с ростом по сравнению с 1966—1970 гг. на 72%. В том числе на строительные-монтажные работы — 45,9 млрд руб., с ростом к 1966—1970 гг. на 67%. Эти средства были предназначены как на производственное строительство и технику, так и непроизводственное: жилищное, коммунальное, строительство детских дошкольных учреждений и клубов. Значительные средства предназначались для ирригации и мелиорации земель, электрификации, строительства птицефабрик, животноводческих комплексов и т. д. [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 117—171]. Общий объем капитальных вложений в сельское хозяйство с учетом средств колхозов и капиталовложений в отрасли, непосредственно связанные с развитием сельского хозяйства, должен был составить по всем источникам финансирования более 156 млрд руб., или на 56% больше, чем в восьмой пятилетке [1, ф. 2, оп. 1, д. 809, л. 39].

В документе «О плане закупок продуктов сельского хозяйства на 1971—1975 гг.» Госплан СССР установил план закупок зерна в 1975 г. в объеме 211 млн т. Среднегодовое производство зерна должно было составить 196 млн т. На все годы пятилетки был установлен твердый план закупок зерна в объеме 60 млн т. Дополнительные сверхплановые закупки, начиная с 15 млн в 1971 г., должны были ежегодно расти на 2—3 млн т и составить в 1975 г. 25 млн т. По основным животноводческим продуктам (молоко, мясо, шерсть, яйца) также был установлен твердый план закупок по годам. Для соотнесения интересов хозяйств с потребностями государства в зерне и продуктах животноводства, обеспечения устойчивого снабжения населения и планомерного развития перерабатывающей промышленности Госплан СССР предложил «определить необходимость в 1971—1975 гг. дополнительных закупок зерна в размере не менее 35%, скота, птицы, молока, яиц и шерсти в размере 8—10% к объемам закупок по твердому плану заготовок этих продуктов» [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 19].

В заключении записки было предложено обязать Советы министров союзных республик устанавливать задания по дополнительным закупкам министерствам и ведомствам, осуществляющим за-

купки, с тем чтобы они при заключении договоров контракции учитывали не только твердый план, но и дополнительные закупки указанных продуктов. По мнению Госплана СССР, «это будет обязывать колхозы и совхозы своевременно осуществлять мероприятия по увеличению производства сельскохозяйственной продукции и продаже ее государству с учетом потребности народного хозяйства» [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 19]. В случае невыполнения части годовых планов закупок Госплан полагал, что республики и хозяйства должны иметь возможность решить эту проблему в последующие годы [1, ф. 3, оп. 68, д. 129, л. 117]. Однако с этим не согласился Сельскохозяйственный отдел ЦК, предложение Госплана было снято.

Поступившие 27 июня 1970 г. в ЦК документы Госплана СССР были вынесены на заседание Политбюро. Оно состоялось 30 июня 1970 г. и в целом одобрило представленные документы. Однако Сельскохозяйственный отдел ЦК посчитал необходимым доработать материалы о закупках сельскохозяйственной продукции в 1971—1975 гг. В результате Политбюро ЦК приняло решение о переносе окончательного обсуждения проекта постановления ЦК КПСС и СМ СССР о плане закупок продукции сельского хозяйства на 1971—1975 гг. уже после проведения июльского (1970 г.) пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

В докладе Политбюро на июльском (1970 г.) пленуме ЦК, с которым выступил Л. И. Брежнев, был озвучен план производства сельскохозяйственной продукции в предстоящей девятой пятилетке. По отдельным позициям он отличался от плана, предложенного Госпланом СССР. В частности, в 1971—1975 гг. ежегодное производство зерна должно было составить 205—210 млн т вместо госплановских 196 млн т. Производство мяса было установлено в 15,6 млн т (в убойном весе), тогда как Госплан предлагал в 1971—1974 гг. среднегодовое производство довести до 14,1 млн т и только в 1975 г. — до 15,6 млн т. Если Госплан СССР предлагал ежегодное производство молока в 1971—1974 гг. установить в объеме 91,6 млн т и только в 1975 г. — 98 млн т, то теперь 98 млн т молока планировалось производить ежегодно. Кроме того, Л. И. Брежнев информировал членов ЦК, что в годы девятой пятилетки ежегодно намечено производить 51 млрд шт. яиц, а не 46,3 млрд шт., как предлагал Госплан СССР.

Постановлением июльского (1970 г.) пленума ЦК на 1971—1975 гг. был установлен твердый, неизменный план закупок зерна в объеме

60 млн т. Был сохранен принцип поощрения сверхплановых закупок зерна, принятый мартовским (1965 г.) пленумом ЦК, в соответствии с которым колхозам и совхозам выплачивали за сверхплановую продажу зерна надбавку в размере 50% к основной закупочной цене. Кроме того, партийные, советские и сельскохозяйственные органы были обязаны

принять все меры к тому, чтобы каждый колхоз и совхоз, занимающийся производством товарного зерна, каждая область, край и республика не только выполнили твердый план, но и смогли продать государству за пятилетие как минимум 35% зерна сверх плана... Ежегодно увеличивать закупки продуктов животноводства. Установить на 1975 г. государственный план закупок скота и птицы — 16 млн т (в живом весе), молока — 55 млн тонн, яиц — 24 млрд штук, шерсти (в зачетном весе) — 470 тыс. т. Обеспечивать такое увеличение производства продуктов животноводства, чтобы каждый колхоз и совхоз ежегодно продавал государству не менее 8—10 процентов продукции сверх плана [3, с. 494].

Выступая на июльском (1970 г.) пленуме ЦК партии, Л. И. Брежнев заявил, что

твердый план закупок зерна не покрывает всех наших потребностей. Нам необходимо строить свою работу так, чтобы государство уже в ближайшее время имело возможность довести объем закупок зерна по твердому плану и сверх плана до 80—85 млн т в год. Для этого надо, чтобы каждый колхоз и совхоз, занимающийся производством товарного зерна, каждая область, край и республика не только выполняли твердый план, но и продали государству за пятилетие, как минимум 35% зерна сверх плана по повышенным ценам. Дело это реальное, оно в интересах и государства и хозяйств. Мы имеем в виду сохранить принцип поощрения сверхплановых закупок зерна, принятый на мартовском пленуме ЦК. Государство впредь будет стимулировать колхозы и совхозы за продажу зерна сверх твердого плана в виде 50-процентной надбавки к основной закупочной цене. Как показала практика, эта мера является весьма эффективной. <...> Необходимо, чтобы твердые планы закупок, доводимые хозяйствам, были всесторонне обоснованными, полнее учитывали природные и экономические особенности каждого хозяйства, его специализацию, а также новое поступление техники, минеральных удобрений, расширение площади мелиорированных земель [1, ф. 2, оп. 1, д. 191, л. 19].

Выступающим было сделано серьезное замечание в адрес плановых, местных государственных и хозяйственных органов. По мнению Л. И. Брежнева, «надо полностью исключить повторение ошибок в планировании, которые имели место в прошлом... Главным образом ошибками в планировании можно объяснить то, что за четыре года пятилетки ни разу не выполнили твердых планов продажи зерна государству 626 одних и тех же колхозов и совхозов в Российской Федерации, 206 хозяйств — на Украине, 132 — в Казахстане» [1, ф. 2, оп. 1, д. 191, л. 19]. Одновременно было обращено внимание на факты недисциплинированности, проявляемые некоторыми руководителями колхозов и совхозов в выполнении государственного плана закупок зерна и других продуктов. «Мы должны вновь подтвердить: план никто не имеет права менять, но его нельзя и не выполнять. В этом принципе находят свое выражение общенародные интересы», — уточнил Л. И. Брежнев. [1, ф. 2, оп. 1, д. 191, л. 20]. Руководитель партии информировал о том, что курс мартовского (1965 г.) пленума ЦК, рассчитанный

на устойчивый и ускоренный рост сельского хозяйства, выдвинул в качестве первоочередной задачи подведение под эту отрасль прочной экономической основы и решительное укрепление разваливающейся материально-технической базы колхозов и совхозов, требовавшей крупных вложений. Страна пошла на изменение пропорций в распределении национального дохода в пользу села. Удельный вес капитальных вложений в с-х увеличился в общем объеме по народному хозяйству с 20% в седьмой пятилетке до 23% в восьмой и 25% — в девятой. Создавались экономические предпосылки, которые стимулировали подъем производства и материальную заинтересованность работников отрасли [1, ф. 2, оп. 1, д. 191, л. 20].

В итоге 17 июля 1970 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 560, определившее план развития сельского хозяйства страны на 1971—1975 гг.

В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1971—1975 гг. (март 1971 г.) ставилась задача увеличить среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции в сравнении с предшествующей пятилеткой на 20—22%. Решающими условиями достижения этой задачи признавались не только укрепление материально-технической базы сель-

ского хозяйства, но и «осуществление курса на его интенсификацию путем химизации, комплексной механизации земледелия и животноводства, широкой мелиорации земель». При этом среднегодовое производство зерна должно было составить 195 млн т, мяса — 14,3 млн т (в убойном весе), молока — 92,3 млн т, яиц — 46,7 млрд шт., шерсти — 464 тыс. т [4, с. 261].

Список источников и литературы

1. *Российский государственный архив новейшей истории.*
2. *Российский государственный архив экономики.*
3. *Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1971 гг.).* М., 1971.
4. *Материалы XXV съезда КПСС.* М., 1971.

**Некоторые особенности менталитета
руководителей колхозов и совхозов
на начальном этапе аграрной реформы 1990-х годов
(по материалам Центрального Черноземья)**

На основе анализа текстов интервью и выступлений руководителей колхозов и совхозов областей Центрального Черноземья выявляются особенности менталитета данной социальной группы в начальный период аграрной реформы 1990-х гг.

The article on the basis of the analysis of the texts of interviews and speeches of heads of collective and state farms of the Central Chernozem regions reveals the peculiarities of the mentality of this social group in the initial period of the agrarian reform of the 1990s.

Ключевые слова: Руководители колхозов и совхозов, менталитет, аграрная реформа, многоукладность, фермерство, частная собственность, Центральное Черноземье.

Keywords: heads of collective and state farms, mentality, agrarian reform, multiculturalism, farming, private property, Central Chernozem region.

В годы советской власти произошло оформление председателей колхозов и директоров совхозов в самостоятельную социальную группу с устойчивыми ценностными ориентациями и мировоззрением. Это обстоятельство дает основание говорить о такой социальной категории, как менталитет руководителей колхозов и совхозов, под которым понимается обобщенное социально-психологическое состояние данной группы, сложившееся в результате продолжительного и устойчивого воздействия на ее представителей социально-политических, экономических и культурных условий советского периода.

Как форма коллективного сознания менталитет социальной группы руководителей колхозов и совхозов ярко проявился в оценке ими событий, связанных с переходом страны к радикальным аграрным преобразованиям в начале 1990-х гг.

Изучение текстов интервью периодическим изданиям и выступлений руководителей колхозов и совхозов областей Центрального Черноземья на II Внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР, совещаниях работников АПК в 1990—1992 гг. позволило выяснить, какие мероприятия аграрной реформы вызвали наибольший резонанс среди них и какую оценку этим мероприятиям они дали.

Отношение к многоукладной экономике. В высказываниях сельскохозяйственных руководителей прослеживается сдержанное одобрение многоукладности. Все они без исключения говорили о необходимости учитывать личные интересы и предпочтения самих людей, отмечали важность создания равных условий и конкурентной среды для всех форм хозяйствования.

Председатель Липецкого областного Совета народных депутатов В. В. Донских в своем выступлении на совещании работников агропромышленного комплекса в марте 1991 г. отметил: «...что касается практической работы по формированию многоукладной аграрной экономики, то, на наш взгляд, здесь необходима максимальная взвешенность и продуманность, учет интересов и фермеров, и колхозников» — и предлагал «отстаивать... необходимость равных экономических условий для колхозов, совхозов, крестьянских и личных хозяйств» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 4].

Председатель колхоза «Большевик» Добровского района Липецкой области А. И. Глазунов выразил свое отношение к многоукладности следующими словами: «Я за многообразие форм хозяйствования на земле... Люди должны выбрать, что им выгоднее, чтобы эффективнее и рациональнее работать на земле. При этом необходимо лучше учитывать их личный интерес. Тут новые принципы хозяйствования очень кстати» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 44].

Председатель Елецкого райсовета С. Б. Доровский заявил, что «должно быть так: существуют на равных условиях общественная и частная формы ведения хозяйства и пусть они конкурируют между собой» [2].

Схожую позицию занимали делегаты Второго (внеочередного) Съезда народных депутатов от Липецкой области. Депутат от Данковского территориального избирательного округа Н. И. Ивлев гово-

рил: «Я не против различных форм хозяйствования на земле, но надо... спросить и крестьянина, а не спешить шарахаться из одной крайности в другую» [3, с. 118]. Депутат от Задонского территориального избирательного округа директор совхоза «Красный колос» Н.Г. Буслов предостерегал: «Ни в коем случае нельзя ни сейчас, ни в ближайшем будущем колхозы и совхозы противопоставлять крестьянскому хозяйству. Пусть они развиваются параллельно» [3, с. 125].

Отношение к частной собственности на землю. В оценках руководителей колхозов и совхозов начала 1990-х гг. присутствует либо скептически-сдержанное, либо негативное отношение к идее введения частной собственности на землю.

Председатель Липецкого областного Совета народных депутатов В.В. Донских заявлял: «Мы не партконсерваторы и ретрограды... Мы — реалисты и стоим за то, чтобы наша земля имела честных и добросовестных хозяев, как Булычев И. А., но мы... против распродажи ее, насильственной деколлективизации деревни... Мы будем отстаивать возможность бессрочного пользования землей с правом наследования» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 4].

Председатель колхоза «Большевик» Добровского района Липецкой области А.И. Глазунов отмечал: «Сейчас модным стал клич “Землю крестьянам!” Но я уверен, что не каждый задумывается о смысле этих слов. Привыкли мы шарахаться из крайности в крайность» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 44].

Директор совхоза «Красный колос» Задонского района Липецкой области Н.Г. Буслов настаивал на том, что «земля для сельскохозяйственного назначения... не должна быть объектом купли-продажи, потому что это не продукт человеческой деятельности» [3, с. 127].

Отношение к государственной власти (точнее — к методам проведения аграрной реформы). Преобладающая часть председателей колхозов и директоров совхозов в своих выступлениях демонстрировала недовольство сильным давлением со стороны государства, отмечала «прямой нажим», «грубое вмешательство», «силовые приемы» государства в процессе аграрного реформирования.

Директор совхоза «Красный колос» Липецкого района Липецкой области Н.Г. Буслов, выступая перед работниками агропромышленного комплекса в марте 1991 г., заявил: «Много разговоров и приказов идет по поводу образования фермерских хозяйств... идет прямой нажим со стороны Президиума Верховного Совета РСФСР» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 36].

Председатель колхоза «Большевик» Добровского района Липецкой области А.И. Глазунов, комментируя государственную политику, отмечал: «Вместо действительной помощи деревне, поиска путей, как ее поставить на ноги, иные бросились искать крайнего. Дескать, колхозы и совхозы крестьянство извели. От них все беды» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 44].

Встречаются и более эмоциональные оценки. Так, руководитель колхоза «Путь Ленина» Сосновского района Тамбовской области И. Садовников в интервью газете «Тамбовская жизнь» хлестко заявлял: «Грубое вмешательство государства в вопросы приватизации колхозной собственности, разрушение крупных хозяйств недопустимы! Аграрная реформа, фактически превратившаяся в земельный передел в борьбу за власть над селом, является признаком некомпетентности правительства» [4]. Ему вторил председатель реорганизованного уже ТОО «Первомайское» Добровского района Липецкой области А.М. Попов: «О какой радости можно вести речь? Не удалось с первого захода разрушить до основания колхозно-совхозный строй, решились теперь на второй. Как бы до силовых приемов не дошло...» [5].

Председатель Елецкого райсовета С.Б. Доровский, говоря о важности реформы и необходимости реорганизации, критиковал государственную власть за форсирование преобразований, «когда вновь устанавливаются сроки, когда обязывают. Идет повторение печально известной коллективизации» [2].

Председатель правления Липецкого регионального «Россельхозбанка» Б.Т. Иванов также предупреждал, что нельзя «форсировать реорганизацию накануне сева, когда закладывается фундамент нашего продовольственного благополучия на будущее. Спешку тут должен попридержать здравый смысл» [6].

Своеобразным выражением общего мнения представителей данной социальной группы о методах проведения аграрной реформы стали слова директора Краснинского ТОО «Восток» В. Путилина: «Нельзя вечно экспериментировать над крестьянином!» [7].

Отношение к фермерству как явлению. Единство взглядов сельскохозяйственных руководителей начала 1990-х гг. отмечалось и в отношении фермерского уклада, к которому они проявляли настроенность, стремясь подчеркнуто преувеличить трудности перехода к фермерству. Они обращали внимание на то, что это не просто иная форма хозяйствования, а новая психология — «психология хозяина», и для адаптации селян к ней потребуются длительное время.

Председатель Липецкого областного Совета народных депутатов В. В. Донских говорил: «Надо четко себе представлять, что аренда, фермерство — это не новая форма организации и стимулирования труда, а новая психология хозяина, что, как известно, немедленно даже самым лучшим законом не введешь, и для ее становления требуется время, и еще раз время» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 4].

Директор совхоза «Красный колос» Липецкого района Липецкой области Н. Г. Буслов отмечал, что «закон о фермерских хозяйствах принят на Съезде» и «он нужен». Однако «этот вопрос очень серьезный и с ним спешить нельзя, чтобы не наделать ошибок времен коллективизации». Буслова настораживало, что «председателем областной ассоциации фермерских хозяйств был избран кожный врач», «заявления принимаются от всех желающих» и «в основном это люди, далекие от сельского хозяйства». В связи с этим он предлагал «к каждому региону подходить индивидуально», «выделять, прежде всего, незанятые земли», причем «преимущество должны иметь местные жители села, имеющие соответствующий опыт работы в сельском хозяйстве и подготовку» [2, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 36].

Руководители коллективных предприятий выражали сомнение в способности фермерских хозяйств серьезно конкурировать с колхозами и совхозами из-за отсутствия у фермеров должного материально-технического обеспечения.

Председатель сельскохозяйственного кооператива «Колос» Борисовского района Белгородской области В. М. Вакуленко рассуждал: «Что сделает фермер на нескольких гектарах земли одной лопатой? Ничего. А ведь многие из них не имеют даже трактора» [8]. Схожая позиция и у председателя колхоза имени 1 Мая Добровского района Липецкой области А. М. Попова: «Никакой фермер сегодня не выдержит конкуренции с колхозом, вообще с крупным хозяйством. Разве может он на своих 35 га применить К-700, Дон-1500 или нечто подобное современное? Нет, конечно. Его 35 га скорее ориентированы на соху, чем на трактор. Потому крестьяне не умом, а чутьем сознавая это, не торопятся из хозяйства» [9].

Председатель правления Липецкого регионального «Россельхозбанка» Б. Т. Иванов отмечал: «Фермерские хозяйства пока не способны оказать существенное воздействие на рост производства сельхозпродукции или стать конкурентоспособными по отношению к крепким колхозам и совхозам» [6].

Среди этого единства мнений изредка встречаются единичные высказывания в поддержку фермерства. Так, председатель колхоза

«Маяк коммунизма» Усманского района А. Лазутин в интервью «Липецкой газете» говорил: «Я, например, за фермерство, за то, чтобы крестьянин, наконец, стал полноправным хозяином на своей земле, производил много продукции, хорошо жил» [10]. При этом он же констатировал, что «вооруженный земельным наделом да вилами с лопатой фермер» не скоро сможет добиться высокой продуктивности своего хозяйства [10].

Отношение к коллективным формам хозяйствования. Несмотря на формальное одобрение идеи многоукладности, предпочтения председателей колхозов и директоров совхозов явно находились на стороне коллективных форм хозяйствования. Его представители твердо отстаивали позиции колхозов и совхозов, с сожалением говорили о том, что объективные обстоятельства как советского, так и постсоветского периодов не позволили им раскрыть свой потенциал.

Председатель Липецкого областного Совета народных депутатов В. В. Донских пояснял: «...заложенный в наших колхозах и совхозах потенциал далеко себя не исчерпал» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 4]. С ним был солидарен директор ТОО «Восток» Краснинского района Липецкой области В. Путилин: «Колхозы и совхозы, с какой бы издевкой ни говорили о них реформаторы, близки по духу селу как общинные формы хозяйствования. Беда в том, что им не дали показать свои потенциальные возможности. Прежде село муштровала командно-административная система. А нынешняя, демократическая, и вовсе поставила на колени!» [7].

Председатель Елецкого райсовета С. Б. Доровский в связи с этим отмечал: «Что касается колхозов и совхозов, то сегодня все, кому не лень, хулят эту форму хозяйствования, а она, несмотря на все потрясения в политике и экономике, поит и кормит республику» [2].

Председатель колхоза «Маяк коммунизма» Усманского района Липецкой области А. Лазутин свои рассуждения подкрепил примером хозяйства, которое возглавлял: «...не могу согласиться с теми, кто одним махом хотел бы развалить колхозы и совхозы, а на их обломках воссоздать фермерство... Наш колхоз — хозяйство довольно крупное, производит в год 9 тысяч тонн зерна, 13 тысяч тонн сахарной свеклы, 3 тысячи тонн молока и 300 тонн говядины... Когда такой продуктивности добьется фермер, если сейчас у него кроме земельного надела давил с лопатой ничего нет? Не скоро. Так что кормить народ пока будут коллективные хозяйства. И не разваливать их надо, а укреплять» [10].

Временами в высказываниях руководителей прослеживается некая обида на несправедливое отношение государства к колхозам и совхозам. Так, директор совхоза «Красный колос» Задонского района Липецкой области Н. Г. Буслов отмечал: «Некоторые говорят: вот если бы был фермер, то все бы было убрано. Нам неприятно все это слушать, потому что так могут говорить только дилетанты от сельского хозяйства. Во-первых, сегодняшняя ситуация на полях — это стихийное бедствие. Фермерам в этих случаях государство платит страховку. Во-вторых, и это самое главное, ни один фермер вручную не убирает и не убирал картофель, свеклу, овощи и так далее». [3, с. 124] «На сегодняшний день только колхозы и совхозы способны быстро решить продовольственную проблему, потому что они далеко не раскрыли свой потенциал. Необходимо только дать им такие же льготы, какие мы предлагаем крестьянским хозяйствам. Тот, кто ратует за их ликвидацию, тот сознательно хочет нанести непоправимый вред всему народу», — добавлял он [3, с. 127].

Отношение к земле. Вопреки сложившемуся в пореформенное десятилетие убеждению, что колхозно-совхозный строй выхолостил у селян хозяйское отношение к земле, в высказываниях председателей колхозов и директоров совхозов начала 1990-х гг. прослеживается бережливое, заботливое отношение как к земле, так и к урожаю, выращенному на ней. Это подтверждают слова председателя Липецкого областного Совета народных депутатов В. В. Донских, который, выступая перед работниками агропромышленного комплекса, заявлял: «...мы против рваческого и безответственного отношения к земле» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 4].

Председатель колхоза «Большевик» Добровского района Липецкой области А. И. Глазунов также обращал внимание на важность «эффективной и рациональной работы на земле» [1, ф. 34, оп. 54, д. 13, л. 44].

Председатель колхоза имени 1 Мая Добровского района Липецкой области А. М. Попов рассуждал: «Что будет, если искромсать колхозные поля в угоду фермерства? Будет гибельное для земли пестрополье, мелкополье!» [9].

В словах директора совхоза «Красный колос» Н. Г. Буслова прослеживается беспокойство в связи с тем, что в первые годы реформы среди желающих стать фермерами было большое количество «далеких от сельского хозяйства людей», которые своим незнанием особенностей производственного процесса могли навредить земле.

В целом отношение «председательско-директорского корпуса» к аграрной реформе 1990-х гг. в начальный период ее проведения характеризуют следующие черты: взвешенность и осторожность, склонность к неспешному ходу преобразований, частые обращения к временам коллективизации из-за опасения возможности повторения методов ее проведения в виде «обязаловки» и форсирования темпов.

В ходе реформы социальная группа руководителей колхозов и совхозов постепенно трансформировалась в группу руководителей сельхозпредприятий. Адаптация представителей этой группы к новым социально-экономическим реалиям неизбежно привела к корректировке их ментальных представлений в отношении многоукладной экономики, институтов частной собственности на землю и фермерства.

Список источников и литературы

1. Государственный архив новейшей истории Липецкой области.
2. *Липецкая* газета. 1992. 31 марта.
3. *Второй* (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 27 нояб. — 15 дек. 1990 г. : стеногр. отчет : в 6 т. М., 1992. Т. 1. URL: <http://docplayer.ru/37935370-Vtoroy-vneocherednoy-sezd-narodnyh-deputatov-rsfsr.html> (дата обращения: 14.03.2019).
4. *Тамбовская жизнь*. 1992. 11 марта.
5. *Липецкая* газета. 1993. 24 ноября.
6. *Липецкая* газета. 1992. 15 января.
7. *Липецкая* газета. 1994. 7 июня.
8. *Белгородская правда*. 1992. 9 января.
9. *Липецкая* газета. 1992. 12 августа.
10. *Липецкая* газета. 1992. 28 мая.

В. В. Канищев, К. С. Кунавин

**«Нелинейные эффекты» в миграции сельского населения
в города во второй половине XX — начале XXI века
(на материалах областей Центрального Черноземья
и Северо-Запада Европейской России)**

Рассматриваются нехарактерные для сельских поселений факты медленного миграционного оттока местных жителей и передвижения городского населения в сельскую местность. Особое внимание уделено изучению урбанизированных сельских поселений, степени их жилищно-коммунальной обустроенности как фактору демографической стабильности и некоторого роста населения. Специально проанализирован феномен коттеджной застройки окраин больших городов и пригородных сельских территорий как проявление движения городского населения в сельскую среду обитания.

The article deals with the facts of slow emigration of local inhabitants and the movement of urban population in rural areas, which are not typical for rural settlements. Special attention is paid to the study of urban rural settlements, their housing and communal infrastructure as a factor of demographic stability and some population growth. The phenomenon of cottage settlements of the outskirts of large cities and suburban rural areas as a manifestation of the movement of the urban population in the rural environment is specially analyzed.

Ключевые слова: сельское население, миграции, жилищно-коммунальное хозяйство сел, коттеджная застройка городов.

Keywords: rural population, migration, housing and communal infrastructure of the countryside, cottage settlements of cities.

Общеизвестным историко-демографическим фактом является массовое переселение российского крестьянства в города в условиях урбанизации XX — начале XXI вв. Намного реже историки обращают внимание на то, что в этом в целом поступательном процессе были попятные движения, или, говоря языком математики, нелинейные эффекты, когда крестьяне притормаживали движение в города или вовсе направлялись вспять. Изучение таких эффектов в первую очередь важно для понимания возможностей удержания селян в родной житейской среде.

К сожалению, эти эффекты мало анализируются в историко-демографической литературе. В частности, анализ двух крупных сборников статей последних лет, специально посвященных демографическим процессам прошлого, полностью подтвердил это наблюдение [1; 2].

В материалах уфимской сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы представлен целый ряд статей, в которых рассматривалась проблема миграций сельского населения. Но в них всех традиционно речь идет о механическом движении населения в направлении «село — город». Определенный интерес представила статья Т. П. Ребровой, в которой затронуто усиление внимания местных властей к социальному обустройству сел Мордовии (газификация, модернизация систем связи, строительство водопроводных сетей и т. д.). Автор справедливо называет эти мероприятия фактором демографической стабильности. Но такая интересная постановка вопроса не получила наполнения конкретным историческим материалом [3, с. 467].

В екатеринбургском сборнике нашей теме близки две публикации. О. М. Вербицкая затронула вопрос о массовом переселении горожан в села в 1990-е гг. Она рассматривает этот вопрос в контексте вынужденного беженства в чрезвычайных исторических условиях [4, с. 186—189].

Сразу оговоримся, что миграционные процессы таких периодов являются отдельной темой. Мы затронем ее только при анализе данных социологического обследования, проведенного осенью 2018 г. в двух тамбовских сельских поселениях. Этот опрос, помимо прочего, позволил установить обстоятельства миграции конкретных людей из городов в села.

В екатеринбургском сборнике также помещена статья М. Ю. Тараканова о миграционном движении населения Нижнего Тагила. Автор отмечает, что в 2000-х гг. ведущим направлением миграционного движения населения г. Нижний Тагил оставалось направление «город — город». При этом на основе конкретных фактов он утверждает, что в 2005—2008 гг. возросла и интенсивность миграционного обмена населением между Нижним Тагилом и сельской местностью. Но Тараканов не раскрывает факторы такого обмена, понимание которых, на наш взгляд, является очень важным для объяснения механизмов движения людей из города в сельскую местность [5, с. 229, 236].

Еще в начале 1980-х гг. В. В. Аникин обратил внимание на то, что в 1954—1956 гг. происходит уменьшение прироста численности городского населения Российской Федерации за счет села по сравнению с началом десятилетия. По его мнению, это явление было вызвано на 49% снижением численности прибывших из села в город и на 51% активизацией противоположного миграционного потока. Основной причиной такого социально-демографического процесса он назвал резкое повышение материального благосостояния крестьянства в эти годы. Можно согласиться с его предположением о том, что главным образом выезжали выходцы из села, переселившиеся в города до 1953 г. Наиболее ярко этот процесс проявился в малоурбанизированных регионах Черноземного Центра [6, с. 56—65].

Вероятнее всего, в селах этих земледельческих регионов в середине 1950-х гг. условия жизни стали для крестьян заметно лучше, чем в еще слабо развитых промышленных центрах, где до массового жилищного строительства и современного коммунального обустройства, начавшихся во второй половине 1950-х гг., проживание в бараках и общежитиях без удобств, ходьба по грязным и темным улицам и т. п. были нормой. Как показал недавно А. Ю. Ильин, недостаточный городской комфорт в 1950-е гг. был характерен даже для областных центров, таких как Пенза, Рязань, Тамбов [7].

В качестве одного из противоположных примеров высокого миграционного прироста городского населения для периода 1954—1956 гг. В. В. Аникин назвал вновь заселявшуюся Калининградская область [6].

Несколько позже он обратил внимание на то, что в период 1949—1959 гг. в Тамбовской области происходила концентрация

сельского населения в районах, близких к развивающимся промышленным центрам. Видимо, значительная часть крестьянства не стремилась к «немедленному» переселению в города, предпочитала жить в пригородных селах, ходить или ездить на работу, нежели проживать в примитивных заводских поселках [8, с. 60—61].

Конечно, движение села ближе к городу в виде появления в сельской местности современной урбанизированной застройки было нелинейным эффектом в традиционном развитии села. Но это явление сложно напрямую связать с демографией. Ведь обычно современное жилье возводилось для местных жителей. Но в 1970—1980-е гг., когда началась реализация программы развития перспективных сельских поселений, возводимая в них застройка городского типа частично предназначалась для переселения жителей населенных пунктов, записанных в разряд неперспективных. А это уже демография, механическое движение населения.

По подсчетам эконом-географа С. В. Панкова, в Центрально-Черноземном регионе в начале XXI в. сельские поселения с несельскохозяйственными (историк-аграрник сказал бы неземледельческими) занятиями составляли 7% от всех поселений [9, с. 95].

Несложно предположить, что такие поселения развивались вблизи городов. В экономической географии сформулировано понятия функционально-селитебного зонирования. Для нашей темы наиболее интересна первая, пригородная зона, с наиболее мощным и перспективным социально-экономическим и демографическим потенциалом.

Современные информационные ресурсы позволяют достаточно конкретно изучить демографическую составляющую этих зон. В частности, на сайте «Реформа ЖКХ» можно найти информацию по всем домам любого населенного пункта Российской Федерации. Наиболее интересны сводные данные о многоквартирных домах отдельных поселений. Для историков очень важны данные таблиц о годе ввода в эксплуатацию этих домов. Нами была сделана выборка сведений о многоквартирных домах в негородских населенных пунктах, расположенных в муниципальных районах, примыкающих непосредственно к границам городской территории (табл. 1) (в Тамбове это — Тамбовский район, в Липецке — Липецкий и Грязинский, в Воронежской области к границам областного центра непосредственно примыкают 5 районов, в Калининградской — Зеленоградский, в Псковской области — Псковский, в Новгородской — Новгородский) [10].

Таблица 1

**Изменение численности населения
урбанизированных сельских поселений Тамбовской, Воронежской,
Липецкой, Калининградской, Псковской и Новгородской областей
в конце XX — начале XXI в.**

Поселение	Тип	Всего МГД	Год постройки	Расстояние до города, км	Численность населения		
					1989	2010	2018
<i>Тамбовская область</i>							
Авдеевка	с.	6	1970—1986	30	1483	1396	1250
Бокино	с.	16	2009—2013	2	4432	4473	5500
Горелое	с.	10	1965—2017	17	4539	4154	3850
Донское	с.	11	1975—2017	0	...	4308	4600
Новая Ляда	раб. пос.	19	1974—2015	7	4820	5207	4916
С/з Комсомолец	пос. свх.	18	1964—1990	4	3130	3923	4540
Строитель	пос.	92	1966—2018	3	5359	18437	19382
<i>Воронежская область</i>							
Колодезный	пос.	13	...	15	...	5706	5580
Каширское	с.	13	...	25	...	4342	4020
Отрадное	пос.	26	...	0	...	4581	7380
Новая Усмань	с.	169	...	5	...	18223	29270
Рамонь	раб. пос.	58	...	4	8729	8356	8443
Латная	раб. пос.	30	...	8	7496	7528	7330
Стрелица	раб. пос.	24	...	8	4569	3937	3500
Хохольский	раб. пос.	58	...	15	8602	7510	7548
<i>Липецкая область</i>							
Новая Деревня	д.	16	1962—1991	2	...	2226	2358
Боринское	с.	38	1962—2016	12	5010	6556	6524
Троицкое	с.	10	1984—2015	0	...	2376	2499
Частая Дубрава	с.	13	1971—1983	10	...	1821	2033
<i>Калининградская область</i>							
Колосовка	пос.	23	1945—1983	9	1459	1538	1600
Кострово	пос.	26	1945—1991	21	933	970	1030
Романово	пос.	23	1944—1979	17	...	938	1100
Рыбачий	пос.	12	1965—1999	48	...	839	850
<i>Псковская область</i>							
Борисовичи	д.	26	2010—2017	0	...	103	2000
Тямша	д.	12	1970—1991	10	2600	2410	2600
Писковичи	д.	18	1964—2017	4	...	2600	2900
Родина	д.	35	1961—2013	0	...	3382	6700
Середка	с.	31	1956—1997	35	...	3253	3100

Окончание табл. 1

Поселение	Тип	Всего МГД	Год постройки	Расстояние до города, км	Численность населения	
<i>Новгородская область</i>						
Григорово	д.	12	...	3	...	3330 3600
Ермолино	д.	17	...	8	...	1327 13500
Подберезье	д.	20	...	12	...	3012 3400
Трубичино	д.	11	...	3	...	3009 3400
Чечулино	д.	10	...	8	...	2178 2400
Тесовский	пос.	14	...	27	3958	2437 2500
Панковка	раб. пос.	68	...	0	6939	9603 9501
Пролетарий	раб. пос.	15	...	24	5753	5145 4684
Бронница	с.	23	...	20	...	2627 2900

Для уточнения степени урбанизированности сельских населенных пунктов были использованы также данные сайта о коммунальных услугах, предоставляемых в жилые строения поселений Тамбовской и Новгородской областей (табл. 2). Сведения о численности населения в избранных населенных пунктах были выявлены на сайте «Демоскоп Weehly» [11] и сайтах соответствующих сельских советов.

Таблица 2

Коммунальные услуги в урбанизированных сельских поселениях Тамбовской и Новгородской областей в начале XXI в.

Поселение	Тип	Холодная вода		Горячая вода		Газ		Центральное отопление		Сточные воды	
		МКД	ЧД	МКД	ЧД	МКД	ЧД	МКД	ЧД	МКД	ЧД
<i>Тамбовская область</i>											
Строитель	пос.										
Бокино	с.										
Горелое	с.										
Донское	с.										
Комсомолец	пос. свх.										
Новая Ляда	раб. пос.										
Авдеевка	с.										
<i>Новгородская область</i>											
Панковка	раб. пос.										
Григорово	д.										
Пролетарий	раб. пос.										
Трубичино	д.										
Бронница	с.										

Окончание табл. 2

Поселение	Тип	Холодная вода		Горячая вода		Газ		Центральное отопление		Сточные воды	
		МКД	ЧД	МКД	ЧД	МКД	ЧД	МКД	ЧД	МКД	ЧД
Подберезье	д.										
Чечулино	д.										
Ермолино	д.										
Тесовский	пос.										

Примечания: МКД — многоквартирные дома, ЧД — частные дома. Белым цветом обозначены услуги, которые предоставляются в большинстве жилых домов поселения, черным — в меньшей части жилых домов или не предоставляются вовсе.

В таблицы 1, 2 мы включили сельские поселения и рабочие поселки (в прошлом села) с 10 и более многоквартирными домами и коммунальными услугами (помимо электрификации), которые необычным образом влияют на сельскую демографическую ситуацию.

Включение в таблицы 1, 2 с. Авдеевка Тамбовского района с небольшим числом многоквартирных домов обусловлено его явной нетипичностью для отдаленного от большого города поселения. Тамбовские историки еще в 1990-е гг. обратили внимание, что это село было единственным непригородным сельским поселением области, в котором в 1959—1989 гг. выросла численность населения. Объяснение данного феномена заключалось в постройке в этом селе большой птицефабрики [12, с. 3—16].

Хотя в 1990-е гг. птицефабрика прекратила свое существование, сокращения населения села в тот период и в начале XXI в. оказались минимальными. Вероятно, сказалось и то, что это сравнительно далекое от ближайшего города село является среднеразвитым в коммунальном отношении. Из таблицы 2 видно, что в большей части домов имеется холодная вода и газ (последняя услуга вполне заменяет отсутствие централизованной подачи тепла и в значительной мере — горячей воды).

В 1989—2010 гг. население Авдеевки сократилось на 6%, по темпам в 3 раза меньше, чем по сельской местности Тамбовской области в целом. На следующем отрезке сокращение числа жителей составило около 10% при 16% среднеобластных.

Другой «крайностью» таблицы 1 является пос. Строитель Тамбовского района, который начал возник в 1960-е гг. с нуля. Поселок

изначально был неземледельческим по занятиям населения, которое работало на предприятиях агростроительного комплекса, возведенного в сельской местности недалеко от Тамбова.

По составу большая часть жителей Строителя была представлена бывшими обитателями окрестных сел. По образу жизни они стали горожанами. Более чем трехкратный рост населения в 1990—2000-е гг. произошел в поселке даже в условиях сокращения рабочих мест на окрестных строительных предприятиях. Привлечению нового населения способствовало продолжение строительства многоэтажного жилья со всеми современными коммунальными услугами (см. табл. 2). Недостаток удобств в частных домах поселка с демографической точки зрения почти не имеет значения, поскольку таких домов в поселке крайне мало.

Важно то, что Строитель продолжает развиваться в сторону Тамбова и его жители имеют возможность работать в крупном городе, проживая при этом в благоприятной природной среде, имея дачи и другие участки в прилегающей сельской местности. Население поселка в таких условиях мало мигрирует и пополняется молодежью. Поэтому число жителей продолжает расти и в 2010-е гг.

Между крайностями — с. Авдеевка и пос. Строитель — в таблице 1 расположились еще 10 сел, 14 поселков, 10 деревень Воронежской, Липецкой, Калининградской, Псковской и Новгородской областей.

Сразу оговоримся, что негородские поселения Калининградской области нужно изучать особо по причине их принципиального отличия от традиционных российских сел. Во-первых, по датам их основания видно, что 3 из 4 поселков возникли в 1944—1945 гг., видимо, на основе бывших прусских поселений. Во-вторых, пос. Рыбачий, как понятно из названия, явно нетипичен для российской сельской местности. В-третьих, в 2010-е гг. этот поселок, а также пос. Романово вошли в состав городского поселения.

В остальных изученных областях наиболее близким к тамбовскому пос. Строитель по уровню урбанизации оказался пос. Борисовичи, расположенный практически рядом с Псковом. Отличие было лишь в том, что до недавнего времени этот поселок был маленьким сельским поселением — еще в 2010 г. чуть более 100 жителей. В последующие годы в нем шла интенсивная многоэтажная и коттеджная застройка. Учитывая наличие в поселке более 20 многоквартирных домов, мы посчитали, что в них проживает не менее 2 тыс. чел. Другими словами, благодаря урбанизации сельское поселение менее чем за десятилетие увеличило свое население как минимум в 20 раз.

В том же направлении развивался пригород Пскова Писковичи. Его население в 2010—2018 гг. выросло примерно на 10%. В поселке полностью сменилась жилищная инфраструктура. Сейчас жилищный фонд представлен почти исключительно 4—5-этажными многоквартирными домами, а частный жилой сектор практически исчез.

Особую динамику быстрого для сельских поселений роста в тяжелые для российской деревни 1990—2000-е гг. проделали тамбовские пос. Новая Ляда и совхоза «Комсомолец», райцентр Воронежской области с. Новая Усмань, липецкое с. Боринское, новгородский раб. пос. Панковка. Примыкают к этой группе пос. Отрадное Воронежской области и д. Родина Псковской области, в которых число жителей в 2010—2018 гг. выросло более чем наполовину. Во всех других поселениях этой группы в 2010-е гг. произошло незначительное сокращение численности населения. Но в относительном выражении это сокращение было значительно ниже в сравнении со средними показателями своих областей.

Небольшой, но непрерывный рост населения в последние десятилетия демонстрируют тамбовские с. Бокино и Донское, воронежский пос. Комсомольский, липецкие сельские поселения Новая Деревня, Троицкое, Частная Дубрава, новгородские д. Григорово, Ермолино, Подберезье, Трубичино, Чечулино, с. Бронница, псковская д. Тямша.

Судя по таблице 2, демографический рост и стабильность всех перечисленных выше поселений обусловлены хорошим для сельской местности жилищно-коммунальным обустройством. Не очень развитую в коммунальном отношении д. Трубичино «выручает» трехкилометровая близость к областному центру.

В изученной выборке оказалось несколько поселений, где в последние 30 лет шла убыль населения: с. Горелое Тамбовской области, пос. Колодезный, Латная, Рамонь, Стрелица, Хохольский Воронежской области, пос. Пролетарий и Тесовский Новгородской области, с. Середка Псковской области. Но во всех этих поселениях темпы сокращения числа жителей были ниже, чем в среднем по сельскому населению своих областей.

Данные таблицы 2 применительно к тамбовским и новгородским поселениям объясняют такой малый спад сравнительной развитости по сельским меркам жилищно-коммунальной инфраструктуры.

Совершенно нетипичная для сельской местности демографическая ситуация в 36 поселениях разных областей, конечно, не объясняется только малой миграцией из этих поселений или притоком в них новых жителей, но, и вероятно, положительным естественным

приростом. Опосредованно такой прирост имеет миграционную подоплеку. Сравнительно высокая рождаемость в сельской местности возможна только при малом оттоке молодежи, а сравнительно небольшой показатель смертности получается при значительной доле в населении детей и взрослых людей допенсионного возраста.

Конечно, измерить соотношение естественного и миграционного приростов на уровне отдельных населенных пунктов крайне сложно. Точно можно сказать, что в условиях отрицательного естественного прироста сельского населения, начавшего на уровне многих областей еще в 1970—1980-е гг., прирост числа жителей отдельных населенных пунктов в наибольшей мере обеспечивался миграцией.

Масштабы миграции в села именно из городов можно определить социологическими опросами. Социологический опрос тамбовских исследователей осенью 2018 г. жителей поселка городского типа, районного центра Сосновка (до недавнего села) и близкого к нему типичного села Подлесное показал наличие в местном населении десятков людей, приехавших сюда из разных городов Тамбовской области, соседних и дальних областей Российской Федерации, а также бывших республик Советского Союза. При этом из материалов опроса видно, что большинство жителей данных поселений проживает здесь более 10 лет, что говорит об их адаптации к сельскому образу жизни.

Для российского аграрного общества новым и очевидно нелинейным эффектом является строительство на примыкающих к городам сельских территориях (часть из них формально уже вошла в состав городов) коттеджных поселков. Пока это явление больше интересует градостроителей, архитекторов, ландшафтных дизайнеров, специалистов в области коммунального хозяйства. Но нельзя забывать, что этот феномен имеет историко-демографическое измерение.

Во-первых, создание урбанизированных поселений в сельской местности является уже сравнительно давней общемировой тенденцией (5-я стадия урбанизации по Джиббсу) [13, р. 119—129].

Во-вторых, окраины городов и примыкающие к ним сельские территории исторически давно использовались не только для промышленного строительства, на что было принято обращать внимание в советской историографии, но и для устройства комфортабельного для своего времени жилья. Особенно очевидно это проявилось в Тамбове, где на южной и восточной окраинах в XIX — начале XX в. возникли усадьбы помещиков Ахлябениных и фабриканта М. В. Асеева с огромными парками, характерными для сельских уса-

деб. Интересно заметить, что в конце XX в. первые островки коттеджной застройки в Тамбове возникли именно вблизи Ахлябиновской роши и бывшей усадьбы Ассева.

Одной из редких работ историков, затронувших проблему освоения пригородных земель, является уже упомянутая монография А. Ю. Ильина. На материалах Пензы, Рязани и Тамбова автор показывает историю распространения современного городского хозяйства на прилегающие сельские территории. Помимо прочего, этот историк использует информационные возможности космоснимков территорий городов, в частности для того чтобы увидеть различия типичных городских кварталов с многоэтажной и коттеджной застройкой в контексте развития коммунальной инфраструктуры.

Геоинформационные технологии позволяют измерить величину этих участков и определить уровень наиболее современной стадии урбанизации (табл. 3).

Таблица 3

**Масштабы современной коттеджной застройки
городских и пригородных земель ряда областных городов
Центрального Черноземья и Северо-Запада**

Город	Площадь, км ²	Коттеджная застройка	
		Площадь, км ²	% от город. площади
Белгород, город. земли	133	4,5	3
Белгород, пригород. земли	—	11,7	—
Воронеж, город. земли	596	53,7	9
Воронеж, пригород. земли	—	5,8	—
Липецк, город. земли	330	55,5	17
Липецк, пригород. земли	—	9	—
Тамбов, город. земли	97	10,8	11
Тамбов, пригород. земли	—	5,8	—
Новгород, город. земли	466	1	0,5
Новгород, пригород. земли	—	3,6	—
Псков, город. земли	96	8,6	9
Псков, пригород. земли	—	1,9	—

Конечно, площадь городской коттеджной застройки пока невелика. Но тенденция ее расширения в начале XXI в. очевидна. Особенно подчеркнем нарастание этого расширения именно за счет благоприятной для жизни сельской среды. В нетипичной, но дающей хороший пример Калининградской области в 2009 г. недалеко от

пос. Романово началось строительство первых домов экологического поселения нового типа «Солнечный дом». В 2016 г. поселок вошел в Зеленоградское городское поселение, что подчеркивает главную особенность 5-й стадии урбанизации, когда происходит стирание резких различий между городскими и сельскими поселениями.

Изучение космических снимков показывает, что реальная площадь коттеджной застройки выходит за городские границы, поскольку формально такая застройка относится к сельским районам, но фактически сливается с соответствующими городскими участками. Поэтому мы включили в таблицу 3 данные о площади коттеджных поселков на пригородных землях. Их совместный учет с подобными городскими участками показывает, что почти во всех городах, за исключением Новгорода, наиболее современная застройка составляет свыше 10%, а в Липецке — даже более 20%.

Конечно, изучения нескольких десятков урбанизированных поселений и коттеджных поселков внутри и вокруг больших городов недостаточно для понимания масштабов прогрессивных тенденций в социальном обустройстве обширной сельской местности как фактора демографической стабильности российской деревни.

Перспектива дальнейшего развития темы видится в анализе жилищно-коммунальной инфраструктуры в средних и малых городах, районных центрах, на прилегающих к ним территориях. Соответственно, при этом необходимо выяснять, как такое обустройство влияет на демографические процессы.

При изучении темы неизбежно возникает вопрос, насколько жители урбанизированных поселений в сельской местности остаются трудовыми ресурсами сельского хозяйства. Несомненно, такой вопрос требует специального изучения. Мы намерены это сделать, проанализировав данные сельскохозяйственной переписи 2016 г. Беглое знакомство с этими данными показывает, что даже в Тамбове и ряде других городов области проживают лица, профессионально занимающиеся сельским хозяйством. Мы уже не говорим о тысячах дачников, которые на своих участках ведут пусть и мелкое, но все-таки сельскохозяйственное производство. Это ведь тоже нелинейный эффект для городской жизни, который иногда называют «бегством из города» [14, с. 362].

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по проекту №18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX — начале XXI в.».

Список источников и литературы

1. *Демографическая история России и регионов* : сб. научн. тр. Вып. II : миграции населения. Екатеринбург, 2018.
2. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв.* М. ; Уфа, 2016.
3. *Реброва Т. П.* Демографические процессы в сельской местности современной Мордовии // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016. Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв.* М. ; Уфа, 2016.
4. *Вербицкая О. М.* Миграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на демографический состав населения России (1990-е гг.) // *Демографическая история России и регионов* : сб. науч. тр. Вып. II : миграции населения. Екатеринбург, 2018.
5. *Тараканов М. Ю.* Особенности миграции населения города Нижний Тагил в 2000-х гг. // *Демографическая история России и регионов* : сб. науч. тр. Вып. II : миграции населения. Екатеринбург, 2018.
6. *Аникин В. В.* К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950—1956 годах // *Вопросы истории.* 1981. № 12.
7. *Ильин А. Ю.* Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII—XX вв. Тамбов, 2018.
8. *Аникин В. В.* Изменения в расселении сельского населения тамбовского края (1957—1970 гг.) // *Вопросы исторического краеведения Тамбовской области.* Тамбов, 1988.
9. *Панков С. В.* Сельские поселения: теория и практика регионального исследования. Тамбов, 2011.
10. *Открытые данные* // Реформа ЖКХ : [сайт]. URL: <https://www.reformagkh.ru/opendata> (дата обращения: 15.01.2019).
11. *Демоскоп Weekly* : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 15.01.2019).
12. *Аврех А. Л., Есиков С. А., Канищев В. В. и др.* Формирование и развитие сети сельских населенных пунктов Тамбовской области (XVII—XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения : матер. XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000.
13. *Gibbs J.* The evolution of population concentration // *Economic Geography.* 1963. № 2.
14. *Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по городским округам и муниципальным районам Тамбовской области.* Тамбов, 2016.

Перечень публикаций
в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России»
за 2014—2019 годы *

1. *Акманов А.И.* Материалы спорных дел Генерального межевания о земельных отношениях в северо-западном Башкортостане в начале XIX века (2015. Вып. 21, с. 54—63).

2. *Александров Н.М.* Восприятие войны и врага сельским населением Костромской губернии в начальный период Первой мировой войны (2015. Вып. 21, с. 154—161).

3. *Александров Н.М.* Пионеры сельской кредитной кооперации в России Владимир и Святослав Лугинины и ветлужское крестьянство (к вопросу о роли интеллигенции в модернизации пореформенной деревни) (2016. Вып. 22, с. 171—181).

4. *Александров Н.М.* Сберегательные вклады как показатель уровня жизни российского крестьянства в конце XIX — начале XX века (по материалам Костромской губернии) (2017. Вып. 23, с. 101—110).

5. *Александров Н.М.* Экономическое положение бывших государственных крестьян после реформы 1866 года (по материалам Веретейской волости Ярославской губернии) (2018. Вып. 24, с. 100—112).

6. *Александров Н.М.* Влияние путей сообщения на социально-экономическое развитие российской деревни в конце XIX — начале XX века (на материалах Великовской волости Костромской губернии) (2019. Вып. 25, с. 121—130).

7. *Анонасенко А.Н.* Государственная граница 1617 года и система сельских поселений в пограничных районах Ингерманландии XVII века (на примере Лисинского прихода Нотебургского лена) (2016. Вып. 22, с. 62—69).

8. *Анонасенко А.Н.* Частновладельческое лесное хозяйство Петербургской губернии конца XIX века (на материалах имения помещиков Балашовых Большое Еглино и Дубовик) (2018. Вып. 24, с. 126—133).

9. *Артамонова Л.М.* Сельская больница в социальной структуре и системе управления крупной вотчины конца XVIII — первой половины XIX века (2016. Вып. 22, с. 93—105).

* Перечень публикаций за 1984—2008 гг. помещен в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России» (Калининград, 2008); за 2009—2013 гг. — в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России», вып. 20 (Калининград, 2013).

10. Банникова Е. В. Конфессиональные основы предпринимательской культуры в дореформенной России (на материалах губерний Урала) (2015. Вып. 21, с. 82—91).

11. Банникова Е. В. «Зато купцами жили мы...»: купечество и крестьянство в провинциальном дореформенном социуме (2016. Вып. 22, с. 105—117).

12. Беспалов С. В. Вопрос о состоянии и перспективах дворянского землевладения в праволиберальной мысли России конца XIX — начала XX века (2019. Вып. 25, с. 141—152).

13. Бершадская О. В. Отечественная наука 1920-х годов о проблемах изучения и перспективах развития крестьянского хозяйства (2015. Вып. 21, с. 171—178).

14. Бершадская О. В. О методике изучения социальной дифференциации крестьянских хозяйств в 1920-е годы (2017. Вып. 23, с. 160—164).

15. Бершадская О. В. Российское крестьянство на рубеже XX—XXI веков: основные проблемы и методология изучения (2018. Вып. 24, с. 208—211).

16. Дианова Е. В. Сельскохозяйственные общества Олонецкой губернии: региональные особенности организации и функционирования (2019. Вып. 25, с. 153—168).

17. Дубман Э. Л. О некоторых особенностях начального этапа складывания военизированного населения Юго-Востока Европейской России (конец 1640 — начало 1660-х годов) (2015. Вып. 21, с. 24—37).

18. Дубман Э. Л. Районирование и особенности освоения юго-востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII века (2016. Вып. 22, с. 45—62).

19. Дубман Э. Л. Государство и общество в хозяйственном освоении Юго-Востока Европейской России в конце XVI — начале XVIII века (2018. Вып. 24, с. 39—54).

20. Дубман Э. Л. Строительство городов на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI века (2019. Вып. 25, с. 41—52).

21. Жиров Н. А. Аграрная миграция крестьянства Центральной России в конце XIX — начале XX века (по материалам Орловской губернии) (2019. Вып. 25, с. 193—205).

22. Жданович Л. Н. П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль о «земле и воле» в пореформенной России (2017. Вып. 23, с. 81—88).

23. Жданович Л. Н. О введении в действие Положения о земских участковых начальниках в северо-западных губерниях России (2019. Вып. 25, с. 107—120).

24. Жукова В. С. Животноводство в крестьянском хозяйстве Европейского Севера России в 1920 — начале 1930-х годов (2018. Вып. 24, с. 165—172).

25. Иванов А. А., Соловьёв А. А. Общинное землеустройство в деревне Поволжья и Приуралья в первые десятилетия XX века: регионально-этнические аспекты (2019. Вып. 25, с. 206—215).

26. Иванов В. И. Бобыли русской северо-западной деревни конца XV—XVII века: происхождение и «тайны» трансформаций (2016. Вып. 22, с. 21—40).

27. *Иванов В. И.* Казаки русской северо-западной деревни XVI—XVII веков: происхождение и социальная эволюция (2017. Вып. 23, с. 21—40).

28. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики русской северо-западной деревни XVI века (2018. Вып. 24, с. 18—38).

29. *Иванов В. И.* Крестьяне-порядчики вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря XVI века (2019. Вып. 25, с. 21—40).

30. *Кабытов П. С., Баринаева Е. П.* Государственная и общественная деятельность графа Алексея Александровича Бобринского (2019. Вып. 25, с. 169—182).

31. *Камараули Е. В.* Воронежские помещики на воеводствах в городах Центрального Черноземья в XVII веке (2017. Вып. 23, с. 41—52).

32. *Канищев В. В.* Сравнительный анализ погодных проявлений на Северо-Западе европейской части России и Юге центральной части страны в первые годы XVIII века (2015. Вып. 21, с. 37—46).

33. *Канищев В. В.* Антропогенные факторы природно-климатических изменений в России во второй половине XIX века (сравнительный анализ юга Центральной России и Северо-Запада европейской части) (2016. Вып. 22, с. 139—160).

34. *Канищев В. В., Кунавин К. С.* «Нелинейные эффекты» в миграции сельского населения в города во второй половине XX — начале XXI века (на материалах областей Центрального Черноземья и Северо-Запада Европейской России) (2019. Вып. 25, с. 277—289).

35. *Карначёв М. Д.* Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века (2016. Вып. 22, с. 182—203).

36. *Карначёв М. Д.* Крестьянский консерватизм и аграрные реформы начала XX века (2017. Вып. 23, с. 143—153).

37. *Карначёв М. Д.* Аграрное перенаселение в Воронежской губернии и его социальные последствия в начале XX века (2018. Вып. 24, с. 142—156).

38. *Китанина Т. М.* Апогей крепостного права или второе издание крепостничества 1760—1780 годов (крестьянский вопрос при Екатерине II) (2016. Вып. 22, с. 80—92).

39. *Китанина Т. М.* К вопросу об аграрном законодательстве Павла I в 1796—1801 годах (2018. Вып. 24, с. 63—82).

40. *Козлов С. А.* Аграрная печать в период первой российской революции 1905—1907 годов: ключевые проблемы (2015. Вып. 21, с. 121—138).

41. *Козлов С. А.* Е. А. Авдеева (1788—1865): экономические и социокультурные взгляды (2016. Вып. 22, с. 117—132).

42. *Козлов С. А.* «Отозваться на властные запросы жизни»: Владимир Гаврилович Бажаев (1865—1916) (2017. Вып. 23, с. 110—127).

43. *Козлов С. А.* «Неутомимый работник в области русского сельского хозяйства»: Константин Антонович Вернер (1850—1902) (2018. Вып. 24, с. 83—99).

44. *Козлов С. А.* «Гражданин в полном смысле полезный»: Николай Николаевич Муравьев (1768—1840) (2019. Вып. 25, с. 83—100).

45. *Комиссаренко А.И.* Ремесленно-промысловые занятия и отход вятских крестьян на заработки в XVIII веке (2017. Вып. 23, с. 59—68).
46. *Комиссаренко А.И.* Крестьяне и десятинная пашня духовных владений в России 20—60-х годов XVIII века (2019. Вып. 25, с. 53—59).
47. *Ланской Г.Н.* Основные тенденции изучения истории российского крестьянства в отечественной историографии второй половины 1920—1930-х годов (2016. Вып. 22, с. 227—236).
48. *Лачаева М.Ю.* Два премьеры: С.Ю. Витте о П.А. Столыпине, Аграрной реформе и революции (2015. Вып. 21, с. 111—121).
49. *Логунова И.В.* Особенности реализации прав владельцев земельных долей в Центрально-Черноземном регионе в 1991—2006 годах (2016. Вып. 22, с. 253—262).
50. *Логунова И.В.* Сельскохозяйственная интеллигенция в условиях аграрной реформы 1990-х — середины 2000-х годов (2017. Вып. 23, с. 192—197).
51. *Логунова И.В.* Особенности восприятия руководителями сельхозпредприятий идеи фермеризации (на материалах областей Центрального Черноземья) (2018. Вып. 24, с. 198—207).
52. *Логунова И.В.* Некоторые особенности менталитета руководителей колхозов и совхозов на начальном этапе аграрной реформы 1990-х годов (по материалам Центрального Черноземья) (2019. Вып. 25, с. 269—276).
53. *Нарыкова Н.М.* Общественно-политические дискуссии о продовольственной помощи населению в России в начале XX века (2015. Вып. 21, с. 99—111).
54. *Нарыкова Н.М.* Ученые-аграрники и международное сотрудничество в начале XX века: к 100-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (2016. Вып. 22, с. 203—212).
55. *Нарыкова Н.М.* Международные инструменты защиты аграрных интересов России накануне Первой мировой войны (2018. Вып. 24, с. 157—164).
56. *Наухацкий В.В.* Приоритеты аграрной политики СССР/России 1965—2015 годов: актуализация истории (2017. Вып. 23, с. 176—191).
57. *Наухацкий В.В.* Освоение целинных земель: некоторые вопросы истории и историографии (2018. Вып. 24, с. 184—197).
58. *Наухацкий В.В.* Освоение целины и сельское хозяйство старопашотных районов России: вопросы историографии (2019. Вып. 25, с. 237—252).
59. *Никулин В.Н.* «Ваньки», «голубчики», «лихачи» и «ломовики». Из истории извозного промысла крестьян столичной губернии в конце XIX века (2015. Вып. 21, с. 139—154).
60. *Никулин В.Н.* Граф П.П. Шувалов в период подготовки крестьянской реформы 1861 года (2016. Вып. 22, с. 161—170).
61. *Никулин В.Н.* Мировые посредники Алтая и Забайкалья (2017. Вып. 23, с. 68—80).
62. *Никулин В.Н.* Эволюция крупного помещичьего хозяйства в пореформенные годы (2018. Вып. 24, с. 113—125).

63. *Никулин В. Н.* Земледелие и промыслы в крестьянских хозяйствах Гдовского уезда Петербургской губернии в конце XIX — начале XX века (2019. Вып. 25, с. 131—140).

64. *Роднов М. И.* Структура рынка сельскохозяйственной техники Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века (2015. Вып. 21, с. 91—99).

65. *Роднов М. И.* Агрономический опыт уфимских помещиков середины XIX века (2016. Вып. 22, с. 133—138).

66. *Роднов М. И.* Дворянская усадьба на краю Европы (вторая половина XIX — начало XX века) (2017. Вып. 23, с. 88—94).

67. *Роднов М. И.* Судьба вольных хлебопашцев (Уфимская губерния на рубеже XIX—XX веков) (2018. Вып. 24, с. 134—141).

68. *Роднов М. И.* Дворяне-помещики на финансовом рынке второй половины XIX века (2019. Вып. 25, с. 101—106).

69. *Серогодский Н. А.* Проблемы и тенденции развития сельского хозяйства Кубани в 1990-е — начале 2000-х годов (2016. Вып. 22, с. 262—278).

70. *Сидоренко Т. Н.* Участие зажиточных слоев населения в сельской кредитной кооперации Кубани в дореволюционный период (2017. Вып. 23, с. 127—133).

71. *Смирнов Ю. Н.* Беглые крестьяне из уездов Северо-Запада России среди казаков-первопоселенцев Самарского Заволжья в 30—40-е годы XVIII века (2016. Вып. 22, с. 70—80).

72. *Старостенко В. А.* Промыслы крестьян Санкт-Петербургской губернии на рубеже XIX — XX веков (2017. Вып. 23, с. 95—101).

73. *Степанова Л. Г.* Экономические примечания к Генеральному межеванию и материалы Специального межевания как источники по экологической истории (2015. Вып. 21, с. 46—54).

74. *Степанова Л. Г.* Инфраструктура и жизненное пространство крестьянского хозяйства в XVI веке (2016. Вып. 22, с. 40—45).

75. *Степанова Л. Г.* Урожайность зерновых культур и плодородие земли в Новолодожском уезде Санкт-Петербургской губернии по сведениям Камерального экономического примечания к Генеральному плану конца XVIII века (2018. Вып. 24, с. 55—62).

76. *Степанова Л. Г.* Проекты и правила Генерального межевания Таврической губернии в конце XVIII — первой половине XIX века (2019. Вып. 25, с. 72—82).

77. *Суханова Н. И.* Белое движение и архаизация крестьянской жизни на Юге России (2015. Вып. 21, с. 161—171).

78. *Суханова Н. И.* Первый опыт реализации земельной политики большевиков на Северном Кавказе (конец 1917 — осень 1918 года) (2016. Вып. 22, с. 212—226).

79. *Суханова Н. И.* Продовольственная политика большевиков в годы Гражданской войны на Северном Кавказе (2017. Вып. 23, с. 153—159).

80. *Тимошенкова З. А.* Пчеловодство в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII — начале XVIII века (2017. Вып. 23, с. 53—58).

81. Тимошенкова З. А. Помещики Островского уезда Псковской губернии в конце XVIII века (2019. Вып. 25, с. 60—71).
82. Токарев Н. В. Социальные конфликты в тамбовской деревне в годы столыпинских преобразований: некоторые итоги изучения крестьянского сопротивления (2019. Вып. 25, с. 183—192).
83. Томилин В. Н. Администрирование как способ решения аграрных проблем в СССР в первые послевоенные годы (1946—1950) (2016. Вып. 22, с. 236—252).
84. Томилин В. Н. Структура питания семей колхозников СССР в завершающий период хрущёвского реформаторства (2017. Вып. 23, с. 164—176).
85. Томилин В. Н. Культура землепользования в колхозах Центрально-Черноземного района России в восстановительный период (вторая половина 1940-х — начало 1950-х годов) (2018. Вып. 24, с. 173—183).
86. Томилин В. Н. Попытки решения продовольственной проблемы в СССР в период политического лидерства Н. С. Хрущёва (2019. Вып. 25, с. 228—236).
87. Филимонов А. В. Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946—1948) (2015. Вып. 21, с. 178—190).
88. Филимонов А. В. Второе переселение псковских колхозников в Калининградскую область (1959—1960 гг.) (2019. Вып. 25, с. 216—227).
89. Черкасова М. С. Город и крестьяне в конце XVI—XVII веке: опыт сравнительного изучения по писцовым и переписным книгам Северо-Запада России (2015. Вып. 21, с. 5—23).
90. Черкасова М. С. Землевладение и иммунитет северорусских церквей в конце XV—XVII веке (на примере Тотемского уезда) (2016. Вып. 22, с. 5—20).
91. Черкасова М. С. Слободы в актовом источниках XIII—XVI веков (2017. Вып. 23, с. 4—20).
92. Черкасова М. С. Городские слободы на Руси в контексте аграрной истории XIV—XVI веков (2018. Вып. 24, с. 4—17).
93. Черкасова М. С. Крестьянские платежи и повинности по ямской гоньбе в XIV—XVII веках (2019. Вып. 25, с. 5—20).
94. Шевельков А. И. Документальная хроника развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в истории аграрной политики государства во второй половине XX века (2015. Вып. 21, с. 190—209).
95. Шевельков А. И. Роль союзных министерств и ведомств в формировании аграрной политики в первой половине 1970-х годов (2019. Вып. 25, с. 253—268).
96. Шустов К. Б. Власти в борьбе с крестьянским движением в 1906—1907 годах (2017. Вып. 23, с. 133—142).
97. Ячменихин К. М. Социально-экономический абрис Грузинской вотчины графа А. А. Аракчеева (2015. Вып. 21, с. 63—81).

ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, канд. ист. наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль.
E-mail: dreem10@mail.ru

Баринаова Екатерина Петровна, д-р ист. наук, Самарский государственный экономический университет, Самара.
E-mail: rfnz25@yandex.ru

Беспалов Сергей Валериевич, канд. ист. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва.
E-mail: sbesp@mail.ru

Дианова Елена Васильевна, д-р ист. наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.
E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Дубман Эдуард Лейбович, д-р ист. наук, Самарский государственный университет, Самара.
E-mail: dubmane@mail.ru

Жданович Людмила Николаевна, канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: lzhdanovich@mail.ru

Жиров Николай Анатольевич, канд. ист. наук, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец.
E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Иванов Алексей Ананьевич, д-р ист. наук, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола.
E-mail: anani@marsu.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Южный филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ, Краснодар.
E-mail: ivanovst@mail.ru

Кабытов Пётр Серафимович, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Канищев Валерий Владимирович, д-р ист. наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов.

E-mail: valcan@mail.ru

Козлов Сергей Алексеевич, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: centfeod-iriran@yandex.ru

Комиссаренко Аркадий Иванович, д-р ист. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

E-mail: arkadiy109@rambler.ru

Кунавин Константин Сергеевич, канд. ист. наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов.

E-mail: KunavinKS@gmail.com

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, Липецк.

E-mail: inna.logunova12@gmail.com

Наухацкий Виталий Васильевич, д-р ист. наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону.

E-mail: naoukhatskiy@rambler.ru

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа.

E-mail: rodnov@ufacom.ru

Соловьёв Анатолий Андреевич, канд. ист. наук, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола.

E-mail: solowaa@mail.ru

Степанова Лилия Геннадиевна, канд. ист. наук, Кубанский государственный университет, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Тимошенкова Зоя Александровна, канд. ист. наук, Псковский государственный университет, Псков.

E-mail: zoyatim67@mail.ru

Токарев Николай Васильевич, канд. ист. наук, Тамбовский филиал Московского университета МВД России, Тамбов.

E-mail: n_tokarev@mail.ru

Томилиן Виктор Николаевич, д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет, Липецк.

E-mail: tomilin58@mail.ru

Филимонов Анатолий Васильевич, канд. ист. наук, Псковский государственный университет, Псков.

E-mail: kafotist@pskgu.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Шевельков Анатолий Иванович, канд. ист. наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна.

E-mail: shevelkov51@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 25

Под редакцией

Никулина Валерия Николаевича

Редактор *Н. С. Шкутко*. Корректор *В. Н. Ковалев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 12.11.2019 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,7
Тираж 250 экз. (1-й завод 56 экз.). Заказ 222

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

